ЮЖНОЕ СИЯНИЕ

Одесский
литературно-художественный
журнал

1(41)'2022

Главный редактор
Станислав АЙДИНЯН

Выпускающий редактор
Сергей ГЛАВАЦКИЙ

Отдел поэзии
Людмила ШАРГА

Отдел прозы
Ольга ИЛЬНИЦКАЯ

Отдел литературоведения
Евгений ДЕМЕНОК

Отдел литературной критики
Александр КАРПЕНКО

Общественный совет:
Дмитрий Бураго (Киев), Евгений Голубовский (Одесса),
Владимир Гутковский (Киев), Олег Дрямин (Одесса),
Алёна Жукова (Торонто), Олег Зайцев (Минск),
Вера Зубарева (Филадельфия), Андрей Костинский (Харьков),
Марина Матвеева (Симферополь), Юрий Работин (Одесса),
Олеся Рудягина (Кишинёв), Анна Стреминская (Одесса).

Свидетельство о регистрации: серия ОД № 1563-434-Р от 16.11.2011 г.
Учредитель – Общественная организация «Южнорусский Союз Писателей»

E-mail редакции: aurora_australis@lenta.ru
Интернет-версия журнала: ursp.org

© «Южное Сияние», 2022

В НОМЕРЕ

ПОЭЗИЯ

Одесса – Филадельфия: Вера Зубарева. **Даты ухода.** *Стихотворения* 4
Одесса: Александр Хинт. **Человек есть собственность уходящего года.** *Стихотворения* 10
Одесса – Нью-Йорк: Галина Ицкович. **На погосте нового смысла.** *Стихотворения* 15
Одесса: Ирина Дубровская. **Духа тайные пути.** *Стихотворения* 20

ПРОЗА

Одесса: Галина Короткова. **Семейные реликвии.** *Рассказы* 26

ПОЭЗИЯ

Мытищи: Елена Севрюгина. **Возраст время неизбежность.** *Стихотворения* 40
Москва: Андрей Ивонин. **Можно увидеть украдкой.** *Стихотворения* 45
Ростов-на-Дону: Ольга Андреева. **Твои бездонные холсты.** *Стихотворения* 50
Харьков: Андрей Костинский. **Че.** *Стихотворения* 55

ПРОЗА

Одесса: Анна Михалевская. **Истинный образ.** *Рассказ* 60
Одесса: Сергей Шаманов. **Крик.** *Рассказ* 66
Одесса: Андрей Никитин. **Недостаток улик.** *Рассказ* 74
Одесса: Виктория Колтунова. **У стола…** *Рассказ* 80

ПОЭЗИЯ

Одесса: Тина Арсеньева. **Город-любовь.** *Стихотворения* 85
Одесса – Германия: Лев Либолев. **Январь, но снега не проси.** *Стихотворения* 90
Одесса: Алексей Рубан. **Сквозь прутья клетки.** *Стихотворения* 96

ПРОЗА

Торонто: Сергей Митрофанов. **Случай на вокзале.** *Рассказ* 101
Лос-Анджелес: Григор Апоян. **Лунная тень.** *Рассказ* 115

ПОЭЗИЯ

Москва: Андрей Галамага. **Философские стихи** 125
Ростов-на-Дону: Александр Соболев. **Граффити на зеркале.** *Стихотворения* 131
Липецк: Андрей Новиков. **Солнце, нарисованное мелом.** *Стихотворения* 137

ПРОЗА

Ровно: Виктория Кольцевая. **Гутен абенд в Хренове.** *Рассказ* 141
Москва: Наталья Стеркина. **В тени моих ветвей.** *Рассказы* 147

ПЕРЕВОДЫ

Эпоха сновидений. *10 мифов австралийских аборигенов в переводах Вероники Коваль* 151

‹ОКОЕМ›

Витебский листопад. Юбилей. *Об XXXV Открытого фестиваля авторской песни, поэзии и визуальных искусств «Витебский листопад»* 154
Брянск: Екатерина Кузнецова. **Стихотворения** 155
Москва: Дмитрий Курилов. **Стихотворения** 156
Белокуриха: Олег Селютов. **Стихотворения** 158
Новополоцк: Андрей Шуханков. **Стихотворения** 160
Витебск: Леонид Шур. **Стихотворения** 162

ПРОЗА

Москва: Валерия Горнович. **Двери в прошлое.** *Рассказ* 164

‹СЕТЧАТКА›

Уфа: Янина Свице. **Возвращение поэтов (Алексей Тимофеев, Эдвард Желиговский, Яков Старостин).** *Материалы к Антологии русской поэзии Башкортостана: 1840-1920-е годы* 169

‹ЛИТМУЗЕЙ›

Одесса: Евгений Деменок. **Валентина Маркаде. Несколько рассказов** 193

‹КНИЖНАЯ ПОЛКА› ЕЛЕНЫ СЕВРЮГИНОЙ

Под невидимым дождём. *О книге Евгении Джен Барановой «Хвойная музыка»* 199
Чёрточки автопортрета. *О книге Андрея Фамицкого «minimorum»* 201
На противоположных полюсах. *О книге Александра В. Бубнова «Полное собранЬе сочинений»* 203
Солнце в паутине ветвей. *О книге Виктора Есипова «Не вечер»* 205
Испуг, обещанный водой. *Разговор о двух книгах Бориса Фабриканта* 208

‹КНИЖНАЯ ПОЛКА› АЛЕКСАНДРА КАРПЕНКО

Маэстро длинного дыхания. *О книге Юрия Левитанского «Стихотворения»* 211
Живая о живом. *О книге Елены Черниковой «Олег Ефремов. Человек-театр»* 215
«Я жизнь свою стихами запишу». *О книге Александра Лазарева «Найти себя»* 218
«Джаз на грани фолка». *О книге Алексея Остудина «Нищенка на торте»* 220
Островки жизни, или Чемодан сюжетов Кати Капович. *О книге «Суп гаспачо»* 222
С поправкой на вечность, или 365 оттенков любви. *О книге Бориса Берлина «Placenta previa»* 223
«Ладони наполняя синевой…». *О книге Ксении Август «Солнечный бумеранг»* 226
Память – не вода. *О книге Веры Зубаревой «Между Омегой, Альфой и Одессой: Трамвайчик-2»* 228
Зеркало радости. *В центре внимания – «Сады и бабочки. Антология помнящих об утраченном рае»* 231

‹КОНКРЕТИКА ОТ КРИТИКА›

Александр Карпенко. **Солнце из рук в руки.** *Заметки о видеоклипе Игоря Еварда* 233

ВЕРА ЗУБАРЕВА

ДАТЫ УХОДА

***

…И мельком, вдруг, не-летний свет
Средь летнего себя объявит.
Так быстро, остро! Был ли – нет?
Отбросив тени трафарет,
Колеблется листвы орнамент.
И каждый следующий час
Грустит о том, который пробит,
И всё, что ожидает нас,
Уже раскрыл нам прошлый опыт.
Не ожидать уже, но ждать,
Догадываясь – догадаться,
Что августа не задержать,
И августу не задержаться,
Что всё вершиться в свой черёд,
И жизни ткань – из крепких нитей,
И непреложен строгий ход
Природных и – иных событий.
Вернее этих смен теперь
Не назову, пожалуй, верность.
И сколько же ещё потерь
Познаю как закономерность?..

***

«И неба бесконечная печаль…»
Борис Кушнер (1941-2019)

Что было в том, первом –
До Слова, до мысли,
До Божьего Духа
Как сдвига в безвидности,
До «верха» и «низа»,
До смерти и вечности,
До тьмы как репризы
И тьмы как предтечи?
Что было в том, первом,
В том бессобытийном,
Вне-цветном, вне-мерном,
Вне-движном, вне-быльном –
В самом Безначалье?
«Печали, печали…»

***

Пролились из чернильницы неба сумерки,
Потекли по домам, по деревьям.
Облаков незаконченные рисунки
Плывут по небесным галереям.
То птица крылом подправит их,
То ветер отточит.
Всходит ночь по звёздному гравию.
По обочинам
Древней суши туманы стелются,
Плещут о смутное.
Затвердела литера месяца.
И было утро…
День восьмой.
За бортом семидневного чаянья
Луны окаёмка.
Не дознаться, как Слово пришло в Начале…
И бродить в потёмках…

***

Вот и снова заброшен невод.
Плещется ночь в бухте чернильницы.
Между нами целое небо
Переливается древней кириллицей.
Это я опять причалила к берегу.
Это небо опять растеклось по рельсам.
Это мой трамвай из прошлого века
Наблюдает моё возвращенье из рейса.
Вот и всё. На странице полночь,
Полночь в городе, полночь на башне.
И спешит на подмогу прошлое
С ободком от свечи вчерашней.

***

Вечер с вершин облаков осторожно спускался,
И размывал их в туманы-приметы-знаменья.
Кто-то в замочную скважину Змия-пространства
Глянул ко мне сквозь своё нелинейное время.
И отделилась от сумерек боль, оживая,
И застывал полнолунья гипсовый слепок.
В памяти скрипнули-взвизгнули рельсы трамвая,
И расплескалась звезда,
ослепив их металл напоследок.

***

Сыплются даты ухода в копилку сердца.
Было пустым и звонким. Теперь всё глуше.
Каждая жизнь готова переодеться
В платье из ткани, из коей вытканы души.
Кто-то невидимый ходит, снимает мерку,
И оседает тёплый туман на плиты.
Падают листья. Ветви возносятся к Верху,
Птицы клюют молчаливые их молитвы.

Всё это – осень, это её известья,
Это её архангелы с ветром в крыльях
Тушат огни светлячков, и дичает месяц,
Бабочки вянут, несутся, как фантики с пылью.
Выдула шарик себе в день рождения рыба,
Так и плывёт по теченью воды обмелевшей,
И провожает её по косе отлива
Шелест прибрежной травы: «Камо грядеши…».

***

Смерть-редактор
Пришла, отсекла
Душу от тела,
Свет от тепла,
Звёзды от света,
Зиму от лета,
Ночь ото дня,
Тебя от меня.
Бродят отдельно
Тело от тени,
Память от лиц,
Герой от страниц.
Может, права она,
В самом деле?
Может, пора это всё разделить?
Режет-кромсает.
Сжато, отточено.
В точку сбежались
Все многоточия.
Мелкое срезано.
Главное – связано.
Даты – тире.
Остальное – за занавесом.

***

Я шла по комнатам пустым, холодным,
Где и воспоминание мертво.
Я шла по комнатам пустым, холодным,
И эхо откликалось: «Ни-ко-го!».
Был лунный свет наброшен на предметы,
Как покрывала в доме нежилом.
Там что-то было за пределом света,
Склонённого над письменным столом.
И зябко передёргивались вещи
Под скрипки невидимок-половиц,
Которыми какой-то лунасшедший
Гармонии пытался полонить.
Но я прошла, раскланиваясь сухо
С темнотами, узнавшими меня,
А дух метелей подбирал по слуху
Всё, что копилось в подсознанье дня.

***

Вдруг эта мысль на пробужденье –
Как ток в сознанье, что уже
Привыкло к вечной перемене
Во всём – в природе и душе.
Не нужно знать о сменах больше,
Чем пожелтевшая листва,
Что на ветру слагает: «бо-же»,
Не осмысляя существа.
И разум в этом – чуждый, лишний.
Его стремление понять
Упрётся в сердцевину жизни,
Где ноль, мигая, гонит вспять.
И по часов глухому стуку
Внутри виска, где бьётся марш,
Протянешь на прощанье руку
И что-то быстро передашь,
И выйдешь в явь, как вихрь – в воронку,
Как в землю быстрые дожди.
И будет жизнь твердить вдогонку:
«Иди. Иди. Иди. Иди».

***

Опять пришёл ноябрь из прошлого.
Мы вечно прошлому должны,
Пусть даже в нём лишь горсть хорошего,
А так – всё слякоть и дожди,
А так – всё бегло, хоть и значимо,
Всё то, что в памяти храним,
Как день рожденья, что оплачем мы,
Коль некого поздравить с ним.
Стоит расстроенное дерево,
Раздето с головы до пят,
А в ветках очертанья терема
Вдруг открывает листопад.

***

С этого момента световой день становится всё короче.

Лето. День уже короче.
Меньше света, больше ночи,
Меньше солнца, больше звёзд,
Больше неба
(Отче! Отче!),
В нём зиянье многоточий,
В нём разлука и вопрос.

Каждый спит в своём отдельном
Сне закрытом запредельном
Сам-один, куда ни глянь.
Только явь течёт по венам,
Только тиканье по стенам:
jeder stirbt für sich allein[1].

В камеру-обскура будто
Тьмой упрятана минута.
Не вернётся больше в строй.
Вечер был,
И было утро.
День спустился с парашюта.
Укороченный, второй.

---

[1] каждый умирает в одиночку *(нем.)*

***

У земли ещё сумрачно,
а над крышей уже рассвет.
Бродит шелест по саду,
сдувая задумчивость с веток.
Кто там? Что там?
Туманом окутан ответ,
Лишь догадка мелькнёт напоследок.
Полу-утро.
Всё связано тайной полутемнот.
Спят прабабки, прапрадеды
В россыпи влажных личинок,
Извивается страх у корней,
Насекомых подземных синод
Разбирает по косточкам жизней первопричину.
Тихо в комнатах.
Сумрак пригрелся на пледе и жаль
Шевелить его вместе с молчаньем в будильнике чутком.
Вот сейчас оживёт, поплывёт, качаясь, как дирижабль,
Вдоль зевающей жизни, что небо сдаёт по суткам…

***

Памяти Мары Юзефовской [1]

Она уходила и думала, как это сделать лучше –
оставить записку? Просто добрую память?
Или сказать, наконец, и тем нарушить
Мысли о завтра, свет на столе, объятья,
ужин под тиканье ходиков, разговор о пустяшном
(роскошь, которую может позволить себе лишь бессмертный),
миг засыпания с думой о завтрашнем дне под вчерашний,
сонный уют продолжения, песни ветра
там, за пределами дома с большой буквы,
где вызревают мелодии всех колыбельных,
вплоть до последней, которой сейчас убаюкивает
кто-то кого-то из вотчин своих запредельных…
Сколько осталось? Неделя. Ну, две. Не больше.
Дальше уже без неё… Но пока всё по-прежнему –
Вновь выбирает минуты отпущенной роскоши:
Ночь напролёт смотреть, как он спит безмятежно.

---

[1] Мариам Юзефовская (1941-2007). Прозаик, друг.

***

Осень вновь освободила
Всё от лености и зноя,
Бросила на подоконник
Ризы шёлковой листву,
Дням последним повелела
Подойти, как к аналою,
И потом не возвращаться
Ни во сне, ни наяву.
Вот они, её владенья
С высотою небосвода,
С тишиной приготовлений
К светлым тайнам октября,
Туч прозрачных песнопенье,
И принятие ухода,
Что под вечер нашептала
Заходящая заря.
Погрустить чуть-чуть по югу,
С тишиной соединиться,
И оставить за чертою
Дней бескрылых череду.
И пускай бегут по кругу
Наша жизнь, и наши лица –
Ты читай мне те страницы,
По которым я приду.

АЛЕКСАНДР ХИНТ

ЧЕЛОВЕК ЕСТЬ СОБСТВЕННОСТЬ УХОДЯЩЕГО ГОДА

***

В Баден-Бадене мёртвый сезон, но немало народу
понаехало с разных сторон – увядая, природа
как измученный тенор, которого тянут на бис
Фрау Хельга о чём-то расспрашивает леди Брунсвик
от её стоматолога до расписания экскурсий
Пуаро продолжает оглаживать лаковый усик
5-й день на курорте. Ещё один день без убийств

А погода легка, не по-зимнему солнце игриво
Предвкушение будто инъекция аперитива
(мистер Брунсвик всегда до обеда гуляет один)
Фрау Хельга опять на лице обустроила глянец
рядом Мэлори, далее сонный Гаспар, итальянец
Трансвести. И какой-то Селёдкин-Петров, славянин

Не забыть бы, измерить порог танцевального зала
и собрать отпечатки – грядущее дело за малым
чтобы кто-то кого-то пришил, уморил… Пуаро
наблюдает, как Мэлори ест земляничную вату
Что ещё напридумала старая сука Агата
боже, сколько терпеть? Англичанка, не трогай перо

Кипарис научился отбрасывать страшные тени
в форме контура тела. Эркюль Пуаро на измене
день 6-й, никого не убили. Убиться не жить
Трансвести у Селёдкина выпросил крупные деньги
отчего фрау Хельга сломала каблук на ступеньке
все смеялись – увы, фрау Хели непросто любить

что и славно… Гастон не спешит договаривать фразу
Мизансцена полна, даже Брунсвик зашёл на террасу
Пуаро появляется в белом, сияющий – яд
растворимый кристалл из коробки «Гвинея-Бисау»
Он садится туда, где шампанское, слева от фрау
и мурлычет под нос «милый Августин, всё-всё пройдёт»

MITHRIDATUM

…а потом Повелитель очнулся, от жары и мигрени
бесполезна отрава, не работает смесь на кореньях
И повсюду – тела
верховые, их лошади, слуги
музыканты, рабы и наложницы, обе супруги
палачи и другие сановники – целые семьи
не достались врагу. И никто не спешит с воскресеньем

Тишина на террасе. Не слышно привычных мелодий
и никто не подаст уже милостыню, на излёте
подаяние в виде дамаска, или просто кинжала
Где-то близко развязка, но сопротивляется жало
замирает на входе, цепенея по поводу плоти
И обычные мысли, чтобы дело закончить пожаром –

потому что огонь или пепел это важные знаки
для дворца или библиотеки, свечи и бумаги
казначейства, собора, темницы, для мрака и света
и упавшей ресницы… Но тени понтийского лета
уползают, плести ледяной саркофаг черепахи
переваривать яд человечьего иммунитета

***

Май забывает, какого COVID-а
надобно миру: мерцающий рокот
падает в море деталями грома
как за стеною трость инвалида

И возникают бульварные реки
словно химера пустыни – наверно
так уплывает секундная стрелка
из фотографии постмодерна

ВЕСНА СВЯЩЕННАЯ

Париж девятьсот тринадцатого, кончается мода
на платье времён процветания. Дрожат пюпитры
вы-пля-сы-ва-ни-е земли довоенного года
Партер завывает, как солдаты у города Ипра
пехота, что прямо по ходу увидела жерла
и считает шаги до пришествия

Белые старцы
на песке золотого века выбирали жертву
Сновидение или горячка Стравинского танца
в утробе животного дребезга, топота, свиста
эпилепсия зала, что напоминала пропажу
еды у слепого воришки – такое журналисту
понравится, а зрителям страшно. Актёрам страшно

Альтовая флейта зависла, и ещё неясно –
улыбка по краю слезы, что случается в детстве
когда на заборе гвоздя оставалось мясо –
весна или проба театра военных действий
И надо по блеску бинокля выискивать цели
От залпа валторны – воронка оркестровой ямы

Пуанты, истлевшие на алтаре Сан-Микеле
у Дягилева, и плита композитора рядом
и рядом она, о которой у поэта напето
так тягуче и долго, что молвить… А он лёгкой тенью
золотистого мёда игра, вариации света
по еловой смоле, золотистого от сотворения

***

Сторож знает, когда молодая луна
из-под рамы, почти не теряя горечи
выползает на левую треть полотна
и равна запасу его неустойчивости
равновесию мрака в шеренге картин
для которых удар ножа что щекотка
ибо сказано: всуе, среди беготни
человек есть собственность уходящего года

И тогда никакие шаги не слышны
от стены до стены галерейного зала
Только лучики пыли, как память блесны
что звенела в натяжку, а не провисала
да свечение… фосфор ступни на полу
ветерок… И ещё не понять у порога
это тень Модильяни или призрак Ван Гога
убирает подписи в правом углу

***

Первая заповедь тянущим невод
не поддаваться движениям резким
Облако вплавь, на вечернее небо
переползает с ободранной фрески

краски размыты, но контуры те же
ангелы слева, солдаты направо
далее люди – они безутешны
и до сих пор выбирают Варраву

ЩЕДРИК

Запомни, когда заселяешь дома
людей, что недавно повымерли с голода
скажи на пороге: «Сухая зима
меня пропусти», и естественным голосом
пропой задушевную песню, что ввысь
уходит, но плавно, а не по касательной
А ежели ёкнуло – перекрестись
(молиться при этом необязательно)

А здесь – тишина, детворы никакой
ни кошек, ни птиц, но остались деревья
да избы – зашёл и живи в любой!
Семь вёрст и четыре пустые деревни

И будет негромко ещё много лет
лишь звякает миска – съедается сразу
похлёбка и мясо морковных котлет
С опаской берут настоящее мясо
Не сразу зерно опознают поля
ни рослой пшеницей, ни каменной рожью
– И чё им в колхозы не шлось, куркулям?
– Закончилось дело хохляцким Поволжьем

Но россыпью, ласковой трелью с полей
в озёра и реки небесного города
вливается «Щедрик» – поёт соловей
едва уцелевший до 34-го

ИЗ БЕСЕДЫ МАРШАЛА ЖУКОВА С ГЕНЕРАЛОМ ЭЙЗЕНХАУЭРОМ

Когда мы у минных полей – авангардные части
идут в наступление, будто и не было минной пустыни
тела вылетают из дыма, от них отрываются части
кисеты, куски фотографий… Сапёры идут за ними

Когда у нас общее дело, война или, скажем, колхозы
сто грамм от наркома напрасны как рифма «циррозы»
мы роем гуртом котлованы, долбим, что достало силы
мы – братья и сёстры Аскольдовой братской могилы

Когда нет войны – это жопа. Цени обостренье любое
и мы умираем за дело
за правое дело с любовью
Мамай и Батый наши мама и папа, достойные люди
а если уж любим – до смерти. До смерти того, кого любим

Когда вы поймёте? Победа и Пирр на весь мир – это наше
мы камни природы, вы – масло, что портит кашу
вы тени свободы, а мы несвободны сакрально
Песочек давно в нижней колбе, и время горизонтально

И время поёт, бесконечная птичка-синичка
щебечет почти на износ, что придётся оплачивать лично
упасть и отжаться, и плакать, как Черчилль рыдал в Галлиполи
что всё повторится, как русское минное поле

***

Моисей с вершины Фасги смотрел на землю завета
ибо кожа стопы его даже края её не коснется
Зеленело утро. Вдали река наливалась светом
призывая масличные рощи опять переваривать солнце
безупречное солнце, когда всё напоминает о лете
Голосили птицы, ручьи сбегали по склонам
выпекал синеву Иордан. И чужие весёлые дети
уводили свои стада в сторону Иерихона

***

Ни сна, ни снадобья, и ливень не тот
глотает солнце уходящего дня
он говорил, когда вернётся ничто
мои стихи вполне заменят меня

перенесутся, как пчелиная хмарь
неостывающий троянский народ
смола таила первобытный янтарь
кому-то яд, кому-то вата и йод

Теперь зима и не оставили сил
сперва оставили, но взяли теперь
он говорил и говорил – говорил
светился маятник и падала дверь

и тишина шипела словно молва
сковорода, скоро-говорье почти
и буквы плыли по стеклу, уплыва
и сны, и снадобья, слепые дожди

ГАЛИНА ИЦКОВИЧ

НА ПОГОСТЕ НОВОГО СМЫСЛА

БЛИЗОСТЬ САРДИН

Пока мы дремали под бред дождя,
убегая из зоны ближайшего восприятия,
пятно назревало в углу, грозя
проблемно и подло прорваться.

К четырём, когда отчирикали приложения,
пятно уже напоминало неведомый континент.

Спустимся в кухню, нащупаем свет
и НЗ сардин. В каждой банке секстет скелетов.
Вот для секса довольно двух,
в крайнем случае трёх,
но подобной близости нету
в койке – слева один и справа один
скелет.
Мы давно мутировали,
превратившись в огромные уши:
как там наш мальчик за стенкой мается,
может, сегодня получше?

Отношения в стадии консервации,
размягчение мозга, облом хвоста.
До чего поразительна простота,
совместимость
наших желаний, без аберраций –
в частности, желания перекусить!
Мягкие кости сардин
необычайно полезны для нервов
и женских некрепких хребтов.
Счастье сардиньей школы – не помышлять о консервах.
Юный сардин, будь готов!

Будем всегда готовы
грести по постели без лоций,
не опасаясь объятий
в масле, дешёвок-эмоций.
Будем просты как сардины,
сжаты тесным пахучим железом.
О, человечность упаковщиков-Соломонов,
распловинивающих младенцев резво,
чтобы в каждую банку поровну,
чтобы нетто и брутто стопудово
по справедливости,
апофеоз простоты!
Давай уж послушаем новости,
и наверх, наводить мосты.

Мы достойны памятной этикетки, юбилейной банки:
«Когда-то на этой кровати стонала страсть».
Попробуй меня безопасно обнять,
через столько-то лет со времён лихоманки
последних кольцов-концов.
Эта близость, это тайное знание
тайных извилин другого
далеко не так привлекательны,
как разделённое горе.

Профиль к профилю, молча изучим
увеличившееся пятно.
Одеяло набухло
под Дамокловым потолком.

Будем проще, пока штукатурка не
сорвалась в полёт. Вот-вот фейерверком брызнет,
а капель превратит в ледяную купель
наше ложе, вместилище близости.

Небесный оргазм нисходит в койку-жестянку.
Мы репетируем близость вне банок.

ЗИМНИЕ ВИДЫ СПОРТА

Официант разносил коктейли,
и я увидала, как по краю бокала
скользят
радужные пузырчатые малыши
в ярких шапочках,
ртутно-весёлые шарики на ледяном плацдарме,
непоседливые, как сотня гиперактивных обезьян.
В каждом бокале по конькобежцу.
Как они боролись за торжество зимы
в отдельно взятом напитке! –
Как погибали, не познав суровой правды
субтропической этой ночи.
Хоккеисты разминались
между зубами,
гроздья фигуристок
слепили пайетками –
прощальные вспышки
синего и голубого
перед погружением на дно Текилы Санрайз,
конькобежцы тонули
под ударами тонкой соломинки,
за которую не удержишься,
с какой стороны ни хватайся.

Зачем соревноваться,
срывая голос, петь гимн
на тающем пьедестале
из ледяных кубиков,
зачем разворачивать магазин пузырей,
то есть мраморных шариков,
эры тома сойера?
том сойер переплавляется в гека,
капли конденсируются.

Холод тома внутри бокала,
жар гека в карибском воздухе,
невозможность перемещения,
подводное катание,
подлёдный лов фигуристов,
Показалось, вот-вот я поддену одного из них,
вот-вот пойму, к чему эта
псевдоолимпиада.
Я единственный зритель,
я же и летописец:
раздам имена их героям,
учрежу награды,
например, экземплярец поэмы эшбери,
на обложке высохший круг от бокала или гу.
Настоящие олимпийцы, бывшие разноцветные юниоры!
Зачем вертолёты-мамы будили,
платили за утренний лёд,
если написано на радужном их роду
растаять или уйти под наст
или (это хуже всего)
быть поглощёнными
этими китами,
заказавшими коктейли
на зимнем карибском рауте.
Пионерская зорька
из апельсиновой патоки и текилы
окрасила их горизонт

паиньки
остры их коньки
господи мама как холодно
перед рассветом
льдинки
пайетки

БУДИЛЬНИКИ

Клаудии

Вчера приходила Клава, мексиканская моя богиня
времени и чистоты,
Внучка Шиутекутли,
Смахивать пыль по часовой стрелке,
Смахивала будильник с тумбочки.
Мы объясняемся птичьими лапками,
крестиками, трилистниками.
Час и доля[1], доли часа.
Время – неженское дело, а потому
незавидна Клавдина доля:
сколько взмахов метёлкой
умещается до четырёх часов!
Ш-шиу, ш-шиу, ш-шиу,
кутли-кутли…
Время Шиутекутли простирается до темноты.

Клава не вакцинируется: зачем богам
вакцина против человечьей хворобы?
Она придёт через две недели, но где к этому крестику в календаре
окажусь я, в какой времянке на берегу какой реки, в ожидании какого парома
(кстати, город не берёт больше денег за переправу)…
Время раскатилось по комнате, не достать.
Клава, по причине незнания русского, никогда не прочтёт о моей печали.
После каждого её прихода я покупаю на Амазоне новое время.

———

[1] час и доля *(укр.)* – время и судьба.

ТАНДЕР-ХОУЛ
(«Грохочущая Дыра»)

Мы успели спуститься на пляж минут за сорок до дневного прилива.
Сюда приходят послушать местный феномен, ракушечный вой пещеры.
Во-он парочка, молодо-зелено, штурмует скалу впереди. Мы же
предусмотрительно карабкаемся на камень поближе к лесу.
Солнце выгребает из клубящейся тучи,
заплывает в надбрежное пространство прямо над ними,
небрежно огладив надбровные дуги берега,
треплет по холке спину белую и спину защитного цвета –
они не шевелятся. Медитируют?
Поднимаясь, опадая не до конца,
море облизывает мохнатый берег
и выступ скалы, исчезающий, как леденец.

Молодость обживает любое место мгновенно.
Какие заносчивые, это у них от юности:
верят, что океан отступит в нужный момент,
что им ничего не будет, что им никогда ничего не будет,
а мир подчинен их идее мира.

Всё-таки с неким злорадством мы наблюдаем за пульсом прилива.
Подруга отшатывается от языка волны, пацан не спешит прикрыть её от нападения.
Может, это ремейк «Американской трагедии»? Она – бедная девушка
в интересном положении, он тяготится ею?
Или – «Смерть на Ниле»? Она – богатая наследница,
уже отписавшая ему все свои акции Майкрософта?
Или совсем уж оригинальная драма скуки и отвращения,
сценарий, где она пытается утопить его?
Ни белая, ни защитная спины не оборачиваются посмотреть,
как там окрестные камни, по которым они взобрались полчаса назад
на то, что теперь – островок в океане.

Мы уходим, не переставая оглядываться.
Прилив – феномен времени, как любой вдох и выдох.
До самой высокой точки ждать ещё и ждать.
Мы никогда не вернемся к высокомерию юности.
Никогда.

Здесь движение в одном направлении, оказывается.
Проезжайте по стрелке, внимательней.

Ладно, поехали.

ВСЁ ПОЧТИ ПРОПАЛО

Всё пропадет.
Временное затвердеет до постоянного.
Опыт, свояк парадокса, отшелушит шелуху
с луковиц года и континента.
Межполушарные связи станут опасными.
Рты и ноздри станут ещё опаснее.
Умрут всё, кто не совсем разучился стареть.

Утро сведётся к проверкам на пыльных дорогах –
Не отводя глаза, не засыпая за хлипким рулём.

Но пока что мы все в позе аиста
удерживаемся коготками за пядь
святой землицы здравого смысла,
на благословенном клочке,
пока ещё не затонувшем вместе со всем тем,
что окончательно затонуло,
с нелепым ключом в коллективной нашей руке.
Ключ похож на скрипичный.
Это ключ от кирпичного завода.
Вы ещё не привыкли к моим глупым шуточкам? –
Это, конечно же, ключ ко вселенской радости,
но если вам легче представить себе завод,
то, пусть, конечно, это будет завод.
Ни в чём себе не отказывайте сегодня, на погосте
(нет, это глупая опечатка, конечно же, на пороге!)
нового смысла.
Ничто не потеряно, просто опечатано до неузнаваемости
сургучом непостоянства, отейповано жёлтой лентой потерь.
Но в благодарность за ключ, за возможность,
идею ключа,
сделайте что-нибудь.
Слышите, сделайте что-нибудь!
Всё почти пропало,
но я верю слову «почти».
Неприсоединившийся к нам!
Поищи по карманам ключи.

ИРИНА ДУБРОВСКАЯ

ДУХА ТАЙНЫЕ ПУТИ

***

Старение меняет внешний вид
И замедляет внутреннюю прыть.
И лишь душа по-прежнему болит
О том, что ты не в силах изменить.

Её всё так же раны глубоки,
Хоть к ним она привыкшая давно.
Уж седина окрасила виски,
А до сих пор не всё ещё равно.

Пора, пора, остынь, забудь, усни,
Не повернуть течение реки.
Но, словно от горящей головни,
В груди печёт от боли и тоски.

Заледенеть, коростой обрасти,
Закрыть уже болючий этот счёт!
Но там, где боль, – там новые пути,
Которые не пройдены ещё.

***

Стоит ветру с моря дунуть –
Мысль нейдёт из головы:
Я умею только думать,
А придумывать – увы.

Что болит, о том и слово,
Боль *на сцену шлёт раба.*
Я в уловках бестолкова,
В сочинительстве слаба.

Но чем время безысходней,
Чем скорей влечёт во тьму,
Тем душа моя свободней
Отзывается ему.

С ним, блажным и оголтелым,
Речь веду как на духу.
Как Левше, что странным делом
Подковать сумел блоху,

Так и мне порой даётся,
Ускоряя кровоток,
Той, из Божьего колодца,
Влаги солнечной глоток.

Дуй же, ветер, вой жестоко,
Мысли сонные буди!
А найдётся лежебока –
И её разбереди.

Чтоб в земной увидеть смуте
Духа тайные пути
И успеть дойти до сути
Прежде, чем навек уйти.

***

Докучливые мысли при луне
Наутро отражаются в напеве.
Богема оказалась не по мне:
Сладка на вкус, горчит она во чреве.
Семейный быт остался за бортом
Любовной лодки, лодка затонула…
Так, думая об этом и о том,
Смотрю в окно. От уличного гула
Меня его прозрачное стекло
Своей бесстрастной твердью защищает.
Я в крепости. Со мною ремесло
И Божий Сын, что любит и прощает.

***

Этот дождик моросящий,
Тихий свет осенних нег,
По ковру листвы шуршащей
Проходящий человек, –

Всё то жизнь, земное чудо,
Заповедные пути.
Настоящая покуда,
Первозданная почти.

Дышит, чувствует, хлопочет, –
Всё бы радовала глаз,
Только бес её морочит,
За указом шлёт указ:

Сшить костюм по меркам модным
На её живую стать,
Как на пса, надеть намордник,
Цепью к будке приковать.

Знать, вопросом нам задаться
Час приходит роковой:
Долго ль ей ещё рождаться,
Настоящей и живой?

***

Пусто, страшно душе
в перевёрнутом мире:
будто держат её
в нехорошей квартире,
где на каждом шагу
упыри и засады,
где в воде и в еде
смертоносные яды.
Отравить, уморить –
вот и нет её больше.
Но бессмертна душа,
страстотерпица Божья.
Сколь её ни дави
этой меркою тесной,
в ней всё больше любви
и свободы небесной.

***

А всё-таки лето, и ты постарайся дышать
Душистым цветеньем его и ночною прохладой.
И птичьему хору сумеешь тогда подпевать,
И с ближним делиться душевной своею отрадой.

Откуда ей взяться, не спрашивай – просто дыши.
Отдайся природе, забыв про дела человечьи.
И может быть, силы найдутся ещё у души,
Над тленом поднявшись, стать голосом, звуком и речью.

А если не будет на то изволенья богов,
То ты и тогда о свободном дыхании помни.
Пройди сто дорог, если надо, отдай сто долгов
И, часа дождавшись, задуманный номер исполни.

***

Так случается со мною,
Что душа болеет.
Вдруг тяжёлое, земное
Чувство одолеет.

И к земле меня придавит
Так, что не подняться,
И седых волос прибавит.
Мне бы посмеяться

Над его постылой властью,
Но пока владеет,
Распадаюсь я на части,
Голос мой слабеет

И, как птах, попавший в сети,
Тихо повторяет:
– Как же тяжко жить на свете
Тем, кто не летает!

***

О, как захотелось
опять о любви!
Чтоб сердце согрелось,
явись, оживи,
весенняя муза,
стань снова судьбой.
Пропой как Карузо,
как Калласс пропой!
О вечном и чудном,
что движет вперёд.
О бренном и трудном
настанет черёд.
О страшном и горьком
успеем ещё…
С зелёных пригорков,
дыша горячо,
беги, моё сердце,
унынье долой!
Весеннее скерцо
звучит над землёй,
и бабочка-полька
нейдёт из души.
Ты реквием только
играть не спеши.

***

С кем радостью мне поделиться?
Не горем, а радостью, – вдруг
Влетела, как дивная птица,
В награду за муку и труд.

А может быть, так, не в награду,
А даром, как солнце встаёт.
Я рада сегодня, я рада
Той песне, что в сердце живёт,

Той жизни, что рядом творится.
Постой, не спеши улетать!
Позволь мне, о милая птица,
Стихами тебя описать.

Чтоб после, под гнётом печали,
Когда охладеешь ко мне,
Как Слово, что было в начале,
Твой образ не гас в глубине.

***

Ах, всё уже было –
свиданье, разлука,
бессонницы мука,
рождение звука.

Знакомы приметы,
известны ответы.
Но музыка эта,
но блики рассвета, –

они всякий раз
как впервые даются.
И солнце всё светит,
и звуки всё льются.

Ах, ночью уснуть бы
и утром проснуться!
И снова родиться,
и к жизни вернуться.

Вот небо, вот птицы,
вот лица родные.
И всё повторится,
и всё как впервые.

***

И грусть пройдёт, и радость бытия.
Проходит всё, мгновенье и столетье.
И только то, неведомое, третье,
что буквой ни одной, от А до Я,
не можешь ты назвать,
но мысль твоя
всегда о нём, – оно вовек пребудет.
Не называй!
Пусть тайна губы студит,
когда невольно шепчут на ветру.
В ночи уснёшь, проснёшься поутру,
увидишь небо, солнце, листьев дрожь,
услышишь птичий свист, людские речи,
и всё поймёшь, и, может быть, придёшь
к тому, чтоб этот мир, пока живёшь,
любить как Тот, Кого не назовёшь,
но с Кем не миновать грядущей встречи.

***

Пусть все будут живы, пусть все будут живы,
Пусть все будут души светлы.
Пусть будет молитва твоя терпелива
Среди обступающей мглы.

Пусть будет она ежедневна, упряма,
Пусть губы, привыкшие к ней,
Без умолку шепчут средь шума и гама,
Чтоб шёпот был крика слышней.

Пусть верные други вздохнут молчаливо,
А ты в одиночку шепчи:
– Пусть все будут живы, пусть все будут живы,
Пусть теплится пламя свечи.

Молись, даже если иссякли порывы
И всюду глухие углы:
– Пусть все будут живы, пусть все будут живы,
Пусть слабнут объятия мглы.

ГАЛИНА КОРОТКОВА

СЕМЕЙНЫЕ РЕЛИКВИИ
рассказ

В детстве бабушка любила повторять мне одну фразу: «Запомни, внученька, золото и украшения, которые хранятся в семье, можно продавать только в случае крайней необходимости. И никакого обмена на тряпки или модные вещи – это исключено!».

Пережившая две мировые войны и одну мировую революцию, бабушка знала о свойствах драгоценностей всё! Она отлично помнила, как в середине 20-х годов прошлого века она с мамой ходила в магазин, похожий на большой склад, где за роскошное жемчужное ожерелье им выдали бутылку постного масла, небольшой мешок муки, пакет перловой крупы и несколько кусков хозяйственного мыла. Склад принадлежал американскому бизнесмену Арманду Хаммеру, который бойко выменивал у голодных жителей разорённой страны бесценные предметы искусства, антиквариат, меха и уникальные драгоценности на минимальный набор продуктов питания. Этот ловкий заокеанский «благодетель» стал при жизни почётным доктором двадцати пяти университетов и отошёл в мир иной с французским орденом Почётного легиона на груди.

В начале прошлого века, когда японцы ещё не научились выращивать жемчуг искусственно, а за каждым драгоценным зёрнышком полуголым ловцам приходилось нырять на изрядную глубину, такое украшение стоило целое состояние. Но в ту страшную зиму прабабушкино ожерелье помогло спасти от голодной смерти всю семью.

«Украшения можно не только выменять на хлеб, но в критической ситуации выкупить себе жизнь!», – учила меня бабушка. В подтверждение своих слов она рассказала мне полную драматизма историю, которая произошла на её глазах в послевоенные годы.

У бабушки была близкая подруга Лиля, которая скромно жила в крошечной квартирке на Молдаванке вместе с отцом и полуслепой сестрой Полиной, которую все звали тётя Поля. Ах, эти прелестные молдаванские дворики, так подробно описанные Бабелем и воспетые Паустовским! Представьте себе небольшой двухэтажный дом буквой «П» из медово-жёлтого пиленого ракушника, с крышей из тёмно-красной «марсельской» черепицы и ажурными коваными воротами, которые закрывались ночью на огромный амбарный засов. По всему внутреннему периметру второго этажа шла просторная деревянная галерея, густо увитая виноградом, куда выходили не только окна, но и двери всех квартир. Попасть туда можно было по старинной чугунной лестнице, такой музыкально-гулкой, что бесшумно подняться наверх было практически невозможно. Летом вся жизнь дома сосредотачивалась именно на этой галерее и во дворе. Душными летними ночами жильцы дружно покидали свои комнаты, чтобы спать на ватных матрасах на галерее или скрипучих порыжевших от времени раскладушках посреди двора. Днём хозяйки выставляли на галерею грубо сколоченные табуретки. С утра и до позднего вечера там шипели блестящие медные примусы. Варить летом борщ, уху или жарить бычки «у помещении» было не принято! Словом, не двор, а огромная коммунальная квартира, где все её обитатели – невольные свидетели самых интимных подробностей жизни соседей.

В глубине двора имелись обширные погреба – «мины», вырытые ещё в те легендарные времена, когда контрабандисты прятали там бочки с итальянским вином и греческим оливковым маслом, тюки турецкого табака и французских кружев. Бандиты, доморощенные революционеры и анархисты устраивали в погребах целые склады с оружием и боеприпасами. Сложная система ходов и тоннелей соединяла «мины» с городскими катакомбами. Зная их расположение, можно было без труда пробраться на морское побережье, или выйти далеко за город в безлюдную степь.

Вот в таком молдаванском дворике родилась и выросла Лиля. Она с успехом окончила медицинское училище и поступила на работу в одну из городских больниц. В самом начале войны молодую медсестру перевели работать в военный госпиталь. Когда немцы стали бомбить город, а в окопы на линии обороны можно было доехать на трамвае, Лиля вместе с коллегами-медиками сутками вывозила тяжелораненых бойцов в порт. Оттуда суда уходили в Крым и Новороссийск. Сама Лиля уезжать не собиралась. Ей было

страшно оставлять беспомощную Полину и спивающегося отца-художника. Это была официальная версия её отказа эвакуироваться вместе с отступающей армией на восток. Существовала ещё одна серьёзная причина, по которой Лиля осталась в городе. Но об этом знали всего несколько человек. Буквально с первых дней оккупации в Одессе начал действовать подпольный штаб антифашистского сопротивления.

Лиля как ни в чём не бывало вернулась на работу в больницу. Полина по мере сил занялась домашним хозяйством, а отец неожиданно бросил пить и с головой погрузился в творчество. Он рисовал неплохие копии с полотен известных художников, вроде Куинджи «Лунная ночь. Дарьяльское ущелье» или «Большая вода» Левитана. Румыны охотно меняли его картины на мясные консервы из солдатских пайков и ворованный на немецких складах керосин.

Тот холодный октябрьский день 41-го года Лиля запомнила на всю оставшуюся жизнь. Оккупанты гнали по городу длинную колонну серых от страха полуодетых людей. Женщины, старики, дети шли молча. Тишину нарушало только зловещее шарканье тысяч ног да бряцание оружия румынских конвоиров, которые сопровождали колонну. Жители домов, мимо которых текла эта немая человеческая река, с ужасом смотрели на нескончаемый поток обречённых на смерть людей. Это евреев вели за город, где их расстреливали и сбрасывали в противотанковые рвы, вырытые в середине лета во время обороны города. Многих загоняли в сараи, обливали керосином и сжигали заживо…

Вместе с двумя соседками Лиля стояла на обочине, не в силах повернуться и уйти. Вдруг в этой скорбной людской толпе она заметила молодую рыжеволосую женщину с девочкой лет семи. На лице несчастной матери было такое дикое отчаяние, что Лиля содрогнулась от жалости и собственного бессилия. Внезапно идущий впереди старик споткнулся и упал. Движение колонны приостановилось. К старику тут же подскочил конвоиры. Солдаты начали избивать беднягу прикладами винтовок, заставляя подняться.

…Всё произошло в считанные мгновения. Рыжеволосая женщина с силой толкнула девочку прямо Лиле в руки, и, не оглядываясь, быстро пошла вперёд. Лиля инстинктивно прижала дрожащего ребёнка к себе, ловко закрыв краем широкой шали. А обе соседки, не сговариваясь, сделали шаг вперёд, загородив собой Лилю и малышку. С величайшей предосторожностью Лиля привела ребёнка домой. Вместе с Полей они решили сначала выкупать девочку и переодеть в чистое, ведь на ней были жалкие обноски. Румыны отбирали у обречённых на смерть всё, включая одежду. И тут женщин ждал сюрприз. На шеё у ребёнка на прочном шнурке весел маленький кожаный мешочек. Лиля высыпала его содержимое на стол – несколько массивных золотых колец, тяжёлая витая цепочка от часов, три золотых царских монеты и шестиконечная звезда Давида, украшенная россыпью мелких бриллиантов.

– Несчастная мать заплатила тебе, чтобы ты спасла её дитя, – тихо сказала тётя Поля и обе женщины расплакались.

Всем, кто осмелился прятать евреев, грозил расстрел. К чести соседей, на Лилю не донёс никто, хотя в городе было предостаточно негодяев, которые регулярно «стучали» в румынскую Сигуранцу. Ради возможности занять чужую комнату, поживиться чужим имуществом или отомстить за старую обиду. Спасённая девочка осталась в семье Лили. Для всех она была дочерью её погибшей при бомбёжке двоюродной сестры из Аккермана, о чём имелась искусно изготовленная в подпольной типографии справка. Все звали девочку Ритой, хотя настоящее имя её было – Рахель.

– Запомни, детка, – твердила Лиля, – тебя зовут Ри-и-та!.. А я твоя тётя Лиля…

Как выжить в оккупированном городе – это тема для отдельного рассказа. Работая в больнице, Лиля доставала продукты, медикаменты, гражданскую одежду и передавала подпольщикам, прятала в глубине двора партизанского связного и помогала известному в городе хирургу оперировать раненых советских солдат, которых прятали в катакомбах.

А потом наступил апрель 44-го года. Жизнь в освобождённом от фашистов городе стала постепенно входить в мирную колею. Возвращались из эвакуации соседи, на улицах города появились раненые бойцы, приехавшие в санатории для лечения, спешно восстанавливали разрушенные причалы порта. В том году удивительно рано зацвела знаменитая белая акация. Её хмельной аромат кружил голову, наполнял городские улицы душевным праздничным настроением. Лиля решила в свой выходной день вымыть окна и постирать шторы. А тётя Поля вместе с Ритой устроилась на галерее, чтобы почистить на обед картошку. Сосед инвалид, опершись на костыль, грелся на солнышке и неторопливо играл сам с собой в шахматы.

Лиля не сразу заметила коренастого молодого офицера с пыльным вещмешком на плече. С потерянным видом военный вошёл во двор, огляделся, тяжело вздохнул…

– Товарищ капитан, вы кого-то ищете? – участливо спросил сосед. Офицер не успел ответить. На весь двор прозвучал отчаянный детский крик:

– Папа!!!

Громко стуча босыми пятками по чугунной лестнице, к капитану кинулась маленькая Рита-Рахель. Офицер рывком сбросил вещмешок на землю и подхватил девочку на руки. Они замерли посреди двора, крепко обхватив друг друга руками, словно альпинисты, зависшие над бездонной пропастью, в которую рухнула и исчезла навсегда их довоенная, спокойная и счастливая жизнь.

Капитана накормили жареной картошкой, напоили чаем. Рита сидела рядом, вцепившись в рукав отцовской гимнастёрки, словно боялась, что он может внезапно исчезнуть.

– Как вы нас нашли? – не скрывая удивления, спросила Полина.

Капитан помолчал, вытащил из кармана пачку папирос, повертел в руках, сунул обратно, смущённо кашлянул, прикрыл глаза ладонью и, наконец, ответил:

– Можете не верить, но несколько раз мне снилась жена… Она уверяла, что ей удалось спасти нашу дочь… Откровенно говоря, я не надеялся… мистика какая-то. …Простите, я выйду… покурю…».

На следующий день капитан возвращался на фронт. Его короткий отпуск заканчивался. Перед отъездом он записал Лиле адрес своей сестры, которая до войны жила в Виннице, но летом 41-го года успела эвакуироваться в Ташкент.

– Спасибо вам за всё, – прощаясь, сказал капитан, – Даже не знаю, смогу ли отблагодарить вас…

– Сможете! – попыталась пошутить Лиля. – Выиграйте для нас войну…

Лицо капитана стало серьёзным и очень грустным.

– Я обещаю…

Осенью 45-го года за Ритой приехала её родная тетка из Винницы. Она привезла скорбную весть – отец девочки погиб в конце мая под Веной. Лиля попыталась уговорить женщину не забирать Риту.

– Этот ребёнок – всё, что у меня осталось, – со слезами на глазах объяснила женщина. – Обещаю вам, мы никогда не забудем вашу доброту…

Лиля перестирала и тщательно погладила Ритины вещички, аккуратно сложила всё в узелок и неожиданно засуетилась.

– Постойте! Заберите ещё вот это…

Она достала кожаный мешочек, принялась смущённо объяснять:

– Пришлось продать одно кольцо, чтобы купить дрова. Уж очень холодная зима выдалась в 42-м году…

– Нет-нет, что вы! Оставьте себе… Вы заслужили…

В женский спор неожиданно вмешался Лилин отец.

– Мадам, – торжественно сказал старик, – за кого вы нас имеете? Заберите ваши сокровища. Это же семейные реликвии. Риточка скоро невестой станет. Для девочки – это память о матери и готовое приданное…

Рита уехала, и жизнь Лили потекла своим чередом.

Вскоре в соседнюю пустующую комнату на втором этаже вселился новый постоялец Аркадий Степанович – солидный мужчина лет сорока, с нашивкой за ранение и широкой орденской планкой на полувоенном кителе. С собой он привёз две подводы серьёзного имущества – железную кровать, резной комод, массивный стол, ящики с книгами и посудой, трофейный патефон и портрет Сталина в тяжёлой резной раме. Любопытные соседки выяснили, что Аркадий Степанович холост и работает завхозом в одном из санаториев города. Новый жилец был обаятелен, подтянут, охотно угощал соседей папиросами, утром благоухал одеколоном «Шипр», а по воскресеньям любил сидеть на галерее и читать свежую газету. Словом, положительный во всех отношениях персонаж и завидный жених. Впрочем, новый сосед имел одно увлечение, заинтриговавшее всех.

Как-то раз тётя Поля, осторожно спускаясь по лестнице, столкнулась с Аркадием Степановичем, за которым робко шла молодая незнакомая женщина.

– Вот, встретил старинную приятельницу, пригласил на чай, – объяснил Аркадий Степанович, помогая женщине преодолеть последнюю ступеньку. Закрыв за собой дверь, Аркадий Степанович включил патефон. Старый молдаванский двор наполнился популярной по тем временам мелодией танго «Брызги шампанского».

…Потом в гости зашла бывшая одноклассница, сотрудница по работе, подруга детства, троюродная сестра из Киева. Три-четыре раза в неделю соседи получали бесплатный концерт и богатую пищу для сплетен. Блондинки, брюнетки, в основном молодые женщины – у Аркадия Степановича был отменный вкус! Кстати, ни одна женщина не приходила дважды. Среди жителей двора время от времени возникали серьёзные дискуссии на тему морали. Неутомимый Аркадий Степанович имел яростных сторонников, которые приводили серьёзные аргументы в его защиту. После войны молодых неженатых мужчин катастрофически не хватало. Для многих одиноких женщин такой мимолётный «санаторный роман» был единственным способом получить свою крошечную порцию женского счастья.

В самом конце лета у Аркадия Степановича появилась новая пассия. Симочка была из породы тех женщин, которые привлекают внимание абсолютно всех мужчин, включая грудных младенцев и парализованных старцев. Длинноногая, с отличной фигурой, атласной кожей и копной смоляных кудрей, она, благодаря острому на язык соседу инвалиду, получила прозвище Кармен. К всеобщему удивлению Кармен пришла на следующий день. А потом стала являться регулярно. Она угощала детишек во дворе леденцами, а к Лиле прониклась особой симпатией, подарив французский шёлковый шарфик и плитку настоящего шоколада московской фабрики им. Бабаева.

Тёплым воскресным утром, когда все жители дома неспешно занимались домашними делами, Аркадий Степанович вместе с Симочкой вышел на галерею. Его белоснежная рубашка и тщательно отутюженные брюки привлекли всеобщее внимание. Сияющая Сима в новом крепдешиновом платье была неотразима.

– Внимание, товарищи! – громко сказал Аркадий Степанович. – Хочу в вашем присутствии сделать важное заявление!

Тут он по-гусарски опустился на одно колено, взял узкую руку Кармен в свои широкие сильные ладони, и торжественно объявил:

– Многоуважаемая Серафима Юрьевна! Предлагаю вам свою руку и сердце. Я люблю вас и не мыслю своей жизни без вас…

Все закричали «Ура!» и зааплодировали. Аркадий Степанович вытащил из кармана маленькую коробочку и торжественно вручил своей розовой от смущения невесте.

В коробочке лежала роскошная брошь. Золотой жук-скарабей с бирюзовой спинкой держал в золотых лапках шарик из бледно-розового коралла.

– Семейная реликвия, – потупившись, объяснил Аркадий Степанович. – Единственная память о покойной матушке… Вещь уникальная!

Соседки восхищённо заохали, а Симочка почему-то побледнела и, сославшись на неотложные дела по случаю предстоящей свадьбы, вскоре ушла. Аркадий Степанович, казалось, не заметил столь стремительного бегства своей возлюбленной. Он был занят организацией традиционного мальчишника, с домашним вином, обильной закуской и, конечно же, танцами под патефон. Праздник длился до глубокой ночи. А рано утром к Аркадию Степановичу пришли с обыском. Лилю и соседа-инвалида пригласили в качестве понятых. В тот же день бледная Лиля прибежала к моей бабушке. Всхлипывая и вытирая тыльной стороной ладони слёзы, Лиля залпом выпила стакан воды с валерианой и начала свой рассказ.

Их было четверо – рослый мужчина в штатском, местный участковый и ещё два милиционера, один из которых остался на галерее, загородив входную дверь.

– Вчера в присутствии свидетелей вы подарили это ювелирное изделие гражданке Полянской? – спросил человек в штатском, вытаскивая из кармана скарабея. Аркадий Степанович, в шёлковой пижаме, слегка опухший от вчерашнего застолья, спокойно кивнул головой.

– Всё верно. Эта семейная реликвия принадлежала моей покойной матери…

– Как её звали?

– Пелагея Васильевна… Я не понимаю, к чему эти странные вопросы?

Мужчина повертел жука в руках, ловко поддел что-то пальцем. С тихим щелчком зеленовато-голубая спинка скарабея раскрылась, словно два крошечных лепестка.

– Здесь написано «Ребекка»,– насмешливо сообщил мужчина в штатском и показал надпись обоим понятным.

– Ну да… так звали мамину подругу, которая сделала ей этот подарок, – не моргнув глазом, нашёлся Аркадий Степанович.

– Начинайте обыск! – последовала команда.

Лиля отвернулась к окну. Ей было мучительно неловко смотреть, как выворачивают ящики комода, роются в чемоданах, простукивают подоконники и внимательно изучают крашеный коричневой краской пол. Аркадий Степанович сидел на стуле под портретом Сталина и невозмутимо наблюдал за происходящим.

– Встаньте и отойдите в угол! – вдруг скомандовал ему человек в штатском. Только тут Лиля заметила, что у внешне спокойного соседа на висках выступили капли пота. Участковый осторожно снял портрет, а человек в штатском подошёл к стене и стал пристально рассматривать обои.

– За портретом в стене нашли тайник. В нём было спрятано семнадцать мешочков, около килограмма золота! – прошептала Лиля и опять заплакала. – Семнадцать! Ровно столько малышей загубил этот мерзавец…

Позже участковый рассказал, что такие, как Аркадий, специально охотились за детьми с мешочками на шее. Они отбирали золото, а ребёнка толкали назад в колонну или приводили на следующее утро в Сигуранцу. Прошлой зимой прямо на улице Аркадия опознала женщина, но ему удалось выпутаться. Он понял, что нужно срочно уезжать из города. Однако получить легальную прописку в другом месте по тем временам было невозможно. И тогда этот подлец придумал простой как всё гениальное план. Он решил срочно найти себе жену. Причём женщину из уважаемой семьи со связями и особым статусом. Сима Полянская – дочь московского профессора казалась идеальной кандидатурой. Одного не мог знать Аркадий. Её дед был известным до революции одесским ювелиром, который на совершеннолетие каждой дочери, а их у него было пять, изготавливал особый подарок-талисман. Жук-скарабей достался Ребекке – самой младшей, которая изучала историю и мечтала стать египтологом.

Каждое лето Сима специально приезжала в Одессу. В семье очень надеялись, что кому-то из одесской родни удалось спастись…

– А если бы этот гад подарил Симе банальную цепочку? Спокойно бы уехал, затерялся в столице, – покачала головой моя бабушка.

– Да, но желание произвести на невесту впечатление сыграло с Аркадием злую шутку. Кстати, мы так и не узнали его настоящего имени. У него всё было фальшивое – и награды, и нашивка за ранение…

В конце шестидесятых после смерти отца и тёти Поли Лиля осталась совсем одна. И тут в старом дворе на Молдаванке появилась Рита, которую жизнь занесла в далёкий Новосибирск.

– Тётя Лиля, собирайся! – решительно заявила молодая женщина. – Будешь жить с нами. Мне невыносимо думать, что ты в четырёх стенах здесь сидишь. У вас же здесь даже телефона нет! Про горячую воду я вообще молчу…

– Риточка! – с сомнением покачала головой Лиля, – Не хочу быть тебе обузой на старости лет…

У Риты в глазах заблестели слёзы.

– Тётечка, родная, ближе тебя у меня никого нет! Я так и сказала детям – ждите, скоро привезу вашу одесскую бабушку…

Перед отъездом Лиля принесла нам подарок – копию с картины Куинджи «Лунная ночь. Дарьяльское ущелье»:

– Понимаю, что картина никакой ценности не представляет. Просто будете смотреть на неё и иногда вспоминать обо мне…

Теперь «Лунная ночь» висит над моим рабочим столом. Некоторое время назад я обнаружила, что поверхность картины стала как-то странно выгибаться. Пришлось тащить её к знакомому художнику-реставратору.

– Откуда сей шэдевр? – насмешливо спросил Толик, рассматривая «Лунную ночь». Помолчав, он добавил, – А знаешь, очень даже неплохо… кто писал?

– Так, один бабушкин знакомый… он давно умер…

– Ладно, оставляй, попробую что-то сделать…

К моему удивлению, Толик позвонил в тот же вечер и возбуждённо проорал в трубку:

– Слушай, подруга! Продай мне Куинджи! За любые деньги!

– Чего это вдруг? – насторожилась я.

– Это же уникальная картина! Я такого никогда не видел! Представляешь, она написана не на холсте, а на куске медицинской марли, на которую мучным клейстером наклеены одесские газеты времён немецкой оккупации. За большие деньги показывать её буду…

– Не могу! – твердо ответила я.

– Почему?

– Это семейная реликвия…

ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ ОДУВАНЧИКОВ
рассказ

Многие по простоте душевной думают, что на склоне лет люди становятся малоактивными. Однако внешность некоторых седовласых старцев или старушек в ситцевых платочках бывает обманчива. Под маской простодушного божьего одуванчика порой скрываться настроенный по-боевому пенсионер, у которого и отменно сухой порох в пороховницах, и не запудренный старческим маразмом мозг. Некоторым престарелым гражданам пыльные скелеты в шкафу или яркие воспоминания о бурной юности не дают угомониться. Подозреваю, что многие из моих читателей регулярно сталкиваются с такими шустрыми личностями, которых голыми руками не возьмёшь. Гулять с внуками, вязать носки или ездить на рыбалку им не интересно. Поэтому у меня возникло настойчивое желание как-то систематизировать и описать этих персонажей. Старичков-бодрячков я разделила на несколько категорий: почти криминальные, коррупционные и юношески бесстрашные. Постараюсь привести несколько наиболее ярких примеров.

Итак, история первая, которая произошла на моих изумлённых глазах. В нашем славном городе имеется замечательное общегородское развлечение – шестикилометровая Трасса Здоровья, которая тянется вдоль побережья и связывает два сакральных места – пляж Ланжерон и пляж Аркадия. Вначале это была извилистая пыльная тропинка среди колючих зарослей акации и дикой маслины. Постепенно дорожку стали расширять и обустраивать. Появились фонари, лавочки, велодорожки и, конечно же, незатейливые общественные туалеты типа сортир с традиционными М и Ж на дверях. Со временем сии заведения пришли в полнейшую негодность и тогда горсовет принял решение построить вдоль трассы платные отхожие места с умывальниками, туалетной бумагой и душистым мылом. Брать плату за вход,

следить за чистотой и беречь имущество от вандалов пригласили пенсионеров. От желающих не было отбоя. Ещё бы! На каком ещё рабочем месте позволено разгадывать кроссворды или читать Агату Кристи? В качестве бесплатного бонуса – приятный морской бриз и возможность сходить окунуться в море, повесив на дверях табличку «Санитарный час».

В один прекрасный день моя соседка Татьяна с гордостью сообщила, что смогла по великому блату пристроить свою пожилую свекровь Веру Ивановну смотрителем туалета на трассе. Баба Вера – маленькая худенькая дамочка, не то бывшая балерина, не то цирковая гимнастка, ходила в детских сандаликах, шляпке с перышком и любила посидеть во дворе на лавочке с томиком Блока на коленях.

– Какая разница, где ей сидеть. А тут работа в десяти минутах ходьбы от дома. Лишняя копеечка в семье не помешает! – радостно заявила Татьяна.

Лето в тот год выдалось особенно жарким. Одесситы старались при малейшей возможности сбежать на море. На городских пляжах наблюдалось вавилонское столпотворение. В один из воскресных дней я с сыном тоже решила сходить искупаться.

– Вы на пляж? – спросила Татьяна, с которой я столкнулась во дворе, – Пожалуйста, занесите бабе Вере покушать! Я тут стирку затеяла, некогда мне…

Мы взяли пакет с бутербродами, маленький термос и отправились выполнять просьбу соседки.

Вверенный заботам бабы Веры туалет весело белел сквозь заросли дикой маслины. Перед входом топталась небольшая очередь. Народ был в основном в плавках и резиновых тапках. Мы отдали бабе Вере пакет и уже собрались уходить, когда откуда-то сбоку явился бритоголовый браток, похожий на огромный шкаф. Его загорелый накаченный торс, руки и даже ноги были разукрашены диковинной татуировкой – на груди огромное распятие, на спине и плечах церковные купола, а на коленях восьмиконечные звёзды. Не обращая внимания на очередь, мужик встал у самой двери и сквозь зубы прорычал тощему подростку с облупленным носом:

– За мной будешь!

Неожиданно маленькая худенькая Вера Ивановна с балетной лёгкостью спрыгнула со своей табуреточки, решительно подскочила к нахалу и, глядя на него снизу вверх, крикнула:

– А ну, встал в очередь!

– Чего-о-о? – нехорошо усмехнулся браток, с брезгливым удивлением рассматривая старушку.

И тут произошло совершенно невероятное событие. Верочка начала говорить. Её голос звучал тихо и очень спокойно. При этом она в упор, не мигая, смотрела на мужика. К своему удивлению я не могла уловить смысл её монолога. Это был какой-то другой русский язык, со своими диковинными оборотами речи и скрытым от ушей непосвященных подтекстом! Расслышала лишь знакомое слово «шлимазл», что в переводе с одесско-еврейского означает «конченный придурок»…

Браток испуганно попятился. На его туповатой физиономии застыла гримаса недоумения. Наконец он смиренно попросил:

– Мать, прости засранца!

– Деньги не забудь заплатить, идиёт! – напомнила Вера Ивановна.

Мужик послушно поплёлся в конец очереди.

Вечером, сгорая от любопытства, я постучала в дверь к соседям.

– Вера Ивановна, вы сегодня поразили меня своим знанием воровского жаргона! Откуда, если не секрет.

– Секрет! – хитро прищурилась старушка. – Могу только процитировать товарища Сталина, который говорил: – Чтобы победить врага, нужно знать его язык!

А теперь История Вторая. Про взяточников, или как их принято сейчас называть – коррупционеров. Что здесь интересного, спросят мои читатели. Мздоимцы существовали ещё во времена египетских фараонов и Римской империи. Один дал, другой взял – схема весьма примитивная. Сюжет подсказал родственник, который учится в одном из ВУЗов нашего славного города, поэтому для конспирации назову его Максимом. Не секрет, что нынешние студенты сдают сессию не всегда честно. Разгильдяи и лоботрясы охотно платят за зачёты и экзамены, покупают курсовые и даже дипломы.

Перед самым новым годом Максим заскочил к нам в гости и с порога попросил одолжить денег.

– Взятку нужно дать, – мрачно признался он. – Не получается сдать зачёт по статистике. Декан пригрозил отчислением. Предки не знают, поэтому к вам пришёл…

По словам Максима, статистику в их институте читает пожилой и невероятно занудный доцент, у которого на лекциях от скуки мухи дохнут. С первого раза зачёт завалила почти вся группа. Тайный смысл этого заурядного события раскрылся на следующий день, когда староста отвёл Максима в сторонку и предложил получить зачёт всего за пятьдесят условных единиц.

– Вдруг это ловушка? – перепугалась я. – В момент передачи денег ворвутся крепкие мужики, скрутят тебя и припаяют срок!

– Не! – замотал головой Максим. – Там какая-то хитрая схема. Короче, завтра схожу всё выясню, а потом расскажу.

На следующий день, зажав в потном кулаке зелёный полтинник, Максим пошёл сдавать зачёт. Доцент сидел на кафедре и что-то старательно писал. Не поднимая плешивой головы, он вежливо попросил Максима оказать ему услугу. Следовало сходить в читальный зал районной библиотеки, взять приготовленную для него книгу и принести на кафедру. Библиотека располагалась через дорогу от института в красивом старинном здании.

Пребывая в полном недоумении, Максим надел куртку и поплелся в библиотеку. В читальном зале было тихо и пусто. За стойкой администратора скучал усатый дедок в вязаной жилетке.

– Простите, я от Арсения Петровича. Мне нужна книга стихов Ленина, – голосом старого подпольщика попросил Максим.

Дед нахмурился.

– Молодой человек! Вождь мирового пролетариата Владимир Ульянов-Ленин стихов не писал! Полагаю, вам нужны «Стихи о Ленине».

Максим смущённо кивнул.

– Подождите здесь!

Пока библиотекарь тихо шуршал за книжными стеллажами, внимание Максима привлекла небольшая картонная коробка, которая стояла на журнальном столике слева от стойки. На ней каллиграфическим почерком было написано: «Мы благодарны за любую спонсорскую помощь библиотеке!».

– Вот ваш заказ, – объявил дед. Он держал потрёпанную книжицу на ладони и выразительно смотрел на растерявшегося студента. Пауза затягивалась. Наконец библиотекарь кашлянул, выразительно махнул рукой в сторону коробки и ласково предложил:

– Вы наверняка хотели сделать благотворительный взнос, юноша!

– Да, конечно!..

Сунув купюру в коробку, Максим пулей вылетел из библиотеки.

Доцент, который терпеливо ждал его на кафедре, забрал книгу и вежливо улыбнулся:

– Спасибо вам огромное, вы меня очень выручили! Давайте вашу зачётку.

– Гениально! – кричал вечером Максим, возбуждённо бегая по моей кухне. – Два старых мухомора придумали потрясающую схему…

– Неужели заставляют носить туда-сюда стихи о Ленине? – опешила я.

– Вовсе нет! Таньке Зинченко досталась переписка Каутского с Троцким.

– Всё ясно, – встрял мой сын. – Они используют книги, которые не востребованы уже четверть века! Пока студент топает в библиотеку, доцент успевает предупредить своего подельника…

– А вдруг кто-то пожалуется на этих престарелых взяточников?

– В чём их можно обвинить? Человек добровольно отдал денежку. Очень благородный, достойный подражания поступок!

Третья и последняя история будет про храбрость. Кто сказал, что бесстрашие – удел молодых? Впрочем, расскажу всё по порядку. У меня имеется подруга Мила, которая в прошлой жизни была серьёзным историком с почти готовой диссертацией по декабристам. Вначале 90-х Милка оказалась на улице в самом прямом смысле этого слова. Ситуация казалась катастрофической. На руках двое близнецов-первоклашек и девяностолетняя бабушка Акулина Ермолаевна. Что прикажете делать? Вариантов было немного: пойти торговать на рынок китайским ширпотребом или ездить за барахлом в Турцию. Подруга выбрала иной путь. Она одолжила денег, окончила курсы бухгалтеров и устроилась сразу в три фирмы, которые занимались всем подряд – от изготовления надгробных памятников до выращивания огурцов и продажи металлолома за границу. Хозяином всех этих предприятий был невероятно ушлый мужик по имени Эдик. О таких принято говорить: без молитвы мимо не пройдёшь! Зарплату Эдик платил неплохую, однако взвалил на хрупкие Милкины плечи обязанности завскладом, начальника отдела кадров и даже курьера. Подруга работала, не поднимая головы. Детей нужно было учить, бабушку лечить. Поэтому приходилось закрывать глаза на подозрительные накладные, размытые печати и корявые подписи на некоторых актах приёма-передачи, которые иногда подсовывал ей Эдик. Так продолжалось довольно долго.

Но вот в один совсем не прекрасный день на одну из фирм наехали по-взрослому. Или Эдик дорогу кому-то перебежал, или вовремя не заплатил «откат», но маски-шоу и несколько бессонных ночей напугали мою бедную подругу до сердечного приступа. Через некоторое время обанкротилась вторая фирма. Шустрый Эдик не стал дожидаться драматической развязки. Он просто сбежал, предварительно сняв с банковского счета все деньги и опустошив сейф в кабинете бухгалтера, где хранилась зарплата для сотрудников. После стремительного исчезновения хозяина, все претензии уже предъявлялись исключительно Миле. Сначала незнакомые люди просто звонили по телефону, громко ругались матом и требовали вернуть деньги. Суммы назывались фантастические! Потом стали угрожать и пугать. Толстый майор с красно-сизым носом отказался принимать у перепуганной женщины заявление, посоветовал

поставить бронированную дверь и не шастать в тёмное время суток по улице. Мила серьёзно обдумывала план эвакуации детей и бабушки в деревню к дальним родственникам. Но однажды воскресным утром кто-то позвонил в новую бронированную дверь. Привыкшая к телефонным хулиганам, заспанная Мила даже не задала традиционный вопрос – кто там?

На пороге стояли три бандитского вида здоровенных мужика в балаклавах, косухах и с бейсбольными битами в руках. Один из негодяев ловко ухватил Милу за волосы и бросил на пол в коридоре:

– Слушай сюда, коза безрогая! Если в понедельник не принесёшь деньги, можешь заказывать панихиду! А сейчас мы заберем одного из твоих щенков, и он будет регулярно звонить тебе по телефону.

Неожиданно в коридор вышла Акулина Ермолаевна. Она только что приняла душ, поэтому была в махровом халате с тюрбаном из полотенца на голове.

– Кто посмел пугать мою внучку? – светским тоном удивилась старушка.

– Бабка! – властным голосом приказал один из бандитов, – Топай от греха подальше. Сейчас попадёшь под горячую руку – костей не соберёшь!

Акулина Ермолаевна послушно юркнула в комнату, но через секунду опять появилась в коридоре.

– Я что, непонятно выразился? – рявкнул бандит.

Однако старушка молча сунула руку в карман халата, и тут в её скрюченных подагрой пальцах блеснул воронёной сталью тяжелый маузер. Акулина опустила ствол пистолета чуть ниже пояса одного из бандитов и громко скомандовала:

– А ну, пошли отсюда вон, фраеры тухлые! Мне девяносто два и терять мне нечего. Я с удовольствием отстрелю ваши фаберже. Будете до конца своей жалкой жизни петь в хоральной синагоге! Ещё раз увижу – устрою всем вентиляцию в голове! Патронов у меня хватит.

Захлопнув за бандитами дверь, Акулина помогла Милке подняться с пола и жалобно попросила:

– Деточка! Налей-ка мне рюмашку чего-нибудь покрепче! Что-то я немного разволновалась…

– Бабуля, у тебя же давление! – попыталась возразить Мила, но послушно полезла за бутылкой.

– Недавно прочитала, что мне нужно пить и курить, иначе я вообще никогда не сдохну! – доложила Акулина и залпом выпила полстакана коньяка.

– Откуда у тебя, чёрт возьми, маузер? – испуганно спросила Мила. Как историк, она знала толк в оружии.

– Я же в семнадцать лет на Туркестанском фронте басмачей гоняла. В Финскую снайпером была. В Отечественную в штабе партизанского движения служила. Отвечала за подготовку диверсионных групп.

Как сказал поэт – «Гвозди бы делать из этих людей!».

Вот такие бывают божьи одуванчики! Добавить нечего!

МОЙ ЛЮБИМЫЙ БРИДЖ
рассказ

…И ляжет пиковая дама
Взамен счастливого туза.
Ю. Олеша, 1918 г.

Опять мятая банка! Когда эта тупоголовая секретарша прекратит ставить в холодильник повреждённые банки? Одно неловкое движение, и пятна на светлых брюках обеспечены. Вот что теперь прикажете делать?

– Тамара! – едва сдерживая ярость, зову я. Звонко цокая по паркету стальными шпильками, в дверях кабинета материализуется существо с глуповатым густо накрашенным личиком.

– Вы прямо с утра пиво пьёте? Я только полчаса назад поставила его в холодильник, не остыло ещё…

– Это, между прочим, не просто пиво, а «Гиннесс». А «Гиннесс» – это портер! К твоему сведению, во время Второй мировой войны в английских госпиталях «Гиннесс» выдавали солдатам.

– Сто первый раз слышу, – вяло перебивает секретарша.

– А я жажду услышать, когда ты, наконец, разберёшь ящики с документами и канцелярией! Не дай бог, притащится этот тип из пожарной охраны, я с превеликим удовольствием вычту штраф из твоей зарплаты. Мы уже неделю, как переехали в этот офис, а я, как Плюшкин, таскаю ручки, бумажки и все документы с собой в портфеле. Ты же упорно продолжаешь вести запись клиентов на подозрительных бумажных огрызках…

Поток моих претензий прерывает резкий звонок во входную дверь, и непрошибаемая девица летит открывать. Я слышу в приёмной её возбуждённый голос. Через мгновение Тамара вводит в кабинет посетителя. Незнакомец одет с вызывающей элегантностью. Его грузная фигура упакована в очень дорогой костюм, который отчаянно топорщится на внушительном животе. Не поздоровавшись, вошедший довольно развязано осведомляется:

– Вы Кравченко? Мне вас рекомендовали как опытного специалиста…

Я слегка пожимаю плечами и жестом приглашаю вошедшего сесть в кресло напротив.

– Дело у меня достаточно деликатное, надеюсь, что Вы сохраните наш разговор…– незнакомец внезапно замолкает, потому что в дверях появляется неугомонная Тамара. Выразительно щурясь, она с придыханием вопрошает:

– Вы какой кофе любите: со сливками или с коньяком?

– Просто кофе… – бурчит странный субъект.

Секретарша удаляется, а я стараюсь придать лицу выражение профессионального участия:

– Итак, чем могу?..

– Забыл представиться, – посетитель явно нервничает. Подчёркнуто небрежным жестом он извлекает из нагрудного кармана визитную карточку и, зажав её двумя пальцами, протягивает мне через стол. Я вслух читаю:

– Калиновский Олег Петрович, компания «Евро-транс», генеральный директор… Слушаю Вас!

– Я никогда не обращался к специалистам вашего профиля… гм, видите ли, я очень волнуюсь за свою жену. Она стала очень неадекватна, – Олег Петрович вытаскивает из кармана пачку сигарет, но не закуривает, а начинает нервно вертеть её в руках.

– В каком смысле?

– Как Вам это объяснить? – с досадой говорит посетитель. – Всё время придирается, лезет, куда не нужно, от её истерической деятельности страдает мой бизнес. Ситуация грозит выйти из-под контроля. Мне бы очень хотелось…

Олег Петрович замолкает, явно подыскивая слова. Тут дверь без стука открывается и в кабинет вплывает заботливая Тамара с подносом в руках:

– Надеюсь, Вам понравится кофе, – медовым голосом поёт секретарша. Она начинает топтаться, как цирковая лошадь перед моим столом и почему-то не торопится уходить.

– Тамара, будьте так любезны, оставьте нас, – цежу я сквозь стиснутые зубы. Обиженно фыркнув, нахалка демонстративно удаляется.

– Олег Петрович, не совсем понимаю, чем, собственно… – чтобы как-то выиграть время и сосредоточиться, я закуриваю и пытаюсь перевести разговор в понятное мне русло. – Расскажите в двух словах о своей работе. Чтобы помочь Вам, мне необходимо знать некоторые детали и нюансы…

– Хорошо, – пожимает плечами мой собеседник. – У меня большая фирма. Грузовые перевозки по всей Европе, салон по продаже иномарок, две заправки, несколько магазинов авто запчастей. Основные фонды, как и вся фирма, по понятным причинам де-юре принадлежит моему тестю-ветерану всех воин и конфликтов, но я держу под контролем весь бизнес…

В потоке наших бестолковых реплик я начинаю смутно кое о чём догадываться. Свои соображения пытаюсь выразить в максимально деликатной форме:

– Вы боитесь, что все эти с позволения сказать блага цивилизации могут перейти в другие руки? Грамотно подготовленные документы для расторжения брака…

– Да нет же, – морщится Олег Петрович, – во-первых, развод не входит в мои планы, а во-вторых, мы с тестем связаны очень крепко.

Он наконец закуривает. Несколько томительных минут мы сидим молча. Слышно как в приёмной за тонкой стенкой, словно мышь в сарае, возится секретарша.

– Тогда не совсем понимаю… – я начинаю тихо злиться.

– Что тут не понятно? До чёртиков надоели эти бабские истерики! Мне сказали, что вы, то есть у вас есть возможность без особой огласки поместить супругу в… как это… гм… закрытую клинику…

Я не успеваю в очередной раз удивиться, потому что у Олега Петровича назойливо звонит мобильный телефон. Мой странный посетитель минут десять, совершенно не стесняясь моего присутствия, громко ругается с неким Пашей, потом торопливо допивает кофе, тушит в пепельнице недокуренную сигарету и, сунув телефон в карман, демонстративно смотрит на золотой «Ролекс» на волосатом запястье:

– Слушайте, давайте встретимся где-то в более подходящей обстановке. Как насчёт ужина в «Калиостро», скажем в эту пятницу, часов в девять? Идёт? Я в курсе о размере Вашего почасового гонорара…

– Но «Калиостро» – закрытый клуб, я не являюсь его членом и потом… – порядком растерявшись, мямлю я.

– Вот и прекрасно! – почему-то радуется мой странный посетитель. – В клубе я познакомлю Вас с моей супругой. Только очень прошу Вас, доктор, в клубе полно наших общих знакомых, жена не должна догадываться, кто вы…

Махнув на прощание рукой, Олег Петрович спешно покидает мой кабинет.

Доктор? Клиника? Ерунда какая-то! Что хотел от меня этот пузатый господин? Но удивляться у меня нет времени. В кабинет врывается возбуждённая, как мартовская кошка, Тамара.

– Вы видели, на какой машине приехал этот тип!?… Это же последний «Майбах»!!!

– Прикуси свой язык, тут что-то не так… – рявкаю я на секретаршу и торопливо выхожу из кабинета на улицу. Несколько секунд с ужасом разглядываю вывеску на входных дверях офиса. Мои самые мрачные подозрения оправдались.

– Тамара! – ору я на всю улицу. – Ты уволена!!! И только попробуй заикнуться о выходном пособии! Кыш отсюда!..

Все три дня до пятницы меня не оставляет навязчивое желание позвонить Олегу Петровичу и отменить встречу. Но уже к вечеру четверга у меня появляется идея. Чем черт не шутит, когда бог спит, любил повторять мой папочка.

Стоянка у загородного клуба «Калиостро» в пятницу вечером забита до отказа. Я тщательно прячу свою ржавую «девятку» за большую пушистую ёлку, стараясь унять нервную дрожь в коленях, поднимаюсь по широким мраморным ступеням. Долговязый швейцар в блестящих генеральских эполетах сноровисто распахивает передо мной массивные двери и с нежной озабоченностью интересуется:

– Добрый вечер! Вы – Кравченко? Вас ждут…

Возникший ниоткуда юноша с бесстрастным лицом и оттопыренной массивной кобурой полой чёрного фрака торжественно ведёт меня по длинному коридору, в глубине которого маячит мешковатая фигура моего клиента.

– Добрый вечер! Если не возражаете, мы сначала слегка перекусим, тем более что моя супруга немного задерживается, – интимно шепчет мне в самое ухо Олег Петрович. – Надеюсь, вы помните о нашем уговоре?

– Разумеется, – эхом вторю я. – Если возникнет необходимость, Вы меня представите как… вашего адвоката…

В небольшом уютном зале мы садимся у окна. Олег Петрович, изображая из себя чревоугодника и тонкого гурмана (что не удивительно при его комплекции), принимается активно обсуждать меню. Нашу кулинарную дискуссию прерывает внушительного роста румяный здоровяк, который заглядывает в ресторан явно в поисках кого-то.

– Олежка, привет! Серёгу не видел? Я, пожалуй, кофейку с вами выпью…

Олег Петрович начинает нервно ёрзать на стуле. Лишний «свидетель» не входит в его планы, но он по какой-то причине не смеет отказать бесцеремонному любителю вечернего кофе.

– Салатика с вами покушать, что ли? – не унимается вновь пришедший. – Кстати, забыл представиться – Антон Николаевич, можно просто Антон. Давайте винца закажем?..

Я перехватываю обеспокоенный взгляд Олега Петровича и вежливо отказываюсь.

– Зря, – искренне огорчается Антон, – вечер только начинается. А вот и пропажа!

В ресторане появляется человек в твидовом пиджаке и замшевых мокасинах. Его кислая физиономия знакома мне до боли…

– Всем привет! – делает он общий поклон нашему столику и с ходу жалуется, – Волков заболел, пропала пятница!

Тут выясняется, что весельчак Антон, твидовый пиджак и отсутствующий по болезни некто Волков традиционно по пятницам играют в бридж. Четвёртый партнер уже битый час терпеливо ждёт картёжников в библиотеке клуба.

– Слушай, Олежка, выручай. Ты же, кажется, играешь немного…»

– Нет, ребята, не просите, – пугается Олег Петрович. – С вами только зацепись, обдерёте как липку!

– Скажите, – осторожно спрашиваю я, – а моя кандидатура вас не устроит?..

– А вы умеете играть в бридж? – удивляется твидовый пиджак.

В глазах Олега Петровича мелькает растерянность. Он не ожидал такого резкого поворота событий. У меня же от неожиданности захватывает дух. Ещё бы! Познакомиться в такой неформальной обстановке с заместителем прокурора области, великая удача для меня. В конце концов, поговорить с мадам Калиновской я смогу и в следующий раз, не так ли?

– Что мы время зря теряем? – Антон торопливо доедает салат и, жестом подозвав официанта, лаконично приказывает, – любезный, бутылочку «Хеннесси» занеси-ка нам в библиотеку.

…Жёсткая мужская игра заканчивается почти под утро.

– Где вы так научились играть? – восхищается прокурорский зам. – Я давно не получал такого удовольствия от бриджа. Только не говорите про тяжёлое детство в плохой компании, всё равно не поверю!

Я таинственно улыбаюсь. Насчёт плохой компании вы явно погорячились, а вот про детство у меня есть что вспомнить.

Мой папочка любил жить красиво. Это было довольно сложно при его нищенской зарплате. Вот родитель и придумал себе бизнес, который по тем временам аккуратно укладывался в пару статей Уголовного Кодекса. В случае «прокола» лесоповал был гарантирован. Начинались наши «круизы» в самом конце мая, а заканчивались к середине сентября. Крымско-кавказская линия. Ах, белый пароход! Мечта всех усталых от трескучих морозов тружеников крайнего Севера и не менее озябших отпускников средней полосы России. Одесса – Батуми – Одесса, с заходом в Ялту и Сочи. Мой отец был талантливым человеком. Он блестяще играл во все известные карточные игры и плевать хотел на чужие краплёные колоды, ведь у него была феноменальная зрительная память. «Причесать» колоду умелыми руками на своей сдаче ему

ничего не стоило, да только этим как профессионал высочайшего класса он просто брезговал! У отца имелся этакий кураж, присущий только очень хорошим артистам. Он придумал себе классный «имидж» – провинциал-очкарик в тёмно-синих сатиновых трусах. Но изюминка всё же заключалась во мне. Сопливое, плохо стриженое дитё. Лох – колхозник с ребёнком, да такую наживку охотно заглатывали не только наивные «караси», но вполне солидные пароходные шулера! Тренером отец был тоже отменным. А вы про тяжёлое детство, смешно, ей-богу…

– Очень надеюсь, что в следующую пятницу Вы составите нам компанию, – пожимает на прощание мне руку прокурорский зам. Он без особого огорчения вытаскивает из кармана пачку новеньких хрустящих купюр. Я с улыбкой делю пачку пополам и протягиваю Антону его выигрыш.

– А у вас прекрасная техника, и карты вы чувствуете, – делаю я комплемент своему партнёру.

– Благодарю вас, – Антон не глядя суёт деньги в карман и предлагает. – Давайте я вас подвезу, а машину свою потом заберёте. На стоянке круглосуточная охрана…

Не могу объяснить почему, но я тут же соглашаюсь. Мы садимся к Антону в машину, он неторопливо прикуривает от автомобильной зажигалки и, глядя на меня сквозь сизые клубы сигаретного дыма, вдруг неожиданно спрашивает:

– Олег мне сказал по секрету, что Вы известный психотерапевт. Но к психиатрии Вы никакого отношения не имеете, я правильно угадал?

– Да, Лжедмитрий из меня, мягко говоря, никакой… – я стараюсь подавить нервный смех, – просто ваш Олег ничтоже сумняшеся перепутал, нелепое совпадение фамилий, а мне знаете…

Антон, прищурившись, продолжает молча с любопытством меня разглядывать. Я стискиваю зубы и твердо смотрю в добродушные Антоновы глаза:

– …надоело перебиваться случайными адвокатскими гонорарами. Без связей в моей профессии с нуля начинать очень сложно, вот, кажется, появился шанс!

– Всё верно, – задумчиво тянет Антон и, выбросив недокуренную сигарету в приоткрытое окно машины, предлагает, – давайте вашу визитную карточку. Я заеду к вам во вторник. Мне нужно один щекотливый вопрос обсудить. Если вы, конечно, разбираетесь в законах также хорошо, как и в бридже.

Во вторник, внимательно выслушав мои комментарии, Антон удовлетворенно хмыкает:

– Я давно подозревал, что весь юротдел моей строительной компании нужно к чертям разогнать! Что ни спросишь, это «не положено», тут «не законно». А как сделать так, как *мне* нужно – тут смекалка нужна, аналитический ум! – Антон подмигивает мне с видом заговорщика. – Я ведь человек простой, начинал штукатуром в стройбате, институт потом закончил. Хотите, Вам дом построю? Запросто!

– Благодарю, пока мои финансы… – смущённо бормочу я.

– Это поправимо, наш прокурор от вас в восторге. В пятницу к вам в партнёры очередь будет стоять!

– Вы прочите мне карьеру карточного шулера в вашем клубе?

– Что Вы,– добродушно улыбается Антон. – Найти толкового юриста непросто, а ведь ему ещё и доверять нужно. Хотя, человек, который так блестяще умеет играть в карты, вызывает инстинктивное подозрение… – Антон заразительно хохочет.

Чтобы скрыть смущение, я торопливо встаю, давая этим понять, что «аудиенция» окончена.

– А гонорар? – Антон достаёт из кармана внушительных размеров кожаное портмоне.

– Да что вы, ей богу, вы же мой партнер! Впрочем, постойте, у вас строительная фирма? Сделайте одолжение – поменяйте мне вывеску на офисе. Предыдущий владелец, который действительно был известным психотерапевтом, вмуровал прямо в стену целую мемориальную доску. Секретарша бумагой заклеивала, всё без толку…

– Нет проблем, завтра ребят пришлю, – Антон пожимает мне на прощанье руку своей огромной сильной дланью.

В четверг вечером звонит прокурорский зам и полчаса уговаривает меня перенести игру на субботу. Он застрял на каком-то выездном совещании, вернуться к пятнице не успевает. Узнав про такое изменение расписания, Антон предлагает всей нашей компании картёжников съездить к нему на дачу попить пива. Спешно закончив на следующий день самые неотложные дела, я стаскиваю ненавистный пиджак, влезаю в старые джинсы и, закрыв офис, сажусь в машину к Антону.

…Роз много, каждый куст – маленькое произведение садового искусства, а вдоль забора пушистые голубые ёлки. Их нагретая на солнце хвоя издает головокружительный аромат.

– Да у вас здесь просто рай, – совершенно искренне восхищаюсь я. – А дом небольшой, но очень уютный!

Антон самодовольно улыбается:

– Жарковато немного. Руки не доходят поменять кондиционер в спальне…

– Бросьте, в раю жарко не бывает! – блаженно щурясь, я падаю в огромное плетёное кресло на веранде.

– Ребята, – предлагает Антон, – пива или чего покрепче?

Никто не успевает ответить, потому что у незапертой калитки появляется очень высокая худая брюнетка в чёрном брючном костюме. Дама медленно бредёт в нашу сторону.

– Это жена Олега, – поймав мой удивлённый взгляд, комментирует Антон, – кажется, опять ключи потеряла. Их дача тут рядом. Чует моё сердце, снова заставит ломать их амбарные засовы… Здравствуй, дорогая, вот, разреши тебе представить…

Незнакомка медленно снимает тёмные очки, в её огромных карих глазах вдруг загорается знакомый мне огонёк. «Каринэ? Что ты здесь делаешь?». Вопрос готов сорваться с губ, но я тут же беру себя в руки. Несколько минут мы ведём изумительную светскую беседу. Наконец наша собеседница с царственным достоинством удаляется, а я перехватываю быстрый взгляд Антона. Взгляд полон глубокого, скрытого смысла. Таким взглядом обмениваются за карточным столом сговорившиеся заранее игроки. Или мне всякая ерунда мерещится?.. А он не так прост, этот штукатур!

…Каринэ, Кара – подружка моей далёкой и счастливой черноморской юности. Высокая черноглазая девочка с длинной и толстой, как просмоленный корабельный канат, косой. Несколько лет подряд, во время наших круизов мы с отцом заезжали в их гостеприимный дом в Гаграх. Отец Каринэ работал главбухом в местном «мандариновом кооперативе». В их доме нас очень любили и окружали заботой, о которой я буду помнить всегда.

…Она приезжает ко мне в тот же вечер. Сняв туфли, залезает с ногами на мой старый продавленный диван и начинает горько плакать.

– Кара, девочка моя, успокойся, родная! – я сажусь рядом и осторожно целую её в холодную и мокрую от слёз щеку.

– Господи, Сашка, как я рада тебя видеть! Столько лет мне поговорить толком не с кем. Всё так плохо, не могу больше, – беззвучно, одними губами шепчет Каринэ.

– Давай выпьем за встречу, ты успокоишься, и мы поговорим… – я вытаскиваю бутылку «Арарата», Каринэ берёт из моих рук бокал и вдруг спрашивает:

– А помнишь, как хорошо было у нас в Гаграх?

Я грустно улыбаюсь.

…Только в юности происходят вещи, о которых мы храним бережную память в самом сокровенном уголке нашего сердца. Приторно-сладкий вкус хурмы на губах, удушливый запах цветущих азалий, мягкий шорох невидимой в темноте морской волны. Торжественный и изумительный в своей бесконечности бархат ночного субтропического неба, яркий и таинственный свет далёких звезд. «Смотри, Сашка, звезда упала, быстро загадывай желание!..».

Каринэ печально со всхлипом вздыхает и начинает тихо говорить:

– …После событий в Абхазии мы как беженцы были. Я одна, на свой страх и риск, начала этот автомобильный бизнес. Фирма «Евро-транс» – моё детище. Искала партнеров, моталась по всему бывшему Союзу… Олег пришёл ко мне наниматься простым водителем. Саша, это я, понимаешь, я создала эту фирму! – в голосе Каринэ я слышу горечь и глухое, почти звериное отчаяние. – …Года полтора назад я поняла, что Олег затеял какую-то игру. Он стал осторожно вытеснять меня из бизнеса. Его, видите ли, не устраивает роль «второго плана», всё должно быть так, как решил он! Отказался подписывать выгодный контракт с немцами, которых я «обхаживала» почти два года. Знаешь, он меня морально задавил…

– Но разве твой отец не является официальным владельцем фирмы? – осторожно спрашиваю я.

Каринэ делает жест отчаяния:

– Папа уже давно ни во что не вмешивается, да и возраст…

– Скажи, а что, по-твоему, может сделать Олег? – я подливаю себе в бокал коньяка и некоторое время сосредоточенно рассматриваю маслянисто-янтарную жидкость.

– О! Этот человек способен на всё. У него бульдожья хватка, особых проблем с совестью не наблюдается, а запах денег он чует, как акула чует запах крови! Он может раздробить фирму, оформить на подставных лиц, потом объявит себя банкротом, чтобы выплыть где-нибудь в Урюпинске. Для Олега в этой жизни имеют значение только деньги! – Каринэ начинает опять тихо плакать. Я вытаскиваю из кармана джинсов носовой платок и тщательно вытираю ей слёзы.

– Теперь успокойся и слушай, – я допиваю коньяк, закуриваю очередную сигарету и сажусь по-турецки на ковёр. – Так сложились обстоятельства, объясню потом, но мне поручено поместить тебя, дорогуша, в частную клинику, а проще в дурдом…

Каринэ хватается за голову:

– Я пропала! Господи, что же мне делать?

– Кара, ради бога, только без паники, – я поднимаюсь с ковра и иду к секретеру. – Вот тебе ручка и бумага, пиши. Мне понадобятся следующие документы…

Я начинаю диктовать. Каринэ быстро записывает, периодически поднимая на меня то удивлённое, то откровенно испуганное лицо.

– Даю тебе на подготовку две недели – дольше я просто не смогу держать твоего Олега Петровича за «болвана» в старом гусарском преферансе…

Каринэ быстро кивает и с надеждой смотрит мне в глаза.

– Не отдадим врагу любимых Сиракуз! – хитро прищуриваюсь я. – Господин Калиновский был настолько любезен, что, не начав игру, поспешил выложить все свои козыри. Одного только не возьму в толк, что ты нашла в этом Петровиче? Молодая, красивая, самодостаточная женщина и этот, с позволения сказать бонвиван – пузатый, плешивый, тьфу!..

Каринэ тщательно пудрит опухший от слёз нос и задумчиво изрекает:

– Знаешь, у Олега есть потрясающий дар – он умеет уговаривать. Это как сеанс гипноза. Когда понимаешь, какую «лапшу» он тебе навесил, уже слишком поздно…

Я брезгливо пожимаю плечами. С такими «талантами» нужно в подземном переходе секонд-хэндом торговать!

…Ну почему весь мир несправедливо считает шахматы игрой интеллектуалов? Все фигуры на доске, их не сунешь украдкой в рукав, не заменишь пешку ладьей. И терминология у них, как у африканских каннибалов. Только вдумайтесь: королева «съела» офицера! А в моём любимом бридже есть всё – и элемент случайности и дьявольское, порой необъяснимое везение и ловкость рук, и бешеный азарт.

Две недели я чувствую себя генералом перед решающим сражением. Вот только Антон всё время путается под ногами. Каждый божий день натыкаюсь на него в самых неожиданных местах. У меня возникает нехорошее подозрение: уж не засланный ли он казачок!?

…Наконец наступает, как говорят военные, «день Д». Я с особой тщательностью раскладываю документы по прозрачным файлам. Каринэ с беспокойством наблюдает за мной, сидя в напряжённо-выжидательной позе.

– Кара, прекрати нервничать, марш в соседнюю комнату! А вот, кажется, и сам виновник торжества явился, не запылился…

Угрюмый толстяк врывается в мой офис и с порога, не поздоровавшись, переходит в атаку:

– Что здесь происходит!? Утром охрана не пустила меня в мой собственный кабинет. Тесть, старый маразматик, потребовал, чтобы я поехал на встречу с вами. Меня их диагноз не интересует!

– А вас вызвали сюда не для того, чтобы обсуждать чью-то психическую полноценность, – я говорю очень тихо, стараясь придать голосу зловещую вкрадчивость.

– Олег Петрович, – со сладкой улыбкой я кладу на стол свой первый «козырь», – согласно распоряжению владельца компании «Евро-транс», со вчерашнего дня вы уволены с занимаемой должности… гм… водителя. Поскольку нами не были найдены документы о назначении Вас на должность генерального директора вышеуказанной компании, все ваши подписи, печати и тэ.дэ. автоматически аннулируются…

– Что ты мелешь? Ты в своём уме? – вытаращив глаза и брызгая слюной, орёт Олег Петрович.

Продолжая улыбаться, я кладу на стол вторую папочку.

– А вот, Олег Петрович, договор, подписанный Президентом компании Каринэ Гурамовной Матевосян. Согласно этому документу, фирма «Евро-транс» десять дней назад стала совместным предприятием. Немецкая фирма «Аппельбаум» давно предлагала взаимовыгодное сотрудничество, но ваша должность, к великому сожалению, не предусмотрена новым штатным расписанием…

– Убери свои бумажки! – наливаясь тёмной кровью, хрипит Олег Петрович. Но в его глазах уже трепещет огонёк беспокойства.… Так-с, поехали дальше! Я аккуратно кладу на стол третий файл.

– Как адвокат Каринэ Гурамовны я информирую вас, что ваша жена начинает бракоразводный процесс. Не перебивайте меня! Вы имеете право на половину совместно нажитого имущества. Напоминаю вам, что компания «Евро-транс» таковым имуществом не является!..

– Адвокатишка, говоришь!? Да я вас всех в бараний рог сверну!..

– Господин Калиновский, настоятельно не советую угрожать. Мой хороший знакомый, с которым я по пятницам играю в бридж, в остальные дни недели плодотворно трудится заместителем прокурора области… – я делаю зловещую паузу. – …Документы о ваших махинациях со счетами компании по моей просьбе могут стать предметом его пристального изучения хоть сегодня…

– Ах ты… – Олег Петрович, несмотря на явную грузность своей фигуры, делает кошачий прыжок. Кажется, он серьёзно собрался вцепиться мне в глотку. Я едва успеваю увернуться. Из соседней комнаты выскакивает бледная перепуганная Каринэ.

Внезапно дверь моего кабинета распахивается настежь и на пороге появляется сияющий Антон. В руках у него огромный букет роз.

– Что за шум, а драки нет?! – как всегда весело осведомляется он.

– Вот, ещё один Иуда пожаловал, – цедит сквозь стиснутые зубы Олег Петрович.

– Полегче на поворотах, парень, – добродушно откликается Антон.

– Да пошёл ты, знаешь куда?!! – взгляд Олега Петровича полон тяжёлой нескрываемой ненависти. Он медленно достает сигарету и щёлкает зажигалкой с такой бешеной яростью, словно передёргивает затвор карабина. А я уже держу в руках свой последний «козырь».

– Олег Петрович, прежде чем вы покинете нас, хочу напомнить, что новенький «Майбах», на котором вы имели удовольствие сюда приехать, числится за офисом фирмы, поэтому ключи и техпаспорт вы обязаны сдать…

В ответ – яростный хлопок дверью и тишина.

– По-моему, он обиделся, – насмешливо комментирует Антон.

– Проигрывать тоже нужно уметь! Кстати, Антон Николаевич, зачем вы этот веник сюда притащили? – я нервно шарю по карманам пиджака в поисках зажигалки.

– Это розы для тебя, Сашенька!

– ?!!

– Я в машине подожду! – Каринэ суетливо подхватывает сумочку и исчезает.

– Антон Николаевич, всё так неожиданно… я не совсем понимаю… – чувствуя себя полной идиоткой, начинаю мямлить я.

– Сашенька, я давно хотел сказать, вернее, признаться… Я тут за тобой почти месяц наблюдаю. Гм… короче, я всегда мечтал иметь рядом с собой женщину вот такую, как ты, умную, независимую… Чёрт! Не умею я делать комплиментов… Короче, я тебе это… самое, вроде предложение делаю…

– Антон, прошу тебя… – я с трудом устанавливаю на место отвисшую челюсть, – Я не гожусь на роль хранительницы домашнего очага. Я плохо готовлю, не умею пришивать пуговицы… много курю, пью по утрам «Гиннесс»… да, ещё храплю по ночам… у меня угрюмый характер. Потом, Антон Николаевич, мы с тобой, то есть с Вами едва знакомы! Посмотрите, что кругом творится!.. Разве можно сейчас кому-то верить!?

– Так и думал, что если скажу, что влюбился в тебя сразу, когда увидел первый раз в клубе, ты мне не поверишь. Но у меня «большой шлем» в пике[1], я могу его объявить!

– Валяй! – устало говорю я.

Антон сваливает розы прямо на стол. Садится рядом. Берёт мои руки в свои огромные тёплые ладони. Заглядывает в глаза.

– Знаешь, солнышко, в первый же вечер я понял, что только с такой женщиной как ты, возможно настоящее взаимопонимание. А в любви, как в серьёзной игре в карты, очень важно, чтобы рядом был надёжный партнер. Ну, разве я не прав, любимая!? Кстати, поторопись, сегодня пятница, а значит, мы играем в твой любимый бридж…

---

[1] Самая выигрышная комбинация карт в бридже.

ЕЛЕНА СЕВРЮГИНА

ВОЗРАСТ ВРЕМЯ НЕИЗБЕЖНОСТЬ

***

возьмём билет туда а не обратно
уедем в этот город непонятный
там переулки башни и мосты
и в чёрном небе слово голубое
оно объединяет нас с тобою
поскольку переводит нас на ты
на тысячи неведомых наречий
как будто до начала нашей встречи
мы оба погрязали в немоте
и было одиноко на холсте
бумажном ни словечка ни заметки
а нынче видишь кланяются ветки
и строки проступают на листе
и кружатся дома дома домами
наполнен звук от виры и до майны
и воздухом строительных лесов
надышишься до самого обеда
а после отдыхаешь привиреда
и двери запираешь на засов
но к ночи начинается томленье
и снова тяготят как преступленья
не встреченные мною города
но кто бы знал как много этой жажды
попасть туда когда-нибудь однажды
дворы моей мечты многоэтажной
я к вам приду когда уже когда…

***

то что подлинно всегда
оставляет след
не уходят без следа
остаётся свет

к сентябрю густеет дым
значит нам видать
вредным медным золотым
скоро опадать

неприметно второпях
завершая круг
сохраняя на ветвях
образ или звук

будет серым белый снег
и просядет наст
но однажды по весне
вспомнят и о нас

и проклюнется тугой
почкой первый лист
и проснётся над рекой
вересковый свист

там где чуткая роса
спит в ладонях трав
бродят наши голоса
жизнью смерть поправ

расцветает тишина
песней горловой
обрастают имена
солнечной молвой

то что подлинно всегда
оставляет след…

ДРУГУ

просто ветер
просто листопад
осень
никуда уже не деться
та что
выбирает наугад
пустотой
расколотое сердце

посидим
за столиком вдвоём
мы с тобой
не виделись два года
выпьем кофе
что-нибудь споём
на крыльце
подышим кислородом

а потом
отчалим по дождю
кто куда
и разницы уж нету
в серой суете
столичных дюн
как всегда
теряются приметы

правды кривды
дружбы и вражды
холодом
съедаются осенним
посидим немного
до беды
будто бы
в христово воскресенье

причащаясь хлебом и вином
тёплых слов
земными родниками
светлые взволнованные но
оставаясь в дружбе
должниками

сигарету бросив наугад
задрожит
испуганная нежность
просто ветер
просто листопад
просто возраст
время неизбежность

***

смотрели в зум читали босха
боясь простого разговора
стоял который високосный
всех убирая без разбора
а молот бил по наковальне
переиначивая солнце
и становились все овальней
прямоугольные оконца
и было все невыносимей
в чаду стекла и арсенида
но мы другого не просили
и нас ничуть не осенило
а осенило бы случайно
а прозвенело бы поближе
не обреклись бы на молчанье
взорвав искусственные vision
и дом осенней тихой ранью
вдохнул бы лёгкими свободней
и свежесть комнатной герани
и пыль квартирной преисподней

***

под камерой уснёт
предатель чиж
мир опустеет инями
и ятями
и ты во мне
навеки замолчишь
а я в тебе…

но память
не захочет январю
предать себя
дорогами пустынными
я как всегда
в тебе заговорю
а ты во мне…

не распознать
по голосу травы
давным-давно
заученную заповедь
когда мертвы
по-прежнему мертвы
глаза твои

но если есть
веление идти
и взгляд наверх
где воздух
полон чайками
мы всё равно
скрестим свои пути
случайные

безмерностью
израненностью фраз
живой водой
моленьями и милями
когда-нибудь
земля отыщет нас
и мы её…

***

когда тебя впустила в сон
на выселки тоски
ты был высок ты был лисой
бегущей вдоль реки
ты был сам ной ты был со мной
спешащей на плаву
зажечь твой дождь испить твой зной
уйти в твою листву
беспарной тварью что дрожит
у дома мертвеца
вот человек движенье жил
испарина творца
а вот приходит тот о ком
все ночи и слова
и ты бежишь за сквозняком
практически жива
и видишь я и слышишь я
то я в котором ты
и зарастает полынья
привычной пустоты
но если вдруг случится так
что видимость не та
придёт твой друг вчерашний мрак
начнёт читать с листа
об иллюзорности тепла
и вечности вещей…
когда проснулась поняла
не выжил мой ковчег

***

застываешь у порога
забываешь время напрочь
если мельком прикоснуться
станет больно горячо
не люби другого бога
не читай молитву на ночь
ты же знаешь тех кто выше
никогда и ни о чём

эти мили или или
эти мели еле еле
засыпай проснись в апреле
или летнею порой
потому что жизнь качели
от моллюска к боттичелли
нарисуешь боттичелли
сологубовским пером

и мгновенно станет душно
и захочется остаться
и заполнится пространство
астероидной пыльцой
отстранённо добродушно
из угла иконостаса
поглядит твоё другое
позабытое лицо

***

не сегодня и не вчера
между шилом и богом шивой
остаётся болеть дыра
та что ревность во мне прошила
ряской тихого озерца
не затянется до конца

словно точит древесный жук
прогрызает полы и стены
ухожу ли я прихожу
не сбежать от неё от стервы
и не радостен дом родной
я иду а она за мной

хочет взять меня изнутри
от неё никакого средства
забери её забери
и другой завещай в наследство
но другая назло судьбе
завещает её тебе

АНДРЕЙ ИВОНИН

МОЖНО УВИДЕТЬ УКРАДКОЙ

***

Глухое бездорожье,
кривая колея.
Да будет воля Божья
на каждого своя.

На дальнюю дорогу,
тупую боль в груди,
на счастье и, ей-богу,
на всё, что впереди.

На стылый ветер в поле,
на кров и на ночлег,
на выпавшую долю,
на этот талый снег
да будет Божья воля
и присно, и вовек.

***

Переулков разбег
да бульваров кольцо.
То ли дождь, то ли снег,
то ли ветер в лицо.

Может сон? Или явь?
Ледяная пыльца.
По-пластунски и вплавь,
но пройти до конца.

До двери на углу,
где не встретимся мы.
До конца этой улицы.
Ночи. Зимы.

БОГ, В КОТОРОГО Я НЕ ВЕРЮ

1.

Бог, в которого я не верю, всё же хочет меня спасти:
держит за руку, подстилает соломку. Сжимая в горсти,
как воробышка в тёплых ладонях меня несёт.
Пылинки с меня сдувает и думает, что спасёт.

В бездорожье указывает мне путь, говорит – иди!
Если я оступлюсь, упаду, он поднимет, прижмёт к груди,
улыбнётся усталой улыбкой и скажет: «Ну что ж ты, родной?
Не ушибся? Вставай! Дай-ка я тебя пожалею, маленький мой».
От ненастья укроет меня, даже если я не просил.
И когда меня оставляют силы, даёт мне сил.
В самых тёмных моих закоулках включает свет.
Бог, в которого я не верю. Которого нет.

2.

Бог играет на мне как на скрипке, водит смычком,
извлекая звуки из полой моей души.
Говорит: не робей! Говорит мне, мол, всё пучком!
Говорит: не молчи, не смиряйся, люби, пиши!

Он качает меня на руках, прижимает к щеке,
опускает к земле, поднимает в самую высь.
Он играет, а я, прозябая в своей тщете,
заклинаю струну: раньше времени не оборвись!

И горячая музыка льётся, течёт из груди,
из самой моей сердцевины, оставляя меж рёбер пробел.
Умоляю струну: ты не рвись, ты не рвись, погоди!
Я мелодию эту простую ещё не допел.

3.

Бог, в которого я не верю, верит в меня.
Он несёт обо мне по свету благую весть.
Без его молитв ко мне не проходит и дня.
Он не видел меня, но знает – я точно есть.

Он знает – я есть, целый мир у меня в руках.
Я есмь Сущий в этом космосе, на этой земле.
Вознесённый из праха, вновь возвращаемый в прах,
крохотная песчинка, огарок в печной золе.

Каждый божий день я живу, торопясь успеть
этот день до конца прожить, впопыхах, на бегу.
Предо мной преграды, которые не одолеть.
Но он верит в меня и знает, что я смогу.

***

У неё особенных глаз разрез.
В них искрится ток и таится бес.
Её дом отсюда за семь морей.
Да она и вправду иных кровей.

Она цену не знает себе сама.
Кого хочешь на свете сведут с ума
эти брови вразлёт и вишнёвый рот.
Вот ещё чуть-чуть и сорвётся плод.

У неё под кожей горит огонь.
Протяни ладони, попробуй, тронь.
Её взгляд лукав и не так уж строг…
Не дай бог, говорю себе, не дай бог.

В ЗОНЕ РИСКА

Вот так. Теснее… Ближе… Близко-близко.
Ещё чуть-чуть… Почти боясь вздохнуть.
Я в миллиметре от… Я в зоне риска –
в глазах твоих рискую утонуть.

И глядя в них, произнесу украдкой:
Ни божий гнев, ни праведников суд,
меня уже от этой кары сладкой
не отвратят, не сдержат, не спасут.

***

Пока мы не распались на фрагменты,
на атомы, протоны и нейтроны,
молекулы и прочие частицы
физической материи, как то:
фотоны, кварки, кванты, а тем паче
бозоны Хиггса, боже упаси,
пока мы не рассыпались по ветру,
как старые, истёртые страницы
потрёпанной изрядно книги
с названьем «Жизнь»,
пока ещё не стали
золой, песком, суглинком, пеплом, пылью,
пока сквозь нас не проросли деревья,
и в жилах кровь течёт, и бьётся сердце,
давай не тратить время понапрасну
на долгие пустые разговоры,
а будем вместе торопиться жить,
любить друг друга трепетно и страстно,
лишь так ещё, быть может, нам дано
притормозить ход времени. Иди же
скорей в мои объятия.
Иди же.

ГОРЕ

Сидя в плетёном кресле,
за временем не следить.
Можно представить, если
крепко глаза закрыть,
здесь, среди вечного лета,
словно бы наяву,
где-то за краем света
предпраздничную Москву.

Можно увидеть украдкой,
будто бы вон вдали:
пряничные палатки,
Старый Арбат, Фили.
Улочки в снежной истоме
торжественны и тихи.
Меня в нашем старом доме,
пишущего стихи.

Вот оказаться где бы…
Очнёшься, глаза открыв:
над головою небо,
а под ногой – прилив.
До горизонта море.
Такое житьё-бытьё.
Горе моё ты, горе.
Луковое моё.

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ

На окне зима рисует,
не жалея белой краски,
силуэты рыб, растений,
птиц и абрисы домов.
Ты лежишь под тёплым пледом
и рассказываешь сказки
про Спасителя-младенца,
про Марию и волхвов.

О царях, драконах, пальмах
и о древнем Вифлееме,
где на предрассветном небе
загорается звезда.
А у нас и звёзд не видно,
и совсем другое время,
и деревья из-под снега,
и дороги изо льда.

Там везут через пустыню
флегматичные верблюды
из далёкого Востока
драгоценные дары.
Ты рассказываешь сказки.
Ты по-детски хочешь чуда.
Хочешь вымыслов волшебных,
тайн, загадок и игры.

Рождество вот-вот настанет.
Вон оно, уже за дверью.
Сыплет снег без перерыва
в нашей северной глуши.
Говори о чём захочешь,
всё равно я не поверю
ни в спасительную сказку,
ни в бессмертие души.

***

Ты далеко уже
всё дальше дальше дальше
так далеко что мне не удаётся
никак не удаётся дотянуться
ни шёпотом ни возгласом ни взглядом
ни кончиками пальцев ни губами
до рук твоих
ресниц
твоей улыбки

на перекрёстках
в перекличке улиц
шаги твои становятся всё тише
и вот уже почти совсем умолкли

и день ослеп
и мне лишь остаётся
не отрывая глаз смотреть как ты уходишь
за серые дома за горизонт
и дальше

ОЛЬГА АНДРЕЕВА

ТВОИ БЕЗДОННЫЕ ХОЛСТЫ

***

Проще пареной репы
и мыслей, распаренных зноем,
придорожной сурепки
и выбоин в рыхлом асфальте –
мы отравлены постмодернизмом
и новой войною,
но сегодня жара
ненадолго ослабила хватку.

Ночью падали звёзды –
к утру расцвели чернобривцы,
или бархатцы –
уху имперца претит украинский,
а цветам всё равно,
им дождаться бы влажного бриза,
в них пульсирует капелькой ртути
субстанция истин.

Мушмула, кипарисы
и тёзки мои олеандры,
осторожно втекает рассвет
сквозь раскрытые шлюзы,
это – рай, без притворства,
мы – изгнаны.
Мыслей меандры
жалко мечутся
в призрак империи, в призрак Союза…

Ладно, справимся,
будем дышать через раз, чай не баре,
инфантильно смеяться,
сливать всё, что дорого было,
власть – от бога, мозги – от лукавого,
правду – гитаре,
ты и впрямь виноват,
раз корёжит тебя от обиды.

С агрессивным «пожалуйста»
путь пробивая локтями,
это мутное время проходишь,
боясь замараться,
в вязком воздухе
твой суперджет не дрожит плоскостями –
только свет и листва,
как в июне на кладбище братском.

***

паук поймал локально в сеть
два блика в облаках
и с оловом сплавляя медь
спустился с потолка
в неоперившийся ковыль
черновика двора
упрятал свой геотекстиль
взрослеть и обмирать

и не спадает епанча
с покатого плеча
но лига дикого плюща
манит в неровен час
а стыдно только в первый раз
гляди ещё свежа
остекленевшая дыра
восьмого этажа

где окна прорезной резьбы
и племенной арбуз
но там пасётся чёрный бык
и я его боюсь

***

в апофегее карантина
созреет ясная картина

и с неба спустится молчанье
немое отвращенье к миру
увидим как мы измельчали
кого назначили в кумиры

за контрабанду пропаганды
насильно удаляют гланды

я не изображаю будду
сужу и да судима буду

полёт закольцевала плавно
мой бот сейчас в другом режиме
и скорректировала планы
на третью половину жизни

всё кончится святой еленой
и неснимаемой короной
система символов Вселенной
мощнее чем её законы

***

Когда на рыхлой штукатурке
просохнет первый свежий слой,
преображением фактуры
займутся мгла и небосклон,

и перламутровые птицы,
и призрак с трепетным лицом.
Суровый дом преобразится
и станет храмом – не дворцом.

Сквозь камень в призрачной вуали
на долгий век проступишь Ты –
в какой бы цвет ни грунтовали
Твои бездонные холсты.

***

Мороз мешает внятно говорить –
молчи и погружайся в белизну.
Что слово? То ли дело снегири –
смешно ему, когда я поскользнусь.

И невпопад обнявшись у реки,
друг в друге рады этим снегирям.
Целуешь воздух у моей щеки,
как будто из металла я и впрямь.

В единственном и двойственном числе
осваиваю космос языка
замёрзшего, оставившего след,
звенящего сквозь клинопись конька,

ажур мостов и макраме оград.
Хидраргирум – вода из серебра.
Молчать несложно, я же интроверт.
Мой инструмент расслышит этот свет

и на родной язык переведёт,
используя ему известный брод.

***

Сначала надо выйти в море
и осмотреться. Синий бриг,
тонуть устав, природе вторит,
смотри, что у него внутри,
какая боль, морзянка, блики,
какая хтонь и глубина.
Не останавливайся, двигай,
касайся эхолотом дна –
и резко вверх. Твоя кессонка
важнее бездны. Будь собой.
Все пораженья философски
ты принял, но – последний бой…
Да, в переполненном сосуде
нет места свежему ручью,
но победителя – не судят,
а проигравшего – не бьют.

Час пик, нацеленных друг в друга,
но – одноразовых, на час,
не суть. Нужна перезагрузка
звезды сомнительного счаст…

…И хаотичными рывками
подслеповатой стрекозы,
ни в чём судьбу не упрекая,
он канул в синь за облаками
и вырвал грешный свой язык.

***

От людей остались их глаза.
Всё под маской, только боль – наружу.
Бог им всё, что мог, уже сказал,
так себя нелепо обнаружил,
так спалился…
Много чересчур
нас у бога – страны, континенты…
Хватит невесомому лучу
палеолитической Венеры.

Нас легко по щелям распихав,
вырвется лавина на просторы –
интернет отключим от греха,
спрячемся и заглушим моторы,
и никто ни в чём не виноват –
не хватило нам подъёмной силы.
Лампочку, горящую в сто ватт,
выключили – светит некрасиво.

Кто всё время тут бормочет? Я?
Я, заткнись, не говори, а слушай!
Робок путь простого муравья,
и ему не выбраться наружу.
Я верну по описи – лови! –
малое во мне Твоё сиянье.
Приступ истерической любви
переходит в навык состраданья.

***

жук жужжал отражал
и летел и бежал
и сиял переливчато-синим
у него под крылом и темно и бело
и подборка по краю что иней
что о нём стрекоза
говорит за глаза
вы не слушайте
всё многотравье
в этом зеркале крыл
и текстуре коры
можжевеловой
тоже потрафил

***

Меня подхватит свет,
согреет лунный снег,
я сохраню тепло
до спелого сегодня
немыслимой зари,
когда её корвет
войдёт в моря из рек –
забыв меня у сходни.

Измятый целлофан
поверхности воды,
чудовище-метро,
досужие соседи,
ненужная инфа –
но в мягкий нежный дым
рифмуются цвета
физалиса и меди,

визгливой чайки плач
вдрызг разнесёт асфальт,
младенец закричит –
и всё начнёт с пелёнок.
Надену алый плащ –
теперь немного скальд,
и рухнет с плеч гора –
лишь ахнет изумлённо.

Злой волей изнутри погасят фонари,
останусь говорить – фигурой умолчанья.

Так после февралей приходят октябри
и сносят до конца здоровые начала.

АНДРЕЙ КОСТИНСКИЙ

ЧЕ

Ч Е . . . . К А

Снегр – смешенье смеха неба и замешкавшегося ноября.
Неездабельная не по годам погода, погодя себя, стоит.
Огусеничивающимися передвижениями,
будто по сто и –
в путь! –
пьют уходящиеся дни мои под солнечногаснущим бра.

А бра – када бра, а када – не бра.
Охмелье невздрёмное веночером равно уднютру,
потому что леНОЧЬю жаВОРОНок решает – брать
или не брать сны мои в бескорневую юрту

(примечаю: две приставки – НЕ, БЕС;
НАЯ юрта – просто НА «Я»
предоканчивается, на моё среднеродовое «я», ничтожа).
И шепшет ВселенНОЧЬ:
«Усеки анапест до зачина ямб-
звучащего: «смешЕнье смЕха нЕба
И замЕшкавшЕгосЯ ноЯбря» множить

разверзшегося зверя из развёрнутого полотнища,
на котором распятая степь степлилась. И стекло под него ли
то, что выплакала выпь,
что алкала земля на заре Назарета *до*ночью?»
Тьма вольна, накрывая волново,
а свет произсветающему – подневолен.

Из Ч Е love К А
выдернута Ч Е . . . . КА,
и он снова на лове.
Обрывается жизнь-строка
на полуслове.

Иными ными полыхает небо на за-вос-паде-токе.
Сад, расплетаясь и разрастаясь, заблудился сам в себе.
Сердце каждого цветка бьётся за всю жизнь однажды только.
А сколько раз преломлялся на вечере один и тот же хлебец?

Предрассветные сумерки…
Молоко, доливаемое в ЧЁРНОЕ кофе.
В ЧЁРНОЕ – настроение ночезаваренного чёрного кофе. Пей!
Пей же так, словно ты возвращаешься из Далековья
и видишь Родину-без-тебя внутрикаменности черней.

Сегодня коса горизонта отбита моим бессновьем
настолько остро,
что перерезала за полумиг луч-канат,
удерживающий солнце-шар.
Моя земля плывёт – оттолкнувшийся от материка остров.
Боже, вслепую в барабане лото только её нашарь!

Все наши горести в горсти одной собери,
из горсти другой – наши души радостями засей.
Помнишь, Ты нам творил – алмаз, малахит, берилл,
кроша кометы, словно сухарики для голубей.

А когда, перевязав небо жгутом Млечного пути,
работал солнцем-кулаком –
набухали вены Твоих снов.
Я в них попадал, почти не целясь, иглою
моих вырвавшихся на свободу явей – да так легко,
что растворялся в, казалось, Тебе. И не был уже я собою.

Один. Одичал. Динго-собакою вою, в просаке застряв,
когда моя же судьба прялась и свёрстывалась.
Я лежал без сочувств среди поля, среди допоясных трав.
А за раменьем от хворей готовилось ложе хворостное.

С, и з – о к р ы л и в душу мою, ангел н*а*больший
доставлял её из одного конца бесконечности в другую,
где в двухсветных комнатах меня допрашивали набожно:
«В какое из окон свет проникает раньше, а в какое – вскуе?»

Почивали немые стожары над немыми остожьями.
Тишина к тишине жалась так, что крик – не просочится.
И шаги по воде – смешно так, плюсной, осторожно –
чтобы не разбудить тех, кто к бликам отсветов причислен.

э*С* НЕ Гэ, *П* НЕ Й, *Г*э НЕ Вэ, *Н*Е НЕ Цэ,
*А*Г НЕ Цэ, *Л*АЙ НЕ эР, Жэ НЕ Цэ.
«Не» не значит, что так оно и есть.
Солнце в небе на полной луне женится.
Снег, иней, гнев, ненец, ангел, лайнер… Не перечесть.

Я ставлю по очереди – то на ЧЁРНОЕ кофе,
то на КРАСНОЕ чая –
красное море от окунаемого пакетика солнца закатного.
Сюда не доходят суда – дальше причала Печати Печали,
дойдя до которого – ничего уже не загадывать!

Корень ук*о*рен, за*я*корен.
Дебри древа добра ли, зла ли.
За-а/я-кали больше, чем просто заякали
путеводящие звёзды. Знание. Звавие. Злалие.

Звёзды на небе хаотично разбросаны разве?
Представить чёрную школьную доску, на которой мелом
написан стих, или решение задачи, или про разве-
дчика Зорге тема сочинения. В общем и целом –

представить.
И стереть так, чтобы оставить только верхушки
и низинки букв –
останутся беспорядочно разбросанные точки.
Так и со звёздами. А изъятые недослова, словно чушки,
переплавлены в горниле горла произнесения нам наскрижаленых строчек.

На цы по ЧКах по узкоколенкам гор,
дрожащих, как студень на разносе,
уходил в запределье речев очнь утор.
Откисала монета луны в купоросе.

Пробивалась, казалось мне, первая мы*сль*.
Но была эта мысль о себе самой.
И она рифмовалась со словом подкопным «мы*шь*».
После «мы» – с, л, ь, ш, ь… Стой!

С Л Ь[Г] Ш Ь… «Слышшшшшшшшшшшшь?..»
Это неповереятно шепшет,
перекрикивая погромкость огромного грома,
древо позлания, послания голосом неокрепшим:
«Беги из Рая! Его взяли в аренду до пришествия второго.

И кто останется в нём,
тот не дальше себя пойдёт.
Врата открываются раз в году не только для входа.
Времени – нет! Оно не вспятно и не идёт вперёд!
В скорлупе вечности миг самообратен году.

Рай и Ад – оба нынче не те, что были.
И не те, что были бы по окончанию Договора пользования.
Рай взяли в аренду, чтобы, когда тебя убили бы,
насадить здесь новые лозы звания».
. .. … .. . … .., - . .. …. …: …. .. . . …, - . .. .
Я так устал от своего непрекращающегося бреда!
Пишу в тетрадке, развернув её на 90, по ширине.
Перекаемые ручьи, вливаясь в неё, следом
себя истекают, и перед БО исчезает приставочно НЕ.

Предрассветные сумерки…
Молоко, долитое в ЧЁРНОЕ кофе.
Полукруг совершив, солнце заваривает КРАСНОЕ моря.
И заваливается на бок переполненое горе,
и бегут из него подопытные крысы в Издалековье.

Снег и гРУСтЬ. И немыслимые возвраты
непринятых на южение гусе-ли-лебедей.
Закрываются наглухо тишиновствующие вр*а*ты.
Из *чел*овек*а* выдернута *чека*, и он снова на лове памяти своей.

Солнце всё же взошло. На востоке. На западе – село.
День отмечен в истории, перечёр(к)нут в календаре.
Сны мои непрожитые яви снова заселят.
Просыпаясь, живу.
Месяц – май.
Время – утро.
Имя – Андрей.

ИМПЕРИЯ ЧЕ

Яне Ч

Луна тарелкою для стрельбы
зависла в небе.
Звёзды – промахи.
Целился в молоко?
Из одного угла рта в другой
сорванный стебель
перекладывая,
прищуром мерил небо.
Далеко!

Охотник до темноты.
Сколько он солнц расстрелял!
А тут луна даже не ранена.
Ату её!
Не зря он нанял лучшего псаря,
и теперь пол-леса затравлено!

Вот пару пуль войдут около середины,
и это подобие пуговицы –
на неба изнанку бы!..
А вдруг эта луна –
спасительная льдина
в чёрном океане ночи
для смытых с палубы?

Выстрел!
Ещё!
Ещё!
Э х о р а в н о н у л ю.
Посторонково ходит тень вокруглесно.
Та часть света,
что начинается на *Ю*,
смотрит отмычково направо,
откуда тесными

вратами
выплывает жирное сомнце.
Охота на него –
простое убийство по матрице.
Другое дело – луна!
И чем невесомей
её корона,
тем сложнее поймать прицел…

Но что это!
Луна обагрена!..
И даже в лучах течёт не серебро...
Может, ареной стала её обратная сторона,
на которой до смерти сражается мурмилон?

Но нет…
Это в луну –
воздушный пузырь
небесной рыбы –
просочилась кровь
из тела,
пробитого пулями.
И всплывает над Римами
и кушаком Магрибовым
эта рыба взутром июлевым.

Над городом сможность.
Запах протухшего.
Резь в глазах.
Невозможность оСНОвания.
Навывылет сердце.
Перелетинебо исчез
в сумашедше-бездонных глазах Гаухар,
в которых казах
утонул в тот миг,
когда была
создана
империЯ Че.

От бессонницы
в белке луны
лопается сосуд.
На носилках созвездий
античные мифы несут.

…Я очнулся.
Надо мной столешница столетнего
вечностью неба.
И месяца след молодого –
след,
оставленный перевёрнутой чашкой
сваренного на молоке кофе.
Рядом книга.
Автор пусть для рифмовки – Вебер.
Сгорстка пепла сожжённой рукописи.
И на губах твоих – тот же кофе, и … пепел.
Замыкание счастья
в несомкнутой
ра-дужьем подкове…

АННА МИХАЛЕВСКАЯ

ИСТИННЫЙ ОБРАЗ
рассказ

Кромка косы казалась краем мира. В хрупких песочных лунках лежали крапчатые яйца шилоклювок. Стараясь не задеть гнезда, Олег пробрался к воде. Стайка шилоклювок снялась с берега и беспокойно кружила над головой. Они не ждали чужака. На заповедной Лебедевской косе – перешейке между Тузловскими лиманами и морем – до сих пор господствовала природа.

Высокий берег скрывал линию леса – тот окутывал посёлок, словно кокон. Вышки нео-джи серыми монолитами возвышались над соснами. За десять лет Олег привык воспринимать вышки как часть ландшафта – работа приучила. Но когда рядом с вышкой увидел вырубленную под стройку проплешину в зелени, хищные клювы экскаваторов, снующих работяг, внезапно разозлился. Отельный комплекс в двадцать пять этажей, сообщил разговорчивый прораб. Курорт получит второе рождение. А лес окажется на грани. Он никогда не был борцом за экологию, предполагая, что на его жизнь хватит воздуха и деревьев. Но Вероника относилась к природе иначе. Его это коробило. Он даже ревновал…

Лебедевка будто выключила двадцать лет, которые он здесь не был. И вернула в начало.

Олег отступил в сухие колосья, поддел перекати-поле. Ветер подхватил ажурный шар и понёс восвояси.

Вероника… Подруга юности. Всегда в погоне за чем-то, чего Олег не мог понять. А ему оставалось только гнаться за ней. Он не хотел так. И сразу сдался – он слишком прост для неё, слишком обычен…

Вчера Олег получил письмо с пустого адреса. Письмо из одного слова. Подписанное слишком знакомым именем.

«Помоги! Вероника. 45.82586 / 30.14683».

Первым делом сверил координаты. Лебедевка.

«На что она рассчитывала», – думал Олег, лихорадочно собирая вещи и кое-как забрасывая в багажник. Останавливать его было некому. В прошлом году жена подала на развод, и, прожив пару месяцев один, Олег понял: так даже лучше. С понедельника по воскресенье никто не видел его отчаяния. Отчаяния от налаженной и пустой жизни.

Всю дорогу к Лебедевке, Олег, как неумелый фокусник, жонглировал тревожными мыслями. Они выскальзывали из рук – приходилось подбрасывать заново. Что стряслось с Вероникой? Почему Лебедевка? Где ближайшая скорая? Больница?

В посёлок он приехал взмокший от переживаний, злой, голодный, готовый к самым трагическим новостям. Готовый противостоять и сражаться. Но, покатавшись полчаса по просёлочным дорогам, которые здесь служили улицами, так никого и не встретил. Припарковал «Тойоту» у пустующей автобусной станции. Скамейки привольно ржавели на солнце, ветер носил клочья сухой травы над потрескавшимся асфальтом.

Олег зашёл в ближайший магазин и наконец увидел человека – продавца. Его и допросил.

Женщина с травмой? Вероника? Нет, не было. Это бы все знали. А что нам здесь ещё обсуждать. Из последних новостей? Стройка в лесу. Отель будет! Вы видели наши вышки? Уже года три стоят!

Года три. Олег хмыкнул. Для глухомани серьёзный стаж. Хотя остальной цивилизованный мир перешёл на вещание через вышки нео-джи лет десять назад – менее затратные и в разы более эффективные, они были ноу-хау компании «Технолоджи Икс». Компания быстро стала монополистом, наладив выпуск браслетов-приёмников, заменив мобильную, телевизионную, интернет-связь на единый стандарт. Поначалу технологию приняли в штыки. Шла жестокая война между комфортом и страхом нового. Комфорт выиграл. Олег в войне не участвовал. Дождался, пока откроется первое представительство по установке вышек в Украине, и устроился на работу. Дослужился до генерального директора.

Взобравшись по крутому склону, Олег оглянулся на косу. Шилоклювки вернулись к своим песчаным гнёздам и суетились, тревожно взмахивая крыльями.

Он наведался в санатории, дома отдыха, пансионаты. Обошёл сокровенные места того лета – лиманская и морская коса, сосновая роща, лес на побережье. Заглянул в гостевые дома. И ни следа Вероники. Почему он так безотчётно поверил этому письму?..

Олег нырнул в лесок, сразу стало душно и жарко. Низкорослые деревца не давали тени. Идти приходилось по колено в траве, колючие кусты цеплялись за штанины, впивались в носки, царапали голые руки. «Он меня не пускает», – подумал Олег про лес. И не сразу понял, что сбился с тропки. Охватила липкая паника. С удвоенной силой Олег стал продираться сквозь сухостой. И остановился, только когда на ветке блеснул отполированный временем лошадиный череп. В траве под ним валялись чёрно-белые перья шилоклювки.

«Помоги!» – отчетливо сказал в голове безликий голос. И прагматичного Олега, который верил только в свою карьеру, пробрал холодный пот.

Он бросился на плотно сомкнутые ветви, желая одного – побыстрее вырваться. Ветви оказались сильнее. Олег упал и пополз в просвет.

***

– Где это вас так?

Олег коснулся расцарапанного лица. Кожа горела. То ли от солнца. То ли от царапин. То ли от стыда – взрослый мужик испугался худосочного леска.

Хозяин понимающе хмыкнул. На расспросы про Веронику вчера промолчал. Олег счёл это отрицательным ответом. Уставший от бесплодных поисков, он снял у хозяина комнату: думал, переночует, всё выяснит и уедет. Но дело затягивалось.

– Молодняк чужаков не любит. Этот будет поспокойнее, – и хозяин махнул в сторону морского берега. Туда, где начиналась стройка.

Олег не сразу понял, что тот говорит о лесе.

– Она бы не позволила, – голос хозяина пропитался горечью и отяжелел.

– Она? – машинально повторил Олег, уже зная ответ.

– Вероника часто сюда приезжала. Чудная такая. Иногда кажется – девочка. Иногда сядет вот так смотреть на небо – а в глазах века. К нам саженцы сосен возила. Старые-то болели и высыхали. Однажды какую-то лиану привезла – вроде для эксперимента. Та лиана разрослась, но трогать её не решились… А за леском ухаживаем…

– Почему вчера не сказали?

Повисла пауза. Хозяин отвернулся.

Но Олег уже зацепился за новую мысль: всё-таки Вероника была здесь!..

Года четыре назад она нашла его. Поджидала у офиса – длинный цветастый сарафан, на голове немыслимыми узлами замотан платок, огромные кольца серёжек в ушах. Улыбка – будто их и не разделяла пропасть лет, прожитых порознь. Он провёл мысленный эксперимент – как делал в каждую не такую уж частую встречу. Получилось бы у них что-то, останься они вместе? Заглянул в её глаза – и не смог ничего понять. Это тоже случалось в каждую встречу.

Вероника жила в Германии, преподавала в Кёльнском университете, занималась исследованиями нейробиологии растений. Моталась по экспедициям во все уголки мира. И вот она, непознаваемая инопланетянка, сидела перед ним и просила о немыслимых вещах. Взять её на работу и дать доступ к вышкам.

– Зачем тебе? – Олег привык к её странностям, но тут удивился.

– Растительный мир реагирует на вышки, – Вероника вцепилась в него взглядом. – Понимаешь, что это значит? Мы научимся слышать природу! Откроются огромные ресурсы для человечества!

– Я нарушу правила, подписку о неразглашении. Понимаешь, что это значит?

– Понимаю, но на кону прорыв в науке! Лес – живое существо. Это всё равно, что наладить контакт с новой расой!

Он отказал ей. Не потому что боялся рисковать. Из вредности. Хотел, чтобы хоть раз Вероника увидела его. Без всякой связи с исследованиями и научными открытиями.

И к чему он пришёл? Слышит призывы о помощи и даже не знает, кто их послал.

– Можно посмотреть тот лесок? – наконец выдавил Олег.

– Да, конечно! – хозяин оживился.

Старый лес начинался за автобусной остановкой – только поле перейти. Море принесло запах йода и соли, непривычно резкий для городского жителя. Олег поморщился. Широкая, хорошо протоптанная дорожка шла вдоль обрыва. Спуски к пляжу терялись в густых зарослях.

Они остановились у ясеня с полустёршейся красной меткой. Рядом росли клёны и вязы, в глубине виднелись высохшие верхушки сосен. Строительный забор маячил справа, довлея необратимостью.

Хозяин повёл дальше, снова пришлось продираться между кустами, но эти хотя бы не хватали за штаны.

– Вот, смотрите, – хозяин махнул вверх, и Олег оторвал взгляд от земли.

Они оказались на участке густого леса. Сосны – молодые и вековые перемежались с клёнами, дубами, ясенями. Ветки деревьев крепко переплетались друг с другом. Было в этом что-то тревожное. Неправильное.

– Бокила трехлистная, лиана – хозяин приподнял сплетенные ветви. – Видите, листы немного отличаются. Бокила – паразит, но уникальный. Она умеет мимикрировать под любую растительность.

– Действительно, похоже, – Олег только сейчас заметил, что лесок в сети этой лианы. Та ползла дальше, за его пределы, цепляясь за вышку у дороги.

– Это всё вырубят?

– Пока не получилось.

– Почему?

– Что-то мешало… То электропилы вышли из строя. То гроза с проливным дождём…

– Вы же знаете, в чём дело?

Хозяин отвёл глаза.

– У вас палатка есть? Заночую здесь.

– Не советую.

Хозяин резко развернулся и зашагал к дороге.

***

Бокила трёхлистная… Название никак не шло из головы. Вернувшись в дом, Олег устроился на качелях во дворике. Под кроссовками скрипели ракушки – здесь использовали их вместо гравия. Олег смотрел на лес, но слышал только себя. Бокила трёхлистная…

Он включил браслет. Связь отличнейшая, как всегда. Вышки редко сбоили. За десять лет была лишь одна крупная авария. Полгода назад в Перу, недалеко от Икитоса, города в глубине джунглей, вышки одна за другой неожиданно вышли из строя. В «Технолоджи Икс» успокаивали, что всё под контролем, но Олег понимал, они просто не знали, что делать. Вопрос решился, только когда вышки полностью заменили…

Итак, бокила трёхлистная. Он вбил запрос в поисковик. Паразит, мимикрирует под всё. Способен воспроизводить множество параметров. Повторяет форму, размер, цвет листа. Механизм копирования не известен. Сперва считали, что растение обменивается электрическими импульсами с донором, но когда бокила повторила пластмассовый цветок, рядом с которым росла, гипотезу отмели. У растений есть глаза?..

Олег свернул экран.

«…на кону прорыв в науке! Лес – живое существо».

За углом дома мелькнул цветастый подол.

Вероника?!

Это был хозяин. Он на ходу сворачивал спальник, за спиной болталась зачехлённая палатка. Пошарил в карманах, достал фонарик.

– И всё-таки не советую.

– Вы тоже считаете, что лес – живой? – хрипло спросил Олег.

– Если не лес, то что тогда живое? Эти ваши вышки? – хозяин внезапно распалился.

– Что случилось с Вероникой?

– Завтра расскажу, когда вернётесь.

Хозяин махнул рукой и ушёл в дом.

Трещали цикады, провожая закатное солнце. Ветер погладил верхушки деревьев, плеснул в лицо Олегу запах лиманской тины.

Палатка и спальник лежали у ног, напоминая о несбывшемся прошлом.

***

Спать он не собирался. Но палатку разложил, хотя весенняя ночь выдалась тёплой. Фонарь не стал включать, привыкая к темноте.

В соседней роще ухал филин, внизу шумело море. Стройка спала, экскаватор возвышался хребтом допотопного животного.

Олег просмотрел с десяток ссылок на научные исследования по нейробиологии растений. Всё это он, конечно, слышал от Вероники, но не воспринимал всерьёз. В исследованиях лес представлялся высокоорганизованной системой. С корнем-мозгом и сложной иерархией нервных импульсов. Деревья леса способны «дружить», подпитывая корни друг друга необходимыми веществами. Они чувствуют боль, шок, радость, любовь.

Двадцать лет назад они приехали сюда на велосипедах. Остановились у ясеня с красной меткой. Палатка – одна на двоих. Сосновые иголки колют щеку. Первая ночь – в отдельных спальниках. До рассвета проговорили. Он едва сдерживался, но не прикасался к ней, чтобы не разрушить хрупкое всепоглощающее счастье. Поблескивают глаза, он почти не видит Веронику, но ощущает, как продолжение себя. Его человек. Родной. Близкий. Такое он больше не испытывал ни с кем.

Выбившаяся из банданы светлая прядь волос. Улыбчивые потрескавшиеся губы. Испачканная велосипедной смазкой рука. Бисеринки пота на лбу. Их общий вдох-выдох.

Он слишком боялся потерять Веронику. Но потеря всё равно случилась. Так стоило ли все эти годы отказываться от близкого человека?..

Услышав шорох, Олег встрепенулся. Рядом лежала Вероника. Подперев голову рукой, она молча смотрела на него. Олега бросило в жар, потом в холод. Дрожащей рукой он нащупал фонарик, с третьего раза включил. Палатка была пуста.

Олег выбрался, осветил пространство вокруг. У палатки шелохнулись листья лианы. Обросшие мхом корни деревьев, побеги бокилы – всё это сложилось в силуэт лежащей на боку девушки. Голова, бёдра, слегка подогнутые ноги. Лес играл с ним. Чего ждать дальше?..

Он решил, что поцелует её в следующий вечер. Но не случилось.

Они стояли на обрыве, смотрели на уходящее в синеву море, на точки чаек, на вывернутые с корнем деревья – сорвавшиеся с пятнадцатиметровой высоты и теперь беспомощно лежащие на песке. Дыхание замирало, они едва соприкасались пальцами, и этого было слишком много.

Движение они осознали не сразу: земля начала уходить из-под ног, тогда показалось – от счастья. Их тут же оглушил треск, и пыльная волна понесла вниз. В следующий миг Олег понял, что застрял. Открыл глаза. Они с Вероникой висели в корнях, как в рыболовной сети. Вязы накренились, но не упали. Олег потянулся к Веронике, и их обдало дождём из сухой глины. Инстинкт заставлял его карабкаться наверх, но каждое движение грозило обрушить ненадёжную колыбель. В какой-то момент ему всё-таки удалось нащупать корень, потом ветку, и он сумел выбраться, вытащив Веронику. Потом, глянув вниз на их спасительную ловушку, не понимал, за что хватался. Видел только сухую глину. Ветки на старых больных вязах росли намного выше. «Деревья нас вытащили», – сказала Вероника, когда пришла в себя.

В ту ночь они будто не принадлежали себе. Смотрели на лес по-новому. И снова не спали, слушали его звуки. У него это быстро прошло, и, спустя годы, Олег напрочь забыл о падении. Зато часто вспоминал третью ночь в лесу – ночь любви. Вероника наверняка помнила вторую.

Деревья их вытащили, считала Вероника. А сейчас она пытается спасти лес? Ничего не объясняя, написав скупое сообщение «Помоги»? И что он должен сделать? Остановить стройку?

Олег распалял себя вопросами, но на самом деле пытался скрыть радостное возбуждение. Даже от себя. Если помощь нужна лесу, значит, с Вероникой всё в порядке!

Он бродил между молодыми соснами, посаженными ею, то и дело задевая головой петли лианы. Неужели она сделала это в память об их путешествии? Неужели она ждала его? А он так и не решился…

Оставшуюся часть ночи он вспоминал. Думал. Смотрел на силуэт стройки. Прикидывал, какие знакомства задействует – сперва хотя бы затормозить строительство, потом найдёт способ остановить его. Предвкушал… Хозяин обещал рассказать о Веронике. Даже если не расскажет, он сам отыщет её. Вместе они решат, что дальше.

Эта мысль принесла успокоение. Он уловил слабое дуновение давно потерянного счастья. И под утро заснул, не заметив, как заползла в палатку лиана, свернувшись калачиком у его ног.

***

Завидев хозяина, Олег погасил улыбку, стесняясь своего приподнятого настроения. Положил баул с палаткой и спальником на качели.

– Спасибо, выручили! – не выдержал и улыбнулся.

Хозяин удивлённо глянул на него, медленно кивнул.

– Я помогу, чем смогу! И… нам с Вероникой надо многое обсудить… так давно не говорили по душам…

Хозяин моргнул, дрогнул на шее кадык.

– Она пропала без вести. Экспедиция в леса Амазонки. Ушла к реке набрать воды и не вернулась. Заблудиться в тех лесах, знаете, всё равно что умереть. Её коллеги останавливались у меня. Рассказали…

В ушах зашумело. Захотелось отмотать время назад – на неделю, пять, а лучше двадцать лет. И перевыбрать другую жизнь. Потому что эта была не его. Чужая.

– Коллеги, значит… Когда это случилось?

– Где-то полгода назад. Не хотел сразу вам говорить. Не был уверен, что вы этого стоите.

Полгода назад. Дата показалась знакомой. Ну да, на эти же дни пришлась авария в Икитосе.

– И что же заставило поменять решение? – криво усмехнулся Олег.

– Что-то в вас поменялось за ночь…

– Теперь это не имеет значения, – сухо ответил Олег.

Неуместная надежда просыпалась пылью. Как глина сквозь сухие корни. Надо собрать вещи и уехать. Но сил не было ни на что. Он опустился на качели.

– Вы сказали, Вероника пропала полгода назад? – привычка анализировать факты работала на автомате, заставляя сознание против воли сопоставлять и сравнивать. – Но я получил сообщение от неё всего три дня как.

– Точно от неё? – насторожился хозяин.

– Кто ещё мог знать координаты леса, в котором мы двадцать лет назад первый раз занялись любовью?

– Сам лес.

– Вы шутите, – неуверенно сказал Олег, вспоминая как принял очертания лианы за Веронику и как проснулся утром от того, что листья гладили его щеку.

– Вы видели это?

Хозяин включил браслет, экран высветил новостной канал. Звук был отвратительный, лицо диктора шло рябью. Это при непогрешимой технологии нео-джи?! Картинка студии внезапно исчезла, сменилась нечёткой съёмкой дерева: Олег разглядел лишь очертания кроны, ветви. Раздался скрежет, похожий на скрип веток в лесу. Экран мигнул, студия вернулась. Лицо диктора безуспешно старалось быть бесстрастным.

– МЧС службы по всему миру получили тысячи сообщений от неизвестных адресатов. В сообщениях единственное слово: «Помоги» и координаты. После проверки координат оказалось, что рядом ведётся масштабная вырубка леса, строительство. В большинстве случаев строительство законно, но вырубку пришлось приостановить. По словам застройщиков, лес будто сопротивлялся им…

Лес реагирует на вышки, вспомнил Олег слова Вероники. И вспомнил бокилу, протянувшуюся к монолиту нео-джи. Журналисты пока не разнюхали, но «Технолоджи Икс» скоро снова столкнётся с масштабным сбоем. Куда большим, чем был в Перу. Он вдруг ощутил триумф – у Вероники получилось! И стыд – не он ей в этом помог.

– Возьмите, – хозяин протянул ему конверт. – Она просила передать, если будете искать.

Олег медлил, страшась и надеясь одновременно. Наконец решился, достал небрежно исписанный лист.

«Олег, я скоро лечу в Лиму. Оттуда в Икитос. В экспедицию. И как сотрудник „Технолоджи Икс“. Я сделала пробное подключение бокилы к сети через вышку. Пока нет результатов. Если получится, ты узнаешь. Придёт сообщение. Обязательно встретимся. Многое надо обсудить. Вспоминаю о нас каждый день».

Он отвернулся, не зная, куда себя деть. Придёт сообщение, писала Вероника. Но сообщение пришло не от неё. Оказавшись на грани истребления, лес использовал сеть вышек, чтобы запросить помощь.

– Что дальше? – хрипло спросил Олег.

– Всё зависит от нас, – хозяин выключил браслет. – Но уже ничто не будет, как прежде.

***

Он вернулся в лес. И увидел его таким, как тогда – двадцать лет назад.

Прошёлся вдоль кромки обрыва, безошибочно узнал вязы, которые спасли им жизнь. Протянул руки, коснувшись стволов. Почувствовал в ладонях лёгкий ток, будто тёплый ветер прошёл сквозь тело.

И впервые за долгое время ожил. Увидел каждый лист, каждую ветку до мельчайших деталей. Всё находилось в движении, и у Олега зарябило в глазах. Уже не было отдельных деревьев, вышек, лиан, стройки. Человека Олег. Пространство колыхалось в едином ритме, он принадлежал этому ритму целиком и весь. И был счастлив.

– Оставайся со мной… – сказало лицо Вероники, сплетённое из миллионов светящихся волокон.

И он согласился. Протянул руку и коснулся её – настоящей, в цветастом сарафане и серьгах-кольцах. Почему он так долго медлил? Олег обнял тонкую талию, привлёк любимую к себе. Они упали в зелёный ковер и растворились друг в друге.

***

– Да очнитесь же вы!

Лицо обожгла пощёчина. Он резко поднялся, закашлялся. В глазах зарябило.

– Зачем вы…

– Хотели в том лесу навсегда остаться? – недовольно буркнул хозяин.

Олег наконец разлепил глаза, всё тело было покрыто обрывками лианы, маленькие ранки кровоточили.

– Вероника… Неужели там, в Перу, её тоже одурманила бокила…

– Я не ботаник… И мне нравилась Вероника. Но, кажется, она слишком далеко зашла. Оглянитесь вокруг.

Олег с трудом встал на ноги, отбрасывая назойливые стебли. Тело саднило, как после драки.

Хозяин сумел дотащить его до автобусной остановки, отсюда был хорошо виден лес. Зелёная пена бешеного сплетения лиан полностью покрыла его. В ней утонул и кран, и забор стройки, и сосны, и даже

монолит вышки. Меняя форму и цвет, усики лианы постоянно росли и будто пальцы слепого шарили по земле. То тут, то там трескалась высохшая почва – из неё лезла трава, стремясь занять каждую свободную пядь.

Он думал, как остановить стройку. Хотел поднять знакомства. Спасти лес.

Олега разобрал истерический смех. Они, боги, высокомерно решили, что могут спасти природу!

Но у природы достаточно сил, чтобы спастись самой, заодно уничтожая тех, кто слишком много о себе возомнил. Пока они жили порознь: лес и человек, у них ещё был шанс. Но пришла Вероника и решила нарушить все законы. Добраться до новой расы. И когда расы посмотрели друг другу в глаза, природе стало предельно ясно, от кого и как ей защищаться.

Огромный ресурс для человека… Вероника ошиблась в принадлежности. Всё идет к тому, что в считаные дни человек станет ресурсом для леса.

Олег глянул на зелёное цунами – вот-вот и оно захлестнет станцию. Хотелось бежать, но он пошёл навстречу.

Хозяин попробовал остановить, Олег сбросил его руку.

Он подошёл к жадному ростку лианы, дал подползти к ботинку.

– Я знаю, ты здесь. Ты в этом лесу, – тихо сказал Олег. – Я всегда тебя любил. Прости, что так поздно говорю. Теперь можно. Теперь я тебя не потеряю. Никогда.

Лиана замерла, будто прислушиваясь.

– Прошу тебя, останови лес. Попроси его дать людям шанс.

Не обращая внимания на крики хозяина, Олег медленно продвигался по бесконечному живому ковру.

Без страха и сожаления. С лёгким сердцем и свободной душой.

СЕРГЕЙ ШАМАНОВ

КРИК
рассказ

Он сидел на террасе второго этажа своего дома, когда перед ним появилась золотая рыбка и уставилась на него выпуклым глазом. Рыбка была крепко зажата в клюве большой белой чайки, которая села на перила балюстрады. Увидев человека на шезлонге, она тут же сорвалась прочь, обдав его на прощание парой капель. В воздухе на птицу с криками набросились сородичи, норовя отобрать добычу.

Трофимов вскочил с шезлонга и посмотрел на искусственный пруд с фонтаном. Мраморная дева невозмутимо лила воду из своего кувшина в пруд, где над белым гравием дна неистово носились перепуганные рыбки.

– Гриша, Николай! – закричал Трофимов.

Не дождавшись ответа, он схватил телефон и набрал номер Николая. Едва взяв трубку, тот выскочил из беседки и нёсся к шефу по садовой дорожке.

– Случилось что-то? – спросил Николай, задрав голову.

Он смотрел на своего начальника снизу вверх, как всегда смотрел на него, ещё с тех пор, как тот по просьбе родных взял дальнего родственника к себе на работу. Трофимов принял благодушный вид и сказал:

– Передо мной только что приземлилась чайка с золотой рыбкой в клюве. Я думал, это доставка суши, но суши я не заказывал. Есть основания предположить, что рыба из нашего пруда.

– Понятно, – сказал Николай и подошёл к пруду. При виде человека, рыбки перестали носиться и выплыли к нему, надеясь на кормёжку.

Трофимов спустился к Николаю. Подошёл и Гриша, пожилой охранник в одежде цвета хаки, он вёл себя с такой важной суетливостью, будто в саду ему должны были как минимум показать труп.

– Можно поставить сетку, – сразу предложил он.

– Я не позволю уродовать пруд. Давай тебя посадим, будешь отгонять птиц – сказал Трофимов.

– Гриша будет плохо сочетаться с дриадой, – заметил Николай.

– Тем более рыбки – это полбеды, птицы изрядно гадят, – сказал Трофимов.

– Недавно приходил один парень, оставил визитку своей фирмы. Сказал, что они занимаются защитой от птиц, от кротов, – сказал Гриша.

– Звони тому парню. Чтобы завтра он был здесь, – распорядился Трофимов.

На следующий день перед воротами остановился чёрный мерседес, представительный, но старой модели, изрядно подержанный, из которого вышел молодой мужчина в расстёгнутой рубашке с длинными рукавами, смотревшейся со стороны как пиджак. Он поставил на капот большую кожаную сумку и скользнул взглядом по трёхметровому забору, где гривы лепных львов сплетались с прядями дикого винограда. За решётчатыми воротами был виден дом с мансардой, солидный особняк кремового цвета выделялся даже в этом благополучном районе. Пристально глянув в камеру наблюдения, молодой человек тряхнул длинными волосами, достал из кармана рубашки мобильный телефон, чтобы сообщить о своём прибытии.

Хозяин специально задержался ради гостя, вышел к нему, одетый в чёрный костюм, казавшийся тесным на его крепком теле, выбритое лицо блестело ярче лысой головы.

Гость представился менеджером, ответил на рукопожатие.

– Прохладно у вас, – застёгивая пуговицы рубашки, сказал молодой человек.

Трофимов небрежно кивнул в сторону многоэтажных новостроек.

– У нас теперь вечная тень. Ещё и в море скатимся вместе с ними.

– Зато не жарко, – молодой человек изобразил на лице сочувствие и смахнул со лба несуществующую испарину.

Трофимов, расхаживая по двору, поведал о том, как донимают птицы. Доказательства буквально лежали под ногами. Гость внимательно слушал его, разглядывая трёхэтажный дом, заодно интересовался, не беспокоят ли крысы, комары.

– Мне надо справиться с птицами, – ответил Трофимов.

Молодой человек сказал:

– Я предлагаю биоакустическую сигнализацию. Мы установим её в разных местах дома, динамики будут отпугивать птиц имитацией криков хищников, естественных для них в природных условиях. Сигнал на динамики будет поступать от датчиков движения, также можно установить режим подачи звуков через определённые промежутки времени. Это создает некоторые неудобства, но совершенно безопасно для человека и весьма эффективно против птиц. Мы установили такие системы во многих домах.

– Насколько эффективно? – с сомнением спросил Трофимов.

В ответ на это гость положил на мягкий газон свою сумку, расстегнул ремни и извлёк оттуда мегафон.

– Это наш пробник для демонстрации возможностей.

Картинно держа на весу мегафон, словно это был пистолет с насадкой (трудно представить, для чего бы служили такие насадки в настоящих пистолетах), он отвёл его в сторону и нажал кнопку. Вместо выстрела раздался крик неведомого зверя, и стайка голубей сорвалась с дерева посреди сада, и ещё откуда-то из-за забора, явно от соседей.

– Достаточно эффективно, – ухмыльнулся менеджер.

Трофимов протянул к нему руку и взял мегафон. Тот был совсем лёгким, только батарейки в рукоятке утяжеляли его, как пистолетная обойма. Он в шутку навёл оружие против птиц на менеджера. Тот снисходительно улыбнулся: чего не вытерпишь ради продаж! Но Трофимов не стал его испытывать, поднял мегафон к небу и нажал на кнопку.

Яркий крик разбросал в стороны кружащих над домом чаек. Синее небо над ними стало чистым.

– Беру, – сказал Трофимов.

Они согласовали необходимые детали. Рабочие не заставили себя ждать и приступили к работе в оговоренный срок. Трофимов выходил то на террасу, то на балконы своего дома и наблюдал, как они устанавливают датчики движения, крепят динамики под стоками мансарды, подводят электропитание.

Всё было готово. Менеджер пришёл под конец, сдать работу.

Они стояли на террасе. Парень достал из кармана резиновую рыбку, вроде тех, что используют в рыбалке для наживки, и бросил в сад. Тотчас несколько чаек метнулись к ней, но были остановлены хищным криком и разлетелись. Компанию пострадавшим составила незамеченная на заборе ворона, в криках птиц можно было расслышать обиду.

Вечером приехала невеста Трофимова, Инна – молодая женщина за тридцать, с пышными губами, в пышном платье, пышущая благополучием и разговорами о своём бизнесе. После их встречи несколько лет назад он помог ей основать косметический салон, из креативного визажиста она превратилась в управляющую. Развернулась она не на шутку, проявила себя с лучшей стороны, ему предлагали взять её в своё дело, но он отшучивался, что косметический салон с такой бойкой управляющей поглотит его фирму. Он постоянно делал в него финансовые вливания под видом подарков – то фасад отремонтирует, то рекламу закажет, ещё и сам стал ходячей рекламой – отправлял к ней всех подряд.

Вместе с Николаем они сели ужинать в беседке. Инна сразу заметила нововведение. По правде, не заметить этот крик было сложно. Вилка с наколотым шампиньоном замерла в её руке. Не снимая гриб, она ткнула вилкой в сторону крыши:

– Это так и будет продолжаться? Этот концерт невыносимо слушать. Мне кажется, что сейчас с крыши спрыгнет обезьяна.

– Не бойся, это крики пернатых, – усмехнулся Трофимов.

– Похоже на летучих мышей.

– Нет, это просто хищные птицы.

– Горгульи?

– Горгульи – это вообще-то не монстры, а выпуски водосточных желобов. Слово перешло от элемента водостока к химерам, в виде которых оформляли желоба, – важно заметил Трофимов.

– Надо ещё раз съездить в Париж, чтобы закрепить материал, – подмигнула Инна.

Продолжая есть, она заметила:

– Здесь у нас звучат не просто хищники, там ещё и крики умирающих птиц. Стоны жертв невыносимо слушать, надо иметь железную психику.

– Может, отключить звуки тревоги? – спросил Николай.

– Не надо ничего отключать. Каждый крик – это одна спасённая золотая рыбка, – сказал Трофимов.

– Не лучше ли было прикупить лишних золотых рыбок? Куда дешевле, – рассудила Инна.

– А дерьмо куда девать? Они нам всё загадили!

– Боже, я ем, не надо про дерьмо! – она скривила лицо и возмущённо затрепыхала кистями над тарелкой.

Трофимов улыбнулся и примирительно сказал:

– Птичка моя, не нервничай. Потерпим немного, посмотрим, как это работает.

Из-под крыши снова раздался хищный крик.

– Потерпим! – вздохнула Инна и продолжила трапезу.

Не прошло и пары дней, как Николай вошёл в кабинет Трофимова и сказал, что повариха хочет уволиться.

– Она не может слышать нашу сигнализацию. Говорит, что это напоминает крики демонов.

Повариха работала в монастыре и много времени проводила в церкви. Частенько она приносила Трофимову освящённые облатки и свечки, которые сама зажигала возле домашних икон. Он уважал её набожность, но тут в нём взыграли противоречия:

– Откуда она знает, как звучат демоны?

– Наверное, в её понимании демоны должны звучать именно так.

– Не спорю, – кивнул Трофимов. – Но отключать ради неё мы ничего не будем. Пусть надевает беруши во время готовки. Скажи, что рыбки будут на её совести.

– Опять вы прикрываетесь этими рыбками, – усмехнулся Николай.

– Должен же быть от них какой-то прок, раз мы их спасаем, – он выдавил улыбку.

Повариха осталась, занималась готовкой под пристальным оком святых, расставленных на видных местах кухни. Но как только запахи готовой еды проникали в дом, сама она исчезала.

А они оставались с этими криками. Птицы атаковали домовладение, едва устанавливалась тишина – чайки кружили над прудом, словно им было мало моря, и снижались, прицеливаясь на алых рыбок; вороны гуляли по крыше; голуби после каждой ночи начинали новую жизнь с чистой памятью, и с утра от них было не отбиться.

Хищные крики оглашали округу. И птицы разлетались по сторонам.

И обитатели дома хотели последовать их примеру. Как-то они сидели во дворе за столом – он, Инна и Николай. Пили вино после ужина и ели фрукты. Инна сидела в кресле с ногами, ловила на лицо солнечные пятна, просеянные сквозь листву, и лениво щурилась, как вдруг звук со стороны бульвара захватил её внимание.

– Слышите, музыка приближается? – сказала она.

Трофимов равнодушно повёл бровью. Это был духовой оркестр, из труб лилась классическая мелодия, из тех, под которые танцуют в городском саду по выходным и праздникам. Стало понятно, что там, за заборами особняков, по рельсам едет открытый вагон трамвая, любимый туристами и выпускниками школ.

– Уехала бы на нём, – мечтательно сказала Инна.

– Я бы тоже покатался, – улыбнулся помощник.

– Вот возьмём и уедем из этого хищного гнезда, – сказала она, обращаясь к Трофимову.

– Я вам уеду! – ответил он со строгостью, которая не казалась напускной. – Иди в спальню.

– Что? Я наказана? – удивилась она.

– Иди в спальню, – повторил он, и молодая женщина поднялась с кресла, нащупала под ним босоножки и скрылась в доме.

Мужчины сидели за столом, ничего не говоря. Николай сидел, немного ссутулившись, как брошенный мешок, Трофимов напротив восседал как на важном заседании, грудь вперёд, каменное лицо. Он налил в стопку водки, залпом осушил её, резко встал и направился в дом.

Николай остался сидеть, сомневаясь, мог ли он стать причиной ревности и как это отразится на доверии к нему. Он поднимал глаза к окнам спальни, где его недавние собеседники уже должны были встретиться, и возможно что-то между ними уже происходило, но когда прокричала сигнализация, он уставился взглядом в стол, словно за ним наблюдал кто-то невидимый.

Поначалу Трофимову тоже резала слух запись криков. В их хищности было что-то чуждое человеческому, настолько чуждое, что казалось странным, что ушная раковина человека способна была эти звуки уловить, по слуховым каналам направить в мозг, воспроизвести. Возможно, что где-то, когда-то существовали дикари, не покидавшие пампасы, славные ребята-головорезы, которые зачищали под ноль популяцию соседских племён, а во время своих похождений могли имитировать между собой звуки лесных животных. Но интерпретация этих звуков дикарями только сильней подчеркивала их дикость.

Человек, даже современный, тоже способен на рык. Трофимову самому часто приходилось командовать, делать жёсткие выговоры. От криков он воздерживался, всё-таки не на плантации работал, а с обра-зованными людьми, которые пытались подстроиться под его настроение до того, как он откроет рот. Но в этом крике было что-то утраченное с развитием цивилизации и голосовых связок, которые стали мягче, из которых исчезла резкость, как исчезли с развитием человека дикие черты его прародителей. Нынче самый грозный представитель рода человеческого не имел той силы, которую имел рык хищников. Рёв, в котором достоинство хищника не предполагало хороших манер, который обращал в бегство задолго до появления самого зверя. Звук смерти был прошит в мозгу потенциальных жертв и миллионы лет передавался их потомству. Куда там самоуверенной человеческой цивилизации, которая в этом мире выскочка с сомнительной родословной.

Крик больше не раздражал слух Трофимова, он испытывал к нему интерес, завидовал, как, наверное, завидуют голосу солиста подпевалы из хора. Он ощущал в себе пустоту, которую можно было им заполнить. И звук заполнял её, постоянные повторы накладывались друг на друга и надёжно отпечатывались в его голове.

Он каждый день ездил в свой офис в бизнес-центре. Как-то ему пришлось разбирать дело руководителя отдела, которого он недолюбливал. Это был амбициозный и надменный мужчина с большим опытом работы. На него поступила жалоба на недопустимое поведение с клиентом – обычное хамство, которое потянуло за собой финансовые потери. Трофимов выписал ему штраф и уволил без выходного пособия, и в этот миг услышал хищный крик.

Что-то в нём дрогнуло, он посмотрел в окно. Не верилось, что этот звук был лишь игрой воображения. Но в здании не было никакой звуковой сигнализации.

Хищные крики колебали воздух его дома достаточно часто, чтобы он их запомнил. Как-то он услышал их, лёжа в ванной. Лишённый одежды, этого дресс-кода человека цивилизованного и разумного, он почувствовал себя достаточно легко и свободно, чтобы попытаться эти звуки повторить. Напрягая горло, артикулируя губами, он выдавил из себя подобие крика. Вышла явная фальшь, он тут же представил, как хищные птицы заклёвывают его, не приняв за своего. Потом он вспомнил, как пел в школьном хоре и начал распевать этот крик, разбивая на условные ноты. Вместо ужаса это могло вызвать лишь смех и беспокойство за его душевное здоровье. Но он повторял. Опоясавшись ванным полотенцем, он стоял перед зеркалом на ворсистом коврике и кричал. Он чувствовал, что делает успехи. Напугать и разогнать никого своим криком он не мог, наоборот, пришла уборщица и стала мести кафельный пол, протирать ручки дверей. Не обращая на неё внимания, он смотрел на себя в зеркало и выдавливал звуки, которые заставляли его кривить лицевые мускулы, и эти звуки казались тем точнее, чем более свирепое выражение он придавал своему лицу.

Новые умения он продемонстрировал на теннисном корте местного спорткомплекса, расположенного посреди санатория. Он играл на грунте со старым товарищем. Мужчина с проплешиной и почти бурдючным животом бегал как заводной, тем обиднее было проигрывать ему. Игра шла за каждый мяч. Проигрывая, Трофимов отыграл геймбол, радостно подпрыгнул и победно заверещал. Соперник не ожидал такого проявления радости и с опаской смотрел на него. Он же выигрывал один мяч за другим, радостно прыгал и победно кричал хищной птицей.

– Я тебя боюсь! – крикнул смущённый приятель.

– Бойся меня! – рычал он и посылал через сетку мяч.

Последний победный крик получился у него особенно убедительным. После чего он поправил на воротнике поло воображаемую бабочку, смущённо улыбнулся и, протягивая сопернику руку, попросил прощения за несдержанность.

Он ехал с корта домой в машине, Николай сидел за рулем – Трофимов любил сам водить, но предпочитал для этого загородные поездки, где можно было разогнаться. Крик прозвучал так, будто он услышал его про себя, но он понимал, что звучало где-то в округе. Николай ничего не слышал, но он настоял поехать в нужном направлении и вскоре они остановились перед шлагбаумом у спуска к морю, где он вышел из машины.

К морю шли люди с пляжными сумками и надувными кругами. Оглядываясь на них, он немного подождал и услышал крик – он раздавался из белой виллы с колоннами над обрывом. Не одного его донимали птицы. Он не ошибся и удовлетворённый уехал.

В выходные, когда устоялась хорошая погода, он вышел в море на арендованной яхте. Они стояли на якоре между берегом и судами на рейде. Инна в открытом купальнике лежала на носу и делала селфи. Он закидывал в море лесу и ждал клёва. После пары мелких рыбёшек ему повезло выудить из воды большую сардину.

– Посмотри на мой улов! – крикнул он.

Инна к тому времени задремала в тишине и лишь лениво перевернулась на бок, чтобы равномерно загореть.

Чайки устроили танец над яхтой – трепыхающаяся на палубе в лучах солнца серебристая сардина заводила их, словно диско-шар. И вдруг особо наглая птица решила спикировать на чужую добычу, но в самый последний момент прозвучал хищный крик, от которого она сбилась и в панике улетела.

Инна резко вскочила с лежака:

– Ты слышал?

– Это? – он повторил свой крик, который прозвучал не менее убедительно, чем в первый раз.

Она смотрела на него круглыми от удивления глазами.

– Как ты это сделал?

– Не знаю. Может, я прирождённый морской хищник, – самодовольно улыбнулся он.

И правда, как-то легко он обучился этому крику. Он смотрел на берег, где над склонами возвышались особняки, многие из которых тоже обладали этим пугающим криком. Как хищники, собрались они

на богатом добычей побережье, устроили вокруг себя гнёздышки из каменных заборов, кое-где с ветвлениями колючей проволоки, подбитые изнутри для удобства мягкой вечнозелёной туей и можжевельником. Эту территорию они готовы были защищать от надвигающихся высоток, хищными криками отпугивали птиц и наблюдали за морем.

– Знаешь, в природе часто встречается мимикрия – безобидные животные приобретают окраску растений или ядовитых сородичей, но никогда менее слабые особи не подражают рыку. Казалось бы, что проще? Имей хорошие лёгкие и кричи, чтобы отгонять конкурентов. Так зубр может кричать как лев, а суслик мог бы шипеть змеёй и выгонять из нор конкурентов.

– Чтобы этому научиться, нужно долго быть рядом с хищником, а этого в природе не происходит. Ведь когда ты долго находишься рядом с хищником, то рано или поздно будешь съеден, – сказала она.

– Верно заметила. Какая ты умная у меня, – он восхищённо поднял брови. Взял её за плечо, – горячая, как на гриле лежала, сейчас я тебя съем…

– Не съешь ты меня, – громко произнесла она. Но он уже крепко обхватил её и потащил в каюту.

Она извивалась, но сопротивление было частью игры. Он же разошёлся и в порыве страсти издавал разученные крики, вонзал в неё ногти и не замечал протестов.

К вечеру они вернулись домой, а утром она, сидя перед зеркалом со спущенным до пояса халатом, холодно сказала, что у неё всё тело в синяках.

– Дай я поцелую и всё пройдёт, – он сел в постели, напустив на себя весёлость.

– Нет. Мне нужно к врачу, – она резко запахнула на себе халат и подвязалась поясом.

В воздухе запахло снятием побоев, понятыми и адвокатами бракоразводных процессов. Но что делать, пришлось везти её к врачу. К счастью, ничего серьёзного: ни сломанных костей и рёбер (на чём она настаивала), ни гематом – только небольшие синяки и царапины.

Возвращаясь от врача, они остановились на светофоре. Глядя на рекламу, он сказал:

– Хочешь, я закажу билборды с рекламой твоего салона?

– Не всё можно купить за деньги, – сквозь зубы сказала она.

Дома он искал возможности загладить свою вину. Но Инна решила поиграть на своей обиде, ещё и отыграться. Услышав сигнализацию от птиц, она крикнула ему из окна в сад:

– Ты меня звал?

– Нет, – крикнул он, поначалу не поняв, что она его подкалывает.

Когда они сидели за столом, она снова отреагировала на сигнализацию:

– Что ты сказал?

– Ничего, – удивлённо пожал плечами он.

А ещё один раз она зашла к нему в кабинет и сказала:

– Услышала крик и подумала, что ты изменяешь мне с поварихой.

– Она меня избегает, в неё должен вселиться очень сильный демон, чтобы это случилось, – с кривой усмешкой заметил он.

Но когда они лежали в постели, уже примирившись и думая о будущем, она, вздрогнув от сигнализации, сказала:

– Я больше не могу.

– Меня тоже достало, – согласился он и, найдя пульт, отключил сигнализацию.

Они счастливо обнялись.

Они прожили день без сигнализации и ещё один. Голуби ворковали на подоконнике, и Трофимов ворковал ей в плечо.

– Разве это не прекрасно? – говорила она.

А когда она принесла ему бокал вина на террасу, то заметила на полу птичий помёт.

– Ничего страшного, уберут, – спокойно сказал он. – Будем пока в дерьме. Извечная дилемма – или быть хищником или быть в дерьме.

– Бедненький, но ты ведь пока не ходишь с совком и веником, – сказала она.

– Пока у нас всё замечательно, – согласился он.

Вскоре ему предложили уволить стажёра одного из подразделений фирмы. Недавний студент, попавший к ним буквально с улицы, плохо справлялся с работой, избавиться от него и дать шанс кому-то другому было логичным шагом. Они всегда так делали, текучка была обычным делом в основании их пирамиды. Трофимов уже ощутил подступающий к горлу крик, но смог подавить его и пощадил работника. Об этом своём благодушии он в тот же день рассказал Инне и заслужил похвалу.

Они смотрели телевизор в гостиной. Она прильнула к нему и нежно поцеловала в шею, как вдруг прозвучал крик.

– Ты слышал? – сказала она.

Он посмотрел в темноту окна:

– Слышал. Но это не я.

– Я понимаю, – сказала она.

Он привстал и полез в тумбочку.

– Наверное, охранник случайно включил. Не могу найти пульт. Сейчас пойду, спущусь…

– Не надо. Потом разберёшься. Потерпим…

До того как заснуть они ещё раз услышали крик. Утром он пожаловался охраннику на работу сигнализации.

– Я ничего не включал, – сказал тот.

«Как же не включал? Наверняка, что-то нажал, а теперь отмораживается, хитрец, как будто это вовсе не он», – думал Трофимов.

Он собирался покинуть дом, когда снова раздался хищный крик. Он пошёл к охраннику, едва сдерживаясь, чтобы не перейти на бег.

– Ты слышал? Что ты нажал?

– Ничего не нажимал, – оправдывался тот. Но это его не спасло, Трофимов заставил проверить систему.

Проверка не заняла много времени. Охранник открыл крышку щитка и показал отключенную от питания проводку.

– Может, там батарейки? – вопрошал Трофимов и позвонил в службу.

Там принялись всё отрицать, но согласились приехать посмотреть.

– Может, хищник прибился? – сказал менеджер.

– То есть, вы хотите сказать, что эти адские звуки действительно существуют в природе, и эта тварь могла прилететь к моему дому?

– Всё может быть. Надо посмотреть, – ответили ему.

Вспоминая недавние крики, Трофимов заметил, что они как будто утратили силу. Очевидно, раздавались издалека. Значит, были настоящими. А может быть, звук шёл от соседей. Соседи тоже страдали от птиц, им всем, как и ему, раздали кучу визиток, обещали акции при установке. А значит, избавиться от хищных криков в этом районе частных особняков было бессмысленно.

По возвращении домой он весь вечер поглядывал в небо. И вскоре увидел, как ворона, что прыгала на заборе, в ужасе бросилась восвояси. А потом какой-то предмет метеором прошиб крону старой липы в саду. Могли что-то бросить с высоток поблизости, но маловероятно. Скорей всего, ему было неприятно думать, что это произошло в его саду, он стал свидетелем атаки хищника.

Он подошёл к дереву, положил ладонь на ствол и посмотрел вверх. И вскоре из кроны, как снег из тучи, посыпались белые перья.

Хищник был здесь. И, сидя в кроне дерева, разрывал свою жертву.

Но откуда он прилетел?

Трофимов пришёл в спальню к Инне. Она лежала на кровати и читала книжку. Он положил на столик белое перо.

– Я нашёл разгадку.

Мгновение она тихо смотрела на перо.

– Неужели правда?

– Они явились сюда. Может быть, слышали крики сигнализации и среагировали на них.

– Хищники пометили твой дом, – сказала она.

Он подловил себя на том, что испытывает ревность, словно это были его конкуренты. Наглыми завоевателями явились в его дом.

Снова приехал знакомый ему менеджер из фирмы по установке сигнализации. Трофимов увидел его на мониторе – тот сидел на капоте своей машины перед воротами.

Он впустил его, обрисовал возникшую проблему. Парень кивал.

– Это хищная птица, она прилетела сюда и облюбовала эту территорию.

– Каким образом она здесь оказалась?

– Всякое бывает… Изменение климата, смена пищевой цепочки, а здесь она нашла себе кормовую базу. Сейчас даже розовые фламинго купаются в лиманах нашей области.

– Я был бы не против, чтобы ко мне прилетели розовые фламинго. Но к нам пожаловали хищники. И что теперь делать? Сигнализация отгонит их?

– С новыми звуками это будет реальней сделать. Есть хищники, которых и они боятся. Я пришлю завтра людей, будем надеяться, что это решит проблему, – сказал он.

Новый звук вызвал у Трофимова оторопь и чувство необъяснимой тревоги. Его пригвоздило к стулу, на котором он сидел. Это было… Если тот крик он научился даже воспроизводить, то этот не знал, как описать. И тот хищный крик, что пугал обитателей дома, теперь казался будничным воркованием.

Не верилось, что на записи звучало реальное существо.

После крика он долго ничего не слышал и не видел ни одной птицы, как будто этого было достаточно, чтобы все пернатые, будь то хищники или самые обычные синицы и воробьи, притихли, а может быть, исчезли навсегда. Как он их понимал!

Он пришёл к Инне и сказал:

– Как тебе обновление сигнализации? Как будто самый настоящий птеродактиль залетел к нам.

– Крик как крик. А что? – спросила она, как ему показалось, не без издёвки.

– То есть всё нормально? – развёл руками он.

– Такой же мерзкий звук, как и те, что были до этого. Существенно они не отличаются. Ты у нас специалист по звукам. Тебе видней.

Сигнализация срабатывала не часто, но срабатывала, заставляя вздрагивать. С каждым криком, словно мазком кисти, рисовалась в его воображении тварь. Он и сам, играя перед самим собой аналитика, реконструировал по крику животное. Это было что-то неземное, он не мог поверить, что где-то обитает подобное существо.

Самообладания он не терял, всегда мог отключить звук. Но как-то после чтения, он задремал в кресле, защита его уснула вместе с ним, и звук застал его в самый неподходящий момент. Все свободные от бодрствующего самосознания силы мозга воплотили перед ним картину угрозы. Он увидел эту тварь на лестничном пролёте своего дома, она возвышалась перед разбитым окном – безносая морда летучей мыши с яркими чёрными глазами, острые как рога уши, за спиной развивались перепончатые крылья, открылся широкий рот с несколькими рядами острых зубов…

Он в ужасе очнулся, вспоминая видение – его пугал не столько увиденный монстр, сколько подробности, с которыми тот был нарисован. Откуда это взялось в его голове?

На выходных он попросил охранника выключить на время звук, чтобы поработать.

– Могу хоть вообще его вырубить, – он хитро на него посмотрел.

В том, как он ответил, чувствовалась издёвка. Трофимов понял, что сплоховал перед ним и ответил:

– А хотя ладно. Пусть поработает. Вечером гости придут и отключишь.

В прошлый раз, когда все вздрагивали от криков, он самоуверенно посмеивался. А теперь, с новым криком, обитатели дома как будто сговорились и объединились возле более сильного хищника.

Он, конечно, сильно обобщал. Всё было не так. Хотя…

Вечером пришли гости. И в воскресенье весь день гости сменяли друг друга – вилки и ножи скрипели по тарелкам, а по плитке в саду то ездили радиоуправляемые машинки, то с лаем бегали своенравные собачки. И даже в понедельник пришли гости из тех, что были ранее, доесть и допить то, что приготовили хозяева и сами они принесли.

– Включить сигнализацию от птиц? – спросил охранник во вторник утром.

Кто тянул его за язык? Но Трофимов дал добро и уехал на фирму.

Возвращаясь вечером домой, он застрял в пробке на бульваре. Звук оркестра привлёк его внимание – по рельсам катил прогулочный трамвай. Когда украшенный шариками вагончик прошёл мимо, Трофимов въехал на колею и устремился за ним, объезжая затор. Звуки оркестра влетали в открытое окошко. Он ехал бы за ним и дальше, но дорога очистилась, да и надо было сворачивать к дому.

Ненавистный крик встретил его, едва открылись ворота.

Заехав в гараж, он сразу позвонил на фирму, напомнил о себе.

– Что это за звук? – спросил он.

– Из Ада, – сказал молодой голос менеджера.

– Это шутка? – спросил он после паузы.

– Ну конечно да! – развязно ответил менеджер.

– Я спрашиваю вполне конкретно, что это за звук? Я не прошу, чтобы вы шутили.

– Да-да, конечно, извините, – голос исправился.

– Должна быть какая-то спецификация на него, сертификат качества. Вы можете прочесть, что это?

– Мы можем отключить систему.

– Я не прошу отключить систему. Я её сам могу отключить. Я спрашиваю, что это за звук? – напирал он.

– Сигнализация не справляется? Мы можем подобрать другой звук.

– Что это за звук? – крикнул он.

– Извините, я стажёр, – запнулся парень. – Я узнаю, и мы вам сразу перезвоним!

Звонка он не дождался в тот день, не дождался и на следующий.

А сигнализация исправно срабатывала, выводя его из себя. Звучала она достаточно редко, но другие птицы практически не появлялись – это говорило о том, что реальные хищники никуда не делись. Трофимов поднимал глаза к небу, ожидая увидеть силуэты птиц, но даже если он видел на большой высоте каких-то птиц, орнитолог из него был никудышный, определить их вид с такого расстояния он не мог. Территория, которую патрулировали хищники, была достаточно большой, памятуя об опасности, они должны были бы избегать дом Трофимова, однако их крики то и дело доносились, а сигнализация продолжала срабатывать.

Что-то их здесь привлекало.

«Может быть, у них здесь гнездо?», – предположил он. Это оправдывало их привязанность к этому месту и те упорные крики, что раздавались в ответ на крик хищника – они пытались ему сказать, что не уйдут отсюда.

Ему стало жалко птиц, но и разводить здесь птенцов тоже не дело. Он слышал шум птиц в кронах старой липы и предположил, что там может быть гнездо.

– Куда ты всё время смотришь? – спросила как-то Инна, когда они лежали в шезлонгах на террасе.

– Там в кронах гнездо, – сказал он.

– И что? Птицам надо где-то откладывать яйца.

– Дело не в этом, – сказал он.

Трофимов рассказал о своём предположении охраннику Грише и тот вызвался помочь. Приставил стремянку к дереву, залез на самую последнюю ступеньку, но ничего не смог увидеть.

– Надо попробовать со стороны террасы. Можно сразу в середину дерева заглянуть, и никуда лезть не надо – я просто фонарём подсвечу, – предложил он.

Трофимов согласился. Они поднялись на второй этаж, там подрезанные ветви дерева почти касались перил – забраться по ним, чтобы перелезть на крону, Трофимов бы не рискнул и охранника бы не заставил, но подсветить их и заглянуть сквозь ветви, в надежде что-то увидеть – это они могли.

Они нависли над перилами, охранник включил фонарь и направил луч света в кроны. Какое-то шевеление на ветках они заметили.

– Птица? – спросил охранник.

– Ничего не вижу, – сказал Трофимов.

Охранник оглянулся на столик, где стояла накрытая зонтиком от насекомых ваза с фруктами.

– Можно? – спросил охранник и, получив добро, взял яблоко и запустил им в крону.

Яблоко пробило листву и упало в саду. Никакого ответа от притаившихся обитателей дерева не последовало.

– Потом уберу, – объяснился Гриша и, не услышав возражений, потянулся за апельсином и пульнул им в крону.

– Мы можем продвинуться ближе, – сказал Трофимов и перелез через перила.

– Может, вышку закажем? – спросил охранник, следуя за ним.

– Не надо, сами разберёмся, – сказал Трофимов, продвигаясь по парапету.

Когда он переставлял ногу, сработала сигнализация от птиц. От неожиданности он соскользнул с парапета и полетел вниз.

Его крик потонул в диком вое хищника из динамика под крышей. Трофимов упал на землю и, справившись с первым шоком от боли, заметил, что правая нога его неестественно вывернута.

Он кричал от боли и выкрикивал ругательства. Перепуганный охранник вызвал скорую помощь и Трофимова увезли в больницу, где обнаружили перелом правой ноги и правого запястья.

Он пару недель пролежал в отделении хирургии. Оттуда руководил работой и домом. Когда он вышел из больницы, сигнализацию уже демонтировали. Охранники обшарили весь участок, с помощью вызванных вышек забрались на деревья, убрали пару подозрительных гнёзд, проверили чердак и все труднодоступные места под крышей.

Трофимов проводил душеспасительные беседы с психологом, тот советовал получать новые приятные впечатления, путешествовать, чаще слушать музыку, чтобы выбить из головы ненавистный крик. И Трофимов слушал музыку.

Помогло. Он обо всем забыл. Но однажды случился рецидив.

Он восстанавливался с помощью йоги и медитации. Быстро сдружился со своим тренером, однажды поведал ему свою историю. Рассказал и продолжение:

– Я недавно попал в аварию за городом. Разогнался, пошёл на обгон и увидел ослепительный свет фар на встречной. Столкновения было не избежать, но в тот самый момент я услышал крик и оцепенел. Если б спасение зависело от меня, я бы ничего и не сделал. Но мне повезло, отделался царапинами. Я думал, что стёр этот крик из памяти, но он никуда не делся и подкараулил меня. Где-то он сидит внутри меня, подстерегает роковой момент… Это всё в моей голове, никто меня не стережёт, но мне не хочется жить с ожиданием этого крика, его нужно стереть.

У себя дома он продемонстрировал работу музыкальной системы – поднял кверху руку и издал щелчок. И тотчас же из динамиков, установленных в углах комнаты под потолком, раздалась медитативная музыка с колокольчиками.

Он поднял руку и щелкнул два раза – медитативная музыка сменилась весёлой попсой. Щёлкнул три раза и заиграл рок.

– А теперь включить радио, – подал голосовую команду он и задал радиостанцию.

Танцевальная музыка наполнила пространство вокруг. Он повёл своего гостя в другую комнату и музыка стихала за ними и включалась в тех помещениях, куда они заходили.

– Веселье в нашем доме не стихает, – без радости сказал Трофимов.

Он ходил из одной комнаты в другую, и музыка двигалась за ним.

АНДРЕЙ НИКИТИН

НЕДОСТАТОК УЛИК
рассказ

В тот год осень пролетела быстро, хоть это и были особые несколько месяцев моей жизни. Больше всего я запомнил этого парня, Пимена. Он ничего собой не представлял с виду, но оказался довольно настойчивым и грамотным. Я не рассчитывал на чудо, но и не могу сказать, что меня не удивил этот молодой проныра-следователь. Той осенью весь городок был в шоке. Вот так, судьба иногда любит пошутить. Довольно редко, но всё же.

Тихим вечером я сидел за столом и смотрел телевизор. Дрова трещали в камине. Не помню точно, но, кажется, с обеда я был пьян. Ничего удивительного. Удивился я позже, когда ко мне в окно постучала соседка.

– Игорь! Игорь, ты дома?

Глупый вопрос, если она видела, что в камине горит огонь, но она паниковала, это было заметно даже по голосу. Я поднялся, поправил халат, открыл дверь.

– Игорь, скорей пошли, я, кажется, нашла труп.

– Ты нашла труп? – удивился я и сразу протрезвел.

– Где?

– Там, в лесу.

Аня потащила меня за рукав.

– Подожди, почему ты не звонишь в полицию?

– Что? Да, точно, – сказала она и начала шлёпать себя по карманам, ища мобильник. На ней были джинсы и камуфляжная куртка с длинными рукавами, под которыми едва виднелись её тонкие пальцы. Рядом лежала корзина с грибами. Она нащупала телефон, но не успела ничего набрать. Я положил руку ей на запястье.

– Нет, погоди. Пошли, сперва посмотрим на тело.

Я был полон решительности, рассудив, что нужно убедиться лично. Тридцать минут роли не сыграют. Я быстро переоделся, накинул куртку и мы пошли. На улице было холодно. Вдали тёмные облака свесились над горизонтом, как сотни гроздей винограда. Остатки солнечного света освещали верхушки деревьев.

Наш посёлок, Дородск, основанный ещё в 1950 году, раньше был деревушкой с основным уклоном на животноводство и фермерство. Конечно, за семьдесят лет много чего изменилось. Провели электричество, поставили автобусные остановки, пять раз в неделю работал базар, в выходные открыта церковь, две школы, больница и это ещё не всё, но до сих пор на дороге каждый день можно найти тёплые коровьи лепёшки, а по утрам часто пахнет свежескошенной травой. Я жил на крайней улице. Совсем рядом лес, где я ещё мальчишкой бегал, стараясь поймать зайца, угодив в него из рогатки. И сейчас, стоя перед сгустком деревьев, совсем не детские мысли бродили в голове. Как Аня нашла труп? Это казалось невероятным. Уже темно, что она делала так поздно в лесу? Я оглянулся на свой домик, поросший плющом, со свежей, блестящей табличкой «продаётся», висящей на прогнившем от времени заборе. Стало грустно. Аня дёрнула за рукав. Мы пошли.

Я шёл вдоль тропинки, включив фонарь, освещая привычный маршрут детства, по которому ходили все мальчишки к озеру. Аня тронула меня за руку.

– Ты куда, Игорь? Нам в другую сторону.

Тропинка сворачивала влево, Аня указывала вправо, туда, где раньше была река, а теперь осталось небольшое болото, пересыхающее жарким летом и воняющее после дождей. Я посмотрел на неё, снова оглянулся на дорожку, затем снова на неё.

– Ты уверена?

Аня не поняла удивления на моём лице, кивнула и пошла первой. Я пошёл следом, и вскоре мы наткнулись на грязь. Слышно было кваканье лягушек и жужжание комаров. Аня указала на следы босых ног, ведущие к болоту. Дальше мы увидели в траве ботинок, наполовину погружённый в болото. Идти было опасно, мы стояли, прижимаясь друг к другу, и оглядывались, водя фонарями по местности.

– Вон, – сказала Аня, замерев, указывая в сторону прогнившего пня, – вон там рука. Смотри.

Я пригляделся и действительно увидел руку человека, едва показавшуюся на густой, болотистой поверхности. Виднелись четыре пальца с коротко подстриженными ногтями.

– Нужно звонить в полицию, – сказал я, оглядываясь, пытаясь найти ещё какие-то следы, – это труп.

В тот вечер я больше не пил, переживал. Ко мне два раза заходил полицейский, спрашивал подробности, и дважды я всё пересказывал. Полиция рыскала по лесу несколько часов, но затем все согласились, что лучше дождаться утра, чтоб попробовать поискать следы преступления. Аня сидела несколько часов у меня, боясь идти к себе в пустой дом. Мужа в городе не было, а она не хотела оставаться одна.

– Что ты делала в лесу в это время, Аня? – спросил я. Она посмотрела на меня испуганно, и сперва не ответила, затем подняла над столом корзину с грибами.

– А сам как думаешь?

Я ничего не сказал, но мне показалось, что Аня что-то скрывает. Было поздно, когда я провёл её домой, хоть она и жила через два дома. Слышался отдалённый лай собак и мелькали фонарики недалеко от леса, что было необычно.

– Они достали тело? – спросил я.

– Кажется, да.

– Ты сможешь сегодня уснуть?

– Я буду спать со светом.

Возвращаясь, я думал над тем, что незнакомцы в нашем посёлке – большая редкость. Было удивительно не то, что в болоте нашли труп, а, как позже выяснилось, что погибший был чужаком.

На следующий день мы шли опознавать тело. Из болота достали труп голого утопленника. Никаких повреждений на теле не обнаружили. Ситуация была странной и необычной для нашего посёлка, и потому почти все жители хотели узнать как можно больше о случившемся. Сплетни ходили от дома к дому и все переживали, не зная, что произошло. Это убийство? Если несчастный случай, тогда почему человек был голый? И почему был обнаружен только один ботинок? Мужчину никто не мог опознать. Раньше никто его не видел, и решили опросить всех жителей, кто мог хоть как-то, где-то его встретить. Все продавцы магазинов, баров, ресторанов и даже водители маршруток ходили на опознание.

– Я слышала, что если его не опознают в ближайшее время, – говорила Аня, сидя возле камина с чашкой чая в руке, – его фото вышлют во все окрестные города и сёла. Но пока никто ничего не может о нём сообщить.

– Всё это довольно любопытно, – сказал я, – но ведь не бывает, чтоб человек появился ниоткуда. Он должен был где-то жить, должны быть родственники, друзья и, в конце концов, должен быть мотив. Почему он оказался там голый?

– Я слышала от нашего врача, который присутствовал при вскрытии, что у мужчины была обнаружена большая доза снотворного в организме.

– Думаешь, его усыпили?

– Скорей всего усыпили и бросили в болото.

Аня делала логические выводы, но сама постоянно была в подавленном настроении. Под глазами синяки, внешне казалось, что она больна, но она ни на что не жаловалась. Я знал, что её супруг отличается грубым нравом и Аня, бывало, страдала из-за него. Меня посетила смутная догадка, что Аня скрывала что-то, касающееся супруга. После того, как год назад умер их пятилетний сын, Аня на два месяца ушла в себя и вообще ни с кем не разговаривала. Это сломило её, плюс ко всему супруг помогал не забывать кто в доме хозяин.

– Аня, твой Коля точно уехал?

– Да, точно.

– Ты ничего не скрываешь? Не бойся. Можешь мне доверять.

– Всё хорошо, Игорь. Он приедет через два дня.

Полиция прочёсывала лес, искали хоть какие-то следы преступников. Я и Аня по большей части советовались и делились мнениями друг с другом – это всё, что мы могли сделать. В лес никого не пускали, а нам советовали оставаться дома и не ходить по одному, особенно по вечерам. Аня ходила в камуфляжной куртке супруга, хоть на улице и не было настолько холодно. Когда я спросил, почему она её носит, она сказала, что постирала всё остальное.

Когда приехал муж Ани, произошли два события: Полиция обнаружила недалеко от найденного тела несколько шприцов. Их отправили на обследование в областной центр. Кроме того Аня весь день не выходила из дому. Я мельком видел, как она вывешивала бельё во дворе. На ней был домашний халат и тапочки. Волосы растрёпаны. Судя по всему, Коля не давал ей передышки. Ну что же, я пытался. Аня мне не супруга, и ничем помочь ей я не мог. Я собирался затопить камин, напиться, и уснуть прямо в прихожей, но от этих планов меня избавила другая соседка.

Участок Люды примыкает к моему. Она кричала, перебегая через поле в мою сторону. Сперва мне показалось, что это бежала Аня, спасаясь от супруга, и я даже этому обрадовался, но по мере приближения, я распознал голос Люды. Я спешно вышел на улицу. Собаки лаяли, что впрочем, не редкость.

– Игорь! Помоги мне, Игорь.

– Что случилось?

– Там, на дорожке, там тело, – запыхавшись и опершись на мой забор, говорила она. Я видел по её лицу, что она паниковала и не знала что делать.

– Пошли, посмотрим, – сказал я.

Мы пришли к её огороду, который был размером с поле. Я всегда удивлялся, как эта женщина обрабатывала его одна и при этом не падала от усталости? Сегодня она копала землю, зашла за пределы огорода, почти на дорогу. Отсюда было недалеко до лесного массива. Тут, возле дорожки я увидел торчавшую из земли руку. Когда Люда копала, она поддела её лопатой.

– Второе убийство, Игорь, – говорила Люда. И действительно, тут уже и речи не было о несчастном случае. Я присел на колени и начал раскапывать тело. Но резко остановился.

– А как же полиция? – спросил я, – нужно их позвать. Нельзя ничего трогать руками.

Я позвонил в полицию, и через пятнадцать минут машина была тут. Второй раз я присутствовал при извлечении тела. Я наблюдал за окружающими и за специалистом, осторожно извлекавшим тело из земли. Он обкопал труп, на груди и животе было всё в крови, земля слиплась. На голову надет пакет. Я видел, что специалист удивлённо смотрел на окружающих и с подозрением на старушку Люду. Что-то было неправильно. Он привстал, огляделся, что-то прошептал стоящему рядом полицейскому, затем обратился ко мне.

– Это что, шутка?

– Почему шутка? – спросил я, присматриваясь к телу.

– Ведь это манекен, – сказал он, обращаясь к Люде.

– А кровь? – спросил полицейский, указав пальцем, – ведь у него на груди кровь.

Как выяснилось позже, это была не человеческая кровь. В груди манекена было пробито отверстие, куда разместили органы животных. После этой находки Люда едва не упала в обморок. Мне сперва показалось, что она переживает больше, чем если бы обнаружила настоящий труп.

Меня пригласили пообщаться со следователем, который приехал спустя четыре дня, после обнаружения трупа. Он был в соседнем селе, гостил у приятеля и по собственной инициативе решил заехать, чтоб помочь. Это был первый раз, когда я встретился с Пименом Ежевичкиным. Возможно потому, что он был примерно моего возраста, я недооценил его, сравнивая с собой. Теперь, спустя много лет, я понимаю, что это частая ошибка молодости.

В помещении находились несколько полицейских, Аня с супругом и моя соседка Люда. Аня была в кофте с длинным рукавом, её супруг в камуфляжной куртке. За столом сидел молодой парень со строгим взглядом, перед ним листы с записями. Он представился и глядел на нас, пытаясь что-то прочитать по взгляду.

– Я изучил ваши показания, – сказал Пимен, – и хотел бы кое-что уточнить. Кроме того могу сообщить, что погибшему было около пятидесяти лет. Возможно, кто-то из вас видел его раньше?

Мы ответили отрицательно, так как уже ходили на опознание. Пимен немного рассказал об этом странном деле, но нового ничего не сообщил.

– Вы свободны, – сказал Пимен, обращаясь к Ане и её супругу, – проститься у вас ещё будет время.

Коля вышел, следом за ним вышла Аня, за ней двое полицейских. Пимен поднялся и подошёл ко мне:

– Хочу пожать вашу руку за то, что не растерялись, когда вас позвала Люда.

Довольный, я протянул ему руку. Он на секунду опустил взгляд, пожал руку, улыбнулся и указал на дверь.

– Вы пока свободны, – сказал он.

Люда ушла, я следом за ней, но на пороге развернулся и спросил:

– Скажите, что вы выяснили об этом человеке?

– Пока абсолютно ничего, – сказал Пимен, – но, думаю, это ненадолго.

Через день Пимен пришёл ко мне лично. Я сидел во дворе, перерывал хлам в сарае. Табличку «продаётся» я снял и собирался сжечь вместе с остальным мусором. Я больше не хотел продавать дом. Теперь я хотел немного прибраться, а для этого искал в сарае хотя бы сапку. Пимен стоял у забора и глядел на заросший бурьяном по пояс двор и огород. Да, не скрою, на меня напал период лени, и похоже, что он затянулся.

– Добрый день, – сказал Пимен. Я подошёл, поздоровался, пригласил войти, но он сказал, что ненадолго. И вновь улыбнулся, оглядывая моё имение.

– Полиция больше не может тут оставаться, – говорил Пимен, глянув на секунду на лес, – они получили всё, что им нужно, следов никаких не нашли, ничего подозрительного, и потому они больше вас не побеспокоят.

– А что случилось с Аней? – спросил я, – я видел, как двое полицейских уводили её из офиса, где мы беседовали с вами.

– Да, к сожалению, на неё завели уголовное дело, – сказал Пимен, покрутив обручальное кольцо на пальце. Он глядел на лес и будто что-то там высматривал, – вы не замечали за ней ничего странного в последнее время?

– Ну, немного было.

– Она принимала наркотики, – сказал Пимен, по-прежнему глядя в сторону леса, – и выбрасывала улики своих проделок в болото, где был обнаружен труп. Потому она его и заметила. Она ходила в лес не за грибами.

Я был удивлён, так как не ожидал подобного от Ани. Я думал, что муж избивал её просто так, но теперь понял, что этому была причина.

Несколько дней я не мог нормально спать. То и дело я слышал завывания собак по ночам, мне казалось, что у дома кто-то ходит, возможно, так и было. Мне снился труп на болоте и манекен с разорванной окровавленной грудью. Я плохо спал ночью, но хорошо высыпался днём. В один из таких дней ко мне снова зашёл Пимен.

– Добрый день, – сказал он, когда я, в спешке накинув халат, протирая глаза запястьем, открыл калитку, – неужели я вас разбудил?

– Нет, нет, всё в порядке, – сказал я, – просто немного решил вздремнуть.

– Понимаю. Слышали последние новости?

– Какие?

– У нашего болотного утопленника появился домашний адрес. Его опознал один из гостиничных служащих. Оказывается, этот мужчина проживал там два дня, но оставил о себе неверные данные, вымышленную фамилию, имя и адрес проживания. Как ему это позволили, я не знаю. Но самое интересное для вас, это то, что был найден труп молодого человека, закопанный в лесу.

– И что же для меня тут интересного?

– Это труп вашего знакомого, которому вы должны довольно крупную сумму. Как удачно для вас, что его убили, верно?

– Я тут ни при чём, – сказал я. Но меня словно поразило. Как этот пронырливый полицейский мог узнать, что я должен Диме денег? Я приоткрыл рот, чтоб что-то сказать, но промолчал, поняв, что ещё не знаю, кто именно убит.

– Я хотел бы пригласить вас на опознание, как только вы приведёте себя в порядок. Тело в полицейском участке. И ведите себя достойно, Игорь.

– Что вы имеете в виду?

– Я знаю, что когда Анна позвала вас в первую ночь, вы сперва хотели навестить место, где закопали труп Димы. Она не придала этому значения, но случайно упомянула это в рассказе. Я знаю, что в последние несколько дней вы работали лопатой слишком много, хоть до этого долгое время не брали в руки никаких садовых инструментов. Это ясно по мозолям.

Я посмотрел на руки и увидел, насколько они грубы.

– То, что я натёр мозоли, ещё ничего не значит.

– За свои поступки нужно отвечать, Игорь.

Больше он ничего не сказал, а я стоял, держась за штакетины, и наблюдал, как он уходит. Странный он парень, но чёрт его дери, как они нашли труп Димы? Меня это беспокоило, пока я одевался. Но вдруг это не Дима? Вдруг это кто-то другой? Уже один труп обнаружили в болоте, без имени, без адреса и вообще непонятно, откуда он взялся.

Я шёл на опознание и переживал. В голове всё перемешалось. Запер ли я дверь? Как я выгляжу? Что скажут соседи? Вдруг на меня будут показывать пальцами? Стало неприятно.

Супруг Ани спал в плетёном кресле, держа на груди книгу. Я не хотел его беспокоить, спокойно прошёл мимо его дома, вдоль дорожки. Он не проснулся.

Когда я пришёл, все полицейские глядели на меня с осуждением, хоть я и не понимал причины. Я опознал труп. Это был мой знакомый, Дима. Но я не понял, почему для этого позвали меня. Неужели не было никого другого? Да, я его знал. Но как Пимен узнал, что это мой знакомый?

Мне задали несколько вопросов, на которые я спокойно ответил, затем так же спокойно я ушёл, ничего не спрашивая и не говоря.

У Димы была сломана шея.

Труп, утонувший в болоте, так и не опознали. Полиция разъехалась, не найдя виновного, не установив, кто погибший. Известно было лишь, что он захлебнулся. Я, как обычно загорал, сидя в кресле во дворе. В тот день я в последний раз столкнулся с Пименом. Он подошёл к забору, улыбнулся, помахал рукой. Я невольно встал, и поздоровался.

– Я уезжаю, Игорь, – сказал он, – надеюсь, больше у вас ничего подобного не произойдёт. И всё-таки я не мог не задать одного единственного вопроса.

– Я слушаю.

Он смотрел на меня будто с недоверием, но, с другой стороны, понимая, что найденные два трупа не имели ко мне отношения. Труп Димы мог бросить на меня подозрение, но не было доказательств.

– Скажи мне только правду, – говорил Пимен, – это останется между нами.

– Я всегда говорю правду.

– Это ты? – спросил он, глядя на меня.

– Не понимаю, о чём вы.

Он не ответил, просто кивнул, развернулся и ушёл. Он всё понял. Я так и остался стоять. Больше мне никто ничего не говорил. Полиции, как и обещал Пимен, больше не было. Меня никто не беспокоил. Через несколько месяцев вернулась Аня. Я пришёл к ней в гости на следующий день, когда её муж был на работе. Угостил печеньем. Жутко хотелось поговорить и узнать, что же произошло.

– Прости, Игорь, – сказала Аня. Она сидела рядом, но не смотрела в глаза. Руки скрывал длинный рукав. Я молча слушал. Очевидно, ей хотелось высказаться.

– Наверняка тебе всё рассказали. Да, я принимала наркотики, потому и обнаружила труп. Я выбрасывала шприцы в болото. Конечно, это неправильно, я скрывала это, ходя с длинным рукавом, но супруг объяснил всё довольно доходчиво, лишь взглянув на руки. Я не могу больше!

Аня взглянула мне в глаза, схватила за ладонь и сжала.

– Я не могу больше, Игорь, после того, как умер сын, я потеряла себя. Я потеряла смысл жизни. Потеряла всё, мне и сейчас тяжело найти причину, чтоб жить. Только наркотики помогали мне.

– Тебя вылечили, Аня?

Она покачала головой и отвернулась.

– Прости, Игорь. Я не могу теперь без этого.

Аня через семь месяцев пропала, больше я её не видел, дом они продали. Труп, найденный в болоте, так и не опознали. Эта загадка осталась неразгаданной. И многие вспоминали схожесть этого дела с загадочным делом Питера Бергмана, утонувшего в июне 2009 года. Некоторые считали, что события и выводы этих двух дел немного схожи.

Убийцу моего приятеля Димы так и не нашли.

Теперь кажется, что с того вечера прошла целая жизнь. Я обзавёлся семьёй, сын переехал в город, позже жена меня бросила. Я снова остался один. Но иногда, со временем всё чаще, меня мучает один и тот же сон. Дима, мой приятель, труп которого нашли в лесу, приходит ко мне. Вот он стоит на пороге дома, затем на пороге подвала, вглядываясь в темноту, выискивая меня глазами, стараясь лишний раз напомнить о долге, не зная, что я за его спиной. Одно мгновение и он покатился вниз, по ступеням, затем он лежит неподвижно со сломанной шеей. Я растерялся. Как заметил Пимен, для меня очень удачно, что он погиб. Несчастный случай. Он упал с лестницы, но мне никто бы не поверил. Я закопал манекен с внутренностями животного, недалеко от дома соседки. Это был своеобразный эксперимент, чтоб выяснить, увидят ли меня за этим делом, раскопают ли собаки тело, учуяв запах крови? Но всё прошло гладко, и следующей ночью я закопал в лесу труп Димы. От напряжения я не просыхал несколько дней. Возможно, меня кто-то видел, но теперь это не важно. Пимен догадался обо всём. Я долго думал об этом и решил, что табличка «продаётся» вывела на меня. Да, я хотел продать дом, чтоб рассчитаться с Димой, а затем планы поменялись. Табличка навела его на мысль о долге приятелю.

Сейчас, когда я пишу эти строки, я уже не тот человек, каким был раньше, я всего лишь старик, который прожил бо́льшую половину жизни, видя перед собой лицо своего обидчика. Мне мерещилось лицо Димы среди прочих, я видел его силуэт в тени деревьев, я слышал его голос в тишине пустого дома. Мне казалось, что он постоянно рядом, что он говорит со мной, обвиняет. Слышался хруст переламываемой шеи. Это удивительно и страшно. Это был всего лишь несчастный случай, он упал с лестницы, а я оказался рядом. Я не рассказал этого сразу, испугался, соврал, обманул всех, находясь на грани, а затем жалел всю жизнь. Я недооценил собственную совесть, которая должна была меня уберегать от тяжестей жизни. Я жалел о содеянном, но ничего не мог изменить.

Да, это был несчастный случай, я до сих пор пытаюсь это себе внушить, и не могу сказать, удалось ли мне это.

Мне даже не с кем поделиться своими переживаниями, только с неизвестным читателем, если он появится. Сейчас я сижу на чердаке дома, тут светло. Моё здоровье уже не то, что раньше. И я решил

написать что-то вроде последнего откровения, так как не знаю, когда меня не станет. Возможно тот, кто найдёт это письмо, найдёт и меня лежащим где-то в доме. Конечно, я надеюсь, на моё тело обратят внимание раньше, чем на исписанный листок на столе, но не удивлюсь, если будет иначе.

Сегодня я отправил письмо. На его написание не ушло много времени, но я долго провозился, чтоб узнать адрес того, кому отправил письмо. Я рассказал всё как есть, не скрывая правды. Я уверен, что Пимен Ежевичкин, получив письмо, сожжёт его. Много лет обмана, но он был прав всё это время, и только ему я хотел открыться, оставаясь для остального мира честным человеком. Я считал, он заслуживает правды. И считаю, он узнал её много лет назад.

Правда – сильная штука, она может руководить людьми. К сожалению, некоторые понимают это слишком поздно.

ВИКТОРИЯ КОЛТУНОВА

У СТОЛА…
рассказ

Por cuanto todos pecaron,
Estan fuera de la gloria de Dios…

Стол был полупрозрачный и слегка колыхался по всей длине. Он был покрыт белой скатертью из грубого полотна, с выступающими узлами пересечения ниток, и плотно уставлен блюдами с едой.

«Гжельский сервиз. Как он благородно выглядит!» – подумала она.

За столом сидели мужчины, человек двенадцать или пятнадцать, среди них одна женщина. На вид лет тридцати, красивая, одетая в шелковую кремовую блузку с открытым воротом, обнажавшим ключицы, и короткую кашемировую юбку, с косым разрезом на боку, подпоясанную шёлковым кушаком в цвет блузки.

«Это моя мать, – подумала она, – а эти мужчины, кто они?».

– Садись, Полина, – сказала мать, поправляя прядь густых каштановых волос, – вон там, в конце стола, есть место.

Полина села, подобрав подол длинного белого платья, расшитого синими цветами. Она когда-то давно увидела это платье в витрине магазина и не ушла, пока его не сняли с манекена и не продали ей. Одно из самых любимых, в нём она чувствовала себя очень уверенно. Недоумевающе оглянула собравшееся общество. Лица вроде знакомы и вызывают щемящие чувства чего-то далёкого, болезненного и в то же время радостного.

Мать, сидящая между двух мужчин, явно кокетничала с ними, и Полина вдруг ощутила неприятное чувство раздражения.

Она протянула руку и взяла из вазы апельсин с надрезанной кожурой, так чтоб легче было чистить. Потянула вниз кожуру, но та не поддавалась.

– Это нельзя есть, – сказал человек, сидящий слева. – Здесь ничего нельзя есть. И это не апельсин, а пареная репа. Разве вы не видите, что она чёрная?

Действительно, чёрная. Как она могла так ошибиться? Чёрная и жёсткая.

– Здесь ничего нельзя есть, стол уставлен яствами только для красоты, – повторил он. – Все фрукты чёрные с белым, сработаны на контрасте, видите, как это красиво? Намного красивее, чем в цвете. Чёрное и белое. Два полюса цвета.

Да, она тоже предпочитала графику живописи, считая её более изысканной.

– Этот стол здесь для того, чтобы ты почувствовала себя в привычной обстановке, – добавила мать, – Я так старалась, готовя все эти кушанья. Смотри, Полина, тут все блюда, которые ты любишь, только их есть нельзя, они несъедобны, – она рассмеялась.

– Но мы и не хотим есть. Всё просто очень красиво, и нам для благости хватает этой красоты, – тоже со смехом произнёс сосед матери с правой стороны.

Знакомый голос. Это он, Ашот, тот мальчишка из параллельного 10-А класса, с которым она встречалась в школе и ещё год после школы. Черноволосый, со жгучими чёрными глазами. Смуглый армянин. Её первая любовь. Только уже взрослый. Вот почему она почувствовала раздражение, когда мать, ласково улыбаясь, склонялась в разговоре к нему головой. Она и тогда видела, что мать явно кокетничает с мальчишкой намного моложе её, зная, что он нравится Полине.

Тогда Полина, не смея сказать матери ни слова против, ни слова о своей догадке, молча страдала и при случае выместила своё раздражение на Ашоте, наговорила ему гадостей. Он, не понявший, чем вызван такой взрыв, резко повернулся, ушёл, а через несколько дней Полина увидела его с другой девушкой. Более они не встречались. Ашот уехал поступать в столичный вуз, в их город не вернулся.

– Полиночка, – обратился к ней тот, кто сидел напротив, – ты всё так же хороша, как много лет назад. Я Леонид, помнишь меня?

Точно! Это он. С Леонидом она познакомилась на фестивале бардовской песни в Карелии. Она снова услышала звон гитары, ощутила жаркое дыхание костра, запах хвои. Эту хвою, лапчатые ветви ёлок, он накидал на землю, когда они… звон комаров в ушах, чувство распирающего счастья. Как они расстались? Вернулись в большой город, полгода встречались, потом Леонид получил вызов на работу за границей, уехал, обещал её вызвать, какое-то время писал ей нежные письма, затем они стали приходить всё реже, прекратились совсем…

Из телевизионных новостей она узнала, что он занял в Посольстве более высокий пост, женился на своей сотруднице…

Полина оглядела присутствующих за столом: да, она знала их всех, раньше или позже, знала всех.

– Мы устроили праздник, собрались, чтобы приветствовать тебя, ныне пришедшую, среди нас, – сказала мать.

Понятно. Сидящие за столом мужчины – это все, кто сыграл какую-то роль в её жизни. Мужа, любовника, просто интимного знакомого. Нет, вон тот, с пузиком, тот – её бывший начальник, с ним у неё любви не было, но за это-то он её и уволил, за то, что не захотела. И вон тот, тоже никакого интима, просто взял у неё машину, чтоб отвезти что-то с квартиры на квартиру, разбил её, обещал компенсировать ущерб и трусливо сбежал в другой город. Она махнула на это рукой. Машина была уже старенькая. С ним у неё тоже любви не было никогда. Но если они собрались приветствовать её, то почему здесь нет отца?

– Мама, а где же отец? – спросила она.

– Он сейчас на таком же празднике в другом месте. Встречает свою младшую сестру. Ты её не знала: когда он бросил нас, все концы оборвал. Ты не виделась с его родственниками более. Но сейчас он должен встретить свою сестру, так положено.

– Полина, ты меня узнаёшь?

Это спросил мужчина, сидевший на другом конце стола.

– Я Михаил, мы в круиз ездили, я тогда был так увлечён тобой. Просто с ума по тебе сходил. Мне было сорок лет, тебе тридцать, и ты была дивно хороша. Ты тогда выиграла конкурс Мисс-круиз, и я так гордился тобой.

– Узнаю. Я рада тебя видеть, – произнесла Полина.

Она действительно была рада видеть Михаила, несмотря ни на что. Она когда-то обиделась на него за то, что произошло в конце круиза, но это уже было в прошлом. Сходя по трапу в родном городе, она оступилась, слетела с трёх железных ступенек и сломала ногу. Михаил отвез в её в скорую помощь, оплатил рентген, обезболивающее, гипс, отвёз домой, помог распаковать чемодан, сбегал в аптеку. А потом уехал дальше в отпуск. Они ещё планировали к его родственникам в Питер съездить, походить по театрам, посетить Эрмитаж, прокатиться на катере по Неве. Но куда ей с поломанной ногой? А у него отпуск пропадал. И он уехал без неё. А она ковыляла по кухне на костылях. Пришёл к ней, когда уже сняли гипс и она снова могла свободно ходить. Стоял под дверью, звонил. Полина не открыла.

Михаил вышел из-за стола, обошёл его кругом, подошёл к Полине и, склонив голову, поцеловал её руку.

Ещё несколько человек вставали, подходили к ней по очереди, кланялись, целовали руку или в щёку, в зависимости от степени прежней близости, говорили приветственные слова. Вспоминали совместные эпизоды из жизни. Было радостно и уютно. Полина словно расцвела душой. Скованность, которую она ощущала в первое время, и страх прошли. Она чувствовала себя дома, среди своих, близких ей людей.

«Здесь не так уж плохо, – думала она, – я напрасно боялась, люди такие страхи наговорили, а это всё чушь, мне хорошо».

Молодой человек, всё время сидевший с опущенной головой, так, чтобы Полина не видела его лица, оставался последним, кто ещё не подошёл приветствовать её.

…Наконец подошёл и он. Встал перед ней, поднял голову.

Несмотря на то, что в отличие от других поклонников Полины он выглядел болезненным, она сразу узнала его и вскочила на ноги.

– Ты! Ты! Ты смеешь подходить ко мне, подонок! Не смей! Прочь от меня!

Он молча, напряжённо смотрел на неё, тихонько выдавил из себя: «прости…».

– Вон, я сказала, вон! Как ты можешь обращаться ко мне? Столько лет прошло, но я помню и чувствую всё, будто только что было. Тот огонь до сих пор жжёт меня внутри, и ты думаешь, я прощу?!

Мать Полины нахмурилась.

– Девочка моя, здесь так не принято, ты обязана простить. Ты обязана, таков наш Закон. Подчинись, как подчиняются все.

– Подчиняются просто потому, что не видят другого выхода? Грош цена такому прощению, которого требует Высший Закон, прощение по принуждению, по традиции. Нет и нет! И за себя не хочу, а за детей, за их слёзы, тем более. Ты же знаешь, что он с нами сделал!

– Полина, это всё в прошлом, забудь.

– Ничто не бывает в прошлом! Всё есть в настоящем, потому что поступки, совершённые в прошлом, длятся в своих последствиях. Однажды совершённые, они навсегда впечатываются в душу, в жизнь, в пространство. Ничто не может остаться в прошлом!

– Но девочка моя…

– Не девочка я тебе, я старше тебя. Ты умерла в семьдесят один год, а я умерла в девяносто два. Я сейчас старше тебя, и нечего мне указывать!

– Нам всем здесь по 30 лет и мы все равны между собой. Нет старших и младших, ни по возрасту, ни по положению.

– Ты, мама, хочешь, чтобы я простила его, но сначала попроси прощения сама. Я стыдилась в молодости сказать, что всё понимаю, как ты кокетничаешь с моими парнями, как завидуешь мне, что я моложе, что могу ещё выбирать среди молодых и красивых. Как ты пыталась отбить у меня каждого, так ты и сейчас кокетничаешь с ними. Вон и юбку свою распахнула так, что видны бёдра доверху! Зачем тебе это здесь?

– Полина, не смей… я твоя мать!

– Но вот это как раз в прошлом. Да, мы сейчас все равны, но я не забуду, как каждый из вас, каждый, кто пронёсся, протоптался по моей жизни и сейчас явился меня встречать с чёрно-белыми плодами и фруктами, бессмысленными в своей сути, потому что их нельзя есть, каждый из вас предал меня. Больше или меньше, но здесь нет человека, который бы ни разу не предал меня, я вижу, я всё поняла.

Она встала перед тем, кто не смел взглянуть ей в глаза, указательным пальцем подняла его лицо за подбородок:

– Что ты дрожишь, я ведь ничего не могу сделать тебе, только помнить. Помню, как я умирала в больнице, а ты в это время привёл в наш дом другую, и вы спали на нашей постели, на выстиранных мною простынях, я потом нашла в баночке с моим кремом «Ланком» курчавые лобковые волосы. Я наносила этот крем на лицо, а она… дрянь… и ты допустил это! А может ты сам протянул ей баночку? Обслужил. Ты запирал наших детей в кухне, где опасно, где газ, а сам спал с ней, и вы обсуждали ваши планы на будущее. И своих будущих, других, детей. Наши тёмноволосы, а ты хотел всегда светловолосых, я помню. А потом, когда врачи отпустили меня домой умирать, чтобы не допустить летальность в отделении, ты не встретил меня, я еле добралась домой. И не смогла своим ключом открыть дверь, ты вставил другой замок и приколол записку: «Полина, уйди добровольно, ты и дети – ядро на моих ногах. Я так молод и впереди у меня ещё хороший кусочек жизни. Не порти мне его, не мешай насладиться им сполна. Тебе всё равно конец, не омрачай мне жизнь».

Соседка Клава сказала мне, что ты за взятку в ЗАГСе заочно развёлся со мной и расписался с той, другой женщиной. От чужого человека узнала, что уже месяц, как я не жена тебе. Что детей ты отвёл к моей маме, зная, что она холодна к ним, и у неё новый муж, который их ненавидит и меня тоже. И что просил передать мне, чтобы я не требовала свои вещи из квартиры, потому что они подходят его новой жене, ей как раз впору. А когда я позвонила и попросила отдать хотя бы зимнее пальто, ты ответил, что оно мне ни к чему, потому что ещё только сентябрь, а я всё равно умру до наступления холодов. И детские вещи ты отказался отдавать, сказав, что они пригодятся для твоих будущих, других детей. Да-да, я понимаю, тебя раздражало, что у наших детей волосы тёмные, как у меня, а ты всегда хотел «светловолосых викингов».

Я осталась на улице, без крыши над головой, с двумя крохами, без копейки денег, без тёплых вещей, без возможности работать, я была не в силах пройти один квартал. Как я выжила? Я знала, что просто не имею права умирать, моих детей отдадут в приют, и эта мысль билась в моём мозгу, заставляла упорствовать, жить и самой искать в медицинских книгах путь к выздоровлению.

Спустя двадцать лет ты приехал ко мне в офис, где я была хозяйкой, богатой женщиной, и предложил снова сойтись. И тогда тоже просил простить тебя и всё забыть. Смешно! Забыть, как плакали по тебе наши дети, закрывшись от меня в кладовке, потому что я запрещала им плакать, а ты после того, как вышвырнул нас за дверь, не купил им даже одного яблока на двоих, ни ста грамм творога, ничего за все годы? О, как ты мне был тогда противен! Жалкий, одутловатый, неряшливо одетый, ты просил о милости. Не было её тогда, не будет и теперь. Нет, я ничего не хочу прощать. Ничего!

Полина перевела дух. Она оглядела всех, сидящих за столом, некоторые были смущены, кто-то, отвернувшись, прятал глаза.

– Но ты сказала, что все мы, кто пришёл тебя встретить, абсолютно все, предали тебя, а я? Разве я предавал тебя? Ведь ты сама набросилась на меня с ругательствами, я не смог стерпеть, – обратился к Полине Ашот.

– Ты бросил меня и стал ухаживать за другой девушкой, сделав вид, что обиделся на тот мой нервный срыв. Да, я сорвалась, заметив твой флирт с моей матерью, и наговорила тебе гадостей, но разве ты не мог понять мою обиду? Ты её отлично понимал, просто я была из бедной семьи, плохо одетая, отца давно уж нет как нет, а она – дочь богатых родителей. Ты даже обрадовался скандалу, он развязал тебе руки. И я это понимала, но не стала навязываться. Ты – моя первая любовь! Как же мне было горько! И тебе, и моей маме – вам обоим было наплевать на меня, на мои чувства! Какие же вы жестокие, какие эгоисты!

Полина замолчала, обводя глазами собравшихся. Над столом повисла, колеблясь в пространстве, густая тишина.

– Я не понимаю, – тихо продолжила Полина, – я не понимаю, зачем это надо – предавать. Зачем вы все предаете? Разве нельзя прожить без этого? Разве это так выгодно? Какой в этом смысл? Ведь тот, кого вы обидели, уже не будет больше вам другом. Зачем терять друзей? Что вы приобретаете взамен? Сиюминутную выгоду? О ней вы забудете через несколько лет. Но потеряете друга, близкого человека. Свою выгоду вы забудете, а он свою обиду – нет. Почему вы не страшитесь потерять друга или родного человека? Разве может быть потеря больше этой? Как страшно, что здесь нет никого не предавшего меня. Никого. Я понимаю, вы собрались за этим столом меня встречать. Ранее ушедшие, вы явились приветить меня, новенькую, только что отошедшую. Это традиция, да, я знаю, но традиция не только в этом. Вы пришли сюда за прощением. Вы пришли не ради меня, а ради себя, чтобы выклянчить прощение, потому что вам здесь плохо без него, и пока все, кого вы обидели на Земле, не простят вас, не будет вам покоя. Таков ваш Высший Закон. Но он нечестен! Потому что вы пришли ради себя, вы не искренни, а это значит, что вы снова предаете меня. А я не хочу никого прощать. Пусть я буду плохая, пусть пойду наперекор Закону, но я честный человек, и фальшивое прощение дарить не хочу.

– А ты, Полина, никого никогда не предавала? – раздался голос высокого мужчины в деловом костюме, лицо которого Полине было смутно знакомо, но вспомнить его она так и не смогла.

– Я? Никогда! Мне не свойственно это, – гордо выпрямилась Полина. – А вы-то кто? Кто вы такой, чтобы требовать у меня отчета?

Она в сердцах схватила со стола персик. Чёрный, чугунный персик с сохранившимся на нём маленьким листиком и хотела швырнуть им в гостя, посмевшего укорить её, но сдержалась, и кинула обратно на стол. Стол слегка прогнулся, разошёлся кругами как вода в месте, где упал персик, но тут же выпрямился с коротким натужным стоном.

Откуда-то прибежала маленькая собачка, рыжая, с длинными ушами, спаниелька, и принялась облизывать ноги Полины. Её бывшая собачка Бонита.

– Я врач. Врач того отделения больницы, где лежал твой сын. С ожогами, когда взорвалась во дворе в новогоднюю ночь петарда. Его положили в ожоговое отделение. Он не мог ходить, ноги были изранены, он был беспомощен. Ты помогала ему первые три дня, а потом уехала на свидание с большим начальником в столицу, где тебе очень надо было быть. Ты рассчитывала за это свидание получить большие преференции в своей карьере. Наняла сиделку и уехала. Сиделка была груба, но дело не в этом. В минуту страданий мы все хотим видеть около себя близкого человека, а не чужого. Как-то ночью во время дежурства, обходя палаты, я услышал, как он тихонько плачет в подушку. Взрослый парень, он плакал, как ребёнок, скрывая это от всех. Ему было обидно, тоскливо, а главное, одиноко, а ты в это время ублажала начальника.

– Но я сделала это ради него же! Свою же карьеру, своё благополучие создавала ради него и его брата! Чтобы они пользовалась результатами, ни в чём не нуждались, как нуждалась я в детстве. Разве легко мне было согласиться на свидание с жирным чиновником? Он был мне противен, но я шла к своей цели – создать сыновьям благополучие, которого была лишена сама. Это не предательство! Это жертва с моей стороны! Жертва! Я пошла на эту грязь ради них, я жертвовала собой, а не предавала!

– Ты лжёшь, Полина. Столько лет уговариваешь сама себя, пытаешься оправдаться перед собой, потому что тебя грызёт совесть, грызёт же, да? Твой сын нуждался в заботе, пожатии руки, твоём голосе. Ничто не заменит материнской любви, чувства защищённости, надёжности, что даёт человеку мать. Никакая еда и одежда. Любовь вообще – лучшее и главное, что есть во Вселенной, а материнская любовь – вершина всякого чувства.

Твой сын ещё жив на Земле, слава Господу нашему, но когда-нибудь он придёт сюда, и ты накроешь такой же стол, уставленный блюдами с чёрно-белыми плодами Земли. Плодами добра и зла, которые нельзя съесть, ибо они суть поступки человека, однажды возникнув, они никуда уже не денутся, их нельзя уничтожить. И ты будешь просить у него прощения, потому что именно мать обязана быть хранительницей потомства, и не предавать его никогда и ни в коем случае. А ты это совершила, Полина. Пусть в мелочи, но совершила.

Мать Полины встала, подошла к ней, ласково обняла за плечи.

– Моя девочка, ты всё ещё моя маленькая девочка. Я люблю тебя. Очень люблю. Если б ты знала, как я скучала по тебе!

Гости, пришедшие встретить Полину, окружили её, каждый пытался обратить именно на себя её внимание. Она протягивала к ним руки, пожимала их.

Потом подошла к матери и крепко прижалась к ней.

– Я тоже тосковала по тебе, я люблю тебя, мама. Несмотря ни на что.

На Столе всё так же громоздились подносы с высокими пирамидами чёрно-белых фруктов, плодами Земли, которым столько лет, сколько человечеству, потому что они есть часть его, неотделимая, неуничтожимая.

ТИНА АРСЕНЬЕВА

ГОРОД-ЛЮБОВЬ

БЕСТОЛКОВОЕ – ПОД НОЧНОЙ ТРАНЗИСТОР

– Что такое блюз?
– Тоска.
– А именно?..
– Я же сказал: тоска.

(Разговор).

Я слонялась из комнаты в кухню – а если
Есть к чему прислониться, это к счастью, не правда ли?
От стола – и к столу. Под давнишнего Пресли
Домовые под ванною ушками прядали.

Я пыталась укрыться за пыльною шторой,
С глазу *на* глаз побыть с фонарями глумливыми.
Есть тоска – есть такая тоска, от которой
Умирают счастливыми:

В смежной жизни. Под радио в комнате смежной.
Позову тебя завтра. На днях. С утра…
По транзистору голос обольстительно нежный
Повторил: «Yesterday… Вчера…».

Ностальгия Шопена так зазывно мучительна
Оттого, что не знаешь мудрёного слова.
Хочешь глянуть в тоску? – В тот предел, где рачительно
Сортирую слова: вот зерно, вот полова.

Ностальгия – о Боже, – ноктюрн и баллада:
Беспричинные слёзы подростка, вот так-то.
Вот мой стих: как потир, что несу для заклада, –
Как дозатор: для слёз и для певчего такта.

Слава Богу, что ты – не читаешь стихов:
Вот же небыль печали!.. – а сорок грехов
Мне простятся, сломавшей четыреста лир, –
Ты – случайный: как музыка, явленный в мир.

БЕЗОТВЕТНОЕ

И тебе не скажу, ибо тут
Невместимые клады
Нестерпимее солнечных пут,
Строже лунной прохлады.

Все объявимся на небеси,
Да с порожней мошною…
Не скажу: человек бо еси, –
И не буду смешною.

Щурясь, глядя, как льнут лепестки –
Стелют нежно, подножно, –
Обрублю мановеньем руки:
– Это, видишь ли, сложно…

А кому-то, кто, в мареве лет,
Пылкой, горестной прощи
Сыщет в книге впечатанный след, –
Будет этому проще.

ИНТУИЦИЯ

Самая первая, неотвратимая, правда –
Смутный толчок
Чуткого сердца: прелюдия праведной веры,
Чьё бремя
Подобно могильному камню для избранных ею,
Чтоб, сидя на нём,
Хохотала блаженная нищенка –
Голая правда.

В УНИСОН

Слушай: первый августовский дождь
Льётся монотонностью органной.
Это листьев сдержанная дрожь
В чаянье развязки постоянной.

Прямо в сердце, влёт, наверняка –
Тёмный ливень, шепчущий и тонкий:
Это Баха гневная тоска
В стереофонической колонке.

Видишь: мутной пены желтизна
Поплыла поверх размытой глины.
Это разворована казна,
С образа исчез оклад старинный.

Это горькой памяти разбег
С головокружительных карнизов.
Это коркой взялся чёрный снег,
Ливнями холодными зализан.

Помнишь: дня отцветшего магнит,
В мокром парке зарево агоний…
Это Парки тоненькая нить,
Рвущаяся на твоей ладони.

Это в лоб холодный поцелуй
Памяти спокойной друг о друге, –
Протяжённость этих тонких струй,
Безысходность монотонной фуги…

БЫЛЬ

Я тебе лгу. Чтоб отсрочить развязку,
Что стережёт, ухмыляясь, вдали,
К ночи шепчу тебе длинную сказку –
Древнюю повесть не нашей земли.

К стёклам холодное льнёт мирозданье
На одинокий и немощный свет.
Там, в поднебесье, одно ожиданье,
Только посулы, а радости нет.

Что-то, ворочаясь, дышит в апреле:
Юная новь прорастает сквозь мох.
Сказка стара – перепевы свирели,
Крон необъятных прерывистый вздох.

Детскому чуду поруки не надо:
Вера, и тайна, и настежь врата.
Шёпоту, вздоху, прозрачному взгляду
Верь же, святая моя простота!

В давних преданьях всё чисто и строго.
Чьё-то живое тепло у колен…
Нынче не будет прощенья от Бога
Тем, кто берёт, не давая взамен.

Нынче душа, как бездомная птица.
Лгу! Обираю с бесстыдством ворья.
Но в простоте возлюбившей таится
Тёмная чуткость детей и зверья.

Насторожённого древнего слуха
Не усыпит прихотливая трель,
И между нами бесплодно и сухо
Истина встанет, как голый апрель.

БЕСШАБАШНОЕ

Танцуй, беспечная луна,
Бессонная бродяжка!
В пруду мерцает – пей до дна! –
Брильянтовая бляшка.

Что пожелаешь, всё твоё,
Насмешница немая:
Сними лоскутное тряпьё
С беспамятного мая.

Подуй на всякую свечу!
Мы втёмную скитальцы,
И всё тебе я оплачу,
В пустотах раня пальцы:

Твои обноски, флёр старья
Из грёз да наваждений;
Побудь со мною: ты да я –
В ушибах восхождений…

А днём, бескровна и смела,
Катись, трезвонь по свету,
Что немочь бледная мила
Гулящему поэту.

ГОРОД-ЛЮБОВЬ

В пустотах серого скелета,
В пыли на дне глазном,
Пучиной расходилось лето
И ходит ходуном.

Зелёным валом бьётся в стену
И рвётся из щелей,
А ветр серебряную пену
Срывает с тополей.

И долго смотрит смерть в спецовке,
Подставив рёбер щит,
Как месяц, в мутной марганцовке
Барахтаясь, пищит.

К щиту её прильну спиною,
Чтоб ангел наповал
Меня с испариной ночною
С земли бы сцеловал;

Пока, Господень ангел-сборщик,
Восставишь сонм телес,
Заговори, мой заговорщик,
Тщету моих чудес:

Ведь мы – Венерины скитальцы,
Чья жизнь как недочёт,
Сплетённые пронзая пальцы,
Вдоль улиц утечёт;

Под сводом черепного склепа
Душа, испив зарниц,
Прольётся, солоно и слепо,
В отдушины глазниц.

ВОЗМОЖНОСТЬ

В присмерке лета, с его духотою томной,
Где паруса, телеса, и сверчки, и крабы,
Я ничего твоего не хочу помнить
И не доискиваюсь никакой твоей правды.

Я не бросаюсь с разбега в твоё море,
Я мимоходом гляжу – как живу: мельком.
Некто плетёт свою сеть, но умрёт вскоре.
Некто кроит паруса, но моря мелки.

Вот я иду: без тебя – сквозь тебя – мимо
Льюсь, расслоив опрокинутый строй мира,
В чей полусвет-полусумрак душа-рыбка
Пялит глазища, не в теме насчёт рынка.

Мне – стороною, но всё-таки – бди зорче:
Сколько азарта в расслабленной неге полдня!
В тёплых руках душу-рыбину бьют корчи,
Пусть даже запаха кухни она не помнит.

Знаю, указан единственный путь рекам:
В море, которому вызов бросал твой парус.
Что же таить моим вскинутым – настежь – векам?
Разве что с искрой усмешки зрачок-стеклярус.

Так проживём, в не объявленном миру споре –
В сущности, сговор, – друг друга послав в изгнанье.
К чьим-то ногам, подольщаясь, падёт море, –
Внове ли – к чьим – и твоё ли, – к чему знанье?..

ЛЕВ ЛИБОЛЕВ

ЯНВАРЬ, НО СНЕГА НЕ ПРОСИ

ГОРОД, УЛИЦА И ДОМ

Просто так, гулять пойдём
ближе к вечеру, а что нам,
этой жизнью не учёным,
город, улица и дом.
Тот, напротив парка, где
небо в пасмурной воде
отражается свинцово.
Дом, известняковый прах,
но как прежде на дверях
что цепочки, что засовы –
время заперто внутри,
в кухнях брошена посуда.
Знаешь, лучше не смотри,
лучше мы пойдём отсюда
в парк напротив, там снега,
нам тропинка дорога
у пустующей скамейки,
а на белом птичий след
о делах минувших лет
пишет бодрые ремейки.
Ты читала их сама –
вечер, снег, скамейка, двое.
Дом напротив и зима
задевают за живое.
Шар земной надет на ось,
в старом здании под снос
фотографиям не спится.
Фото наших пап и мам.
Воздух – чистый фимиам,
свет фонарный, словно спица
выбьет узеньким лучом
две наколки ни о чём –
вечер, сумерки, прогулка,
окна тёмные в домах,
шаг неспешный, ветра взмах,
снег в проёме переулка.

ТЕАТР ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Не лицом к лицу – спиной к спине
легче согреваться, дорогая.
Снегопада не опровергая,
жмёмся – я к тебе, а ты – ко мне.

Словно под обстрелом, снег налип
нам на плечи, как тут оторваться
друг от друга? Ветер залихватский
ловко треплет ветки голых лип.
Можно повернуться, но тогда
что увидишь ты, что я увижу?
Влажные кашне, а чуть повыше –
взгляды без малейшего стыда.
Мало ли… Ко лбу приникнуть лбом,
и не опровергнуть до мурашек –
в спину снег и липы, и овражек,
тусклый свет в трамвае голубом.
Нет, не красный. Это странно, да?
Ты не удивляйся, мы не в детстве.
Зимний сквер – театр военных действий,
связи нет – провисли провода.
Я тебе скажу – пойду, а там
ты ответишь – да, и я поеду.
Празднуя, как важную победу,
проигрыш двоих по всем фронтам.

ВТОРАЯ ПОПЫТКА

Как выжить нам, скажи,
нет выбора, всё пена.
Темнеют этажи
под вечер постепенно.
И только снег стеной
сметает нас, что кукол,
но ты пока со мной
идёшь за острый угол,
чтоб спрятаться за ним.
Так выживем, не бойся.
От смерти сохраним
бесхозного барбоса –
возьмём его сюда,
прикормим и упрячем.
Снег страшного суда
становится горячим,
как пепел в этот миг.
Что выберем – остаться?
Скажи мне напрямик,
потешь ответом старца.
Ты скажешь – выйдем, но
январский холод жуток.
Окно глядит в окно,
меж ними промежуток,
в котором я и ты,
приблудный пёс и тайна
о том, что темноты
бояться перестану,
поняв, что это – дно,
что всё проходит мельком,
что выбрать не дано
ни альфам, ни омегам,
а тёплый угол нам
отсрочка и не больше.
Скучать по временам
и гладить пса – он божий,

безгрешная душа.
Что цели выбирая,
мы думали, спеша –
попытка есть вторая.
Ещё одна. Всегда.
Вторая. Запасная.
Могли замёрзнуть? Да.
Но выживем. Я знаю.

НЕ ПОНАРОШКУ

Что поделать, в бирюльки играем,
несерьёзно, конечно, а вот –
двор, когда-то казавшийся раем,
нас под старость опять позовёт.
И захочется не понарошку,
чтоб январь, чтоб Крещенский мороз,
чтоб ушедший товарищ Серёжка
свой уход навсегда перерос.
Чтобы Сашка не спился вчистую,
Валька чтоб удержал дурака.
Рай на небе? Но я протестую,
лоб крестить не умеет рука.
Не играю, я так не играю –
словно в детстве кричу в никуда,
но тоска по дворовому раю
на земле не оставит следа.
Игры в сторону, взрослые вроде ж,
пусть не веруем, но всё равно,
понимая – друзей не воротишь,
почему-то косишься в окно.
Вдруг хоть кто-то мелькнёт ненароком,
чей-то голос узнается вдруг.
Снег потопчется перед порогом,
ветер западный сделает крюк.
Всё-то игры, всё сплетни да бредни,
никого не вернуть, хоть убей,
тишина изучает в передней
вычитание скучных дробей –
минус, минус… А хочется плюса
и девчоночьих ласковых плеч.
Встретишь милую – снова целуйся,
здесь уроков других не извлечь.
Встретишь друга – обниметесь, что там,
станут побоку долг или грех.
Рая нет, занимайтесь подсчётом
всех дробей из небесных прорех.
Белых-белых. Считайте, играя,
след оставив на снежной красе.
Как печально, что нет больше рая,
как прекрасно, что были мы все.

ДО СВИДАНЬЯ

Январь, но снега не проси,
бывает ноль, но выше – редко.
Ну, что у вас там на Руси?
На кухне стол и табуретка,
и стол, и крепкое на нём.
Не пьянки ради – чтоб согреться.
Скажи – когда мы отдохнём,
душа, мятущееся сердце.
А тут и снега нет, а тут
не пью, как прежде, вспоминая
ту местность, где снега метут
и кровля стынет жестяная
с проталинами возле труб.
Январь, окутанный дымами,
как мой отец, пропивший рупь,
на что-то жаловался маме –
что так и так, снегов не жди,
они на севере остались.
А здесь у нас одни дожди,
ещё – невнятная усталость.
И сера в серости палат,
больничных полотенец узел.
Воспоминания болят,
как будто кто-то их мутузил,
пока бесснежно и темно –
январь, крещенские морозы.
А я всю ночь смотрел в окно,
сходя до самой глупой прозы,
до мыслей – как же там у вас?
Скажи, родная, много снега?
Уже с утра на стёклах вязь,
и нет усталости, а нега
в прогретой спальне разлилась.
Вставать не хочется, а надо.
погожий день зовёт во власть
намеченного променада.
Куда уж думать обо мне –
я тут, где снова дождь по крышам,
и город сказочный в окне
знаком по черепицам рыжим.
Не в старом храме жгу свечу,
но всё же, не причастный к тайне,
навек прощаться не хочу,
и повторяю – до свиданья.

ТРЯСИНА

Это, как говорится, бывает часто –
ночью проснёшься – в окошко твоё стучатся.
Выглянешь и не увидишь людей за дверью,
молча потопчешься, скажешь – глазам не верю.
Видно, пригрезилось, можно ложиться снова,
но неохота. Принять бы чего хмельного –
воздуха свежего, крепкого, как настойка.
И босиком по выпавшему, сжигая
пятки о снег – у любви сторона другая.
Не к человеку, а к Богу. К Нему, и только.

Лучше бы к женщине – проще, надёжней, легче,
в старой пижаме, накинут кожух на плечи,
выйдешь и спросишь – с чего бы ко мне стучаться?
Бог-то на небе, а женщина рядом – счастье.
Нет, не она… И ступни обгорели сильно,
снег свежевыпавший, это почти трясина.
Дышишь – не надышаться, и шёпот громкий
тянет к себе, говоря – помечтай, что встретил
женщину здесь. И тогда ты задремлешь, светел,
видя прошедшее там, за ледовой кромкой.

Из-за которой фантомы к тебе стучатся,
будят в ночи, подсознание рвут на части.
А в зазеркалье – по стёклам, никак иначе.
Время – улитка известного Фибоначчи –
вот золотое сечение, все расчёты.
Женщина, помнишь – к тебе я стучался. Что ты
ночью шептала, закутавшись в покрывало?
Милый, хороший мой, я тут замёрзла очень,
как ты в словах обходителен, ласков, точен.
Ты говорила. Но двери не открывала.

НА ГРАДУСНИКЕ ПЛЮС

Пока зимы не чувствуется, и
как хочешь это время назови,
на градуснике плюс и грязь повсюду.
Как трудно совмещать мытьё посуды
и мысли об утраченной любви
в период незаконченных торжеств –
ещё же старый стиль, и новый старый.
Привычное собрание с гитарой,
которую всё шашель не доест –
расстроенной ещё сто лет назад.
Ну, пусть не сто… Лет сорок. Пятьдесят.
И некому её настроить на
весёлый лад. Что видно из окна?
Январь совсем не тот, посуда в мойке.
Да пусть лежит. Заварим свежий Мокко,
и всё на этом – дальше тишина.
Ты празднуешь в семье, а я один,
хотя и не один – гитара, гости.
Как жаль, что я себе не господин,
как здорово, что мы не моем кости
друг другу и другим, а в тишине,
мой нежный друг, не вспомнив обо мне,
отпразднуй снег, насыпанный вчерне,
всё ближе к чистовому варианту –
ровней, белей, пушистей. И на нём
следов не видно – правка будет днём,
а мы с тобой пока передохнём,
ты будешь Беатриче, я – твой Данте.
Не хочешь, нет? Мы больше не друзья?
Твой взгляд, по снегу белому скользя,
не справится никак с давнишним ляпом.
Январь не перепишешь абы як,
пора гулять, подкармливать собак,
сочувствуя в снегу замёрзшим лапам

и чующим прощание носам.
Летящий снег, прогулка сам на сам
и набело записанные вирши –
январский заключительный сонет.
Легко сказать – в стихах-то правды нет,
но дело в том, что нет её и выше.

РАСПЕВКА ПУСТОТЫ

Уже и вечер. Право, не грешно
смеяться над смешным… Откуда это?
Забыл. Надсадно снег стучит в окно,
такая вот декабрьская вендетта –
расплата и отмщение не мне,
кому-то от кого-то за кого-то,
за что-то. Может быть, за свет в окне,
за блёклое, засвеченное фото
на столике в бумажном паспарту.
Не важно, кто на нём, я точно знаю
любимые черты, я помню ту,
которая… Декабрь. Зима сквозная
у города, у вечера, у тьмы.
Точнее, полутьмы – темнеет быстро,
уходят посторонние шумы,
и лампа фонаря, как будто искра,
высвечивает птичьих лап кресты
на белой и размокшей распечатке.
Качелей скрип – распевка пустоты,
трамвая трель, забытые перчатки.
О, женщина, запомню наизусть
черты на фото. Может быть, успею.
И сам себе опять сказать боюсь,
что этот вечер снова полон ею.

АЛЕКСЕЙ РУБАН

СКВОЗЬ ПРУТЬЯ КЛЕТКИ

ЛЖЕЦЫ

Трезвый, как стекло липкого стакана,
Медь и серебро да на дне фонтана,
Безмятежный сон под скамьёй галеры,
Крылышки и нимб, истинная вера.

Крепкий, как союз, освящённый небом,
И пять тысяч ртов, ждущих крошек хлеба,
Овцы, пастушок, крики, люди, волки,
Сажа и чулки, свёрточки под ёлкой.

Вещий, словно сон пьяницы в овраге,
Чистая любовь в грязной банке браги,
Зелень стройных пальм посреди пустыни,
Чувства, что вовек в сердце не остынут.

МОРСКОЙ ЛЕВ

Я морской лев, моё тело – прибежище бликов.
В море открытом, вдали от смеха, слёз, песен и криков,
Моя блестящая кожа и сверху льющийся свет
Одной из многих во тьме затерянных планет,
Имя которой вспомнить я не могу.
Там, на берегу
Им, конечно, известно её название,
Но что мне с человечьего этого знания?
Что мне до любви и ненависти двуногих?
У меня есть рыба, кальмары и осьминоги,
У меня есть свобода скользить сквозь волны холод пенный.
В глазах моих отражается облик Вселенной.

БИЕНИЕ

Двадцать лет назад, когда жизнь была проще,
Пускай и ненамного,
Пускай только в моей голове,
Бродя по городу, вдыхая дым дешёвых сигарет,
С повидавшим виды плейером на поясе,
С перемотанными изолентой наушниками,
Я услышал песню, которая до сих пор
Бьётся во мне, не давая покоя.

«Когда наступит время оправданий, что я скажу тебе?
Что я не видел смысла делать плохо,
И я не видел шансов сделать лучше» –
Так спели мне тогда, когда всё было проще,
И сейчас, просыпаясь посреди ночи,
В переполненной маршрутке, в тишине музея,
Топча асфальт, паркет, топча сцену,
Я вспоминаю эти слова и думаю
О вмятинах от розовых очков на крыльях носа,
О поисках вечно ускользающего равновесия,
О сделках с собой, от которого всё равно не убежать,
Об усилиях, совершаемых, чтобы не разрушить мир,
О силах, нужных, чтобы каждый день его отстраивать.
Выдыхая дым под серым небом декабря,
Я чувствую биение, биение, биение…

НЕОПРОВЕРЖИМО

Наступит день, когда учёные,
Эти бездушные механизмы, препарирующие красоту,
Неопровержимо докажут, что бога нет. Мир запылает,
Изойдёт воплем, воем тормозов, грохотом падающих зданий,
Обрушится самолётами на грешную землю,
И в круговороте насилия и разврата
Всё станет дозволено.
Я буду пить с неделю, мешая день с ночью,
Кому-то звонить, бессильно плакать в трубку,
Думать о самоубийстве, которое всё же отложу,
А потом лето подойдёт к концу.
Я отмокну в ванной, заправлюсь витаминами и сорбентами,
Снотворным избавлюсь от кошмаров бессонных ночей
И первого числа привычно отправлюсь туда,
Где много лет мирно преподавал литературу.
Пересеку университетский двор, попаду в пустой вестибюль,
Пройду гулкими коридорами, зайду в аудиторию,
Сяду за стол и буду ждать, ждать без всякой надежды.
И когда тишина уже изготовится
Поглотить меня, забрать разум у старого тела,
Откроется дверь, и они войдут внутрь, эти трое,
Трое из группы в две дюжины (результат выше всех ожиданий),
Пожелают мне доброго дня, сядут в ряд и в молчании станут
Смотреть на меня, словно бы в ожидании чуда.
Я не буду молчать, я не дам тишине этой шансов:
«Всех приветствую, поговорим о Бодлере…»

НАПИВАЕМСЯ

Когда мы с моим другом напиваемся
(Это происходит чаще, чем следует,
Но реже, чем хотелось бы),
Он всегда задаёт мне один и тот же вопрос.
Вроде дань традиции, но я знаю:
Ему действительно важно услышать ответ.
«Что тебе нужно?» – спрашивает меня друг,
И тогда я начинаю говорить,
Долго и, в сущности, давно известные нам вещи,
Меняется разве что форма.

Я говорю ему про клетку, о которой написал рассказ,
Мы все заперты в ней с самого рождения,
В клетке плоти, которая смердит, болит и требует,
В клетке ума, мешающего видеть истину,
В клетке привязанности к вещам, людям,
Погремушкам славы, привязанности к себе.
И я так хотел бы из неё вырваться,
Бросить всё, раздать нищим что в загашнике,
Свалить в Индию, стать садху, носить оранжевое,
Питаться подношениями, спать на земле, выпрыгивать из сансары,
И всё бы хорошо, но ум жаждет гарантий,
Мол, а вдруг там ничего нет? И душа покорно
Возвращается к погремушкам в загашнике.
Ещё можно бить поклоны под образами,
Но это совсем не моё, вот и не будем об этом.
И поэтому я продолжаю идти своим кривым путём,
Что-то делать, вроде как для других,
Но на деле так ты покупаешь
У пустоты иллюзию того, что в её пасти
Не растворишься, останешься хотя бы в виде
Написанных текстов, неровно сыгранных песен,
Воспоминаний других, короче, ещё одна иллюзия,
Ещё одна клетка из многих.
Мы пьём, и я говорю, что нет кайфа в этом:
Мечтать о святости, так и оставаясь собою,
А потом мой друг вспоминает анекдот про еврея,
У него было два гуся, чёрный и белый,
Он не знал, какого зарезать к празднику,
Обоих же не мог, остался бы ни с чем.
Раввин не помог, но посоветовал,
Обратиться к попу, сведущему в мирских делах.
«Режь белого», – безапелляционно изрёк поп.
«Но чёрный же будет скучать», – привычно заявил еврей.
«Ну и хрен с ним», – был ему ответ.
В оригинале там другое слово,
Полнее раскрывающее суть, но я не буду
Его приводить здесь. Все вы его знаете,
К тому же среди нас могут оказаться дети.
Говорят, дети понимают лучше…
Впрочем, я отвлёкся. «И хрен с ним, – говорит мой друг, –
«С клеткой, Индией и образами,
Я сам такой же придурок, сам варюсь в бытия трагизме,
Но давай хоть сегодня не будем об этом,
Завтра всё равно с похмелья накроет».
И мы пьём, слушаем музыку, играем в видеоигры,
Потом неизбежно приходит утро,
Серое, и накрывает так, как никогда до этого.
А где-то там, в Индии, садху в оранжевом
Ходят с поднятой рукой, курят свои травы,
Где-то под образами женщины в платках рыдают,
Чадят свечи, звенят цепи кадила,
И на это откуда-то сверху с прищуром
Смотрит бог, смотрит сквозь прутья клетки.

АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОЧЕК

Привези мне, тятя, аленький цветочек,
Обойди преграды, путь найди меж кочек,
Как-то больно сжалось сердце вдруг в комочек,
Привози скорее аленький цветочек.

Привози под вечер или на рассвете,
Брагу пьют большие, балуются дети,
Жадно бьётся сердце в этой тесной клети,
Стонет всё под вечер, стонет на рассвете.

Аленький цветочек, чудище лесное,
Может, замечталась, может, наносное,
Забродило сердце пьяною весною,
Аленький цветочек, чудище лесное…

ЯНКЕ

От большого ума
Влезу я в закрома,
От красивой души
Всё раздам, поспеши.

Ты спеши, налетай,
Не стесняясь, хватай
То, что долго копил
Изо всех я из сил.

Вот младенческий плач,
Сна мучитель-палач,
Лезет к солнцу рука
Цапнуть бок пятака.

Под линейку вот строй
И пластмассовый бой,
За победу – венец,
Из кулька леденец.

Вот всё можешь ты, вот
Поцелуй током бьёт,
Следом первый укол
И потерь частокол.

Колесо вот, смотри,
Залезай, раз, два, три,
Вот усталость до дна,
И постель холодна.

Вот твой маленький стыд,
Чтоб при всех не навзрыд,
Время – беглая ртуть,
В дымке тающий путь.

Там же два пятака,
Там река широка,
Ты заплатишь – и в даль,
Где не больно, не жаль.

От большого ума
Я открыл закрома,
Да беда, у души
Брать никто не спешит.

ДО НЕБЕС

Мне приснились два человека
Из известного фильма,
У кромки моря,
На краю смерти об ангелах беседующие.
Они, мол, там,
За гранью небесной,
Как и мы,
Такие же
Ни в чём не сведущие.
Говорят о море,
А спуститься
И крылья намочить
В воде солёной боятся, –
А вдруг потом
Не поможешь ты, боже,
И домой
Мы не сможем добраться.
И подумалось мне
Утром ранним,
Под сереющим небом постылым,
Может быть,
Твоей милостью, боже,
Быть не так уж и плохо
Бескрылым.

СЕРГЕЙ МИТРОФАНОВ

СЛУЧАЙ НА ВОКЗАЛЕ
рассказ

Глава 1

В одной тихой и уютной области нашего многомерного пространства-времени, там, где сходятся и достигают вполне приемлемых величин 11-ого, 15-ого, 28-ого и 137-ого измерения, да и наши родные 1-е, 2-е и 3-е не являются ни первым, ни вторым и ни третьим, а стоят под другими номерами в их длиннущем списке, во время Оно, а по земным меркам за несколько дней до случая, о котором я хочу рассказать, произошло удивительное собрание. В небольшом, по нашим представлениям, объёме пространства, ограниченном подобием стен из некоей облачно-перламутровой субстанции без чётких границ, прохаживался… назовём его человеком, хотя он, имея вполне человеческую внешность, человеком в прямом смысле и не являлся. Но в доступном нашему восприятию трёхмерном виде он походил именно на человека, а какой имел вид в недоступных нам измерениях, этого нам знать не дано. Одет он был в белый хитон, закрывающий ступни ног, на голове сияла лысина в обрамлении снежно-белых длинных, волнистых волос, сливающихся с роскошной, той же масти, бородой, доходящей до границ округлого живота, слегка выпирающего из-под хитона. Из светлых глаз человека, вперемешку с детским любопытством и лукавством, струилась безмерная мудрость и доброта.

Тут же, на небольшом выступе, похожем на топчан, расположилась молодая женщина. На ней был женский вариант того же хитона, отделанного золотым шитьём; свободный капюшон покрывал голову, из-под него выбивались тёмные волосы. Женщина полулежала, поджав под себя ноги, и на первый взгляд могла показаться очень юной, но только на первый взгляд. На самом деле это была именно женщина, женщина на границе скорее зрелости, чем молодости. Глаза её, несмотря на их лучистость, были тронуты грустью, и она лишь изредка поднимала их, скорбно оглядывая происходящее вокруг.

Невдалеке на похожем выступе, но походившем скорее на кресло, развалился ещё один человек. Это был молодой мужчина с русыми волосами и русой же бородкой. На нём была греческая тога, дерзко доходящая лишь до колен; он сидел, вытянув и скрестив ноги в сандальях, а сомкнутые замком руки сходились на затылке. Он казался немного усталым и чем-то озабоченным и имел некоторые схожие с женщиной черты, видимо был с ней в родстве. Оба поглядывали на медленно прохаживающегося старичка и внимательно слушали его.

– Охо-хох! – задумчиво говорил пожилой человечек. – Что в мире творится! Что творится! Видится мне, что грядут катастрофические изменения. Энтропия растёт, будь она неладна, народец земной плодится без меры и мельчает одновременно, а…

– Их уже семь миллиардов, – перебил его мужчина. Старичок удивлённо вскинул брови и, поглядев на него, воскликнул:

– Уже!

– Да, уже.

– Вот, вот я и говорю, – продолжал старичок задумчиво. – Семь миллиардов! Ну с этим мы бы справились как-нибудь: несколько глобальных эпидемий, пара-тройка мировых войн, и всё вернётся в норму. Но меня тревожит состояние узловых точек: слишком уж часто они стали распадаться, а их распад может вызвать необратимые изменения…

– Так уж и необратимые, с вашими-то возможностями, папаша, – опять перебил старичка мужчина. Старичок вздрогнул от слова «папаша», задрал вверх бороду и сверху вниз тяжело поглядел на молодого человека, так незатейливо определившего степень их родства и при этом спокойно смотревшего на него.

– Да, сынок, необратимые. Необратимые настолько, что при неблагоприятном стечении обстоятельств мне придётся вносить изменения в мировые константы в этой области пространства – тебе ли этого не знать – и тогда Земля перестанет быть Землёй, и что с ней тогда станет, одному Богу известно. – При этих словах он гордо вскинул голову, оглядел присутствующих и просиял. – А ведь Земля – моё

любимое детище! Сколько я в неё сил и средств вбухал, остальной Вселенной и не снилось, не додал я остальной Вселенной! Тринадцать с половиной миллиардов световых лет, миллиарды галактик без моей любви и внимания, как сорная трава, сами по себе множились, серо-зелёные уродцы свои цивилизации плодили и просили, и умоляли, чтобы я пролил на них благодать свою, а я всё на Землю тратил и на людишек. И я их, непутёвых, ведь по своему образу и подобию создал. Да что там говорить, ведь вот и вы тоже – плод моей любви. А теперь узловые точки, созданные мной ещё на заре человечества, сетью покрывающие землю, скрепляющие её, вдруг то тут, то там распадаться стали, а этого нельзя допустить. Что скажешь, сын мой?

Сын задумчиво поковырял в бороде.

– Так ведь было уже раньше что-то подобное и как-то всё обходилось. Стоило лишь сойти на землю, да несколько фокусов показать. Тогда, конечно, и народу поменьше было, и потемнее он был, и в любую хрень был готов поверить. А сейчас? Ну я даже не знаю, надо подумать. Спроси вон у мамы.

Старичок повернулся к женщине и позвал:

– Маша! Маша! Мария!

Женщина, задремавшая сразу после слова «энтропия», вздрогнула, подняла голову и быстро-быстро заморгала сонными глазами.

– Что делать будем, Маша? – ласково спросил старичок. Мария, ещё не отошедшая от дремоты и плохо понимавшая, о чём идёт речь, потягиваясь, неожиданно для самой себя брякнула:

– А что если мнимое время на Земле ввести?

Молодой человек закатил глаза и простонал:

– Мама, вечно Вы со своими глупостями. Ну какое мнимое время! Разве Вы не знаете, что мнимое время в трёхмерном пространстве и так существует, но течёт перпендикулярно реальному! – Он раздражённо закинул руки за голову и добавил: – Палеолит какой-то!

– В общем, так, – категорично произнёс старичок, решивший прекратить бесполезное обсуждение. – Мы подумали, и я решил послать вас на Землю, чтобы вы в индивидуальном ручном режиме исправляли и предотвращали распад каждой конкретной узловой точки, и неважно, что они из себя будут представлять: любовь ли двух человеческих особей или отношения между жёсткокрылыми жуками и майскими жужелицами, загрязнение деревенского пруда колхозным пастухом или литературный диспут в Занзибаре. Каждую нестабильную узловую точку нужно будет стабилизировать на весь отпущенный ей срок существования. Используйте все ваши способности, которыми я вас наделил. Да, и начните с России, там сейчас находятся наиболее важные и ценные для меня точки, и начните конкретно вот с этой, – тут он провёл рукой по стене и раздвинул её, или она стала почти прозрачной по другой причине; затем он поманил Марию и сына, они подошли и долго всматривались втроём во что-то далёкое, покачиваясь при этом на мягком облачном полу.

– Ну, дети мои, с богом! Ступайте и делайте, что я сказал!

Молодой человек и Мария сделали шаг, как-то по-особому развернулись, отразившись в одной из стен; отражение расслоилось, и они исчезли. Старичок остался один. Он замер, запустил руку в бороду и произнёс: «Иешуа – мой сын, а Мария – его мать, но Мария мне не жена, и мы никогда не были вместе, мне вообще этого не надо. Как же так получилось? И если Иешуа – мой сын, а Мария ему мать, то кто Мария мне? Тайна великая! Парадокс! Какая уж тут кошка Шрёдингера!». Он ещё постоял в задумчивости, потом забормотал «Гавриил, Гавриил…», а потом и позвал негромко, но строго:

– Гавриил, ты где?

Приблизительно так же, как исчезли Мария с Иешуа, только в обратном порядке, из стены появился ещё один тип. Он низко поклонился и смиренно сказал:

– Я здесь, Господин!

Гаврила оказался высоким огненно-рыжим красавцем с густыми бакенбардами, очень похожими на пейсы ортодоксального еврея, и белоснежным рядом крепких зубов. От него исходили сила и удаль. Все виды энергий от термоядерной до сексуальной фонтанировали из него в окружающую среду, а сам он вполне мог служить рекламой какого-нибудь энергетического напитка. Казалось, что он не плавно появился, а влетел, шелестя невидимыми крылами. Впрочем, что-то трепетало у него за спиной, но, возможно, это трепетали потревоженные его появлением дополнительные измерения, которые во множестве пересекались на этом пространственном пятачке. Одет он был в нечто невообразимо яркое – плащ не плащ, ковёр не ковёр – всё это дрожало и переливалось на его могучем теле, готовое то ли свалиться на пол, то ли улететь в неведомые дали по первому намёку своего хозяина.

– Я здесь, Господин! Что прикажете?

– Ты, Гавриил, у нас по охранному ведомству, кажется, проходишь?

– Я сразу по всем ведомствам прохожу, и по охранному тоже, мой Господин!

– Знаю, знаю о твоих подвигах! Про ситуацию с Землёй, про распад узловых точек, я надеюсь, ты слышал?

– Что-то слышал, Господин.

– Так вот: я для исправления ситуации послал на Землю сына моего с Марией, – он на секунду замялся, – с его мамой…

– С Марией? – переспросил Гаврила, и одно из измерений колыхнулось так, что по лицу Гаврилы словно бы волна пробежала, превратив на секунду подобострастное выражение в некое подобие лукавой ухмылки.

– С Марией, с Марией. И тебя, как друга семьи, хочу к ним в помощь организовать. Будешь им помогать узловые точки стабилизировать, давай, догоняй их. Начнёте с России, ну там Мария с… ну, в общем, они там тебе всё объяснят.

Гаврила буквально вспыхнул от радости, по стенам пробежала радужная рябь, он закрутился волчком, издал вопль «Слушаюсь, Господин!» и растворился в одном из измерений.

– Бес! Ну чисто бес! – старичок умильно склонил голову, вглядываясь в дрожащее радужное пятно на стене, оставшееся от Гаврилы, но тут за его спиной неслышно появился некто и тихонько произнёс:

– Вы меня звали, Господин?

Старичок испуганно повернулся:

– Вот чёрт, напугал!

– А всё-таки звали, Господин! – удовлетворённо расплылся в улыбке некто. – Звали, звали, а я уж тут как тут!

Некто оказался грузным пожилым человеком с усталым и тяжёлым взглядом; одет он был так, как одевались богатые господа в двадцатые годы двадцатого века. Он прихрамывал и опирался при этом на толстую палку с бронзовым набалдашником. Опирался неуклюже, словно делал это очень редко, и палка то и дело подворачивалась. Он, видимо, привык опираться не на палку, а на плечи своих слуг, которых не решился взять с собой, услышав зов своего господина.

– Ну не то чтобы звал… – немного смутился старичок. – Но, впрочем, ты кстати! И… – тут он критически осмотрел вошедшего, – к чему такая старомодность? Двадцать первый век на дворе, а тут трость какая-то, манишка целлулоидная, манжеты… Неужели нельзя одеться посовременней? Нынче такие времена, что пожилого от молодого не отличишь, а ты прямо из какого-то вымершего сословия явился.

– Это я чтобы Вас порадовать, Господин, захотелось чего-нибудь ностальгического.

– Не порадовал! Давай-ка поменяй облик на что-нибудь посовременней!

– Хорошо, Господин! – человек в старомодном костюме склонил голову и взмахнул палкой. Несколько измерений дрогнуло, и показалось, что по ним пробежали трещины, и даже всё пространство, похожее на комнату, слегка качнулось. Человек на секунду превратился в серую пыль, которая неторопливо сложилась в невзрачного человечка роста ниже среднего, в аккуратном сером костюме, с наметившейся плешью, под которой притаились маленькие недобрые глазки, собравшиеся в кучку возле переносицы; вниз от неё сбегал по лицу обыкновенный нос, и всё это покоилось на слегка вытянутом скучнейшем, как и серый костюм, лице.

– Ну как? – сверкнул глазками незнакомец.

– Немец, ну чисто немец! – подобрел старичок.

– Ну немец так немец! Кем только не приходилось быть, мой Господин, а начинал-то со змея, помните, как Вы меня тогда…

– Помню, я всё помню, но ближе к делу. Раз ты здесь, найдём и тебе дело.

– Я весь внимание, мой Господин!

– Вводить тебя в курс дела не буду, ты и сам, наверное, всё знаешь!

– Как же я могу знать Ваши замыслы, мой Господин, хотя должность и обязывает? Но... чего не знаю, о том догадываюсь. Вас беспокоит состояние узловых точек на Земле, и Вы уже послали туда Вашего сына и мать его Марию, а также верного друга семьи Гавриила для исправления ситуации, и я подумал, что без моего участия Вам не обойтись, и потому я здесь, мой Господин.

– Без твоего участия пока ничто не обходится. Будешь за ходом дела следить и в случае чего уравновешивать их безмерную доброту, а то они со своими понятиями о добре могут таких дров наломать! Но и сам не увлекайся. Там парочка одна имеется, с неё начнёте.

– Понимаю, понимаю, мой Господин. Любовь! Что может быть важнее любви в созданной Вами Вселенной!

Глава 2

После полудня в привокзальный сквер крохотного российского города Л вошла довольно интересная парочка. На первый взгляд не было в ней ничего примечательного, но даже если бы и был в ней какой-либо изъян или наоборот, какое-нибудь ярко выраженное достоинство, то на вокзале вряд ли бы обратили на это внимание. Вокзал этого городка, как и большинство российских вокзалов, многое повидал за свою

более чем вековую историю. Графы и князья, дамы в кринолинах, загульные дореволюционные купцы и поэты серебряного века, комиссары, махновцы, белые, красные, зелёные, голубые, либералы и монархисты, бомбёжки и свадьбы, битвы за урожай и бандитские разборки, пионерские слёты и нашествия цыган, космонавты, бомжи, отставшие от поездов пьяные артисты, члены ЦК и сбежавший из передвижного зоопарка жираф – решительно ничем нельзя было удивить маленький российский железнодорожный вокзал. Тем более не могли его удивить и даже привлечь хоть малейшее внимание двое мужчин среднего возраста. Но тем не менее парочка была интересной, и если бы вдруг нашёлся на вокзале любитель понаблюдать за ними, то он бы непременно вскоре удивился. Но такого наблюдателя не нашлось. Откуда появилась эта парочка, тоже было не совсем ясно. Вроде бы появились они из одного примыкавшего к вокзалу переулка; по другой версии вышли они из-за последнего вагона остановившегося на две минуты поезда Мурманск-Адлер, а по третьей версии – из подсобных и складских помещений, во множестве примыкавших к вокзалу. Третья версия представляется наиболее правдоподобной, потому что нагружены они были садовым инструментом, точнее, нагружен был один: он умудрялся тащить на себе бензиновую пилу, канистру с бензином, сумку с инструментами, грабли, лопату, моток верёвки, длинную алюминиевую лестницу и бумажный пакет с шаурмой. Он был невысок ростом, крепок в плечах; на нём были короткие камуфляжные штаны, кроссовки размера не меньше сорок пятого, майка в обтяжку с надписью по-английски «I», а дальше было нарисовано большое красное сердце, означающее, по-видимому, слово «люблю», но слово, определяющее объект любви, из-за складок было плохо различимо, и можно было разглядеть только первую букву «F». Рыжеволосую голову венчала бейсбольная кепка, надетая козырьком назад. Широкое, немного азиатское лицо совсем не выражало страдания перегруженного человека, наоборот, оно, скорее, выражало удовольствие от выполняемой работы. Было видно, что ему совсем не тяжело, однако он почему-то делал вид, что ему тяжело, что он просто изнемогает под тяжестью, при этом он демонстративно пыхтел, отдувался и одновременно смеялся, а из глаз его искрами сыпалось неудержимое веселье, особенно когда он поглядывал на своего спутника, который не тащил ничего, кроме огромной чёрной сумки.

Он нёс её осторожно, даже, можно сказать, скорбно, и скорбь эту подчёркивало выражение его лица. Оно было тронуто грустью, словно таинственный и тяжёлый опыт прошлой жизни оставил неизгладимый отпечаток на нём. Длинные волосы его были собраны на затылке в пучок, так, как это обычно делают лысеющие мужчины проблемного возраста, терзаемые комплексом неполноценности и пытающиеся прикрыть зачёсанными на затылок волосами некстати проступившую плешь. Но плеши под волосами не было, мужчина был вполне свеж и привлекателен. И ещё казалось, что человеку было неловко оттого, что на красивом и правильном лице его чего-то не хватает, словно всю жизнь носил человек бороду и в одночасье по чьему-то глупому приказу сбрил её и оказался вдруг словно бы голым. В правой руке он нёс сумку, а левой всё время трогал свой гладкий подбородок. Вообще он был похож на хиппи-переростка, только что осознавшего свою смехотворность в двадцать первом веке и твёрдо решившего встать на путь исправления, но ещё не успевшего полностью отказаться от прошлой жизни. Он был высок ростом, и линялые джинсы очень хорошо сидели на нём; из коротковатых рукавов светлой рубашки высовывались худые бледные руки. В правой руке у него была огромная чёрная сумка, под её тяжестью человек надламывался и клонился вправо, а левой то и дело хватался за подбородок, словно не давая телу надломиться окончательно.

День катился к вечеру, и людей в привокзальном сквере не было. Поезд «Мурманск-Адлер», постояв пару минут, уехал, а поезд на Москву ещё не подошёл. Был конец мая, отцветала сирень, летел тополиный пух, и привокзальный воздух наполняли ароматы жареных пирожков, шашлыков, шаурмы, семечек и прочей дешёвой снеди; пахло угольной гарью, пивом, рельсами, мазутом, мочой, молодой зеленью раннего лета и уходящей весны. Никто не обращал внимания на пару мужчин с инструментами и чёрной сумкой, и это было частью их плана.

Сквер, если его вообще можно было назвать сквером, представлял из себя асфальтовую дорожку, начинавшуюся от торца вокзала и скоро упиравшуюся в какое-то одноэтажное здание. На этой дорожке стояли четыре чугунные скамейки, по две с каждой стороны, за ними было что-то типа газонов с ещё свежей травой и несколько деревьев, дававших тень. Рыжий подошёл к одной из скамеек, вывалил на неё инструменты, лестницу бросил в траву и, посмотрев на дерево, стоящее рядом со скамейкой, произнёс:

– Вот она!

– Кто? – не понял второй мужчина.

– Яблоня, та самая, из райского сада.

Дерево и впрямь было яблоней, старой, но ещё вполне крепкой; часть веток были сухими, а на здоровых уже виднелись крохотные зелёные яблочки.

– Да, та самая, – и рыжий, которого звали Гавриил, рассказал историю этой яблони своему напарнику Иешуа, имя которого он упростил до привычного в этой местности Геши.

По его рассказу выходило, что место это когда-то было частью райского сада, и яблоня эта, тогда ещё молодая, стояла в самом его центре. Но за прошедшие тысячелетия многое изменилось, местность

сдвинулась к северу, райский сад после изгнания из него Адама и Евы потерял свою актуальность, захирел, съёжился, звери, жившие в нём, разбежались, но яблоня так и осталась стоять на том же месте. И время как бы обходило её стороной, вокруг неё то росли леса, то простирались степи, мимо неё во всех возможных направлениях проходили разные народы, и никто почему-то не покушался на неё; она пережила лесные и степные пожары, засухи и потопы, избежала массовых вырубок и простого хулиганства, рядом с ней возникали и умирали поселения, люди из которых срывали и ели её плоды, ничуть не подозревая, плоды какого дерева они едят. Даже в прошедшем веке, когда прокладывали железную дорогу, древо познания, оказавшееся на пути прогресса, каким-то чудом обошли, и вокруг неё сам собой образовался этот небольшой садик. Яблоня каждый год цвела и плодоносила, плоды клевали птицы, грызли белки, и все, кому случалось быть рядом; упавшие яблоки сгнивали, их выбрасывали на помойку, гнали самогон, скармливали свиньям; за ней никто никогда не ухаживал, сухие ветки отваливались сами собой, и на их месте вырастали новые. И сейчас яблоня выглядела вполне прилично, только торчали сухие ветки, умершие в прошедшую зиму.

Геша, внимательно слушавший рассказ, вдруг спохватился, аккуратно поднял сумку, поставленную на асфальт, и столь же аккуратно отнёс её и водрузил на скамейку, стоявшую напротив и чуть наискосок от яблони. Гавриил, в отместку упрощённый напарником до банального Гаврилы, рассказывая и одновременно копаясь в инструментах, бросил возиться с бензопилой и стал наблюдать за Гешей. Однако тот не торопился открывать сумку. Он сначала посмотрел на Гаврилу и сказал:

– Отведи всем глаза.

Гаврила огляделся и издал высокий протяжный свист, который, видимо, перешёл в ультразвук, потому что губы его, всё ещё сложенные для свиста, звук производить перестали. И в это время все, кто находился на вокзале и рядом с ним, вздрогнули; каждому показалось, что кто-то издалека его окликнул, и все стали вглядываться и искать глазами что-то или кого-то в стороне, противоположной скверу. В итоге какое-то время никто не смотрел в сторону сквера, хотя и так мало кто интересовался происходящим там. А напрасно: в сквере происходило нечто необычайно интересное. Геша наклонился над чёрной сумкой и медленно расстегнул молнию, затем он очень осторожно стал скатывать края сумки вниз, освобождая что-то большое, тёмное, тряпочное. Гаврила, прекративший свистеть, подошёл к нему, и они вместе стали вынимать, поднимать и расправлять содержимое сумки.

– Выбирайтесь, мама! Просыпайтесь, мама! Осторожно, мама! – бормотал Геша, и они вдвоём достали из сумки небольшую, аккуратно сложенную старушку в позе эмбриона, одетую в какие-то длинные юбки и кофты, с платком, глухо повязанным вокруг головы, так что было видно только её лицо. В общем, сразу и не разберёшь, что там и как, но старушка вдруг открыла глаза, потянулась и, как бабочка, выбравшаяся из куколки, обрела наконец вполне понятную форму. Из-под юбки показались ноги в поношенных белых кроссовках; она опустила их на асфальт, и оказалось, что они чуть-чуть до него не достают; встряхнулась, расправилась и стала крутить головой. Она щурилась от света, и сморщенное её личико было умилительным, потрёпанные одежды говорили, что она была или изображала из себя нищенку. Старческое, почти коричневое лицо, беззубый рот, седые пряди, выбивающиеся из-под платка, взывали к жалости, но живые глаза, грустные и чересчур лучистые, наводили на мысль, что гримёры немного перестарались с внешностью, и старушка была убедительна только на некотором расстоянии, впрочем, никто и не предполагал близкого контакта с окружающим миром. Геша взял руку старушки, сплошь состоящую из голубоватых жилок, наклонился над ней, словно прощупывая и прислушиваясь к пульсу, затем поцеловал её и с почтением произнёс:

– Как Вы себя чувствуете, мама? Как перенесли дорогу?

– Хорошо, сынок! Только вот ноги затекли немного, – старушка улыбнулась, и улыбка получилась такой жалостливой, что наверняка вызвала бы поток горячих слёз даже у самого чёрствого сердца, случись этому сердцу оказаться рядом и увидеть эту улыбку.

– Мама, Вы осмотритесь пока, а мы с Гаврилой делом займёмся, а то скоро наши подойдут. – Геша достал из сумки ещё какие-то потрёпанные целлофановые пакеты, положил их рядом со старушкой, сумку зачем-то затолкал под скамейку и вместе с Гаврилой отошёл к яблоне и инструментам. «Странно всё это, – думал он. – Мария моя мать, а отец мой там, наверху, но я никогда не видел, чтобы они вели себя как муж и жена, бате это, кажется, вообще по барабану. Даже представить себе это невозможно. Но однако он мой отец, а она – мать, и оба любят меня. Что-то тут не так, загадка, однако… у Гаврилы, что ли, спросить?».

Но Гаврила был занят. Он остервенело дёргал шнур бензопилы, прижимая её коленом к скамейке; пила иногда возмущённо всхрюкивала, но тут же умолкала. Гаврила подливал из канистры бензина, отхлёбывал сам, что-то проворачивал, поджимал, дёргал снова, шепча проклятия на всех живых и мёртвых языках, коих знал во множестве; случайно досталось и Гешиной маме, и Геше, и дьяволу, и ангелам, и серафимам с херувимами, досталось и Самому – Гаврила в такие моменты бывал неразборчив в выражениях. Наконец он в сердцах плюнул, выбившейся из штанов майкой утёр пот, достал из сумки простую ручную пилу и шагнул к яблоне. Отклонив рукой ближнюю ветку, он вдруг замер и уставился в одну точку. Точка эта

располагалась аккурат там, где сухая ветка отходила от ствола. На ветке, обвивая её, расположилась большая чёрная гадюка. Она не мигая смотрела в упор на Гаврилу и гипнотизировала его. Сзади подошёл Геша. В одной руке у него был топор, в другой секатор; он тоже увидал змею и уставился на неё. Молчаливое стояние продолжалось довольно долго и наконец разрешилось страшным визжащим звуком, раздавшимся за спинами Геши и Гаврилы. Гадюкин гипноз подействовал, и сама собой завелась бензопила на скамейке, она задёргалась, свалилась на землю и, извергая клубы сизого дыма, стала зарываться в газон и умолкла только после того, как подскочивший Гаврила выключил тумблер. Он вернулся к дереву, где Геша уже прицеливался топором, как бы половчее оттяпать змеюке голову. Змея тоже пришла в движение и вдруг заговорила человеческим голосом:

– Господа, господа, даже если вы изрубите меня в куски, это ровным счётом ничего не изменит, меня нельзя убить, во всяком случае это не в вашей компетенции. Успокойтесь и примите достойный вашему положению вид.

– А-а-а! – протянул Геша. – Это ты!

– Я! И не ты, а Вы, я ведь гораздо старше Вас, молодой человек. И что вы решили сделать с несчастным деревом, уж не срубить ли вы его хотите? Учтите, что это тоже не в вашей компетенции.

– Вот! Стоит упомянуть чёрта, и он уже тут, как тут, – вступил в разговор Гаврила. – И ведь ни одно дело без Вас не обходится. Учтите, мы тут по поручению, мы выполняем одно очень важное задание. – Гаврила многозначительно посмотрел в небо. – И Ваше присутствие здесь крайне нежелательно, – окончательно перешёл на светский тон Гаврила, ругавшийся до этого на всех языках мира. – А дерево, это так, для конспирации, мы заодно и поухаживаем за ним – кто и когда за ним ещё присмотрит? Ветки старые обрежем, кору подлечим, садовым варом замажем, ядом от вредителей побрызгаем.

– Знаю я ваши дела, – прошипела гадюка, – а за дерево спасибо. Дорого оно мне, я ведь и начинал с него когда-то. Да и сейчас нет-нет, да и прихожу сюда, прячусь в ветвях, смотрю на жизнь, на людей. Правда сейчас у них другой плод познания, тоже яблоко, но надкушенное.

– Вам не стоит тут сейчас находиться! Скоро сюда придут двое, и нам с ними работать, а Вы своим присутствием всё испортите. Попадётесь на глаза, страху нагоните, вон и мама моя волнуется, Вас увидев, – Геша умоляюще посмотрел на змея.

– Ладно, уговорили, уйду я… пока. – Змей соскользнул на землю и пополз по траве в конец сквера, где стояло служебное здание, не то склад, не то какая-то контора.

– Далеко не уйдёт! – заметил Гаврила – Знаю я его, теперь жди проблем! – и он взялся за пилу, а Геша отошёл и стал успокаивать старушку, которая от волнения и страха с ногами забралась на скамейку.

Глава 3

На какой-то момент всё успокоилось. Геша, склонившись над старушкой, что-то говорил ей. Гаврила вернулся к инструментам и стал раскладывать алюминиевую лестницу. Внезапно он выпрямился, потянул ноздрями воздух и тихонько свистнул. Геша оборвал разговор с мамой и поглядел на Гаврилу.

– Наши идут! – тихонько произнёс тот. Геша быстро отошёл к скамейке с инструментами.

– Задачу помнишь? – спросил он у Гаврилы.

– А то! Они ругаются, и ни в коем случае нельзя допустить, чтобы они разругались окончательно. Нужно любыми способами их помирить и сделать так, чтобы и в будущем они не расстались никогда. Эта сильная любовная связь очень важна и для Земли, и для всей Вселенной в целом, и для этого мы здесь!

– Да, Гаврила! Они обожают друг друга, но что есть любовь земная, замешанная на тварной бытийности, где на каждом шагу их подстерегает необходимость преодолевать унизительные потребности повседневной жизни, а ведь они немолоды и им труднее противостоять возрастанию энтропии…

– Всё, замолкаем! Идут! – оборвал Гаврила Гешино философствование, и они принялись неторопливо перебирать инструменты, поглядывая в сторону центрального вокзального здания.

Оттуда вскоре появились мужчина и женщина. Они шли в сторону сквера, и было видно, что между ними нет мира. Женщина шла чуть впереди с небольшой чёрной сумкой в одной руке и с букетом розовых пионов в другой. Мужчина был нагружен значительно больше и шёл чуть сзади. Одной рукой он катил за собой сумку на колёсиках, в другой нёс большой пластиковый пакет, доверху набитый свёртками. И то и другое было тяжёлым. Лица мужчины и женщины были хмурыми и отстранёнными. Женщина прекрасной наружности была из той породы женщин, про которых говорят, что маленькая собачка до старости щенок, и хотя до старости ей было ещё далеко, однако не вызывало сомнения, что в будущем время нисколько не затронет её сегодняшней красоты и обаяния. Небольшого роста, стройная, ладная, она шла довольно решительно, не обращая внимания на отстающего мужчину и его тяжёлый груз. Губы её были плотно сжаты, а взгляд устремлён куда-то вдаль; казалось, она вела за собой армаду кораблей и заодно неприятный диалог с кем-то невидимым. Впрочем, было понятно, что этот невидимый собеседник вполне осязаем и тащится позади неё с тяжёлыми сумками, а неприятный разговор был прерван

только потому, что скандалить прилюдно на вокзале было совсем не в её правилах. Было также видно, что публичное выяснение отношений и для мужчины не является приемлемым; он зло глядел в спину женщины, тяжело вздыхал, и после каждого вздоха губы его ещё какое-то время продолжали беззвучно шевелиться. Наружности он был… впрочем, не стоит подробно описывать его наружность, вряд ли нормальному мужчине понравится его описание, пусть даже самое лестное. Достаточно сказать, что он был высок, плотно сложен, сед, очки на носу намекали на интеллигентность, но кто теперь не носит очков в зрелом возрасте.

Пара прошла в сквер и направилась к свободной скамейке прямо напротив старушки. Заметив, что, против ожидания, они будут в сквере не одни, мужчина неприветливо оглядел неожиданных соседей, и это ему явно не понравилось. Но старушка и копошившиеся возле дерева работяги, казалось, не обратили на него и на женщину никакого внимания, и парочка в молчании и не глядя друг на друга уселась на скамейке. Покопавшись в сумке, женщина достала платок и стала вытирать полившиеся слёзы, которые, видимо, долго удерживала в себе. Одновременно послышалось тихое подвывание.

На слёзы и тихий плач вдруг обратила внимание старушка; она бросила копаться в старом целлофановом пакете и стала разглядывать плачущую женщину, её глаза выражали скорбь и сострадание. Работяги тоже поглядели на женщину. И был ещё один человек, от чьего внимания не ускользнуло женское горе. Он пришёл следом за ними, но не вошёл в сквер, а пристроился возле боковой стены вокзала. Это был бомж, отвратительный нищий неопределённого возраста, он плёлся следом за ними ещё с вокзальной площади. Внешность его была ужасна и приводила в содрогание всякого, кто попадался на пути. На нём была грязная рваная куртка, надетая на голое, поросшее мелкими седыми волосами грязное тело; брюки породы «штаны» были подвязаны жёлтой верёвкой, на ногах болтались огромные резиновые сапоги, бывшие когда-то охотничьими. Двумя руками бомж катил пред собой продуктовую тележку из супермаркета, набитую нищенским хламом. Голова его начиналась с небольшой коричневой лысины, перечёркнутой глубокой царапиной с запёкшейся кровью; за лысиной шли грязные седые волосы, свалявшиеся в колтун и войлоком спадавшие на плечи. Они сливались на лице с длинной седой бородой и усами, в глубине которых прятались пухлые мокрые губы сизого цвета; над этими зарослями нависал сиреневый пористый нос, из которого торчали пучки почему-то рыжей щетины. Но заросли на лице не ограничивались усами и бородой: над глазами колосились мощные брови, которым позавидовал бы и сам главный бровеносец страны Советов генсек Брежнев. И, наконец, сами глаза в обрамлении красных воспалённых век. Глаза, однако, были неожиданно чёрными и блестящими и смотрели из-под бровей на удивление осмысленно и даже, можно сказать, весело. От него исходил, видимо, очень крепкий дух, и вокруг роем вились жирные металлические мухи. Он не стал заходить в сквер и уселся под вокзальной стеной, откуда ему хорошо было видно всё происходившее в нём. Никто из находившихся там не обратил на него ни малейшего внимания – мало ли бродит по российским вокзалам таких бомжей-стариков. Однако, присмотревшись, можно было заметить в нищем некоторую странность. Во-первых, тележка. Взять её старику было решительно негде. В этом городке не было и не предвиделось супермаркетов, а, во-вторых, катить эту тележку можно было только по ровным асфальтированным улицам, которых в городке тоже не предвиделось. В общем, экипировка нищего бездомного старика была хоть и убедительна, но явно позаимствована из голливудских сериалов. Усевшись под стеной, он достал бутылку пива, открыл рот, в котором обнаружилось всего два жёлтых, но крепких зуба, и необычайно ловко, даже лихо, открыл ими бутылку. Затем на несколько долгих мгновений присосался к горлышку и, отставив наполовину опустошённую бутылку, стал разглядывать плачущую женщину.

Мужчина, сидевший некоторое время молча и разглядывавший неровности асфальта, повернулся к женщине и сказал:

– Ну хватит, хватит! Нашла, из-за чего реветь, всё уже закончилось, и ремонт сделали, и к поезду успели. Чего ты разрыдалась?

Женщина никак не отреагировала на его слова.

– Сама виновата, не нужно было мне мешать, я же этих ремонтов в жизни столько переделал, а твоя истерика только мешала мне. Чёрт бы побрал все эти ремонты, в следующий раз легче нанять кого-нибудь и деньги заплатить, чем такую жертву приносить. И всё это из-за недоверия ко мне. Не веришь ты мне, вот и вся причина. Я-то, дурак наивный, думал, что вот сейчас спаленку деревенскую нам отремонтирую, мастер-класс покажу, а ты вместо того, чтобы не мешать мне, каждый шаг контролировать начала, стала учить меня, как молоток в руках держать. Ну куда это годится! Ты же по самолюбию моему проехалась и теперь хочешь, чтобы я спокойным при этом оставался.

Женщина подняла заплаканное лицо.

– Ты же всё назло мне делал, ведь специально, я же видела. Тебе это удовольствие доставляло, во всём мне наперекор идти!

– Да не назло, просто я лучше знаю, как надо делать!

Он лукавил. Порой он и впрямь, сам того не желая, делал назло в этом злополучном ремонте и даже не потому, что женщина в тот момент была права, а ему не хотелось уступать, а просто бес противо-

речия, сидящий в каждом мужике, нашёптывал ему: уступишь в малом, потом на шею сядет, и всегда и во всём будешь ты не прав. Опыт предыдущей семейной жизни оставлял мало сомнений в этом древнем житейском принципе.

– Я тоже знаю, как надо, не первый день на свете живу и ремонтов этих тоже видимо-невидимо переделала, – женщина злилась, и слёзы текли пуще прежнего. – Мог бы и уступить, тем более видел же, что я права. Ты же мужик!

Это был нечестный приём, апеллировать к мужской сущности не следовало.

– Вот именно, мужик, и не дело женщины соваться в мужские дела, а ремонт всё же занятие мужское. Ты за годы одиночества, видимо, забыла, что такое мужик, или все, с кем ты была до меня, к мужикам причислялись по другим признакам!

Это был ещё более нечестный приём, и скандал разрастался, как снежный ком. В такие моменты скандалящие совсем не думают о справедливости словесных упрёков. Всё сказанное кажется им правдой единственной и неоспоримой, и совсем забывается о том, что в таком споре всегда есть две правды, и совсем не помнится о том, что шансы убедить другого именно в своей правде равны нулю. А тут дело усугублялось ещё и тем, что эти двое хотя и прожили вместе два года, не были мужем и женой, и эта неоформленность отношений где-то в подсознании оставалась лазейкой, которой при случае можно было бы воспользоваться, если скандал, подобный этому, зайдёт слишком далеко. Но именно сейчас эта лазейка грозила превратиться в глубокую трещину. Что этому способствовало? Непроходящая влюблённость, как это ни парадоксально звучит, уверенность в силе взаимного чувства не позволяла вовремя остановиться и задуматься над происходящим. Обо всём об этом спорящие или, точнее, скандалящие влюблённые не думают вовсе, но об этом всегда помнят и думают силы, их соединяющие, те высшие силы, которые и решают, быть им вместе или не быть. Но этой паре повезло: силы, думающие о них, были в двух шагах от них.

– Настя, Настенька, прости, я не хотел тебя обидеть! – мужчина попытался обнять женщину, которая от последних его слов разрыдалась ещё больше и, пытаясь сквозь слёзы сказать что-нибудь ещё более обидное, стряхивала его руки с плеч.

– Уйди, уйди! Ты сам…

– Да что же это за невезение такое! – мужчина вскочил и тут же сел обратно. – Стоит только встретить женщину, единственную, любимую, как тут же что-то случается! Ну давай будем выше этого..!

Он не успел закончить фразу, как женщина сквозь рыдания наконец выдавила из себя то обидное, что пыталась сказать перед этим:

– И много их у тебя было, единственных и любимых?

– А-а-а – заревел мужчина. – Да, я не из монастыря к тебе пришёл, слава Богу, недостатка не было!

– Ну вот и возвращайся к своему достатку!

– Что ты несёшь! Как у тебя язык поворачивается говорить такое!

За скандалом Настя и мужчина, которого, кстати, звали Алексеем, совсем не заметили, как два работника, возившиеся возле дерева, стали делать знаки старушке, и та, в свою очередь, всё пыталась привлечь к себе внимание ругающихся, но до неё ли им было. Она робко взмахивала руками и что-то говорила, но голос её был тих и тонул в грохоте взаимных упрёков. Наконец Алексей обратил внимание на взмахивающую руками старушку, и ему стало неловко за эту отвратительную сцену.

– Настя, Настя, успокойся, люди же смотрят!

Настя и сама замолчала, заметив это, и только всхлипывала и сморкалась в платок. Алексей ещё раз взглянул на бабушку. «Маленькая, аккуратная нищенка, чего-то хочет. Подойти что ли, спросить» – промелькнуло у него в голове. Старушка и впрямь подзывала его к себе. Алексей встал и, поборов секундное отвращение к дряхлой нищете, подошёл.

– Вы что-то хотите? – он хотел ещё и извиниться за скандальную сцену, но не посчитал нужным оправдываться перед нищей старухой, хотя что-то уже подсказывало ему, что это было бы совсем не лишним.

– Голодная я. Купи мне печенья. Пойди, купи.

Алексей удивился просьбе, но, решив, что это отвлечёт его и Настю от скандала, согласился.

Топая к вокзальному киоску, который находился по другую сторону вокзала, Алексей ещё продолжал внутренне спорить с Настей, но раздражение быстро утихало, и его место стала занимать старая нищенка, попросившая купить печенья. Странная она какая-то… В чём заключалась странность, Алексей начал осознавать, вставши в очередь. Во-первых, когда он наклонился над нищенкой, чтобы выслушать её просьбу, он заметил, что, против ожидания, от нищенки не пахло характерной старостью и нищетой – от неё исходил знакомый и одновременно незнакомый, очень приятный тонкий и ни с чем не сравнимый аромат. Во-вторых, опять-таки против ожидания, старушка совсем не выглядела больной и немощной. «Она, конечно, очень стара, – думал Алексей, – но ещё полна сил, вон как глаза светятся». В-третьих, уж больно она была какая-то симпатичная старушка, старость и нищета совсем не уродовали её, а лишь украшали и подчёркивали жизненный опыт и честно прожитую жизнь – а на морщинистом лице её отра-

жалась именно честно прожитая и даже безгрешная жизнь. Алексею никогда не доводилось ещё видеть таких старческих лиц, и тем более у нищих. «Неужели у неё никого нет, ни детей, ни родственников, ни друзей. Не хотелось бы мне в старости вот так ночевать на вокзалах и просить милостыню». Он поёжился, всматриваясь вперёд: очередь почему-то совсем не двигалась. Некий господин небольшого роста в сером невзрачном костюмчике, с плешью, наметившейся на голове, о чём-то спорил с продавщицей. Очередь между ним и Алексеем уже налилась гневом и роптала. Споривший то и дело поворачивался к ней, и на лице его вспыхивали маленькие крысиные глазки. Гнев очереди на секунду ослабевал и тут же вспыхивал вновь. «Как будто на меня смотрит» – подумал Алексей.

Настя поглядела вслед уходящему Алексею и, всхлипнув, подумала: – «Вот ведь ушёл и ничего не сказал. Ну и чёрт с тобой!». Потом она поглядела на старушку: та, не отрываясь, смотрела на неё и улыбалась. Улыбка у неё была какой-то необыкновенной, и Настя улыбнулась в ответ. Нищенка подняла морщинистую руку и тонким указательным пальцем поманила Настю к себе. Что-то незаметное, но чрезвычайно важное произошло в окружающем мире, и, спрятав мокрый платок в сумку, Настя подошла к бабушке.

– Садись! – приказала старушка, и Настя покорно присела рядом. – Чего ревёшь?

Голос старушки был тихим, но одновременно высоким и чистым и, казалось, совсем не принадлежал женщине столь почтенного возраста. – Чего ревёшь-то?

Настя вдруг почувствовала непреодолимое желание рассказать этой женщине всю свою жизнь, покаяться в грехах, попросить прощения и спросить совета, и она уже было открыла рот, но нищенка, словно прочитав в одно мгновение всё, что хотела сказать Настя, заговорила сама.

– Не реви, успокойся, всё у тебя хорошо и будет хорошо. Я только попросила его печенья мне купить, и он сейчас вернётся. Я ведь, почитай, с утра ничего не ела. А он добрый и тебя любит, я вижу, что любит. А ты его любишь? – в глазах у старушки мелькнула лукавая искорка, словно она уже знала ответ.

– А чего он..! – Настя вдруг вспыхнула.

– Любишь! – торжественно подтвердила старушка. – Вот и люби! Всякая любовь Богом дадена. Любовь убьёшь – против бога пойдёшь. Так у нас говорят.

– У кого это у вас?

Старушка, казалось, не услышала вопроса. Взгляд её удивительных глаз был наполнен весенним теплом и светом, и не было сил оторваться от него, хотелось смотреть в эти глаза ещё и ещё. Никогда Настя не видела таких удивительных глаз. На самом краешке сознания мелькнула мысль: «Э-э-э! Да ты не нищенка вовсе…».

Глава 4

Прислушиваясь и поглядывая на ругающихся, Геша и Гаврила, вооружённые инструментами, подступили к яблоне. И в самом деле, не стоять же им истуканами, ожидая, пока на них обратят ненужное внимание. Это навредило бы делу, ради которого они сюда прибыли, и поэтому надо было исполнять отведённую им роль работников парка, пока не наступит их выход.

Ещё раз внимательно изучив ветки яблони и ожидая, что змей только сделал вид, что уполз, а сам незаметно вернулся и коварно притаился где-нибудь между листьев, Геша и Гаврила принялись за дело. После предательства бензопилы ею решили больше не пользоваться, да и шума ненужного совсем не хотелось, поэтому работали простой пилой и секатором. Гаврила пилил, а Геша замазывал спилы садовым варом. Сухие ветки падали в траву, и дерево приобретало вполне ухоженный вид. Пригодилась и лестница: Гаврила ловко вскарабкался по ней к самой вершине, и сверху на Гешу посыпались жёлтые опилки вперемешку с сухими ветками, на которых местами ещё оставались прошлогодние сухие яблоки. Геша видел, как ушёл Алексей и как Мария подозвала Настю и что-то ей говорила. Внезапно Геша услышал сверху громкий шёпот.

– Нашёл, нашёл! Это оно! Я узнал его! Геша, я узнал его! Эврика! Мульбасса хирен кивасса! – и Гаврила перешёл на какое-то древнее наречие, видимо, русского языка не хватало ему, чтобы выразить свой восторг.

– Чего нашёл-то? – спросил Геша тревожным громким шёпотом и оглянулся, но Настя и Мария не обращали на них никакого внимания. Лестница загремела, и по ней буквально скатился Гаврила. Он весь сиял и переливался. В одной руке он держал пилу, а другой сжимал небольшую зелёную ветку, на которой среди ярко-зелёных молодых листиков темнело старое сморщенное яблоко, оставшееся, видимо, с прошлого лета. Отбросив пилу, Гаврила стал тыкать веткой прямо Геше в нос, приплясывая при этом. Геша с сомнением отодвинулся: от Гаврилы шёл нешуточный жар, и он опасался за себя и за канистру с бензином, стоявшую неподалёку.

– Остынь, Гаврила! Что это такое?

– Это!? Это оно! Сейчас расскажу! – Гаврила престал приплясывать, и жар от него пошёл на убыль. – С того самого дня, когда Создатель насадил райский сад, эта яблоня приносит плоды. Не было ни одного года, когда на ней не было бы яблок. Даже в самые неблагоприятные времена, даже когда вокруг

неё простирались пустыни и болота, вставали горы и шумели леса, на ней всё равно созревали яблоки. Пусть их было немного, пусть они были мелкие и горькие, но они были. Весной яблоня цвела, а к осени на ветках наливались яблоки. Но не всё так сохранилось с тех времён, кое-что и поменялось. С тех пор как Адам с Евой были изгнаны из рая, количество плодов познания на ней стало сокращаться. Яблоня всё так же обильно плодоносила, но тех самых, одно из которых сорвала Ева, таких плодов с каждым годом становилось всё меньше и меньше. И наконец яблоня стала приносить лишь одно подобное яблоко раз в столетие. Созревает оно на самом верху и не отличается от других ни размером, ни видом. Звери и птицы по каким-то им одним известным признакам его узнают и не трогают, а люди… За всё время я не знаю ни одного случая, когда кто-либо попробовал бы его. Обычно, когда весной появляется новая завязь, оно падает на землю, полностью теряя свои чудесные свойства. Но нам несказанно повезло, завязь уже появилась, а оно ещё не упало.

Геша с уважением покачал головой и, вознося глаза к небу, произнёс:

– Чудесны и неисповедимы пути твои, Господи!

Гаврила вдруг повёл носом, покрутил головой и, заметив мерзкого бородатого бомжа, расположившегося возле вокзальной стены, задумчиво добавил:

– Да, чудны и неисповедимы его пути…

– И чего мы с ним будем делать? – Геша рассматривал сморщенный плод, имевший самый неаппетитный вид.

– Это сильно облегчает нашу задачу, – Гаврила отобрал у Геши ветку с яблоком и стал развивать свою идею. – Если бы не это яблоко, так удачно нам доставшееся, нам пришлось бы сильно попотеть, нам пришлось бы хитрить и обещаниями, уговорами, а то и угрозами пытаться примирить этих несчастных влюблённых.

– Почему это несчастных? – спросил Геша.

– А потому, мой юный друг, что как ты и сам успел заметить, эти влюблённые не молоды, а любовь и в младые годы есть бремя тяжкое и порой непосильное. Насколько мудрее и практичнее были древние законы, скреплявшие семейные союзы не любовью, а обязательствами продления рода, увеличения богатств и сохранения власти, а любовь часто становилась тому помехой, хотя иногда и не мешала, но чаще всё-таки мешала. А если вдруг случившаяся любовь и проходила, то оставались обязательства, нарушать которые мешала всё та же общественная мораль, которая и способствовала соединению этих молодых людей. А эти двое? Продление рода? Смешно и говорить об этом. Богатство? Вряд ли оно у них есть. Власть? Зачем она им. Что же остаётся?

– Одна чистая любовь, – наивно предположил Геша.

– Именно! А в их годы одна только чистая любовь без обязательств есть ничем не оправданное баловство, идущее наперекор общественной морали и делающее их несчастными, если вдруг их влюблённость внезапно, под влиянием каких-нибудь пустяковых причин, испарится. И спасением этой испаряющейся тут, на наших на глазах, любви мы сейчас и занимаемся, поскольку им повезло, что их случай стал узловой точкой, от состояния которой зависит судьба всей Вселенной. А это яблочко надо дать им сожрать, а что ещё делать с яблоком. И тогда им откроется истина и воцарится среди них мир, объятый мудростью, и они никогда не расстанутся, – лопатки за спиной Гаврилы быстро задвигались, и он возвёл глаза к небу, как-то весь просветлел и даже, как показалось Геше, слегка оторвался от земли.

– Не расста-а-а-нутся, – загнусавил Гаврила, сложив руки на груди. – Надо только заставить их сожрать этот фрукт познания истины. – А Геша горько усмехнулся и добавил:

– На брудершафт сожрать? Этот сухофрукт? Помнится мне, что моего пра-пра-пра-…дедушку с моей же пра-пра-пра-…бабкой за то же самое из райского сада попёр наш батяня. Тебе не кажется, что история может повториться, и эти двое несчастных вместо любви, мира, согласия и познания истины получат пожизненную радость труда или, учитывая их немолодой уже возраст, какую-нибудь ещё более изощрённую радость.

– Не-е, я так не думаю. Тогда всё по-другому было, хотя общая историческая ирония здесь и прослеживается. Дерево, змея, двое, в неведенье что творят, и если то первое яблоко открыло нашим предкам их наготу, то этот сухофрукт откроет нашим клиентам… – Гаврила задумался, пожевал губами и продолжил: – Что откроет, мы не знаем, но всё это неспроста. Мы ж тут все…– Он не закончил и показал Геше на возвращавшегося Алексея. Тот нёс большую бутылку Кока-колы и пачку печенья.

– Эх! Надо Маше подкинуть яблоко, она знает, что делать. Она такая разумница, всё знает, всё умеет, даже объяснять ничего не надо, уж я-то знаю. Что в руки ни возьмёт, всё жизнью наливается. Да только раньше надо было, а сейчас как это сделать? – и Гаврила засуетился вокруг яблони.

Глава 5

Возвращаясь от киоска, Алексей всё думал про того гражданина в очереди, который так мешал всем. «Какой гад! Какой…» – тут Алексей употребил другое слово. – «И смотрел прямо на меня, словно я его главный враг. Морда неприятная, так и хочется плюнуть». Проходя мимо бомжа, Алексей поморщился и даже заслонился от запаха, как от яркого света, а бомж, увидев Алексея, протянул ему пустую пивную бутылку и показал в улыбке два жёлтых зуба, которые сверкнули так, что Алексей даже задержал взгляд на бомже и с отвращением увидел, как под ним растекается жёлтая вонючая лужа. «И откуда только такие берутся!» – подумал он, входя в сквер.

«Интересно! – тут же, почти вслух, подумал он, увидев, что Настя сидит рядом со старушкой, и обе как-то по-особенному смотрят на него. – Интересно!».

Настя смотрела просто; гнев и злость прошли и уступили место спокойному, отвлечённому созерцанию. В старушкином же взгляде, наоборот, можно было прочитать многое – от естественного интереса женской особи к привлекательному ещё мужчине до гнева той же женской особи к противоположной и потому враждебной мужской сущности.

«Интересно!» – в третий раз подумал Алексей, но уже с некоторым недоумением и даже тревогой. Собственно, он не был готов к этому и остановился перед скамейкой, на которой сидели Настя и старушка, не зная, как же ему сейчас поступить. Просто отдать купленное печенье и воду или же как-то отметить изменение в расположении фигур в привокзальном сквере.

– Э-э! – он остановился перед ними и на секунду замер. – Э-э, вот возьмите, всё как Вы просили. – Настенька, – Алексей приторно, испытывая вдруг отвращение к самому себе, обратился к Насте. – А ты что здесь делаешь?

Но ответа он не получил. Вместо ответа рядом с ним с дьявольским шелестом и хрустом рухнуло что-то. Алексей отпрыгнул в сторону и увидел, что рядом с местом, где он только что стоял, поперёк тротуара лежит большущая ветка с молодыми зелёными листиками, которые ещё колебались, движимые остаточными инерционными моментами, словно маленькие флаги на лунной поверхности.

– Ой! – синхронно ойкнули старая и молодая.

– Ой! – так же синхронно, но радостно грянули два мужских голоса. – Простите, ради бога, мы не нарочно, просто мы не рассчитали, мы думали, что упадёт в другую сторону. – Как двое из ларца, Геша и Гаврила возникли по обе стороны весьма толстой ветки, которая тонким своим концом касалась аккурат ног старушки. – Вас не ушибло? – весело интересовались они, пытась схватиться за ветку и оттащить её.

Тут вмешался Алексей:

– Вы что же это делаете? Так ведь и убить можно, тоже мне, работнички. Ещё немного, и всё это упало бы им на головы! – и он показал рукой сначала на два старых скворечника, притаившихся в молодой листве, а потом на головы Насти и старушки. – На вас жаловаться надо и гнать к чёрту! – свирепел Алексей. Неутолённая злость кипела и выплескивалась на Гешу и Гаврилу. – К чёрту! Где ваше начальство? – рявкал он и сам пытался отодвинуть ветку в сторону.

Картина и впрямь была нерадостной, но только на первый неискушённый взгляд. На самом деле Гаврила всё точно рассчитал. Эта ветка принадлежала соседней старой и обыкновенной яблоне и легла она точно в заданное место, так чтобы никого не задеть, и так, чтобы в случившейся суете подсунуть в сумку к Марии яблоко, а заодно и сообщить ей о дальнейших планах. Однако два старых скворечника оказались неприятной неожиданностью для Гаврилы, и он, мысленно проводя ладонью по лбу, подумал: – «Фу! Пронесло! Видать, Господь отвёл беду!» – Он посмотрел в сторону вокзала и острым своим зрением увидел, что бомж, расположившийся у вокзальной стены, задремал, и на свесившуюся нижнюю губу его сели две ярко-зелёные мухи. Губа была фиолетовой и мокрой, и мухи, сверкающие металлическим блеском, на фиолетовом фоне были необычайно красивы и одновременно необычайно тошнотворны. «Отвёл..!» – Гаврила, поборов тошноту, сглотнул слюну и решил больше не смотреть в сторону бомжа.

Геша тем временем суетился около старушки, пытаясь оттащить ветку в сторону. Он всё время приговаривал: – Не волнуйтесь, сейчас мы её… – Незаметно он подсунул сухое сморщенное яблоко в пакет, стоящий рядом со старушкой, и, поймав взгляд Марии, не открывая рта, произнёс:

– Мама, я Вам там в пакет яблоко подложил. Это то самое, с райского дерева, ну Вы знаете, о каком яблоке я говорю. Оно старое и вид неприглядный имеет, так Вы его омолодите, Вы же знаете, как это сделать. Угостите их, нужно, чтобы они его съели или хотя бы откусили по кусочку.

Мария, услышав сына, покорно опустила голову и так же, не открывая рта, произнесла:

– Вы ж нас чуть не убили, гады! Хоть бы предупредили заранее, мы же от страха чуть не… сознание не потеряли… – дальше она не успела ничего сказать: Гаврила с Алексеем, ухватившись за основание, резко дёрнули, и ветка с шумом отъехала назад. Два старых скворечника развалились, из них посыпались перья и какой-то невообразимый хлам, включающий в себя потерявшие блеск фантики от конфет, кусочки цветной проволоки, стекляшки, пробки от бутылок и ещё что-то мелкое, пыльное и грязное.

Мария опустила руку в пакет, нащупала там нечто сморщенное и вздохнула. Ну почему ей, красивой, молодой по меркам всех эпох, всегда достаётся нечто сморщенное и неприглядное. Нет, не зря скорбь всех женщин и всех матерей всех обиженных женщин обращена к ней. К ней, лишённой простого женского наслаждения при зачатии божества, к ней, испытавшей все неудобства рождения Бога в хлеву, опять подсовывают какую-то дрянь в виде сухого яблока, и она должна непременно его превратить в нечто сакральное, вкусное, привлекательное. Сволочи! Все мужики сволочи!

Глава 6

– К чёрту, гнать таких к чёрту! – сквозь зубы бормотал Алексей. – Нанимают на работу бог знает кого и невесть откуда, но работнички, видимо, ещё те! – он гневно поглядывал на Гаврилу, помогая ему оттаскивать ветку на газон.

– Вы простите нас, – раздался рядом с ним голос Геши. Он обращался к Алексею. – Вот так неуклюже всё получилось, но, слава богу, всё обошлось. Вы уж простите нас, ради бога!

– Бог и простит! – ответил всё ещё не успокоившийся Алексей. – И уж будьте добры поосторожней в следующий раз, так ведь и до беды недалеко. Кто ваш начальник?

– Я! – раздался вдруг чей-то голос. – Я начальник! А до беды и впрямь было недалеко.

За суетой никто и не заметил, как и откуда появился небольшого роста мужчина в сером костюмчике с наметившейся плешью и маленькими крысиными глазками. Он и впрямь походил на начальника, на совсем маленького начальника. И, как известно, чем мельче начальник, тем он злее и противнее. Все замерли. Алексей тут же узнал в нём человека, разозлившего очередь, и про себя воскликнул: «Вот чёрт!». Он совсем не хотел жаловаться на рабочих, он и не умел этого делать, он просто хотел придать вес своим словам и как-то выразить своё возмущение этаким головотяпством. Но сейчас вдруг оказалось, что нужно что-то говорить, жаловаться, ведь этот начальник, если он и правда начальник, всё видел и слышал.

Геша, открывший было рот, чтобы разоблачить самозваного начальника, был мысленно остановлен Гаврилой: «Подожди, а то как бы хуже не сделать. Вот ведь принесла нелёгкая, сейчас вредить начнёт, искушать.., змеиное племя!».

«И вид поменять успел, – заметил Геша. – Да ему шкуру поменять легче, чем… – он хотел подыскать подходящее сравнение, но ничего не нашёл и сказал – …в общем, он всю жизнь только этим и занимается».

– А Вы что-то хотели мне сказать или спросить? – мужчина обратился к Алексею. – Давайте присядем, – и он указал на последнюю оставшуюся свободной скамейку. – А вы продолжайте работать, – строго указал он Геше и Гавриле.

Алексей посмотрел на Настю и старушку, которые молча и внимательно, и даже как-то заворожённо наблюдали за происходящим. Затем он перевёл взгляд на Гаврилу, и ему показалось, что Гаврила отрицательно мотнул головой, а Геша, глядя на них, крутил в руке секатор, время от времени пощёлкивая им в воздухе.

– Да, наверное, не стоит, – ответил Алексей. – А Вас, простите, как по имени отчеству?

Мужчина слегка задумался и произнёс:

– ВанВаныч, – он так и сказал, пропуская первые буквы в имени и отчестве, и добавил: – Как пожелаете. Я ведь знаю, что Вы хотите пожаловаться на этих двух работников, ну так жалуйтесь!

– Нет, ну я в общем-то совсем не хотел жаловаться, я просто…

– Вы просто так позвали начальника, не желая ничего сказать ему, просто так оторвали его от дел, от очень важных дел, а теперь не хотите даже пожаловаться на плохую, даже опасную работу этих гастарбайтеров. Вы ведь становитесь в некотором роде соучастником этого разгильдяйства. А что если бы эта ветка, эти старые скворечники упали бы прямо на головы этих двух женщин и убили бы их? Вы просто обязаны написать жалобу и призвать их к ответу, чтобы в будущем предотвратить подобные случаи. Я передам её вверх по инстанциям. Да и поверьте мне, – ВанВаныч приблизил своё лицо ближе и перешёл на заговорщицкий шепоток, – ничего ценного в этих работниках нет, их уволят и на их место возьмут других, более расторопных. Не жалейте их, пишите жалобу.

В руках у ВанВаныча откуда-то появились бумага и шариковая ручка, и он уже совал их прямо в руки Алексея. Алексей смутился от такого напора – и впрямь ведь чуть не покалечили Настю и эту… и что, теперь надо настучать на двух в общем-то симпатичных мужиков, испортить им жизнь?

– Да не отрывал я Вас ни от каких дел! – возмутился вдруг Алексей.

– Зачем же Вы меня тогда столько звали?

– Я Вас не звал и Вас не знаю, – Алексей наконец взял себя в руки и перешёл на строгий официальный тон. – Если Вы действительно их начальник… – и он кивнул в сторону Геши и Гаврилы, – …то мы уже разобрались, и претензий к ним я не имею.

– Ну что же, не имеете, значит не имеете, – и ВанВаныч понуро отошёл, сел на свободную скамейку, спрятал бумагу в карман, достал оттуда кулёк с семечками и стал их лузгать, сплёвывая шелуху прямо себе под ноги. В его крысиных глазках тлели холодные искры.

Отделавшись от назойливого ВанВаныча, Алексей подошёл к Насте и старушке. Настя всё так же смотрела на Алексея, и лицо её ничего не выражало. Старушка вдруг оживилась, стала копаться в целлофановом мешке, что-то искать там. Она достала оттуда купленные Алексеем печенье и бутылку колы и попыталась открыть бутылку, но старческих сил не хватало, и она обратилась к Насте: – Открой!

Настя встрепенулась, сбрасывая оцепенение, и сказала:

– Да-да, конечно!

– Ты как, Настя? – спросил Алексей, наклонившись. – С тобой всё в порядке?

– Да, в порядке, только как-то странно всё. – Настя улыбнулась, бутылка в её руках зашипела, и она протянула её старушке: – Пейте, бабушка, на здоровье!

– Дай Бог вам счастья, дети мои! – старушка достала печенье, отломила его беззубым ртом и попыталась отпить из горлышка огромной бутылки.

– Ой! – воскликнула Настя. – А у меня ведь и стаканчик есть! – она вскочила и, подбежав к своей сумке, достала оттуда маленький пластиковый стаканчик. Вернувшись, она взяла бутылку из рук старушки и налила в стаканчик колы.

– Пейте, так удобнее!

Бабушка набрала в рот колы, но не проглотила, а стала размачивать во рту жёсткое печенье и медленно пережёвывать его.

– У нас поезд скоро, – сказала Настя, посмотрев на Алексея.

– «Ты слышал? Скоро поезд!» – Гаврила посмотрел на Гешу. – «Чего же она тянет с яблоком. Может, у неё ничего не получилось?» –

– «Получилось, и яблоко в мешке, только она боится».

– «Кого?».

– «Этого» – Геша кивнул на лузгающего семечки ВанВаныча.

– «Эй, ВанВаныч!» – Гаврила мысленно обратился к сидящему на скамейке чёрту. Тот слегка повернул голову в сторону копошащихся возле дерева работяг. – «Может, уйдёшь куда-нибудь, ВанВаныч. Мешаешь ведь».

– «И не подумаю. Я ведь здесь тоже не по своей воле нахожусь, и у меня тут своя миссия».

– «Ты что же, хочешь помешать замыслам Отца нашего?» – спросил Геша.

– «Послушайте, молодой человек, меня, куда более опытного, чем Вы: не всякое благое деяние ведёт к добру. Не мне Вам говорить, чем вымощена дорога в преисподню. Вот Вы и Ваш энергичный… мм… так сказать, друг-родственник-коллега, думаете, что, скормив этим двум несчастным плод познания добра и зла, вы восстановите между ними мир и любовь. Если вы так думаете, то вы глубоко ошибаетесь. Человечество в лице Евы и Адама уже сделало это много тысячелетий тому назад. И стали люди после этого счастливей? А вы задумывались над тем, почему яблоня до сих пор регулярно приносит этот плод людям, но никто, поверьте мне, никто со времён Адама и Евы больше его не вкусил? Да просто потому, что, доведись людям попробовать его ещё раз, им откроются такие бездны правды о добре и зле, что люди просто этого не вынесут, не переживут. Им тяжело было жить с той простенькой правдой о добре и зле, которая им открылась тогда, а это был только первый уровень, поверхностный и, я бы сказал даже, примитивный. И я сам, приложивший к этому свою, образно говоря, руку и пострадавший за это, просто знаю, что этого делать не следует. Люди просто до этого ещё не доросли. А эти двое! Вы даже не представляете себе всех последствий! Куда приведёт их познание всей правды, да хотя бы друг о друге…».

– «И что же теперь, по-вашему, ничего нельзя сделать?» – спросил Гаврила.

– «Да он же нас искушает! – воскликнул Геша. – Гнать его отсюда… Мама, доставайте яблоко, не бойтесь».

Старушка вдруг перестала жевать печенье и потянула за рукав Настю, попытавшуюся было встать.

– Подожди, – она полезла в мешок и достала оттуда большое яблоко. Мария немного перестаралась, и яблоко получилось слишком красивым и совершенным, оно источало такой аромат, что бомж, дремавший у вокзальной стены, зашевелился, и мухи, облепившие его, взлетели и закружили над ним, как маленькие истребители. Показалось даже, что яблоко светится изнутри и готово лопнуть и потечь сладким соком от любого прикосновения. – Нате вот, возьмите и съешьте. У меня всё равно зубов нет.

– Спасибо! – Настя взяла яблоко, повертела его в руках, понюхала и протянула Алексею. – Какой запах! А?

– Да, нечто необычайное! – восхищённо произнёс Алексей. – Но пойдём, вон уже и состав подгоняют.

– Нет, подожди! – Настя, будучи фанатичным садоводом, не могла упустить такого момента. Она снова присела и спросила старушку: – Откуда у Вас такое яблоко?

– Да вы попробуйте, а вдруг не понравится.

– Да такие за один запах разводить можно! Бабушка, скажите, где растут такие?

– Где-где? На бороде! Вот съешь, тогда скажу! – она засмеялась, смех у неё был молодой и очень заразительный. – Ешь давай!

Настя поднесла яблоко ко рту и медлила, не решаясь разрушить такую красоту.

– Постойте! Не делайте этого! – начальник ВанВаныч, словно подброшенный мощной пружиной, подскочил к ним. – Не ешьте, прошу Вас! Вы же не знаете, ни эту нищенку, ни то, откуда она взяла этот фрукт. Это же вокзал, тут грязь и антисанитария кругом, а Вы грязное и немытое в рот тащите. Да, оно красиво, но это ещё не повод съесть его прямо вот так, ничего не зная. Дайте его мне, дайте, мы проверим его в лаборатории нашей Санэпидемстанции… – и он стал выхватывать яблоко из Настиных рук.

Алексей, стоявший рядом, оттолкнул его и заорал:

– Что вам от нас надо? Уберите свои руки от моей жены!

Настя, хоть и взволнованная стремительным развитием событий, с удовольствием отметила слово «жена» и тоже оттолкнула наглеца ВанВаныча.

– Убирайтесь отсюда! Кой чёрт принёс вас сюда! – продолжал негодовать Алексей. Но ВанВаныч оказался на удивление проворным и сильным и не желал отступать.

– Отдайте яблоко, оно не ваше, вам нельзя его есть, – он снова чуть было не выхватил яблоко из рук Насти. Старушка на скамейке подобрала ноги в белых кроссовках, свернулась в клубочек и стала похожа на большого ёжика, но без колючек. На крик прибежали Геша с Гаврилой. Геша бросился к старушке и со словами «Как Вы, мама?» стал ощупывать свернувшуюся Марию. Гаврила же прихватил с собой бензопилу и, вскидывая её вверх, дёргал шнур, направляясь прямо к ВанВанычу. Дело принимало нешуточный оборот, и развязка грозила стать трагичной. Увидев бензопилу в руках Гаврилы, Настя истошно завопила и уткнулась в грудь Алексея. А Алексей, заслоняя её от ВанВаныча и Гаврилы, верещал:

– Вы что тут, все с ума посходили? Разойдитесь немедленно, а то я милицию позову! – бензопила не желала заводиться, но всё равно внушала уважение. К тому же и от самого Гаврилы исходил нешуточный жар, он стал красным, и облик его весь как-то изменился. ВанВаныч вдруг отступил и замолчал. Опустил пилу и как-то весь обмяк Гаврила. Геша выпрямился и повернулся, а старушка-нищенка вновь опустила ноги в белых кроссовках на асфальт и попыталась встать. Стало тихо, даже шум вокзала куда-то исчез, только странный скрип приближался всё ближе и ближе. Алексей, прижавший Настю к себе, взглянул в сторону скрипа и увидел, как к ним не торопясь приближается тот самый отвратительный бомж. Он катил впереди себя тележку из супермаркета, и она ритмично скрипела ржавыми своими колесами. Настя, уткнувшаяся в грудь Алексея при виде Гаврилы с бензопилой, подняла голову и тоже посмотрела на бомжа. Он шёл чуть прихрамывая, не торопясь, и разглядывал застывших и онемевших. Поравнявшись с Настей и Алексеем, он остановился и, ни слова не говоря, протянул грязную, с загнутыми чёрными ногтями, руку к Насте. Настя не раздумывая протянула ему яблоко, и голова её опустилась. Голову Алексея тоже склонила некая сила, и он успел заметить, что все: и Геша, и Гаврила, и ВанВаныч тоже склонили головы. Бомж повертел яблоко в руке, открыл рот, выпустил оттуда два жёлтых зуба и с сочным хрустом откусил почти треть яблока. Сок потёк по бороде и по руке, оставляя на грязных пальцах светлые полоски. Алексей, крайне удивлённый всем произошедшим, отметил, однако, что бомж ничем не пах, кроме яблочного запаха никакого другого запаха не было. Жуя яблоко, он, бормоча что-то под нос о доверии и самостоятельности, покатил тележку дальше.

Внезапно раздался гудок. Алексей глянул на часы и ахнул. Поезд вот-вот должен был тронуться. Он схватил в охапку вконец ошалевшую Настю, вещи и бросился к поезду. На бегу ему вдруг подумалось, куда же покатил бомж свою тележку, ведь там впереди дорожка кончалась и начиналось какое-то здание – не то склад, не то контора, и ехать там было совершенно некуда.

Едва Алексей с Настей пробрались в своё купе, поезд медленно тронулся. Поплыло мимо зелёное здание вокзала, за ним поплыл сквер, показалась яблоня. Настя и Алексей прильнули к окну. В сквере стояли и глядели на ускоряющий движение поезд Геша и Гаврила, старушка-нищенка тоже стояла и смотрела на вагоны, тут же был и начальник ВанВаныч; под яблоней валялись разбросанные инструменты, бензопила, на скамейке стояла большая чёрная сумка, чуть в сторонке от них стоял бомж со своей тележкой. Яблоко он съел и в руке держал огрызок. Он повернулся к поезду, увидел Настю и Алексея и махнул огрызком, а может просто его выбросил. Поезд набирал скорость.

– Что это было? – спросила Настя.

– Не знаю. Только почему-то этот длинный называл нищенку мамой. Все они странные какие-то.

– Как будто целую жизнь прожили.

– Ты о чём?

– Да там, на вокзале, словно очень большая и очень странная жизнь промелькнула сквозь нас и нас коснулась.

Алексей молчал, в его голове поселилась необычная мысль, что нужно наконец-то обвенчаться с Настей, а то как-то всё у них не совсем правильно.

ГРИГОР АПОЯН

ЛУННАЯ ТЕНЬ
рассказ

Поздней ночью из номера дорогой гостиницы на балкон выходит молодая женщина в лёгкой курточке с незажжённой сигаретой во рту. Она медленно подходит к барьеру, достаёт из кармана зажигалку, подносит к сигарете, но не прикуривает, а возвращает зажигалку обратно в карман, как-то зло комкает сигарету и в сердцах отбрасывает её в сторону. Тут она с некоторым удивлением замечает, что на соседнем справа балконе, у самой кромки стоит молодой мужчина, тоскливо глядящий в небо на полную луну. В правой руке мужчины пистолет с глушителем, который он, обнаружив вышедшую на балкон соседку, пытается быстро разобрать и спрятать в карман. Неурочное появление постороннего человека ужасно раздражает его, почти выводит из себя. Она же, больше благодаря женской интуиции, чем острому зрению, догадывается, с чем он там возится, и это производит на неё гнетущее впечатление – она не знает, как себя вести, что делать.

– Я помешала… – едва слышно неуверенно произносит она.

Благодаря ночной тишине, молодой человек отлично слышит её, хотя стоят они на некотором расстоянии друг от друга; реакции с его стороны, однако, нет никакой. Он и не смотрит на неё, едва лишь повернув к ней лицо вполоборота. Она теряет последние остатки уверенности в себе.

– Простите…

Наконец он полностью поворачивается к ней лицом. Оно всё ещё бледное под воздействием стресса, который он только что пережил. Балконы в гостинице довольно широкие, но, выйдя из разных комнат своих номеров, наши герои оказались не так уж далеко друг от друга. Мужчина криво улыбается.

– Кто знает, может, когда-нибудь я скажу Вам спасибо.

Женщина немного успокаивается. Она рада и немного горда, что пусть случайно, но уберегла молодую жизнь. Он почти нехотя, только чтобы как-то разрядить ситуацию, достаёт из кармана пачку сигарет, делает два шага в её направлении и молча, только жестом предлагает закурить. Ей тоже совсем не хочется курить, но в этой ситуации отказаться невозможно, и она берёт сигарету, а он, поднося зажигалку, внимательно смотрит ей в лицо, затем прикуривает сам и вновь смотрит в небо. Довольно долго они курят молча.

– А Вам чего не спится? – наконец нарушает он молчание. В его голосе ощущается некоторый сарказм.

Она глубоко затягивается.

– Ах, пустыня кругом! – неожиданно для себя самой восклицает она; очевидно, в ней прорывается вся её горечь, до сей поры постоянно сдерживаемая, и сейчас, в присутствии человека, которого какие-то аналогичные чувства довели до крайней черты, нашедшая наконец свой выход.

– Пустыня лучше, – вдруг заинтересованно реагирует он, глубоко затягиваясь, – много лучше.

– Наверное, – соглашается она, – но в чистом виде, не в компании с другими.

Уловив что-то родственное в их душевном состоянии, мужчина не церемонится.

– Он ничтожество?

Этот бестактный вопрос, заданный им после недолгого молчания, кажется, должен был возмутить её, но она, бросив на него быстрый взгляд, отвечает спокойно, даже буднично:

– Нет, совсем нет. Умный, добрый, щедрый. Любит меня.

– Что же вам, бабам ещё надо, что? – взрывается вдруг мужчина. Он почти кричит; его явно задевает этот разговор. Такое ощущение, что если бы они стояли рядом, он взял бы её за грудки.

– Ах, кабы знать!

Мужчина вдруг впадает в прострацию.

– Вот-вот… вот-вот, – как-то невнятно бормочет он, потом вдруг снова взрывается, – Вот!

Женщина, чутко улавливая его состояние, молчит, опасаясь неосторожным словом или жестом вызвать в нём новый приступ ярости. А он вдруг полностью поворачивается к ней, протягивает руки.

– Перешагните через эти цветы, идите ко мне, спасите меня на самом деле! (балконы номеров разделяют невысокие кадки с цветами)

– Да что с Вами? Как это могло Вам прийти в голову? – В её голосе, однако, нет особого возмущения; скорее она удивлена и немного испугана, чем оскорблена. Она прекрасно понимает, что он не в себе.

Мужчина как будто сбрасывает с себя какое-то наваждение.

– Ах, да-да, конечно, простите… стресс, знаете ли… – он трёт себе лоб, пытаясь возвратиться к реальности, с которой явно не может установить устойчивый контакт. Он только что был на грани самоубийства и, конечно, не может сразу найти себя.

– Но знаете, – уже несколько успокоившись, говорит он, – порой в состоянии аффекта люди воспринимают явления острее и точнее; вот, мы с Вами сейчас, кажется, примерно в одинаковом психологическом состоянии, разве исключено, что мы можем стать и лекарством друг для друга?

– Вряд ли это тот случай, когда два минуса могут дать плюс.

Он ухмыляется.

– Помните школьный курс математики?

– У меня высшее техническое образование.

– Вот откуда Ваше недовольство жизнью! В людях вы ищете такое же совершенство, какое стараетесь придать машинам.

Приободрённая его «возвращением» в реальность, она по своей женской природе почти кокетничает, отвечая с лёгкой улыбкой.

– Это интересная мысль, хотя и неверная. А откуда у *Вас* такое отчаянное неприятие действительности, или Вы тоже технарь?

Он заметно мрачнеет.

– Как можно примириться с действительностью, которая отнимает у тебя любимого человека! Безвозвратно отнимает, без надежды что-нибудь когда-нибудь изменить. – Кажется, он вновь готов уйти в себя, и у неё страх, что он может снова сорваться.

– Я сделала Вам больно… Извините… – едва шепчет она.

– Вам незачем извиняться. – Он, в свою очередь, очень тонко чувствует её состояние, её страхи. – И Вам не стоит бояться, *уже* не стоит. Кажется, Вы на самом деле спасли меня, даст бог, я отныне не совершу глупостей. – Короткое время он молчит, как-то рассеянно глядя на неё, затем произносит задумчиво. – Но раны сразу не затягиваются, нужно время… И лекарь.

– Говорят, время и есть лекарь.

– Очевидно, в том смысле, что с течением времени появляются новые люди, новые связи, которые потихонечку замещают потери. Но кто может заменить, скажем, потерянного сына?

– У Вас такое страшное горе? – несколько приободрившаяся, она вновь теряет уверенность в себе, голос у неё совсем упавший.

– Нет, не приведи Господи когда-нибудь пережить такое. При всей тяжести потери в моём чувстве больше эгоизма – это женщина.

– Она… Вы потеряли её… – она вновь запинается, – безвозвратно?

– Да… безвозвратно. – Он умолкает, глядя куда-то вдаль. – Мёртвые не прощают, не могут уже прощать. В этом их страшная месть.

– Вам было за что просить прощения?

– За её гибель. Я ведь мог её предотвратить.

Они молчат некоторое время.

– Проклятые деньги, в конце концов, неизменно всё решают именно они!

– Неужели действительно всё сводится только к деньгам?

Он вновь умолкает на некоторое время, пытаясь совладать со своими чувствами.

– Она просила у меня очень крупную сумму, чтобы отдать своему любовнику, проигравшемуся в карты. Если бы я дал, она была бы жива.

– Вас, наверное, трудно упрекнуть.

– Наверное, ведь она ушла к нему от меня.

– И просила у Вас для него денег! – она поражена.

Он снова, на сей раз довольно продолжительно молчит, прежде чем ответить.

– Любовь есть безумие, болезнь. Разве можно обвинять человека в том, что он болен! Я бы дал, не колеблясь, если бы мог на секунду предположить, чем всё обернётся: он покончил с собой, а следом за ним – и она.

– И следом собирались Вы… Господи, как вовремя я вышла на балкон!

– Перст судьбы это называется. Я Ваш должник.

– Я только вышла на балкон; на моём месте мог оказаться любой другой человек.

– Да, возможно, но это были именно Вы. Жизнь, она ведь конкретная штука.

– Вы знаете, мне трудно «переварить» Вашу историю. Человек, умеющий так глубоко и так тонко, до самопожертвования входить в чужое положение, конечно, заслуживает совсем иного к себе отношения.

– Если бы так! Тебя за то и наказывают, что умеешь входить в чужое положение.

– Ей-богу, мне хочется обнять вас и утешить.

– Барьер невысокий, это можно сделать легко.

– Я бы так и сделала, если бы Вы были женщиной.

– Это чудовищная дискриминация по половому признаку.

– Просто с мужчиной неизбежно возникают другие эмоции, желания.

– Вы боитесь их?

– Скорее, не готова. И боюсь тоже. Зачем мне новые проблемы?!

– Может они решат старые, неразрешимые, наполнят смыслом пустоту?

– Ах, итог всё равно всегда один – та же пустота!

– А мы и живём в эти короткие периоды – от пустоты до пустоты.

– И периоды эти наполнены больше страданиями, чем радостями.

– Разве страдания – не те же радости?

– И это говорите Вы, который… – она осекается.

– Который только что едва не покончил с собой. Вы постеснялись закончить фразу. Не стесняйтесь, уж с Вами-то я могу быть откровенным: Вы знаете мою главную тайну. Так вот, подвести пистолет к виску – это ведь тоже опыт, наверное, самый экстремальный, самый волнующий опыт. Чтобы испытать что-то близкое к этому, некоторые серьёзно рискуют, занимаясь всякими опасными видами состязаний. Должно быть, тоже чтобы уйти от пустоты.

– Вы хотите сказать, что время от времени готовы повторять этот опыт? – почувствовав, что молодой человек окончательно «отошёл», она позволяет себе на сей раз довольно заметный сарказм.

– Вы кусачая женщина, это добавляет Вам пикантности. А само замечание доказывает, что тема Вам не безразлична, впрочем, это было ясно и так. Потому я смею вернуть Вам вопрос: чем готовы рискнуть Вы, чтобы уйти от пустоты?

– Я не знаю. И никто не знает. Вы же не станете утверждать, что заранее планировали свой сегодняшний поступок?

– Да, в логике Вам не откажешь, но, честно говоря, мужчина ждёт от женщины вовсе не стройного мышления, хотя более всего и жалуется на отсутствие у неё логики.

– Хотите, чтобы вас пожалели?

–Только поняли.

– «Только»! Как мило! Вы фантазёр, у Вас непомерные претензии к жизни.

– Да *(тяжко вздыхает)*, к сожалению, это невозможно. Женщины, вот как Вы, воспринимают любое недовольство как жалобу, это в их глазах – слабость, а они презирают слабых, что понятно – зачем им слабый защитник, мужчина ведь призван быть защитником; а мужчинам… успешным мужчинам такие разговоры вообще непонятны – они хватают без разбора всё, что им представляется ценным (чаще всего подчиняясь чужому вкусу, чужим представлениям о красоте) и никогда не испытывают сомнений по поводу правомерности своих действий, ну а слабые мужчины – какой они могут представлять интерес, что они на самом деле умеют, кроме как скулить о своей несчастной доле! Вот как я.

– Не очень Вы похожи на слабого мужчину.

– Всё относительно. Слаб *человек*. Вы полагаете, Чингисхан или Наполеон никогда не плакали ночью о своей несчастной доле?

– Вот Вы с кем себя сравниваете! *(в её голосе вновь появляются нотки сарказма)*

– И себя тоже. Каждому – и мне, и Наполеону, и тому вон забулдыге *(показывает пальцем на какого-то приблудившегося ночного пьяницу на улице)* выпало прожить всего одну очень короткую жизнь, и никто не знает, что творится в душе у другого, какие ангелы и какие дьяволы трубят там в свои звонкие трубы; на поверхности мы только слышим громкие аплодисменты, что случается довольно редко, и имеем удовольствие наблюдать публичные порки – вот это случается гораздо чаще. Люди испытывают особое удовольствие, когда наблюдают, как порют других. В прежние времена самым большим развлечением были публичные казни. Так называемой «цивилизации» хватило культуры только на то, чтобы изменить форму, но не содержание; сегодня с тем же сладострастием обсуждают секс-скандалы министров и президентов, с каким когда-то наблюдали за тем, как отрубают головы королям.

– Вы – философ? *(в её голосе уже нет ни малейшего сарказма)*

– Да, наверное, – по складу ума.

– Да, Вам действительно должно быть очень трудно.

– А кому легко! Кто-то, очевидно, мнящий себя философом сказал, что трудно быть философом среди нефилософов, но ему бы стоило подумать, насколько труднее нефилософу быть среди философов. Да и философу среди философов, и нефилософу среди нефилософов.

– А Вы бы что предпочли?

Изначальное напряжение, обусловленное обстоятельствами знакомства, несколько спадает, и разговор приобретает почти непринуждённый характер.

– Вы знаете, при всём при том я думаю, что философия – это единственный возможный вариант истинно человеческого счастья, если, конечно, это слово вообще имеет смысл.

– Чем же Вы тогда недовольны?

– Логичный вопрос.

– Разве у Вас не было любви?

– Ха, Вы гораздо больший философ, чем я. *(По-доброму ухмыляется)* Должно быть, Вы и будете моей истинной любовью и вернёте меня к жизни.

– Вот даже как серьёзно обстоят дела! *(нотки сарказма вновь звучат в её замечании)*

– Не надо, не смейтесь надо мной! – с неожиданной горечью в голосе говорит он, – Вы ведь получили очень большую фору, подловив меня в самый тяжёлый момент моей жизни; не стоит ею злоупотреблять.

Застеснявшись своего бестактного сарказма, она пытается оправдаться.

– Я это понимаю. Вырвалось, простите. И чтобы отныне вновь не показаться Вам неблагородной, я постараюсь забыть о том, что здесь видела.

У него быстро происходит смена настроения; он улыбается.

– Очень обнадёживает. Очерчивает контуры нашей будущей любви.

– Даже если я принадлежу другому и не собираюсь от него отказываться? – она тонко чувствует колебания его настроения, и в её голосе вновь слегка проскальзывают кокетливые нотки.

– Принадлежность неодушевленного предмета и та может быть лишь временной, а принадлежность души – это полная фикция.

– Но есть же какие-то обязательства, нормы…

– Да, постылые, как правило. Вы *это* называете принадлежностью?

– А в нашем варианте, если он случится, всё будет не так? – женская игривость всё больше проступает в её разговоре.

– Сдаётся мне, Ваша бессонница сродни моим страданиям. Поиски смысла мучительны. И правда, только большие чувства, точнее, даже дикие инстинкты на короткое время могут увести в сторону от этих поисков. Поможете? Это ведь будет взаимная помощь.

– А Вы всё-таки большой нахал. Второй раз, уже вполне осознанно делаете мне непристойное предложение. – *(Не заметно, однако, что она очень рассержена).*

– Почему же? Моё предложение было в достаточно корректной форме, иная бы и не поняла. К тому же Вы сами и повернули разговор в эту сторону.

– Я говорила о любви, не об инстинктах. И я говорила не о себе.

– Все наши слова, каждое отдельно взятое слово в обязательном порядке корреспондирует с нашей личностью, с нашими собственными переживаниями – очень часто неосознанно. А любовь, настоящая *человеческая* любовь не может быть производной инстинктов; она должна родиться не в результате буйства инстинктов, а в результате их преодоления. А преодолеть, утихомирить их можно только насыщением. Это наши бабушки и дедушки могли воздыхать о прекрасном принце или принцессе, испытывая неодолимое беспокойство между ног; мы можем найти себе истинного друга, только устранив это беспокойство и тогда уже спокойно разглядев, с кем имеем дело.

– Но ведь существует такое понятие, как простое физическое влечение?

– Это верно. Конечно, всё начинается с него. Моя позиция в том и заключается, что это должен быть первый, очень простой и естественный шаг, но не последний, решающий. Проникновение в душу гораздо более сложный процесс, чем проникновение в тело, между тем наша культура выработала такую традицию проникновения в тело через проникновение в душу. Якобы. На самом деле, этого никогда не происходит, может, только в качестве редчайших исключений.

– Вы говорите мудро, как Сократ, но как бы Вы сами отнеслись к женщине, которая, наслушавшись Ваших речей, сразу пустила бы Вас к себе в постель?

– С большим уважением. Это действительно был бы первый шаг к любви. Настоящей. *(Поднимает голову кверху и долго смотрит на полную луну)* Вот, посмотрите, какая сегодня чудная луна на небе, какой от неё струится дивный свет. Но доводилось ли Вам когда-нибудь видеть лунную тень? Уверяю Вас, она на самом деле совершенно особая – загадочная и завораживающая.

– Нет, должна признаться, что я действительно никогда не имела возможности наблюдать это чудо, как Вы говорите. Даже не думала об этом.

– В том-то и дело. Чтобы увидеть тень в лунном свете, необходимо отключить всё искусственное освещение, которое сопровождает нас повсюду. И кто захочет это сделать, кто решится! А настоящая любовь как лунный свет – она требует отключения всего искусственного и диктата гормонов – прежде всего.

– Но при таком подходе разве это не был бы элементарно холодный секс?

– Я так думаю, этот холодный секс имеет, по крайней мере, не меньше шансов со временем превратиться в горячую любовь, чем горячая любовь имеет шансов превратиться в холодный секс и полное отчуждение. И очень скоро.

– И Вы действительно готовы к тому, чтобы я перешагнула вот прямо сейчас через этот барьер? *(показывает на кадки с цветами между балконами)*

– Удивите меня.

– Ваше удивление и будет свидетельством того, что Вы вовсе не готовы к любви.

– Наоборот, с этого и начинается любовь. Должен признаться, я уже почти влюблён в Вас.

– Вы противоречите самому себе.

– Почему же? Влюблённость и любовь – это вовсе не одно и то же. Влюблённость и есть то самое безумие, о котором я говорил, которое едва не проводило меня только что вослед другой сумасшедшей. Влюблённость – это то самое физическое влечение, о котором говорили Вы; любовь – это нечто иное, это драгоценное приобретение души. А удивление есть первое проявление интереса, интерес, в свою очередь – это первая дальняя заявка на любовь. Вот и Вы, наверное, тоже…

– Тоже *что*?

– Я не могу сказать за Вас. Скажите сами.

– Что ж, скажу: Вы действительно меня очень заинтересовали – это было бы глупо отрицать, Вы и сами знаете, насколько интересны, как личность.

– *(Вздыхает)* Мало кто в состоянии это оценить – вот в чём проблема. Так что моё удивление имеет глубокую подоплёку. И очень большие шансы стать чем-то другим, поистине значительным. При условии встречного движения, конечно. «Она меня за муки полюбила, а я её – за сострадание к ним» – формулировки Шекспира универсальны.

– Что было в самом начале – вот вопрос.

– Муки, в любом случае в самом начале были муки. В сущности, только они и стоят чего-то в этом мире. Отцеживают нас от дикости, от животного мира.

Она окидывает его оценивающим взглядом и вновь переходит на несколько саркастический тон.

– Они, по всему видно, вовсе не помешали Вам стать вполне успешным человеком. Живёте в дорогой гостинице, носите наряды от кутюр.

– Всё это – мишура, не мне Вам объяснять; тоже ведь живёте в этой гостинице, и Вам хорошо известно, чего стоит на самом деле это так называемое «богатство». Иначе спокойно спали бы по ночам.

– Тем не менее, никто от него не отказывается…

– О да, конечно, у бедности свои, совсем уж приземлённые, унижающие человеческое достоинство страдания. Но вот, Франциск же отказался.

– Вы имеете в виду Франциска Ассизского? Вы полагаете – это не легенда?

– Я вполне могу в это поверить. Когда выбор уже между острым желанием прекратить своё существование и переходом в иное, тяжёлое, но осмысленное состояние, вполне рациональным может быть второй вариант. Я готов к резким переменам.

– Вот даже как! – Она на самом деле уже не знает, как относиться к его словам.

– В юном возрасте такие мысли возникают от незрелости ума, в зрелом – от юности сердца, если она сохраняется на беду хозяина.

– Я должна Вас от чего-то удержать?

– Вы уже меня удержали, и, наверное, только Вы и сможете меня и дальше удерживать, и никто другой.

– Вы возлагаете на меня какую-то непосильную ответственность. Непонятную, необоснованную, но каким-то непостижимым образом всё же ужасно обязывающую.

– Просто за это ничтожно короткое время я стал Вам дорог, как и Вы – мне. Но у Вас есть лёгкий способ освободиться от тяжкого бремени ответственности. Можете убедить себя, что за всем этим мудрствованием примитивная мужская цель – заболтать женщину, чтобы затащить её в постель.

– Похоже на истину; по всему видно – Вы опытный демагог.

– Ах, я был бы счастлив встретить женщину, которую можно «заболтать»; как правило, их надо закупать, и это убийственно – не оставляет ни малейшего пространства для нежных чувств.

– По тому, как часто Вы употребляете междометие «ах», можно поверить в искренность Ваших слов.

– А по тому, как тонко Вы это ощущаете, я, наверное, могу надеяться, что встретил наконец такую женщину. Осталось сделать последний шаг.

– Вы хотите сказать, что вопреки Вашей теории, в данном случае проникновение в душу произошло без проникновения в тело?

– Я сказал «наверное». И ещё я говорил о редчайших исключениях, если помните. Вы – первая женщина, с которой мне не стало скучно через пять минут после начала разговора. Не считая тех, конечно, к которым было исключительно физическое влечение.

Незаметно приближаясь по ходу разговора с двух сторон к барьеру, они уже стоят почти вплотную друг к другу. Чувствуя, что окончательно теряет способность сопротивляться его обаянию, она пытается вернуть свой саркастический тон, но это у неё плохо получается.

– Я должна воспринимать это, как самый большой комплимент в Ваших устах?

– Я никогда не делаю комплиментов, особенно тем, кто их действительно заслуживает. Я только говорю правду. Иногда приходится говорить и некрасивую правду. Но к Вам это никак не относится; Вы – почти совершенство и, возможно, догадываетесь об этом. Я так думаю, Ваша высокая самооценка не имеет ничего общего с обычным женским самодовольством.

– И чтобы убрать это «почти», мне надо перешагнуть через ограждение? *(показывает глазами на цветы)*

– Не обязательно; этот Ваш шаг может иметь значение только для меня, для моей личной оценки, наверное, для моей дальнейшей судьбы. Объективно Вы остаётесь тем же, кем были.

– Если нет ценителя, то нет и произведения искусства.

Он восхищён, он окрылен.

– О-о, это очень хорошая фраза сама по себе, очень точная, но для меня, для *нас* она имеет особое значение, многое проясняет. Вы так же нуждаетесь во мне, как и я в Вас. А иначе и быть не могло, это так естественно и так прекрасно!

– Можем ли мы на самом деле стать лекарством друг для друга – вот в чём вопрос.

– В нашем случае – спасение утопающих дело рук других таких же утопающих.

Она молчит некоторое время, затем отвечает как будто невпопад, задумчиво.

– Вы любили другую женщину…

– Да, я не мог представить своей жизни без неё.

– Вам можно позавидовать.

– Ничего хорошего не получилось, как видите.

– Такие чувства сами по себе – награда. Ради них, на самом деле, можно и жизнь отдать.

– Но Вы же помешали мне это сделать.

– Я уже просила у Вас прощения.

– Значит, вы сожалеете, что не дали мне покончить с собой?

– Ну Вы демагог!

– А как же иначе? Разве можно завоевать женщину, не прибегая к помощи демагогии?

– Потрясающе! Только что Вы собирались совершить суицид из-за женщины, и так скоро наметили себе иную цель! Можно ли после этого верить в глубину Ваших чувств? А ещё говорят о ветрености женщин!

– Вы глубоко ошибаетесь – это произошло отнюдь не скоро. Ваше заблуждение в том, что Вы мерите время в астрономических часах, в то время как для любви оно порой измеряется в мгновениях, взглядах, словах, в ощущении родственной души. По мне, мы здесь прожили целую жизнь, раскрылись друг другу.

– Зачем Вам тогда завоевывать меня, это же должен был быть, по Вашему рассуждению, взаимный процесс.

– А Вы, будучи честной, станете отрицать это?

– Не стану, но что из этого следует?

– Из этого следует, по крайней мере, что я уже могу сказать Вам спасибо. Не за то, что Вы помешали мне совершить задуманное, а за понимание – ведь мы все более всего в нём и нуждаемся.

– Но по тому, что Вы говорите о «завоевании», понимание для Вас отнюдь не самое главное.

– Видите ли, чтобы между мужчиной и женщиной установилась действительно глубокая связь (духовная, в том числе), они обязательно должны принадлежать друг другу.

– Вы полагаете, что наши отношения должны продолжаться?

– Я уже не представляю свою жизнь без Вас! А Вы?

Она молчит довольно долго, как будто собираясь с мыслями. В глазах – тоска.

– Я должна Вам что-то сказать; Вы ведь практически ничего не знаете обо мне, а я на самом деле банальная проститутка.

Как это ни странно, столь резкий поворот вовсе не вводит его в прострацию, хотя он и молчит некоторое время. Она же, воспринимая его молчание, как признак потрясения, продолжает в том же плане, почти с воодушевлением.

– Трудно поверить, да? Ну, не совсем обычная проститутка, конечно. «Женщина по вызову» называется. Что-то вроде японской гейши; они ведь тоже хорошо образованы, обладают изысканными манерами, поют и танцуют, и секс даже не самое главное в общении с ними.

Она умолкает на некоторое время, полагая, что дает ему возможность переварить сказанное. Он, между тем, продолжает молчать, только рассматривает её более внимательно. Ей приходится как-то заполнять паузу.

– Вы по-прежнему не представляете своей жизни без меня? И Вы хотите, чтобы я перешагнула через эти цветы?

– А Вы ожидаете, что я спрошу, сколько это будет стоить?

– Я готова к любой Вашей реакции; профессиональное качество, видите ли…

– Вы будете удивлены, но нынче, после всех перипетий моей жизни из всех людей на Земле я доверяю только проституткам: они честно отрабатывают свой хлеб и никогда не пытаются выдать себя за кого-то другого – чистого, бескорыстного… Всё честно: платишь больше, получаешь соответственно больше. Вот и Ваше признание – подтверждение моей правоты.

Женщина несколько обескуражена такой спокойной реакцией на её столь неожиданное заявление. Она пытается всё-таки «зацепить» его.

– Признайтесь, однако, что Вы не допускаете со шлюхой никаких серьёзных отношений.

– А что Вы называете серьёзными отношениями? Брак?

– Нет, не обязательно, просто восприятие человека, как равного себе субъекта.

– Чтобы закрыть этот вопрос, я могу совершенно искренне сказать, что могу и жениться, если женщина покажется мне достойной того. Я ведь и покончить с собой собирался из-за женщины, которую многие квалифицировали бы не иначе как шлюху.

Женщина покорена окончательно.

– Вы на самом деле потрясающая личность. И мне всё труднее устоять перед Вами. Просто, как женщине.

– Вы хотите сказать, что отдадитесь мне бесплатно?

У неё темнеет лицо.

– Зачем ты возвращаешь меня на уровень проститутки? Разве не ты только что вёл совсем другие речи?

Он порывисто оборачивается к ней, протягивает руки.

– Иди ко мне!

***

Утомлённые, они дремлют в объятьях друг друга в его постели. Она полулежит на нём, закинув руку на его плечо. За окном уже светает. Она открывает глаза, приподнимается и очень нежно целует его. Не открывая глаза, он так же нежно отвечает ей, шевелит губами, призывая к себе её лицо, тело.

– Я должна уходить.

Взрыв бомбы не смог бы произвести на него большее впечатление, чем эти простые слова. Вначале он и не понимает, о чём это она говорит. Когда же до него доходит смысл её слов, он рывком садится в постели, всё ещё не желая верить своим ушам.

– Что? Что ты такое говоришь! Разве ты пришла, чтобы уходить?

– Наверное, нет, но у жизни свои законы, – она действительно чувствует себя виноватой.

Потрясённый её разговорами, которые воспринимает, как чудовищное предательство, он взрывается.

– Какие законы, какие, к черту, законы!

Сама испытывающая не менее горькие чувства, она понимает его состояние и пытается хоть как-то утешить; берёт его руку, нежно целует.

– Ты – моя сказка, но мы живём в реальной жизни. Она жестока, но это – жизнь.

Он готов расплакаться.

– Не уходи, я умоляю тебя.

Она всё пытается растолковать ему реальность.

– Там за стеной спит мой муж, я должна вернуться к нему.

– Как муж? Ты же…

– Я солгала тебе. Пыталась оттолкнуть от себя… Не получилось. Ты – моя сказка, которая всегда будет со мной.

Потрясённый, он молчит, не в состоянии принять, переварить реальность. Наконец он поворачивается к ней лицом, спрашивает изменившимся голосом.

– У вас есть дети?

– Сын. Я очень люблю его.

– Твоего сына мог бы полюбить и я. – Он говорит это задумчиво, как бы оценивая ситуацию.

Теперь уже взрывается она.

– Что ты такое говоришь?! Мы что же, выйдем из этого гостиничного номера как молодожёны, а мой муж будет у нас шафером?

Он берет её лицо в свои ладони, смотрит в глаза.

– Не надо иронизировать, ты сама понимаешь, что всё очень серьёзно.

– А ты не подумал о моём муже, за что он должен пострадать?

– Это жестоко, конечно, но жизнь сама по себе очень жестока. А пострадать он должен за то, что всё-таки не понял до конца, какой в его руки попал бриллиант, не сумел найти ему достойное обрамление.

– Это всего лишь оправдание нашего эгоизма.

– Ты постеснялась подчеркнуть именно мой эгоизм; сама ты ведь хочешь отказаться от своего, хочешь вернуться.

Стараясь как-то разрядить обстановку, она говорит первое, что приходит в голову.

– Ты сам-то свободен?

Этот вопрос, совершенно неуместный в его представлении, вновь вызывает острую реакцию. Он негодует.

– Ах, какое это имеет значение! Я нашёл наконец единственного *моего* человека, моего спасителя, и я должен думать, стоит ли у меня в каком-то документе какой-то дурацкий штамп! *(зло)* Нет, не стоит, к твоему сведению!

Она соскакивает с кровати и накидывает на себя комбинацию. Говорит уже несколько спокойнее.

– Не надо терять голову; мы должны вернуться в свои обычные границы.

Он как-то сникает, но говорит с сарказмом, акцентируя слова.

– Ты хочешь сказать, что для тебя это был обычный адюльтер, и завтра с тобой может случиться что-то похожее?

– Не пытайся меня оскорбить – это неблагородно.

– О, да-да, я должен сейчас благодарить тебя за то, что ты мне там чего-то подарила, поцеловать тебе ручку, проводить масляным взглядом твою ладную удаляющуюся фигуру, и потом каждый раз самодовольно ухмыляться под нос, вспоминая удачное ночное приключение – ты так себе представляла наши отношения, когда перешагнула через барьер?

Ей больно, она присаживается на край постели, вновь берёт его руку в свои ладони, трясёт ею.

– Нет, нет, милый, нет. Конечно, ты воспалил в моей душе какие-то неведомые мечты, открыл окно в совершенно иной мир, но сейчас я немножко протрезвела, вернулась к реальной жизни и с горечью убеждаюсь, что мечты и реальность – разные вещи. Ты ведь сам сказал, что только устранив беспокойство между ног, можно трезво оценить ситуацию.

– Ты же пришла ко мне не из-за этого беспокойства.

Чтобы разрядить обстановку, она пытается сыграть в женское кокетство.

– Кто знает?! Женская душа – потёмки. Даже для неё самой.

Наивная эта попытка не производит на него никакого впечатления; ему ещё горше.

– А о моей душе ты не думаешь, тебе меня не жалко?

– Что за слова! По-моему ты оскорбился, когда я заговорила о жалости.

– Это было тогда, когда мне нечего было терять. Ты мне дала надежду, а сейчас хочешь лишить её, *последней* моей надежды.

– Не говори высокопарно, пожалуйста.

– Не убивай меня, ради бога, не уходи! – Он тоже берёт её руки в свои ладони, покрывает их поцелуями; теперь он совсем не похож на того хладнокровного мужчину, который накануне соблазнил её.

– Что за слова! Ты пойми, я – женщина, семья, ребёнок самые важные для меня вещи. – Она тоже чуть не плачет.

– Часть не может быть больше целого.

– Не говори загадками.

– Главное – ты, всё остальное – только части твоего бытия.

– Но я сама – часть семьи.

– Да, с точки зрения самой семьи. Но лично с твоей точки зрения семья – часть твоего существования.

– Всё это теории, а жизнь идёт своим путём.

– Какие теории, какие, к чёрту, теории! – Он взрывается в очередной раз. – Я люблю тебя, я нашёл тебя, как спасение в последний момент, если ты сейчас уйдёшь, жизнь моя станет ещё пустее, намного пустее, чем была! Ты последняя ниточка, связывающая меня с жизнью! Неужели ты оборвёшь её?

– Не прижимай меня к стенке, мне ведь так же тяжело.

– Так же! Так же! Да, я вижу, как тебе тяжело!

Он кричит, уже не считаясь с обстоятельствами и, кажется, окончательно теряет контроль над собой. Она уже не в состоянии удерживать свои слёзы; капля по капле они вытекают из её глаз.

– Неужели мы с тобой вот так разругаемся перед прощанием?

Он как-то сразу успокаивается.

– Разругаемся? Нет.

Он открывает ящик стоявшей у кровати тумбочки и достаёт оттуда пистолет, надевает на него снятый накануне глушитель, затем копается ещё немного и достает резиновую перчатку.

– Вот. Выстрели мне в висок, прежде чем уйти. Он с глушителем, ничего не будет слышно. И надень перчатку, тогда на пистолете будут только мои отпечатки пальцев.

– Что за глупости ты говоришь!

– Глупости? Это будет второй твой гуманный шаг после того, как ты перешагнула через барьер. Даже гораздо более гуманный. И сделать это будет нисколько не труднее.

Она в отчаянии.

– Господи, я не имела права поддаваться этому безумию! Сильные страсти не могут иметь счастливого конца, это же аксиома.

Что-то вроде рыдания вырывается из его груди.

– А чего стоит жизнь без этих страстей! Ты ведь сама это сказала!

– Как мне успокоить тебя, как? – она пытается обнять его. Он без грубости уворачивается, пустыми глазами смотрит куда-то вдаль.

– Кто-то сказал, что любимых все убивают. И это правда. Любимых всё равно убивают – тем, или иным способом. Выстрел в висок, пожалуй, самый безболезненный из всех. Сделай это!

– Неужели ты всерьёз можешь предлагать мне такое?!

– Да. Тебе тоже будет намного легче; никогда уже не будет соблазна бросить всё и прийти ко мне.

– Я не способна раздавить таракана, не то что убить любимого.

– Ты меня и так уже убила; всё равно я конченый человек, так хоть помоги мне в последнем усилии. Сделай это и уходи!

– Безумие… безумие, – бормочет она, сама уже впадая в невменяемое состояние.

– Уходи! – истерично кричит он, резко отворачивается от неё и ложится лицом к стенке.

– Ты даже не хочешь поцеловать меня на прощание?

– Нет! Уходи!

Голос его звучит глухо.

Она долго смотрит ему в затылок, затем так же долго – на пистолет.

***

Соседний номер в гостинице. Она сидит в кресле и нервно курит, уже не обращая внимания на то, что рядом спит муж. Раннее утро, но от сигаретного дыма муж просыпается и начинает кашлять. Он возмущён.

– Ты же знаешь, что я не переношу сигаретного дыма! Неужели было трудно выйти на балкон? Два шага всего!

– Вставай, мы уезжаем.

– Мы же планировали пробыть здесь еще два дня. Мы ведь ничего не видели пока!

– Если хочешь, можешь остаться, я уезжаю.

– А что случилось?

– Ничего не случилось, просто я хочу уехать.

Привыкший к её сумасбродствам, он быстро соглашается.

– Ладно, раз тебе так приспичило…

Но ворчит себе под нос.

– В кои-то веки решили побыть немного вместе, отдохнуть…

– Поскорее, если можно, я все вещи уже собрала.

Явно недовольный, он покорно поднимается и идёт в ванную комнату.

***

Муж и жена с двумя чемоданами на колесиках выходят из лифта в вестибюль гостиницы и направляются к рецепции, где, несмотря на ранний час, уже собралось довольно много народу. Она не может скрыть своего недовольства.

– Я же говорила «поторопись», вон, сейчас придётся в очереди стоять.

– Сегодня пятница – тяжёлый день для рецепции.

– Ты уж постарайся как-нибудь ускорить это дело, я не могу больше ждать.

Муж наконец начинает понимать, что с женой происходит что-то неладное, он внимательно смотрит на неё, пытаясь что-то разгадать, но ничего при этом не говорит, ни о чём не спрашивает; он молча занимает место в очереди и одновременно пытается о чём-то договориться с клерками и с людьми в очереди, но ничего путного у него, по всей видимости, не получается. Она садится в кресло в вестибюле, достаёт из сумочки пачку сигарет и как будто сама не знает, что с ней делать, затем нервно раздавливает пачку, бросает её обратно в сумку и застывает, уставившись в одну точку стеклянными невидящими глазами.

***

К гостинице с сиреной подъезжает скорая помощь, и бригада медработников быстрым шагом проходят через вестибюль, вызывая оживление среди клиентов и обслуживающего персонала гостиницы. Отовсюду слышатся вопросы «А что случилось?», и шёпотом, а потом всё громче и громче звучит кошмарный ответ на этот вопрос. ТАМ, НА ОДИННАДЦАТОМ ЭТАЖЕ, КАКОЙ-ТО МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК ПОКОНЧИЛ С СОБОЙ. Проходящая мимо женщина «доверительно» доводит эту информацию до сидящей в прострации героини. *Что?* Когда смысл этих слов наконец доходит до её заторможенного

сознания, у женщины происходит нервный срыв. Крепко сцепив трясущиеся руки, она жадно хватает воздух ртом. Ощущение такое, что она сейчас задохнется. На неё обращают внимание окружающие, кто-то торопится позвать на помощь находящихся где-то поблизости медработников. Муж, издали заметивший её состояние, бросает свои чемоданы и подбегает к ней, берёт за руки, пытается унять её дрожь.

– Что с тобой, дорогая, что с тобой?

Она как по щелчку выключателя как-то сразу успокаивается, дрожь проходит, дыхание нормализуется, но на мужа она смотрит какими-то совершенно пустыми, невидящими глазами. Едва слышно она шепчет.

– Я уже никогда не увижу лунную тень.

– Что, что ты такое говоришь? – он в отчаянии, подозревая, что жена сошла с ума.

– Это я убила его.

Кажется, она сама прощается с жизнью.

КОНЕЦ

ВТОРОЙ ВАРИАНТ ИМЕЕТ ПРОДОЛЖЕНИЕ

***

– Дорогая, вставай, я всё уладил, – муж осторожно дотрагивается до плеча ушедшей в какие-то далёкие миры жены.

С ужасом встрепенувшись, и не в состоянии пока осознать, что всё последнее ей просто привиделось, она не сразу может понять, *что* на самом деле происходит вокруг, затем, что-то сообразив, как безумная бросается к лифтовому отсеку и начинает беспорядочно нажимать на кнопки вызова – все подряд. Народ в отсеке, приняв её за умалишенную, в испуге расступается, между тем ничего не понимающий муж, подхватив чемоданы, пытается поспеть за ней; но пока он со своим багажом подбегает к лифту, она уже садится в него, и двери закрываются прямо перед носом ошеломлённого супруга.

В кабине лифта, в который из страха никто с ней не садится, она нервно ходит из угла в угол, плотно сжав пальцы обеих рук и что-то бормоча себе под нос – что-то похожее на молитву. На нужном ей одиннадцатом этаже она вырывается из лифта, от нетерпения с раздражением раздвигая руками его слишком медленно для неё открывающиеся двери, и бежит по коридору к известному ей номеру. На двери висит табличка «Не беспокоить», но она тем не менее пытается открыть её, стучит кулаком, кричит, затем, заметив открытую дверь соседнего номера, где уже убирается горничная, бросается туда и по знакомому пути вновь проникает на соседний балкон. Оторопелая горничная лишь провожает неадекватную гостью изумлённым взглядом, но та даже не замечает её. Сквозь выходящие на балкон открытые двери она видит своего ночного героя, сидящего на краю постели с револьвером в правой руке, и опрометью бросается к нему.

– Нет! – истошно кричит она и падает перед ним на колени, – нет!

Она хватает его за руки, целует их, прижимает к своему лицу.

– Я с тобой, милый, я с тобой!

Пистолет выпадает из его рук. Он нежно берет её за шею, смотрит, не отрываясь, в испуганные глаза. Слёзы ручейками стекают по их медленно розовеющим щекам.

ТРЕТИЙ ВАРИАНТ

Муж, проснувшись в поту и увидев, что жены нет рядом в постели, вскакивает с кровати и бросается, потерянный, сперва к двери, а затем оборачивается и видит свою жену на балконе, спокойно курящую сигарету. Разом обмякнув, он тихо подходит к ней, обнимает сзади и прижимается всем телом.

– Ты хочешь уйти от меня? – голос его звучит жалко.

Она кажется очень удивлённой.

– С чего ты это взял?

Он прижимается к ней ещё сильнее.

– Я так люблю тебя! Я боюсь.

– Я тоже тебя люблю. Не бойся!

Она отбрасывает свою сигарету, поворачивается к нему лицом; он крепко её обнимает. Глаза его полны слёз.

***

Муж и жена, обнявшись, идут к себе в номер. В момент, когда они переступают порог комнаты, неожиданно раздается приглушённый звук выстрела. Женщина сильно вздрагивает; муж, повернувшись к ней лицом, пристально смотрит в глаза.

АНДРЕЙ ГАЛАМАГА

ФИЛОСОФСКИЕ СТИХИ

***

Что солоно – что пресно, что весело – что грустно.
Глядишь, запишут в плюс мне неприхотливый нрав.
Из *вкусно* и *полезно* я выбираю – вкусно,
Нисколько не заботясь, что, может быть, не прав.

Зачем, скажи на милость, хвалить себя за смелость?
Намерения – мелочь, поступки – пустяки.
Из *делать* и *не делать* я выбираю – делать,
Затем лишь, что движенье мне более с руки.

А если что – не вышло, не велика потеря.
К чему чернить удачу, зачем судьбу сердить?
Из *верить* и *не верить* я выбираю – верить,
И кто меня за это посмеет осудить.

Пусть безыскусный выбор мне не приносит выгод,
Пусть только отблеск тусклый мой освещает путь.
Мне только бы увидеть в конце заветный выход,
Я свежий ветер с неба – смогу за ним вдохнуть.

ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК

В известном городе большом
Совсем недавним прошлым
Между соседями тишком
Жил человек хороший.

Не худощавый, не толстяк,
Не грешник, не святоша,
Неторопливо, просто так
Жил человек хороший.

Ни разу не был уличён
Ни в пьянке, ни в дебоше;
И все сошлись на том, что он
Был человек хороший.

Он не читал учёных книг,
Решив – себе дороже;
Пусть он успехов не достиг,
Но человек хороший.

Ему талантов не дал Бог,
Благих желаний тоже;
Пусть никому он не помог,
Но человек хороший.

О нём весь двор судил-рядил,
Но порешили проще:
Раз никому не навредил,
То человек – хороший.

Однажды он глаза смежил,
Всё вкратце подытожил
И умер, словно и не жил,
Тот человек хороший.

Твердили на похоронах,
Что он не вынес ноши
И вот безвременно зачах,
А человек – хороший.

С тех пор, друзьями позабыт,
Знакомыми заброшен,
На дальнем кладбище лежит
Тот человек хороший.

Жизнь заново не проживёшь,
Не переменишь кожи.
И не поймёшь, – а был хорош
Тот человек хороший?

***

Кто разгадать не норовит
Чужой характер вмиг?
Но, на поверку, внешний вид
Заводит нас в тупик.

Бывает, смотришь, человек –
Не человек – кремень;
А ищет прошлогодний снег
Или вчерашний день.

Себя он выдаст с головой
Тем, что суровый взгляд
Нацелен не перед собой,
А обращён назад.

И у него сомненья нет,
Что пролетели влёт
Пятнадцать, двадцать, тридцать лет,
Как стрелки оборот.

Мгновенье – день, минута – год,
Всё, как у всех, кажись;
Так незатейливо пройдёт
Обыденная жизнь.

Но есть лазейка – не попасть
В губительный силок, –
Попробовать, не торопясь,
Жить без оглядки, впрок.

Ложиться за полночь без сил,
Потом вставать чуть свет,
Чтоб каждый день наполнен был,
Как двадцать, тридцать лет.

На время жаловаться грех,
Что, не спросясь, бежит;
Оно лишь выдумка – для тех,
Кто им не дорожит.

Не опасайся не успеть,
Отбрось напрасный страх;
И верь, что жизнь длинней, чем смерть,
И всё – в твоих руках.

***

Жизнь кажется обворожительной,
Лишь шаг – и воплотишь желания.
Как вдруг настигнет неожиданно
Осеннее недомогание.

Всё, вроде, сшито крепко-накрепко.
Казалось, что могло грозить бы нам?
Но, как показывает практика,
Ничто нельзя назвать незыблемым.

Всё злит, – погода депрессивная,
Рассвет, застывший в луже глянцевой;
И ищешь, чем бы компенсировать
Утраченную мотивацию.

Лес помертвел, покрылся пятнами.
Где силы, чтоб вернуть смогли меня
В условия благоприятного
Психологического климата?

Что за Господне наказание –
Растерянно следить за тлением
И про себя давать названия
Несуществующим явлениям.

Как сделать, чтоб с собою в мире быть
При перепадах настроения
И неуменьи сублимировать
Свои подспудные стремления?

Зима близка до осязания;
И стоит, колдовства не требуя,
Попробовать начать всё заново,
Как будто осени и не было.

И, словно восходя по лестнице,
Понять, что можно не тревожиться;
И в самый светлый день Рождественский
Почувствовать, что жизнь – не прожита.

ВЕЗЕНИЕ

Кто на иронию горазд,
Кто не рисуется фальшиво,
Тот убеждался много раз,
Везенье – признак позитива.

Кто не страшится прогореть
В игре, в которой куш не мелок,
Тому не скучно даже средь
Интеллигентских посиделок.

Удобно плыть по воле волн,
Везде вести себя по форме
И исповедать эталон –
Мол, конформистом быть комфортней.

А тот, кому доступна суть,
Кто благ не ожидает втуне,
Тот запросто готов рискнуть,
Уверенный в своей фортуне.

Не каждый, кажется, поймёт, –
Те, что смогли пройти по грани,
Предвидели на шаг вперёд
И никогда не проиграли.

Живут как будто за троих,
Чем вызывают подозренье,
И недолюбливают их
За неизменное везенье.

Но всё, чего недостаёт,
Судьба подносит им на блюдце;
И те, кому всегда везёт,
Всегда последними смеются.

ТРУСОСТЬ

Храбрость не приносит преимуществ.
Уж победа, кажется, близка, –
Не убережёшься, потому что
Трусость действует исподтишка.

Не мятежница, не бунтовщица;
Но, добившись выгоды своей,
Трусость не стесняется гордиться
Тем, что снова выигрыш за ней.

Важно распознать чужую слабость,
Тут же – торжество не за горой;
А какой ценой оно досталось,
Это, наконец, вопрос второй.

Не чуждаться низости и лести,
Но привычно не играть с огнём;
А наивные призывы к чести
Трусости обычно нипочём.

Отхватив всего, чего хотелось,
Так, что хватит до остатка дней,
Трусость выдаёт себя за смелость,
Упиваясь дерзостью своей.

Палец в рот ей не клади – откусит.
Но наступит и её черёд;
Тихо торжествующая трусость
Незаметно изнутри гниёт.

Что порочно – стало быть непрочно;
Глянешь, – далеко ли до греха, –
Глянцево блистает оболочка,
Ткни слегка, а там внутри – труха.

***

Er hat den Wald nicht mehr verlassen.
Hermann Hesse. Das Glasperlenspiel [1]

Лес потрескивал, дробился на осколки;
Я сквозь дебри выбирался наугад.
Хвойный дух, непререкаемый и стойкий
Обволакивал от темени до пят.

Я спугнул случайно, под ноги не глянув,
Стайку сонных раздосадованных птиц
Перед папоротниковою поляной,
Там, где сумеречный бор достиг границ.

Воздух реже становился и свободней;
И казалось, лес остался за спиной,
Но за вырубкою позапрошлогодней
Вновь смыкался неприступною стеной.

Только что мне дела до ночной мороки.
Коль написано упрямство на роду, –
Я не стану возвращаться с полдороги,
Хоть к рассвету, но я всё-таки дойду.

[1] *Лес он больше не покидал.* Герман Гессе. Игра в бисер

***

Привычка русская свой крест нести,
Ни исповедать, ни постичь её, –
От ощущенья бесполезности
До состоянья безразличия.

Весь опыт прошлого ни разу нам
Не удалось принять за правило,
И руководствоваться разумом
Ничто нас так и не заставило.

Но мы стоим перед напастями,
И перед силой не пасуем мы;
И разве тем грешны отчасти мы,
Что каждый раз непредсказуемы.

И как бы ни досталось крепко нам,
Мы всё не ропщем тем не менее;
И в пику посторонним скептикам
Несём своё предназначение.

Мы просим силы и усердия,
Чтобы с пути не сбиться крестного,
У Серафима и у Сергия,
У Пушкина и Достоевского.

И в битве, где бессильно знание,
За нас судьба – святая схимница;
И воздаянье ждёт нас на небе,
И не пройдёт, и не отнимется.

***

От обычной тоски человечьей,
От простой человечьей тоски.
Б. Бектемир

Ничто не печальней начального слова,
Да было бы слово основою речи;
Нарушить молчание проще простого,
Но часто наполнить молчание нечем.
И тошно, и душно от слова пустого,
Как тошен впустую растраченный вечер.
Ничто не печальней случайного слова
От неизреченной тоски человечьей.

АЛЕКСАНДР СОБОЛЕВ

ГРАФФИТИ НА ЗЕРКАЛЕ

КОГДА СТУКНЕТ…

И время стучится в рёбра, и мы по нему подковами.
Гримасы необщих лиц фиксируем строф гвоздями,
а перфоленту из будней на глади его мелованной
дырявим на конфетти… Бог весть, какими вестями
оно на десерт порадует. Но барабанных палочек,
которые в такт стараются, держат гонор и ногу,
из нас уже не получится. Разве что так, по мелочи –
чеканом ли, бубенцом ли. И ладно, и слава богу.

Мы бьём, как пёстрые дятлы, как бьют на берёзе зяблики,
до финиша полагаем, что действуем самостийно,
нам пухом гнёзда галактик, мы портим райские яблоки,
и средства наши негодные становятся кровным стилем.
Долбим скорлупу Вселенной, настырные, желторотые,
в слоистых светлых мирах следим красоту детали,
готовим снадобья в ступках для зелия приворотного,
настоянного на днях, что рядом прострекотали.

О САМОАНАЛИЗЕ

Психолог тот, и тонкий автор – тот,
кто в образе героя ли, страдальца –
но так себя на блюде подаёт,
что все гурмэ облизывают пальцы.
Но я не интересен для себя,
(хотя и не люблю об этом – всуе).
Меня снаружи будни теребят,
поэтому вовне и адресуюсь.
К тому же мне никак не по плечу
самоанализ и другие «авто».
И пусть давно указано врачу
(который в нашем случае и автор),
чтоб исцелился сам, а не дерзал
лечить других, и непременно – чохом, –
но всем рекомендую Кинозал,
способный демонстрировать эпоху, –
не эндоскопы. Любопытства ген
определяет внешние запросы.

…Я не люблю клистиры и пурген,
как средство провокации поносов,

хоть и вербальных. Тяжек дух складской
любвей зачахших, чувственных проекций,
фатальных фраз. Всё это мне на кой?
Я просто не дорос до вивисекций,
рефлексии, нудизма, (повторюсь!)
до самоедства с луковой подливой,
до ливера, распахнутого в Русь!..
Пускай другой в манере прихотливой
себя в себе опишет до кости.
А мы не станем. Мы побережёмся.

Прошу принять, как тезис, этот стих
а не как проявление пижонства.

КАК У ПТАШКИ КРЫЛЬЯ

Когда хотелось чувство оттенить
на фоне увлечения, на лоне
любви – бывало, руку протяни –
и пара строф затеплится в ладони.
Но что-то я давненько не пишу…
Потенция – потенцией, а всё же
кинетика желательна на ложе
поэзии. Любому шалашу,
укрывшему меня с моей милашкой,
я был бы рад… И будет ночь нежна,
когда одна она тебе нужна –
да кофе чашка.

Годятся также пустынь или лес,
но только чтобы ни единой рожи,
готовой неприятно потревожить
в интимном сочетании словес
двоих, соединившихся под знаком
свободной страсти. Как закон, двояка,
любовь – законов всех она сильней.
Любимец музы, не зевай! Однако,
удобства ради не женись на ней
«законным» браком.
Не то – кранты, финита, и – абзац
не протащить в анапеста фильеру,
и знай – греби, обслуживай галеру…
Тогда стихов янтарная сабза
из лакомства – дежурным станет блюдом,
и твой кураж окажется под спудом,
и будут стекловатой – облака,
а серебро степного родника –
простой полудой.

Оберегай свободу! Принцип сей
тебе полезен вовсе не для блуда.
Ослабнешь под напором пересудов,
во имя замирения гусей –
и будь ты хоть подкован, хоть обут –
придётся ту, которая двояка,
переть с досадой племенного яка
на собственном горбу.

А так… Луна сегодня в Скорпионе,
и сумрак тихо к улицам прильнул,
и твой посыл себя ещё не понял,
но лист бумаги – рядом. Ну же, ну!
И я навстречу руку протяну:
урочный час, и никого в гостиной,
и где-то счастлив скорпион пустынный,
облапивший луну.

РАССКАЗ О ПРОИСШЕСТВИИ, ИМЕВШЕМ БЫТЬ С АВТОРОМ В ПЕРИОД ЕГО ВРЕМЕННОЙ НЕТРУДОСПОСОБНОСТИ

После сильных морозов опять развезло,
потянуло чахоточным мартом,
и бечёвки проблем, затянувшись узлом,
шебуршатся с весёлым азартом.
Но куда мне до них. На теперешний час,
заглотнувши четыре облатки,
я лежу, как набитый костями матрац.
Каждой косточке хочется спатки.
Да не вышло… Хватило мгновения век –
и ползёт одеяло на плечи.
У постели на стуле стоит человек,
невысокий такой человечек.

Облачённый в изысканный алый камзол
и штанишки вульгарного кроя,
он стоял, попирая ногой димедрол,
удивительно ладен и строен.
Это был старомодно одетый пруссак.
Исключая возможность ошибки,
он кивнул головой в бесподобных усах –
продолжении чудо-улыбки:
– Шёнен таг! – Я приветливо скушал слюну.
Он слегка перегнулся со стула:
– Что там? Оспа?! Ого!.. Ветряная? Ну-ну.
Это где ж нам, голубчик, надуло?..

Одобрительно тыкая кожей ножон
ядовито-зелёное тело,
он сказал: – Тем не менее, жив. Вундершён!
Перейдём непосредственно к делу.
Разговор – о душе. От неё и разлад
организма, и прочие муки.
Отчего бы такой злополучный субстрат
не отдать в подходящие руки?
Вы расстанетесь с нею ещё не теперь.
Эту душу – о чём и толкую –
унесу как источник скорбей и потерь,
и вообще непонятно, какую.

Ведь порою она из вчерашних котлет
а порою – из кровельной жести.
Да к тому же её, как доказано, нет,
а и есть – так всегда не на месте.
Вы берёте малюсенький на душу грех –
и оплата, считайте, в кармане.
Обаяние! Власть! Сексуальный успех!
Достижения в творческом плане!

Вы хотите покоя?! Да несколько слов,
закреплённых в серьёзной бумаге –
и волшебный мираж золотых островов
будет ваш мановением шпаги!
Я могу Карабахом заняться всерьёз,
а могу – экономикой Польши.
Что там нас занимает, афганский вопрос
или чтобы деньжонок побольше?..

Это всё отдавало дежурным клише,
но и не было, впрочем, бахвальством.
Он судил о бесценной, бессмертной душе
с подкупающе здравым нахальством.
Я сопел, сомневался, косился на стул,
за какие, мол, сударь, таланты?
Наконец откровенно ноздрёй потянул –
как на запах его варианты?
Но пришелец попахивал лёгкой судьбой,
табаком, амаретто и мятой,
и вообще был чертовски приятен собой
человечек в берете примятом.

Убеждая, что риска – на склянку чернил,
разместясь между книжек и чашек,
он немного скучал и клинком шевелил
серебристый стальной карандашик.
И внезапно поняв, что не так уж далёк
от безумной, несбыточной цели,
я следил, холодея, как сизый клинок
покрывался узорами хмеля…

Он вскочил! – Я поспорю на сотню гиней,
что сейчас… Про себя повторите!..
О, майн херц!!! Мы немедля отправимся к ней,
к драгоценной своей Маргарите!
Неужели не ждёт?! Колебания прочь!
Полетим в грозовой атмосфере
в обустроенный мной за минувшую ночь
двухэтажный шалаш на Ривьере!
Не палаццо, но всё же не стыдно зайти,
получилось недурно в итоге.
Ну, а шкуру на вас перетянем в пути,
и побреемся тоже в дороге…

…И в пергаменте том, не страшась ни черта,
изумляясь удачи капризу,
я гусиным пером не спеша начертал
удалую корявую визу,
и покончив на этом с продажей души,
приподнявшись в горячей постели,
благодарно хватаюсь
за яркий кувшин:
– Полетели, мой друг! Полетели!..

КАК ДЕЛАЛОСЬ СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ

Это море средь земель, ὁμορφος, hermosa, bella,[1]
голубая колыбель парусов и корабелов…
Знают только Ра и Сет, только Веды и акаша,
сколько раз в пучине лет наполнялась эта чаша –
или в мареве густом солнце мрачно пламенело,
циклопическим пластом соль морская каменела.

…Бог заплоты отверзал, угодив своим трезубцем
миллионы лун назад в терракотовое блюдце.
В разломившуюся твердь, в щель громадного прорана
шла негаданная смерть, злое тело Океана.
Исполинский сизый вал рвался страшно и упруго
в проседающий провал между севером и югом.
Оставляя острова, многоточие, постскриптум,
он гудел и бушевал между Сциллой и Харибдой.

Повелитель двух стихий, бог брутальный, седовласый
лил лазурь и малахит в мех по имени Таласа.
Занималось время вант, якорей, и рей, и ростров –
и клыкастый элефант становился с пони ростом
на шагреневых лугах, на зелёных пятнах суши,
где иные берега, крики чаек, блеск ракушек.

Раз уж облюбовал Средиземную ложбину –
бог, разивший наповал Лиссабон или Мессину,
кто играючи губил – нет и не было спасенья
от хозяина глубин, и ещё – землетрясений.
Но сегодня, но пока…
Шёлком ряби ультрасиней
отражает облака мир огромный и красивый.
Миг течёт, как долгий сон. И в замедленном повторе –
берег Аттики. Муссон. Склоны гор и волны моря.

---

[1] Красивое *(греч., исп., итал.)*

И ЭТО ВСЁ О НЁМ

1.

– Об имяреке и стихах?.. Тогда без околичных:
его стихи – увы и ах – пристойны, но вторичны.
Там нет ни бронзы вечевой, ни смелости ментала…
А в общем – пишет ничего, и сам неглупый малый,
иные рифмы хороши.
Но кто он есть? Любитель…
его хореев крепдешин не слишком самобытен.
И стиль, того… не комильфо. И сплошь нужна прополка…
Не видно, чтобы над строфой работал он, как пчёлка.
Где страсти мёд?.. одна перга. Словарь порой невзрачен.
А, впрочем, стоит ли ругать, когда так поздно начал.

2.

– Нет, я нарочно слово взял, чтоб грамотно, без спешки
его нахального ферзя своей ядрёной пешкой –
побить. Разделать в пух и прах.
Он пишет в стиле «крейзи»!
Я утонул в его стихах, как муха в майонезе!
От них в мозгах – один гудёж: то гиря, то обсосок…
Да эту заумь хрен поймёшь без словаря и сносок!
Кривой формат, хромой размер родит его бандура!
Ещё о «творческом зерне» вещать имеет дурость!
Ещё пытается учить, ещё куда-то лезет.
Копал бы землю за харчи.
Вот так. В таком разрезе!..

3.

– Какое чудо, Боже мой! Как тонко и красиво!..
Достать чернил, прийти домой, писать о нём курсивом!..
Прекрасный юмор, пряный слог, везде такие перлы!
…Он будет признан, видит Бог, и будет среди первых!
Он будит негу и любовь букетами созвучий!..
Мне Брюсов близок и Рембо, но здесь – особый случай.
Ведь даже в строчках о вещах немножечко нескромных
он просто прелесть… и вообще,
мне кажется, не промах…

4.

– Пока смотрел не целиком, читаю понемножку.
Мне этот автор незнаком – понравилась обложка.
Подборка, правда, неплоха.
Не всё легло на душу,
но вот запомнил два стиха. Хотите их послушать?

АНДРЕЙ НОВИКОВ

СОЛНЦЕ, НАРИСОВАННОЕ МЕЛОМ

ДАМАСК

Жаркий полдень на аркане, зноем полнится Дамаск,
Кофе продают в дукане – дивных ароматов власть.
Удивляешься, откуда суеты внезапный шёлк,
Рядом резали верблюда, спрятав голову в мешок.
Нож сверкнул узбекский точно, рукоять ушла в рукав.
Всюду колорит восточный, дух приправ и терпкость трав.
В них анис араки пьяной и круженье головы,
После крепкого кальяна, после сладкой пахлавы.
Вот кишки бараньи с рисом мне несут в подарок, мол…
Коврик для намаза вписан в яркий мозаичный пол.
Толстой пальмы опахало освежает ротозей,
У турецкого вокзала, превращённого музей.
Век назад и прямо в Мекку путь лежал к Пророку, но
Турки, прежде покумекав, клали шпалы на сукно.
От почтения и страха, от паломнических грёз –
Не тревожить же Аллаха будет громкий паровоз?!
Принимаю эти нравы, прямо под Касьюн-горой,
Размотай чалму как саван, усыпи меня, укрой.

ЧИСТЫЙ ЧЕТВЕРГ

Моет хозяйка посуду
Жгучей холодной водой,
Спорить сегодня не буду,
Я навсегда молодой.
Лёгкое платье и шея,
В них недоступная высь,
Так, прикоснуться не смея,
Чувства мои родились.
Знаком невольной аскезы
Полнится кухонный такт,
В памяти привкус железа,
Впрочем, и это не факт.
Жизнь потянулась к восторгу,
Прямо на цыпочках, вверх,
С тенью фрамуги расторгла,
Солнце и Чистый четверг.

ЛИЛИПУТ

Когда прошедшее в отъезде, а будущее там и тут,
Я встретил ангела в подъезде, то был из цирка лилипут.
Легка в безвременье прогулка, как обозначенная цель.
Курносый нос его, что втулка, в любую проникает щель.
Зачем пришёл в ночные гости тревожный малый человек?
Лишь челюсть щёлкает от злости и жмёт в плечах короткий век.
В галошах и слегка поддатый, не крылья – вата из пальто.
Молчите памятные даты, поскольку оба мы – никто.
Он улыбается всё реже, репризы не дадут соврать.
На историческом манеже опилки вечно нам жевать.
Да, это так, пока мы живы, пусть на балу у Сатаны,
Заплачет память рыбьим жиром и вытрет сопли о штаны.

МЕРЦАЕТ УТРО

Мерцает утро стыло чёрно-белым,
И у природы жёсткие черты,
И солнце, нарисованное мелом,
Даёт лишь горький привкус немоты.

Он, как всегда, случаен и не точен,
В разрывах мимолётных облаков.
Асфальт щербат и девственно молочен,
День непорочен в зеркале веков.

Живёшь надеждой, да и то напрасно,
Разрежут жесткий воздух провода.
Над светом бытия, увы, не властны
Ни память, ни прощенье, ни года.

ОЛЕНЬ

Где статуи помнят меня…
А. Ахматова

Недавний кров мечтательно покинут –
Весенний парк, там гипсовый олень
Дождю подставил треснувшую спину,
Рога воткнув в душистую сирень.
В аттракцион
деревьев арматура
легко вросла, прутом сплетая прут.
Нежнейшим мхом подернута скульптура
Несчастная и близлежащий пруд.
Нетрезвый карусельщик из берлоги,
Верней, из будки вылез посмотреть,
Как свастикой изогнутые ноги
Застыли в воздухе.
Потуга улететь
Похожая у девушки с инсультом,
А не с веслом. Но с постамента вдаль,
Образчиком фаллического культа,
торчит ракеты кованый дюраль.

Лишь звук пружины от садовых ножниц
Покой нарушит…
Или стук шаров
В бильярдной.
Или кот зовёт наложниц
в зелёный буерак.
Я не совсем здоров…
Я не совсем здоров. Ваяйте пионера,
Пусть горна глуховатое дупло
Скупые звуки на минор пленэра
Положит воровато и светло.

ВЕСИ

Рассвета головокруженье,
Когда в мерцании, окрест,
Светил нервозное движенье
Над обезличенностью мест.
Пусть пляшут тени те и эти,
Где прядью времени у лба
Чреда деревьев в беглом свете
И сумрачных кустов толпа.
Где ставни мокрые со скрипом
Пространства открывают гул,
Окно темно от недосыпа
И ветер на росу подул.
Воспоминанья, год от года,
Идут дорогой круговой.
Но так же веет горьким мёдом
На огородах перегной.
Где, белизне своей не рады,
В душе моей скорбят поля,
Где глаз сомкнуть в тиши прохлады
Не может голая земля.
Зачем я помню эти веси,
Где тес вокруг и лебеда,
Где состоят из некой взвеси,
Одно – и радость и беда?

ПОСЛЕДНЕЕ ТЕПЛО

Мне – упорный ветер с юга,
Нетипичный в сентябре,
Оголённая округа,
Дождик тёплый на заре.

Через заросли бурьяна,
На осенние поля,
Днями лист летит багряный,
Но тепло хранит земля.

Угасающее лето,
Тлеет чёрная трава,
Но какая память света,
Сквозь кусты и дерева!

Вот ручей струится тонко,
Входит в осень без труда.
И целует рот ребёнка
Тёплая ещё вода.

ПОБЕРЕЖЬЕ

Ржавый бот на краю волнореза,
Исковерканный грудой камней,
И мистический привкус железа,
Шум прибоя и суетность дней.
От невзгод разрешая столетья,
К безвозвратному ключ подберу
Там, где скалы свои междометья
Доверяют ветрам поутру.
Жизнь даёт предпочтенье победам,
Возрождаясь в пришедшей волне,
А стихия, безумья изведав,
Подчиняет себя новизне.
Побережью и морю не слиться,
Только память несёт этот сплав.
Лишь любовь раздвигает границы
В обладаемом перечне прав.

ВЕТРЫ ВРЕМЕНИ

Какого рода мы и племени,
Из чьих мы сотканы созвездий?
Нас осеняют ветры времени
Холодным лезвием возмездий.

Заметь, как поселилась истина
В обыкновенный детский лепет,
Леса шумят густыми листьями,
Явив природы смертный трепет.

Над городами населёнными,
Несётся вечность в пыльной дреме,
За облаками опалёнными,
На неба бронзовой жаровне.

Прислушайся: прозренье раннее
не совместимо с настоящим.
Мы верно тонем в мироздании,
Детей в ночи целуя спящих.

ВИКТОРИЯ КОЛЬЦЕВАЯ

ГУТЕН АБЕНД В ХРЕНОВЕ
рассказ

В Курозванах хорошо, цивилизованно, почта есть. А в Дулибах нет, и в Хренове нет, и много где нет – на велосипед и бегом, пока светло! Как девки по лесу педали крутят, кто их знает, бесстрашные вездеходки! Назару ничего, мужик привычный, восемнадцати лет от роду, до армии покрутить педали и для здоровья неплохо.

По Дулибам ехать красиво даже: вдоль панского узорчатого забора из тёмного кирпича, мимо костёла с продырявленной крышей, есть где местным пацанам выпить и в телефоны уткнуться. А посреди села клуб. Так на дверях написано, что клуб. Хоть с виду древний объект, у Назара глаз намётан. И язык подвешен, болтливый с рожденья, мама говорит, поэтому по истории хорошо учился, хоть и путаница в голове была у старенькой учительницы. Придумали в 7 классе подарить ей на день рождения духи «Пани Валевска». Не хватило денег на духи, купили одноимённого мыла три куска. Дорогая Ганна Мефодьевна, примите подарок в честь исторического лица, проживавшего на данной территории. Ох она обрадовалась, стала рассказывать про мыловаренный завод, на котором работала до поступления на педагогический. Рада была, что начальницу смены увековечили на обёртке мыла, правда, фамилия начальницы была Шендыбыло, хотя это ещё до замужества. Так и не вышло кульминации, но, кроме мамы, пожаловаться некому, а мама любит мыло «Липовый цвет».

Клуб дулибский всю дорогу заколочен, каждое окно досками накрест, как после бомбёжки. Это жаль, ничего из помещения не вынести. И видать же в просвет: лестница внутри крепкая, деревянная, и шашель даже не тронул. Стырить бы лестницу да у себя во дворе поставить на чердак, мужик же! А тут никому не нужна лестница, как и весь клуб. Потому что Дулиб тех – четыре пенсии и два мелких пакета на всё село: одно – из районного суда, другое – из Китая. Распишитесь, граждане, и будьте здоровы. А всё же: чего это вам хорошего из Китая? – Навигатор для коровы, ну да, ну да.

И опять мимо клуба на Хренов, вперёд-вперёд! Не Хреново, а Хренов, в честь кого-то. Ай, баллончик-то не взял, болван, собаки откуда! Да и что тот баллончик: пока на одну сучку пшикнешь, другие подмётки порвут. Электрошокер бы выдали, жмоты начальственные. Стоять, Назарий, велосипед перед собой! Вот так-то, звери! Нет, ну куда девкам против собак на почтовом тракте, запылённом, как и само слово. Гони, Назарий, сам не запылись, лестницу бы увезти, мама оценит красоту, когда на чердак взойдёт чинно, как пани Валевска.

Ни газеты, ни пакета, а две только пенсии в Хренов, тёмный народ. Тук-тук! Рррраспишитесь ррррразок, до свиданьица! Тук-тук! Тук-тук-тук! Господи Божечко… гроб во дворе. Опоздал, Назар. Надо было сначала в Хренов, что ли, заехать… Заткнись, собака, что же они сегодня с цепи-то сорвались! Занавески открылись, ты запеленгован, мужик, сейчас начнётся душераздирающее. Выбегут родственники покойника (ой, нет-нет, покойницы, по ведомости – Мухомор Леся Карловна), рыдая, бросятся на грудь и запричитают: отдай пенсию, хлопчик, вот только-только померла, сегодня ещё б получила, а так и денег нет, и гроб купить, за место уплатить, обед закатить, батюшку ублажить… Нельзя, граждане, по инструкции родственникам под роспись нельзя, только лично. Выдадут вам на другой месяц помощь в двойном размере, точно гарантирую. А сегодня не нарушаем, бегом, Назарий, вали отсюда.

Тук-тук!! Тук-тук-тук в стекло!!!… Мама, мама, мамочка моя… Покойница в окно стучит, косы седые распущены, машет мне, машет: иди в дом, иди… Мамочкаааааа! Смерть её машет мне, мало ей одной покойницы, маааааамочкааа! Хоть бы родственники вышли, забрали ту пенсию, чтобы руки-ноги мои зашевелились, беги, Назар, беги, хлопчик, мама ждёт, вот он, велосипедик твой!

Мамочка, Хренов длинный-длинный, гонится она следом, что ли! Я уж почти-почти до окраины: поле, роща, перелесок, птица, белка. Не видно белки, так придумал белку, для разговора, а то тихо тут, тихо так. Была бы белка, прыгнула с ветки на ветку и весь тебе лес, и Дулибы, Дулибы, коровы с навигатором. Мам, я нашей корове тоже куплю навигатор. Сначала корову куплю, потом навигатор. Вы будете смотреть за коровой? – молоко, сыр, базар. Мы поможем, а на выпас она сама, с навигатором. Я же ничего

такого, просто лестница, никому не нужная лестница в заколоченном клубе, неужели столько греха на душу взял одним глупым желанием, прости Господи! Вот уже и дорога, машины, фура: к фуре близко не подъезжать – затянет, всё по инструкции. Спокойно, Назар, спокойно, ты всё же почтальон, представитель государства. Ты едешь в Курозваны сдавать невыплаченную пенсию покойной гражданки, и всё, и всё. Всё! Две тысячи сто двадцать гривен и вот ещё копейки. Опечатай возврат, начальник. Всё по инструкции, как обучен, так и работаю. До свиданьица, начальник!

Мамочка, а вот и я, с вами в церковь, будет веселее! А завтра ж у меня выходной, почты нет, помогу вам с коровой. Ой, мам, заговорился, и без коровы весело живём. А на вечер со мной посидите, пока засну? Ой, ходит сон коло окон…

– Назарий, сынок, всё ещё спишь, а к тебе гости!

Мама, зачем пустили? Опять пришла, косынку повязала да пришла. Мы ж вечером молились с вами, нет?

– Хлопчик, ты пенсию чего унёс? Я-то голову вчера помыла, на двор и не пошла открывать. Стукаю-стукаю в окно, а ты будто онемел. Будто кто тебя уводит, нечистая сила. А потом сел на велосипед и шмыг с пенсией! А я уж выскочила, пропадай здоровье, да куда там! Вот пришла с утра, почта закрытая, деньги где?

– Мам… Кто это, мам?

– Леся Карловна Мухомор! – заулыбалась вчерашняя покойница, все они радуются пенсии душевно, как школьники последнему звонку.

– У вас гроб сосновый был.

– Гроб-гроб, в гробу и дело основное! Взяла гробик хороший, развозили по селу на продажу. Денег нет, на вексель взяла, думаю, пенсию принесёшь, рассчитаюсь. Деньги где?

– Вон как, кому купили гроб-то? – Назарий пробежал глазами по стене в поисках отставшего мела, поскольку побелка была исключительно ровная, очертил круг мысленно, хотя не жаловал Гоголя ни в каком классе. – А паспорт принесли? Не положено по инструкции без паспорта.

– Нет, паспорта нет, что ты! Гробов мало, работа тонкая, продают только по справке о смерти. Я за справкой в сельсовет метнулась, а председатель говорит, мол, справку в обмен на паспорт можно. Сдала паспорт, выписали справку – держи документ мой временный! Рассчитаюсь за гроб, сдам справку как недействительную, заберу паспорт на тот месяц, а, может, и почтальона нормального пришлют, так и не сразу сдам – оградку ещё поставим.

Назарий, пуганый ты, хуже девок, те бы сразу догадались. Мало ли они распашонок накупят, потом замуж идти передумают. А другие выпускное платье сошьют и не влезут потом. И жить торопится, и чувствовать спешит – это в хрестоматии было, но, может, и сам по дороге придумал. А к старости куда спешить, только на кладбище. Косынка в комоде от прабабки лежит, пальто от мужа осталось, восьми зубов на пару лет ещё хватит, только что гробиком обзавестись и покрасить оградку. Всё, берём быка за рога, перехватываем инициативу:

– Мы с вами, Карловна, одной крови. Я тоже к обстоятельной красоте тяготею всем на загляденье. И права на неё у меня нет, как и у вас. Паспорт надо, сдавайте свою недействительную справку. Скажите, что летаргия была, как у Гоголя, писателя, да вовремя проснулись. Мне с вами приятно работать, как говорится.

– Бестолковый какой, бедненький, всё сначала давай! – Леся Карловна тоже оценила ровную побелку, с такими обстоятельными хозяевами без индивидуального подхода и ангельского терпения не сладишь.

– Нет, я сам, Карловна, я сам. Ехал я на ваш конец географии мимо леса, мимо поля, мимо лестницы в Дулибах…

***

С тех пор как ураган по имени Леся Мухомор из Хренова вызвала в Дулибы санстанцию, жизнь председателя Нила Е. Бутербродо стала непредсказуемой и тревожной. Санитарная комиссия в составе четырёх человек явилась на рассвете в пятницу, что само по себе выбило из режима труда и отдыха, и не дожидаясь, пока Бутербродо ознакомится с бумагами, рассредоточилась по зданию. Председатель трижды перечитал восемь тетрадных листков, подписанных Л.К. Мухомор, два казённых бланка санстанции, но мало что понял. Вызвал к себе директора школы, человека знающего и рассудительного.

Соломон Иванович медленно вглядывался в чернильные каракули и вдруг просиял: «Шашель, Нил Евфратович, жучок, атакующий Хренов, вероятно, происходит рождением из Дулиб! Товарищи из санстанции пришли отследить миграцию насекомого, увлекательнейшие дела!». Соломон Иванович читал во всех классах географию, ботанику и испанский, пел в районном хоре, собирал старые карты и старые вина, шёл в авангарде культуры и науки. Само его присутствие успокоило Нила, он тоже решил рассматривать проверку, как научное исследование, и на том построить разъяснительную работу с обеспокоенными работниками конторы и другим заинтересованным населением.

Инспекция развернулась нешуточная. На присутствие шашеля обследовали каждое окно в селе, включая металлопластиковые. Таковых оказалось восемнадцать, два в кабинете председателя и шестнадцать в его же доме. Чуяло сердце Нила Е., что материя неуклонно движется к распаду. Рано или поздно стукнешь форточкой, поднимется облако рыжей тырсы, зазвенит стекло, останешься со шпингалетом в руке как дурак, а на дворе зима и вечная мерзлота аж до Курозван. На замену остальных окон районных инвестиций не хватило.

Санврачи рыскали по хатам и сараям, вынюхивали, высматривали и записывали. Не проверенные на заражение дулибчане оказались невыездными, слонялись по селу, собирались у магазина, подолгу дожидались открытия, боясь прислониться к деревянным стенам, хотя магазин был заведомо крепкий, ежедневно проверяемый продавщицей Полиной Хомяк на ударную волну. Полина хлопала дверью, закрываясь на обед или считая выручку, с такой яростью, что бухгалтер конторы Ефим Хомяк, её муж, за семь домов от магазина сверял часы, заматывал на шее шарф и шёл принимать кассу. Чрезвычайные события повлияли на всех односельчан, кроме Полины. Ефим ценил в жене неколебимость и выдержку, безропотно прощал взрывной характер, тем более что и сам бывал резок и категоричен с подчиненными и другими хлюпиками.

Гигиена в селе набирала нешуточные обороты. Одежду велено было вытрушивать после выхода из дому и по возвращении. Воспринимая собственную наготу как дело государственной важности, дулибчане просматривали каждый сантиметр штанов и юбок, дисциплинированно давили всё ползущее и затаившееся в складках. Заходя в дом, опасливо щупали косяки и балясины, при подозрительных скрипах и щелчках звали доверенных кумовьёв и закрывались от соседей.

В тишине всеобщего прислушивания звуки становились образней и гуще. Начальник санстанции скрипел вечным пером в помещении сельсовета так устрашающе, что в первую же неделю чуть не довёл Нила Е. до акта самосожжения конторы. Но вовремя заглянувший к председателю директор школы прислушался и махнул рукой:

– Они пока только бумагу переводят, а ты зашёл бы вечером в школу, Нил Евфратыч!

– Соломон, количество исписанной бумаги обратно пропорционально остатку дней, – Нил Е. заносил в тетрадь различные цитаты, потом выучивал, чтобы на районных заседаниях не мычать в ответ на прямой вопрос, а слыть откровенным простачком, но опытным хозяйственником.

Едва стемнело, Бутербродено осторожно приоткрыл дверь школы и на цыпочках, чтобы не повредить дощатый коридор, прошёл в кабинет директора. Соломон был человек аскетичный, на полу вместо ковра расстилал самодельные топографические планы огромного масштаба, на которых для поддержания тонуса летом совершал послеобеденную прогулку по Южному полюсу, а зимой по Сахаре. Теперь же, сняв сандалии и надев шляпу, он жестом пригласил Нила на главную площадь Дулиб, наступил одной ногой на красный значок конторы, другой – на клуб, чтобы проследовать путем шашеля через всё село, по скотопрогону выйти к агрокомплексу, закрепиться на местности и через лес угадать насекомый переход к дому истицы Мухомор.

Через полчаса непрерывного топтания до Хренова и обратно директор снял шляпу:

– Думаю, Нил Евфратыч, для понимания мотивов насекомого карты будет недостаточно. Потребуется соорудить макет! Выстругаем дома, контору, клуб, расставим по селу деревья из натурального сырья, устроим русло реки и деревянный мост. Пусть он одолевает пространство, а мы понаблюдаем сверху.

– Кто «он»? Что одолевает? – при упоминании шаткого мостка через речку Горыньку у Бутербродено во рту дрогнул собственный верхний мост, деньги на ремонт которого частично пересекались с Горынькой.

– Шашель, Нил Евфратыч, запустим его на макет!

– Уважаю твою мудрость, Соломон, и способность понимать скотов и вредителей, но на большую науку у меня финансов не хватит. И так люди жрать от безделья больше стали. Прилавки у Полины полупустые, птицу режем быстрей, чем помидоры на закуску, из-за карантина продавать курозванным партнёрам не разрешается ни грибы, ни ягоды, ни даже металлолом. К тому же шашель летать умеет, зачем ему ходить по твоей плейстейшен, если может перелететь с хаты на хату, моргнуть не успеешь?

– Только в брачный период летает, а пешком мы его по кругу поводим, Нил Евфратыч, пошевелим почву, помочим водой, не доползёт. А доползёт, тоже интересный результат, плейстейшен, ага!

Бутербродено ещё раз обстоятельно потоптался на центральной площади, проверяя ямочный ремонт асфальта, отогнал саднящую мысль про новые окружные выборы, раздавил голой пяткой хату конкурента, представил оживающий макет, и взгляд его озарился:

– Соломон, зови завтра санврача, расскажи ему идею! Чем лучше макет, тем верней исследование, добейся мне инвестиций на это сооружение, так чтоб была уменьшенная копия района для энтомологических, так сказать, целей. Ты же ботаник!

– Ботаник-ботаник…

– А доучится хоть кто-нибудь до 8 класса, станешь энтомолог, будет тебе Диснейленд готовый для восьмилетки.

– А по вечерам кружок для всех интересующихся наукой, Нил Евфратыч! – Соломон не был женат, одинокие зимние вечера его пугали. Многие порядочные женщины влюблялись в чисто выбритого директора, но смущались, что он с первого же знакомства начинал заговариваться по-испански и рисовать карты, будто готовясь к отступлению.

– По вечерам у нас будет кружок для сильно заинтересованных, тараканьи бега! Только это между нами, Соломон, ты человек возвышенный, а я должен думать о земном процветании. Надо же развивать хозяйство, а то до 8 класса, кроме шашеля, никто из подрастающего поколения не доползёт, так сказать, – Нил Е. изумлённо замолчал и вынул из кармана тетрадь, чтобы записать свою собственную мысль.

***

И всё-то ты, Назарий, должен сделать на совесть, целый день оградку красим, два литра серебрянки извели, а всё равно же после похорон оцарапают, хоть и перекрашивать некому будет. Назарий всегда вслух поражался своему перфекционизму, вроде, не литератор какой-нибудь, не репетитор по экзаменам, а всё у него должно идти по плану и до точки.

– Карловна, знаете, что такое крематорий?

– Хорошее дело, хлопчик, надёжное. Внесёшь плату, обслужат быстрей, чем Жанну д'Арк, поэтому лучше по старинке и со свидетелями, – Лесе Карловне не очень нравилась серебряная оградка, но она чувствовала, что золотая будет выглядеть нескромно. – Докрашивай, докрашивай!

– Вы обещали, к концу лета клуб признают рассадником шашеля, сносить будут? – Назарию тоже больше нравилась бронза, если бы сэкономить бронзу, а не серебрянку, домой бы забрал, мотоцикл подрисовать.

– А он и есть рассадник! Они в том клубе бега устроили, под видом сезонных работников приезжают распутники со своими тараканами и ходят в клуб вроде как на лекции к директору школы, а сами делают ставки, проигрывают, вешаются на каждой осине. Я уже и письмо куда следует подготовила, – Леся Карловна многозначительно и шумно потянула воздух носом, учуяла дальний дым и заволновалась, откуда бы, хотя по лиричности натуры любила дым и свет, и август, жаль, вечером уже заметно похолодало и затянуло к дождю, но практическая компонента всё-таки в Карловне доминировала, – А что ни говори, сашеля после дезинфекции меньше стало, это все замечают, значит, от них набегал, нет?

– «Сашель» ваш на зиму спать пошёл, а с лестницей из клуба вы меня надурили, не выкинут лестницу, размечтался мужик! А я вам пенсию носить больше не буду, пока официально не воскреснете. И, кстати, про что вы, мёртвая душа, опять письмо сочинили? Про тараканов? От них ущерб какой?

– Налоговый ущерб, хлопчик, бизнес-то игорный, а налоги платят за научно-популярные заседания. В ОБХСС бы письмо направить, как она сейчас называется? А пенсию ещё разок привезёшь, я только тюли на справку докуплю и хоть сейчас похороны закатывай. Уже б купила, но не завезли, Назарчик, потерпи, ты ж сам говорил, мы с тобой к красоте тяготеем одинаково? И дымно сегодня что-то, заканчивай да езжай с Богом, матерь твоя волнуется! – серебро оградки на закате выглядело чёрным, Лесе Карловне захотелось домой, наесться жизнеутверждающей гороховой каши с чесноком.

Скажи кому, что провёл выходной на кладбище, не поверят. Дома подумают, что к однокласснице Чечевикиной в город уехал, мама её с младших классов для Назария высматривает. И у Чечевикиной в глазах серьёзные отношения так и округляются, а хочется же несерьёзных! Это раньше в армию шли, чтобы письма писать, ждать ответа, умирать от счастья или от измены. Теперь ответы пиликают каждую секунду, не заскучаешь, если телефон не отберут. А главное, единственно серьёзные отношения на данный момент сложились, упаси Боже узнает мама или пенсионный фонд, с Карловной, про личность которой сведения остаются весьма поверхностные: дети не объявляются, про мужа и слова не проронила, только на комоде портрет старинного усача *(«люби меня вечно твой Г.-Х. Флигенпильц»),* по вечерам прядёт шерсть, вяжет носки, пишет.

Вперёд, Назарий, крути педали: поле, роща, перелесок, птица, белка… вот она белка, которую после афронта с Карловной с перепугу насочинял, две даже белки, гоняются друг за дружкой, ссорятся. И птицы волнуются, горланят, летают, и темнеть стало раньше, и сырость, и, правда, дымно, у Карловны все рецепторы обострены, хваткая женщина. Что такое ОБХСС, куда она опять пишет-то? Христианско-социальный союз, больше ничего. Может, её Флигенпильц в ХСС состоял, кто разберёт, что у старухи в голове смешалось.

«Гутен морген, милая Леся! Спешу сообщить, что вступил в ХСС, получил место в бундестаге, купил дом и броварню, скоро приеду к тебе, хочу жениться! Пойдешь за меня?»

«Дорогой Г.-Х., я бы за тебя пошла и даже написала письмо в областное руководство, чтобы разрешили жениться и переехать по месту нахождения семейной броварни, но пришла к мнению, что пьянству бой, а лучше ты переезжай

в Хренов, у нас тоже по партийной линии можно продвинуться, а дом у меня и так есть, капусты тебе на бигос наквасила, дров на зиму нарубила, буду тянуть пряжу, топить печь, смотреть на огонь, писать».

А пивовар, сумасшедший влюблённый, взял да и переехал на наши дрова: *гутен абенд в Хренове, херр Флигентильц!* Вот они, серьёзные отношения, ни за что с Чечевикиной не свяжусь, интересно, она капусту квасить умеет? И насчёт рукоделия узнать: «Чечевикина, сколько ты прядёшь за день, на одну паутину или на две?». Дождь-то вот-вот польёт, а торфяник где-то чадит, скорей бы в Дулибы, а там по асфальту домой, поднажми, Назарий!.. Мать честная, это в Дулибах дымно, не проезжать же мимо!

Клуб, что ли, горит, права Карловна, как есть рассадник зла – дым наружу, народ с вёдрами бежит, а внутри лестница моя пропадает – рискнём, Назарий, сколько той жизни! В зале хоть колбасу копти, дверь на верхние этажи заперта, авось выстоим! Командуйте, начальник, я на помощь прибыл, Назарий зовут! Шторы сдираем, картины сбиваем, стену выламываем, выносим реквизит – здоровенный реквизит, на весь зал, макет беговой дорожки, не разберёшь что такое… Пожарные-то где, чего ведрами воду таскать? С другой стороны, всё село по ведру, вот вам и пожарные. Да не сильно-то и взялось, дом каменный, а и уже моросит, слава Богу!

– Соломоооон, тащи толь из сарая, надо стадион от дождя укрывать, гори оно синим пламенем твоё помещение, в контору переедем! – мужчина в испорченном летнем костюме в крупную полоску горько плакал по волосам, снявши голову.

Обезумел, наверно, или опять права Карловна, беговая дорожка – это и есть их золотые прииски, подпольная кукарача. Побежать бы с другой стороны, окна на лестницу повыбивать под шумок, заглянуть, может, и впрямь не пострадала лестница?

– А вы, извиняюсь, кто будете и по каким соображением в горящее помещение проникли? – пробегавший под окном бумажный человечек с залысинами одновременно сверкнул очками и коронками под золото.

– Сигнал поступил, что пожар в здании, прибыл на место. Вы руководитель учреждения культуры? – в переходе дышать нечем, но огня нет, не обвалится лестница, Назарий повеселел и слегка куражился.

– Нет, я нет, я бухгалтер Хомяк Ефим. Руководитель – Соломон Иванович, он в главном крыле командует!

– Ну вот, закончим тушение, будем знакомиться! – Назар спрыгнул с окна, и бухгалтер ловко подхватил его под руку.

– Уже почти погасили, почти погасили, а вот и председатель наш! Нил Евфратович, приехали из центра, вас разыскивают и Соломон Иваныча! Я в контору побегу, Полина самовар организует, а вы подходите, что под дождём-то стоять, огня и нет уже, – Ефим Хомяк наскоро обвёл клуб сухим актирующим взглядом, подумал, что на балансе сельсовета здание не числится, и соображал, хорошо это в данной ситуации или уже-таки очень плохо.

***

Выветриться, Назарий, можно и по дороге домой, а играть ревизора, которого и до середины не дочитал даже, рисковое дело! Но не упускать же такой момент? И началось всё как по нотам, ни сном ни духом не помышляя, мимо проезжал и бухгалтеру буквально под руку попался – ждут они ревизию, ой, ждут! Назарий уютно устроился на диванчике в конторе, отхлебнул чаю:

– А как загорелось-то, диверсия или электропроводка?

– Да какая там диверсия! Случайно! Продавщица наша Полина Хомяк, жена Ефима, принесла напитки, исключительно какао, лимонад, ничего не подумайте, а потом как хлопнет дверью, привычка у неё дверью хлопать, подсвечник и упал на штору! Пока лимонад осушили, заели чем ни попадя, уже и пожар, – Соломон Иванович развёл руками беспомощно, как раненый аист, зашатался на длинных ногах, жалко его стало. – А не мог я вас где-нибудь раньше встречать, Назарий… э…?

– Просто Назарий! Встречаемся через день, я почтальоном работаю, в школу вашу газеты привожу, – от правды Назару сразу стало легче, теперь можно действовать без экивоков, но психологично. – А зачем в клубе свечи, для таинственной атмосферы?

– Сигару прикурить в ходе научной дискуссии… хотя, конечно, спорить обычно не о чём, – директор опять печально развёл крыльями.

– Лестница мне ваша нравится, Нил Евфратович, она вам по пожарной безопасности никак проходит. С вашими подсвечниками вам надо металлическую. А деревянную вы бы мне уступили?.. Ой!.. – Назар обернулся к Бутербродненко, а тот вдруг стал задыхаться, вращать зрачками и жилы на шее вздулись жабрами.

Плеснули на жабры стакан воды, шея нечеловечески побагровела, попыталась стряхнуть с себя голову и одновременно сомкнуть голосовые связки:

– Почтальон?!! Ефим!!! Ефиииим!!! ты кого сюда привё… – связки опять разомкнулись.

Назарий устрашился, но чувствуя себя больше зрителем, чем участником, сопереживал председателю – наличие двух вредителей в одной семье Хомяков попахивает тщательно организованной провокацией:

– Спокойно, Нил Евфратович, не нагнетайте! Ефим в суматохе меня перепутал. Однако же инспекции вам всё равно не избежать и не только пожарной, но и налоговой. Мало вам было шашеля, так ещё и тараканы? Кукарача под прикрытием биологического кружка тянет на уголовное дело. И сигнал поступит довольно скоро, письменный. Хотя письмо можно и перехватить, на то и почта! – другого раза не будет, это Назар чувствовал и пошел ва-банк.

– Выйди вон, Ефим!! Почтальон, ты в своём уме?! – голос к председателю временами возвращался, но у Бутербродненко был не лучший день, поэтому он ещё не понимал, насколько хлопчик в своём уме и близок к истине.

Зато Соломон Иванович вдруг вышел из образа аиста, инициативно и решительно поддержал ремонт, замену лестницы, пожарную безопасность и, главное, Полину с напитками категорически не впускать. Её конкурентоспособное телосложение отвлекает клиентов от собственных тараканов. Успокоив председателя рациональным планом, директор безразлично обернулся к почтальону:

– А от кого поступил сигнал, от выигравших или от проигравших?

– От Мухомор Леси Карловны из Хренова, – Назарий состроил добросовестное лицо фискала и припомнил, что в конце пьесы ожидается немая сцена.

– Опять эта бестия Мухомор? – Нил Е. Бутербродненко воздел обе ладони в виде магической козы и безнадёжно испортил немую сцену, хотя его можно понять. – Кто она такая, ты её знаешь, Соломон?

– Соломон Иванович с Лесей Карловной не знакомы и знакомиться не советую, возьму её на себя! Завтра с батей на тракторе приедем лестницу демонтировать, дадите в помощь двух человек, – Назарий решительно сбросил пыльные мокасины и, поджав коленки, умостился на диванчике лицом к стене.

Спать в конторе было душно и беспокойно, хотелось пить. Под утро из дверного проёма выскользнул чёрный силуэтик, старался двигаться бесшумно, и это ему удавалось, но всё равно разбудил. Что-то ему понадобилось в бумагах на столе председателя, сложенных в безукоризненном порядке. Порядок, впрочем, никак и не пострадал. Лунный блик упал на спину в богемном кожаном пальто, на худые конечности и вытянутую пучеглазую голову. Посетитель заметил Назария, вперился в него бесконечным пустым взглядом пропойцы и, прежде чем исчезнуть в выдвижном ящике, коротко представился:

– Сашель!

– Хорошо, что пришёл! Я как раз спросить хотел, клуб загорелся в восемь вечера, а Карловна учуяла дым за два часа до пожара. Есть варианты ответа?

В выдвижном ящике зашебаршило. Ой, хлопчик, пора отсюда двигать! Обеими ладонями смахнув с лица остатки сна, Назарий вышел из конторы, запрыгнул на велосипед и поехал заводить батин трактор.

***

Отделение почтовой связи Курозваны
Чечевикиной

«…И я совсем забыл про Карловну, пока три недели возился с лестницей, мастерил и радовался. Мама называла хозяином, кормила перед армией на год вперёд, ну ты представляешь.

Когда с пенсионной ведомостью приехал в Хренов, зашёл сначала на кладбище, которое перед селом на пригорке. Оградка была оцарапана, земля почему-то разрыта. На сердце похолодело, но работа есть работа, всё по инструкции. Заехал к Карловне домой, заметил, что гроб со двора исчез, постучал в дверь разок-другой… Вдруг слышу шаги и открывает Леся Карловна собственной персоной, похудела только и глаза тусклые. Чуть не пританцовывая от радости, ору: „Граждане пенсионеры, паспорта приготовьте, не то от ворот поворот!“.

Карловна покорно протянула наготовленный паспорт. А я посмотрел на 45-летнюю фотокарточку и сдуру прошептал ей на ухо: „Фрау Флигенпильц, гутен абенд в Хренове!“.

Леся Карловна побледнела и начала оседать. Засуетился над ней уж совсем идиотски, водой прыскал, руками махал, отворил двери настежь. Наконец, она пришла в себя и сказала: „В последний раз пенсию принёс, хлопчик, в военкомат тебе завтра“. Так и случилось, дома ждала повестка, остальное тебе известно.

Заезжай к ней, пока на каникулах? Шестой дом от дороги по правую сторону, из белёного кирпича. Скажи, что я просил проведать. Если не достучишься, спроси у соседей. Или сразу сходи на кладбище, оградка её стоит отдельно под кривой липой. Не бойся, там на пригорке открыто и светло.

Пиши мне чаще про дом, про учёбу и про город, о чём мечтаешь, чего боишься, мне всё интересно. Осенью вернусь, будем веранду перестраивать и вообще расширяться, мужик же! Учиться или работать мне, решим потом. Хотел спросить, а ты капусту квасить умеешь?

Твой Назарий».

НАТАЛЬЯ СТЕРКИНА

В ТЕНИ МОИХ ВЕТВЕЙ
рассказы

БАРАНКИ

В тот вечер топили плохо, вот и достала старый пуховый норвежский платок. Самый тёплый платок на свете. Сидела, читала. Было уже поздно, когда в дверь позвонили. Вошёл, пальто старое, на шапке снег. Бледный. С порога начал жаловаться: холодно, ботинки не греют, обман кругом. Ну, как обычно. Разделся, прошёл к столу. Выставила миску с баранками и вышла на кухню, чайник поставить. Вернулась, а он сидит, закутавшись в платок, улыбается.

– Как хорошо! Согреваюсь.

– Ну, учёбу, по крайней мере, не бросил?

– Приостановил. До лучших времён.

Зашумел чайник, позвал. Когда вернулась, он грыз баранку. Показалось, что в комнате стало ещё холодней и как будто сквозняк. Глотнул чаю и вскочил.

– Извини, ждут меня. Я ж на минутку… Так, проведать.

Сунул несколько баранок в карман и был таков.

Пропажу платка не сразу заметила – допила чай, думая о нём. Клюнул в щёку, небритый, осунувшийся, не везёт ему по-прежнему, не везёт. Чашки вымыла, баранки со стола убрала, за книгой потянулась и осознала – чего-то не хватает. Платка не было ни на спинке стула, на котором сидела, ни на том, где сидел он, ни на диване. В тот момент, когда вошла с чайником, был ли на нём платок? Грыз баранку, улыбался. Было холодно. Да, было холодно. Подошла к окну. Открыто! Это что же, незаметно выбросил в снег? Этаж первый. Сугроб намело. Но ведь не заранее же он всё продумал! Я же скинула платок машинально, движением плеч, когда пошла ставить чайник. Платок пережил столько переездов: комнаты, квартиры, дачи. Был и одеялом, и даже однажды люлькой для новорождённого щенка. Платок – память. Память о людях, которых давно уже нет. От отчаянья он, что ли? Но почему не попросил денег?

По холодной, продуваемой ветром улице, скользя на голом льду, бежали двое. Держась за руки, смеялись.

– Мне бы и в голову не пришло. Думал, денег займу или еды какой-нибудь добуду, а ты… Дерзкая какая.

– А я как увидела эту роскошь на тебе, сразу сообразила, кому и за сколько можно.

– Я-то не сразу понял, чего ты хочешь, когда ты в окно заскреблась.

– Я же на её глазах потихоньку с тебя стянула. Риск и азарт. Ох!

– Я обалдел – она входит с чайником, а ты ещё тащишь, медленно так, медленно.

– Да. А она видит и не видит. Вот как это, скажи? И жутко, и интересно. А ты сидишь, на неё смотришь, баранку грызёшь, а она не в курсе. А кто она тебе, ты говорил, вроде, тётка?

– Точнее, вроде тётки. Она приходила лекции слушать. Кажется, они с преподом нашим учились вместе.

– Да ей лет-то сколько, а всё учится?

– Да, вот так. В общем, вышли однажды вместе, а меня так повело. Грохнулся. Плохо мне было. Оттёрла, к себе привела. Чаем напоила. Ну и уже почти год хожу. Ходил… Хорошо у неё. Было хорошо.

– А что теперь? Она же не заметила! Поди докажи, что ты…

– Да ведь не я! Мне бы и в голову не пришло! Она входит, а платок с плеч моих ползёт, уползает в окошко. А она…

– Ну да, не видит! Хватит. Платок – это вещь. В общем, тряпка.

– Красивая вещь.

– И дорогая.

– Вот именно… Ладно, моя дорогая, кончим этот разговор. Мне туда дорога закрыта. Хочешь баранку?

Глупый, рисковал. А вдруг бы подобрал кто? Хотя, белое на белом… Вот что голод, неустроенность с человеком делают. А я-то хороша, предложила только баранки. Одни баранки…

И ЗВОН ТРАМВАЕВ

Мы шли на рынок обычной дорогой. Безветренно, воздух чистый, хорошая видимость. Вдалеке на остановке трамвай. Люблю трамвайчики.

– Хоть что-то неизменное.

– Да, – подхватила ты,– человеку свойственно держаться за привычки.

Обычный разговор.

Солнце не по-ноябрьски греет. Расстегнул верхнюю пуговицу на куртке.

– Смотри-ка, серп и молот!

Я поднял голову. На сером здании давно закрытой больницы чуть выше облупленного козырька два барельефа-медальона. Да, серп, молот, снопы пшеницы.

– Бедненькие. Забыли их тут. И как это мы никогда не замечали?

– Ну, они же почти сливаются со стеной. Но всё же я заметила!

Ты сказала это, как всегда, немного насмешливо. Твоя приметливость мне известна.

– Шум! – указываешь на тонкую полоску на стенке кастрюли.

Это значит, я неаккуратно и не вовремя снял пену с кипящего бульона.

– Абсолютно неинтересно. Вот наше дерево – другое дело!

Я согласен. Наше дерево – великан, мы зовём его Боцман. Стоит, широко расставив стволы-ноги, высоко подняв ветви-руки.

Как всегда, ты погладила рукой ствол, приложилась щекой к коре.

– Смотри, крокодильчик!

На средостенье кто-то нарисовал небольшую рептилию. На солнце зелёная краска казалась лаковой.

– Он всегда тут лежал!– заявила ты.

– Нет, – почему-то вскипел я, – нет, неправда! В прошлый раз его не было!

– Ты просто не замечал.

Я разнервничался, стал что-то доказывать. Мы топтались возле дерева, пререкаясь. И тут появился он. Маленького роста. Во всём чёрном: пальто, шляпа, лаковые ботинки.

– Алёшенька!

Про Алёшеньку я слышал все тридцать пять лет. Вот, если встречу, уйду к нему. Убегу от тебя к Алёшеньке. Всю жизнь был номером два. Но не появлялся Алёшенька, не звал. А тут…

Ты рванулась, хотела поймать за рукав. Человек же, не обращая внимания, шёл своей дорогой.

Я запомнил морщинистое лицо, смуглую кожу.

Я крепко схватил тебя за руку, развернул и повёл к дому.

И вот теперь ты меня постоянно хвалишь.

– Какой, ты, Алёшенька, внимательный. Как с тобой легко. Нет, ты не думай, Мишенька очень хороший, но такой рассеянный, такой рассеянный.

Ждала и дождалась. Какое счастье! Теперь никакого соревнования с неведомым соперником. Я – номер один.

На рынок той дорогой мы больше не ходим – мало ли что навеют серп и молот, Боцман и звон трамваев.

ПРОСТИТЕ ЗА ЛЮБОПЫТСТВО

– Обетное, – объяснила она.

А меня заворожило круженье, подпрыгивание, перекатывание клубка.

– Следующий!

Видела только коричневую юбку, болтающуюся на локте большую сумку. Вышла она быстро. Улыбается, листочки какие-то сворачивает, складывает.

Моя очередь.

– Настырная какая! Общественница.

Пожилой врач-невропатолог повертел головой, будто стряхивая паутину. Выдержав паузу, переключился на меня.

Вечером поехала к тётке. Сиделка, одна из трёх, я их не очень различаю, открыла дверь. Забрав пакеты, ушла на кухню.

– Привет!

Тётка, умытая, причёсанная, полусидит, опираясь на подушки. На ногах вязаный мягкий плед цвета беж.

– Что-то не так, Любовь Васильевна?

Видимо, я неприлично уставилась – сиделка смущённо поправила волосы.

– Нет, нет, я просто задумалась.

Может, это она вязала утром в поликлинике?

Или другая, третья? Не помню лиц, совсем не помню! Почему я не обратила внимания, что дважды мне ответили на незаданный вопрос? Где было моё любопытство? Когда оживает, я ведь обычно сразу беру след и гоню жертву, пока не получу своего.

А вот сейчас оно проснулось, потянулось, встаёт, огромное, на задние лапы. Голодное, злое, ехидное любопытство.

Но что я ему дам? Чем накормлю? Тётку не спросишь – паралич. У сиделки не узнаешь – неловко.

«Обетное», – сказала та вязальщица. Обещала творить добрые дела во искупление? Но за какие грехи? Причём тут тётка? Не узнать. А так хочется! Любопытство сжимает горло, душит.

– Дайте, пожалуйста, воды.

– Сейчас-сейчас, Любовь Васильевна. Вам плохо?

Да, да, плохо мне! Никакой зацепки – только плед на ногах тётки, прыгающий клубочек перед глазами, да навязчиво звучащая в памяти песенка: «Куда бежишь, тропинка милая…».

В ТЕНИ МОИХ ВЕТВЕЙ

– Встретимся у Высоцкого, – сказала Марина.

Тем летом в Калининград повлекла меня тоска – тополиный пух надоел не меньше сигаретного дыма. Засиделся я дома. И ломанулся, как положено барану, в ворота. По счастью, открытые. Кёнигсберг, Кёнигсберг – любимая Балтика, родной «туманный запад». Самолёт – хорошо, а олени лучше. В данном случае, плацкарта, удалось вырвать последний билет. Соседи – расписной беззубый тип с кроткой полоумной женой, к которой он, кстати, со своеобразной нежностью относится, и интеллигентная дама с немолодой интеллигентной дочкой. С верхней полки боковушки хорошо наблюдать. И вот в этом милом аду – Марина. Девушка с левретками. Остроухие тонконожки влюбили в себя мгновенно. Стало так хорошо, как будто стою перед левкасом художника Данилы Ж, любуясь кракелюром.

На вокзале заводчица Марина передала Хану и Кали новым хозяевам. Нам они понравились. Точнее, Марина их знала, а я просто высказал своё мнение, чай не чужие.

– У Высоцкого, – сказала Марина. Я оценил её милое лукавство, ведь успел кроме имени сообщить ей и возраст, сорок лет. Оказалось, тёзка и ровесник её брата, с которым вместе собачками занимаются. Она на десять лет моложе, Телец, о гороскопах поговорили, кстати.

Так, где же у них тут обретается Владимир Семёнович?

– В Парке, – сообщил мне парень с дредами. От Южного вокзала пешком далековато будет. Он, кстати, сразу, признав странника, дал адрес ночлежки, подходящей под названием хостел «Лев Толстой». – Это на Луизеналлее, – добавил он, – теперь Комсомольская, там красиво, не пожалеешь.

Да и пошёл я неспешно, благо был налегке, мимо Зоопарка, по проспекту Мира. Смотрю я сейчас на себя тогдашнего – сорокалетнего инфантила – и понимаю, как уже в тот миг мне начинало везти.

Высоцкий… Совсем не такой, как у нас на Ваганькове. Присел на ступенечку, правая рука на грифе гитары, левая – расслабленно – на колене. Медно-рыжий оттенок у брюк и ботинок. Ворот чёрной рубашки расстёгнут. Портретное сходство? Пожалуй. Но, кажется, этот чуть простоват. Здесь к нему, как мне сказали, особое отношение – последний гастрольный концерт! Калининградцы, получается, присутствовали при завершении земного пути.

Марина пришла вовремя, но заметил я её не сразу – всё ходил вокруг памятника, думал о родителях, вообще, об их поколении, кем был для них Высоцкий?

А она на меня смотрела. Позже сказала, что ещё в поезде заметила одну мою характерную чёрточку: такую гримаску, лёгкое подёргивание щекой. Обаятельную чёрточку, как она сказала. А в этот момент и полюбила. Я был тронут, обрадован – что-то во мне полюбила.

Остаться со мной на два дня Марина решила сама. Я бы не осмелился предложить – боялся отказа. Но это было уже на следующий день. А тогда Марина повела меня на набережную. Шли к острову, ели мороженое, болтали. И ничего другого я тогда и не желал. Постояли у могилы Канта, посоревновались в точном цитировании Булгакова.

Вечером Марина отправилась на ночёвку к собаке из прежнего помёта – Зуле. Ну а я к Толстому. Напоследок Марина назначила мне встречу. Давай, сказала, погуляем до поезда.

Улица и вправду оказалась замечательная, зелёная, со старинными домами. На нужном мне – граффити. В садике гамак, столик. Уютно.

На ресепшне парень с хвостиком, улыбчивый. Заселяется путница с гитарой. Седоватый пучочек на затылке.

– Я могла бы для вас маленький концерт. Хотите?

Она предлагает, парень вроде, соглашается, если, мол, соберутся.

– В девять? Да? В девять?

Скинув, как здесь положено, обувь, она удаляется с ключом.

Я оформляюсь мгновенно. Через десять минут уже пью чай в компании девчонок из Томска и парня из Питера.

Завтра – Марина. И уже потянуло вслед за ней в больную, тяжёлую Москву. Что мне здесь без неё?

Просто чудо, что меня не заметили. Я сидел в так называемой гостиной, комнате, набитой книгами Толстого и картинками, в уголке. Было достаточно темно. Женщина с гитарой вошла и села за столик – ждать публику. Я не шевелился, она тоже. Минуты бежали. И мы услышали, как парень, которого здесь называли «повар» – я узнал его голос – сказал, не, не пойду. Старуха – точно графоманка. Кто-то возразил, кто-то засмеялся. И увидел я, как на цыпочках, сгорбившись, убегала женщина, стараясь не задеть струны.

И тут меня накрыло. Заколотило, задёргало. Слёзы вскипели. Представил я себе, что кто-то так говорит про натюрморты с цветочками моей матери. И это она семенит, согнувшись, куда-то в норку бежит плакать.

Где она, эта женщина? Лежит, отвернувшись к стенке? Или тихонько сидит в садике? И ведь не подойти, не погладить по голове. Боюсь. Не умею.

В четырнадцать лет от «мамуси» сразу перешёл к резкому «мать». Так и осталось…

Утром рассказал всё Марине. Вот после этого она, как-то уладив с братом, решила остаться.

В Москве вдруг выяснилось, что я вырос. То есть стал соответствовать своему паспортному возрасту. Стал каждый день звонить родителям, по-взрослому ухаживать за Мариной. А это ей не понравилось. Удивило. Рассердило. В результате нас быстро отнесло друг от друга.

Да, я сейчас один. И, возможно, так и останусь один навсегда. Но ведь чувствую я себя таким крепким деревом с густой кроной: и в теньке посидеть, и лошадь привязать. В общем, как говорят мне ближние-присные, мать в том числе, надёжный я, верный, крепкое плечо.

Я открыт ветрам, рад солнцу, дождю и птицам, но иногда, чаще всего в серенький тёплый день, вспоминаю себя у Высоцкого, те минуты, когда я рассказываю Марине о женщине с гитарой. Я помню тот яркий, режущий глаза свет, ту странную боль, ведь на меня плеснули живой водой. Ничего сильнее я до того момента не испытывал. Да и сейчас знаю – это был пик. Выше мне не взлететь. Но пусть так. Спасибо, что так. И, может быть, Марине когда-нибудь понадобится отдохнуть в тени моих ветвей.

СКАНДАЛ

Всё тот же чибис у дороги. Его перьями не набьют подушку, никто его чибисят не тронет. Напрасно волнуется.

Ты напевал песенку, распутывая леску. Готовился к рыбалке. Я читала.

– Послушай только, что Бальзак писал: «Лишь немногие женщины знают, как трудно жить большинству мужчин, которым надо упрочить своё положение, приобрести известность, составить своё себе состояние». Первая половина девятнадцатого! И он прав! Я, например…

Встала, потянулась и наткнулась на твой взгляд. Ты вдруг сделался похож на свёкра: те же залысины, острый нос. Я ещё улыбалась, но уже подняла руку, защищаясь. Расставив ноги, грозя пальцем, ты заорал:

– Ты не знаешь? Это ты-то не знаешь?

Твой отец яростно воевал против меня. Моя мать помогала тебе. У каждого были свои резоны, каждый отстаивал своё. Мать хотела разбогатеть, в тебе она нашла единомышленника. Занялись ловлей рыбы в мутной воде. В буквальном смысле. Браконьерство, купля-продажа. Она посоветовала тебе никогда не говорить о деньгах, просто создавать комфорт, приучать к себе. И не ошиблась – потихоньку ты приручил меня. А твой отец… Он просто присмотрел для тебя другую: дочь нужного человека. Классика! Но тебе понадобилась я. И ты шёл напролом. Когда мы уже были вместе, свёкр попытался раскрыть мне глаза на ваши с матушкой экономические эскапады, намекал даже на ваши слишком родственные отношения. Но всё мимо – я ведь уже согласилась на тебя. Перестала щупать ногами дно, хвататься за бортик – плыла рядом, в твоём темпе. Твой отец докучал мне, как тренер, который так и не научил не бояться глубины. О рыбе, путине вы с матушкой говорили часто, сменялись только названия рек, цифры. Я слышала что-то, конечно, но не вникала, нет. Зачем?

Ты мне ни в чём не отказывал, сопровождал повсюду, конечно, когда не бывал занят. А занят ты был постоянно…

Наш бездетный союз был спокоен и крепок. Один за другим ушли твой отец и моя мать.

Уже несколько лет ты не ездишь в длительные командировки, мы подолгу живём на даче.

На какую больную мозоль я случайно наступила? Каких демонов вызвала?

Я не помню, в чём упрекал меня ты. Я не помню, в чём винилась, как оправдывалась. И вот теперь, скуля и обливаясь слезами, зализываем друг другу раны. Дом рухнул. Да здравствует голая земля!

МИФЫ АВСТРАЛИЙСКИХ АБОРИГЕНОВ

в переводах Вероники Коваль

ЭПОХА СНОВИДЕНИЙ

Два тома мифов австралийских аборигенов были изданы полвека назад в Сиднее на английском языке. Собиратель Чарльз Маунфорд пересказал малую толику мифов различных племён. В них зашифрованы взгляды коренных жителей Австралии на происхождение земли и жизни на ней, на космические явления, на возникновение племенных моральных законов.

Коренные австралийцы верят, что была в далёком-далёком прошлом «The Dreamtime» – «Эпоха сновидений», когда гигантские создания, «вечные герои», после долгого бездействия начали бродить, создали горы и реки, равнины и буш, а затем создали неких существ. Те со временем разделились на людей, животных и птиц.

Небесные светила – тоже одушевленные создания. Например, некоторые племена считают звёзды непослушными девочками, которые за плохое поведение были превращены в камни и закинуты не небо. Души умерших, по поверьям, отправляются в путешествие к будущему вечному дому – на небеса, где всегда хорошая погода, вкусная пища, много друзей. На вершинах холмов, в кронах деревьев, по берегам рек, как говорится в мифах, обитают крошечные духи детей. Они присматривают себе матерей, и если приглянулась женщина, входят в её лоно…

Вообще мифов о женщинах много. И каких поэтичных! Я перевела несколько. Из них явствует, как аборигены представляли роль женщины в семье, в общинной жизни и даже в системе мироздания.

В.К.

ЛЕГЕНДА О ТАНЦУЮЩЕЙ ДЕВУШКЕ

Бролгу любило всё племя, потому что она была весёлой и хорошо танцевала. Обычно танцевали только мужчины, а женщины отбивали ритм ладонями по земле. Но Бролге разрешалось танцевать самой. Слава о ней разнеслась по другим племенам, и те приходили полюбоваться на неё. Многие мужчины хотели взять Бролгу в жёны, но она только смеялась.

Злой колдун, змей Нонега, настойчивей всех домогался девушки. Но старейшина племени сказал, что из-за его дурного характера они не отдадут Бролгу ему в жёны. «Если я её не получу, она не достанется никому», – ухмыльнулся змей.

Однажды девушка в одиночестве танцевала неподалёку от стоянки. Вдруг налетел смерч. Из него выскочил Нонега. Он выл, творил заклинания, всё ближе подбирался к Бролге и накрыл её тучей пыли.

Когда вихрь улетел, вместо девушки появилась хорошенькая птичка. Она махала крыльями так, как машет руками танцовщица.

Соплеменники увидели танец птички и закричали: «Бролга! Бролга!». И казалось, она понимает их, приближаясь и танцуя всё красивее.

С тех пор аборигены называют эту птичку Бролгой и рассказывают детям, как прекрасную девушку превратили в прекрасную птицу, которая постоянно танцует возле стоянок.

ГУЛАГАЙЯ И БЕЛЫЙ ДИНГО

Бездетная Гулагайя сгорала от зависти к более везучим женщинам. Её единственным спутником был белый динго. Была Гулагайя большой сплетницей, часто ссорила мужей с женами, матерей – с подрастающими детьми. А малышей она игрушками или едой заманивала в чащу.

Однажды, после ужасной ссоры с женщиной по имени Налук, Гулагайя решила ей отомстить, сильно напугав. Она утащила ребёнка Налук и оставила под кустом на берегу, думая, что его вскоре найдут по крику. Но ребёнок умер.

Этот случай так взбесил аборигенов, что они убили злодейку и её пса и бросили на дно лагуны. Однако там оставались только тела, а два духа поселились в кроне дерева на берегу. Каждый вечер они покидают убежище и блуждают по бушу, норовя украсть заблудившихся детей. Но это удаётся им редко, потому что дети напуганы рассказами взрослых и стараются не уходить от огня на стоянке.

МАЛЕНЬКАЯ УЛДАНАМИ

Однажды молния ударила в сухое дерево, и пожар охватил весь буш. Женщина по имени Улданами попыталась спасти двух маленьких сынишек. Но огонь подбирался к ним. Тогда Улданами забросила детей на небо, чтобы они там переждали несчастье.

После пожара мать начала искать детей, веря, что они вернулись на землю. Она искала их днём и ночью. Печальный крик её эхом отзывался в горах. Тогда духи превратили Улданами в кроншнепа, который стонет по ночам. Когда аборигены слышат этот странный зов, они находят в южном небе две блестящие звёздочки и рассказывают детям о маленькой Улданами.

ПЕРО ЧЕЛОВЕКА-ОРЛА

Когда-то человек-орёл Вилду жил со своими молодыми жёнами-пустельгами на плодородной равнине. Как старейшина, он должен был посвящать своих племянников в обычаи своего племени. Но видимо он перегибал палку и так их «достал», что они пронзили дядюшку копьём. Мучась от боли, Вилду улетел на север и там умер. А племянники стали верховодить в племени и украли его жён.

Однако пустельги смогли выбраться из плена. Они долго летали и звали мужа. Наконец они увидели его перо, парящее над землёй. Поднявшись выше, жёны разглядели приближающуюся с севера страшную бурю. Она несла множество орлиных перьев. Затем они увидели и своего мёртвого мужа. Жены пели над ним магические песнопения до тех пор, пока он не вернулся к жизни.

Когда Вилду узнал о проделках племянников, он решил их уничтожить. Но жёны попросили его смилостивиться. Тогда он просто превратил их в ворону и сороку.

СРАЖЕНИЕ ОБЛАЧНЫХ ЖЕНЩИН

У женщин племени Вакалу кто-то украл бумеранги. А бумеранг делает человека сильным, поэтому он – предмет гордости. Над тем, кто терял его, племя смеялось. Когда у женщин пропали бумеранги, они перессорились. Каждая обвиняла других. Почему-то им не пришло в голову, что так их разыграли мужчины. Ругались они, ругались, колотили друг друга, щипали – до тех пор, пока их ветром не унесло на небо. Но они этого не заметили и продолжали драться. А кровь из их ран превращалась в алые облака.

Сейчас, когда аборигены видят яркий закат, они переговариваются: «Опять женщины Вакалу дерутся. Но скоро они забудут свои глупые ссоры и помирятся».

ЖЕНЩИНА-СОЛНЦЕ И МУЖЧИНА-МЕСЯЦ

Когда мир был молодым, аборигенам жилось очень трудно. Не найти птицу в темноте, не сварить, даже если найдёшь. Однажды Пурукупали, первый человек, и его товарищ Джапара потёрли две палочки друг о друга, чтобы посмотреть, что получится. И получили огонь. Они поняли, что сделали что-то очень важное для соплеменников. Тогда Пурукупали дал большой факел своей сестре Вурьюпранала, а маленький – Джапаре и сказал: «Что бы ни случилось, огонь не должен погаснуть».

Когда время созидания подошло к концу, мистический народ превратился в природные силы – горы, иные творения. Тогда Вурьюпранала стала Женщиной-Солнцем, а Джапара – Мужчиной-Месяцем.

Утром, когда встаёт Женщина-Солнце, аборигены покидают стоянки и ищут пищу в зарослях, в горах, в заливах. Когда Женщина-Солнце в зените, становится так жарко, что можно готовить еду, но только в тени, чтобы не обгореть. И так до того часа, пока Женщина-Солнце не уйдёт за горизонт. Тогда Мужчина-Месяц с маленьким факелом отправляется в путешествие по тёмному небосклону.

КАК ЛЮДИ СТАЛИ СМЕРТНЫМИ

Когда мир был молодым, смерти не было. Она появилась по вине женщины по имени Бима и её любовника. У Бимы был сын Джунини, которого её муж Пурукупали очень любил. Каждое утро мать с ребёнком уходила добывать пищу. Вечером они возвращались на стоянку, и отец играл с сыном.

Один неженатый мужчина постоянно преследовал Биму. Он уговаривал её оставить ребёнка в тени дерева и пойти с ним в заросли. Долго женщина не соглашалась, но однажды всё-таки уступила. В один знойный день Бима с любовником очень долго были в зарослях. Когда они вернулись, Бима, к ужасу своему, увидела, что тень уползла, а Джунини лежит под раскалённым солнцем бездыханный.

Когда отец узнал о смерти сына, он пришёл в ярость. Жену он сильно наказал. А сам, взяв на руки тело ребёнка, вошёл в океан и утопился. В последний момент он решил: если его сын умер, пусть все люди будут смертными. Так повелось с давних пор и до наших дней.

ЯЩЕРИЦА И БЕЛЫЙ КАКАДУ

Нарину, жену человека-орла Уруми, долго соблазнял соплеменник Калпуруна. В конце концов она не устояла и ушла с ним в чащу. Как же отомстил Уруми любовникам? Он выждал какое-то время, потом отправился с Калпуруна за мёдом. Залезли они на дерево, а там дупло. Уруми послал спутника достать оттуда мёд. А когда ужаленный Калпуруна упал с дерева, Уруми придал ему обличье ящерицы. Нарину же превратил в белого какаду, и с тех пор она перелетает с места на место, горестно оплакивая любовника.

НЕПОСЛУШНЫЕ ЖЁНЫ

От вождя племени, Нурундери, убежали жёны, которые были сёстрами. Они находились недалеко, потому что он видел их следы на песке и слышал смех, когда женщины гонялись друг за другом в мелких бурунчиках. С вершины утёса Нурундери увидел жён, которые бежали на Кенгуриный остров по гряде валунов. «Пусть море покарает того, кто осмелился покинуть меня!» – крикнул Нурундери громовым голосом. Тотчас поднялись огромные волны и поглотили непослушных жён. А их тела превратились в два острова. Большой Пейдж – это старшая сестра, Малый Пейдж – младшая.

ЛЕДЯНЫЕ ДЕВЫ

У многих племён есть мифы о созвездии Плеяды. Некоторые видят в нём стадо кенгуру, которых сбросили псы созвездия Орион. Другие видят в них группу камедных деревьев, под которыми находят приют души, ищущие дорогу в свой вечный дом. Некоторые верят, что эти звёзды – семья молодых девушек, и называют созвездие – Семь сестёр.

По преданию, они отличаются невиданной красотой. Их длинные льняные волосы спадают волнами, а тела покрыты сияющей ледяной глазурью. Их мужья – звёзды Ориона.

На исходе зимы Семь сестёр появляются в небе на востоке. Морозные блёстки, осыпающиеся с их тел, накрывают землю скатертью из инея. В определённый день подросшие мальчики и девочки покрывают этим инеем свои голые тела. Этот ритуал превращает мальчиков в сильных удачливых охотников, а девочек – в прекрасных женщин с налитыми грудями. Но они должны в это время прятаться от солнечных лучей. Если морозная глазурь растает, они потеряют силу и красоту.

«ОКОЁМ»

ВИТЕБСКИЙ ЛИСТОПАД. ЮБИЛЕЙ

Открытый фестиваль авторской песни, поэзии и визуальных искусств «Витебский листопад» – не просто событие, которое традиционно привлекает к себе внимание людей творческих в Беларуси и далеко за её пределами, но и особая марка, отличительный знак, музыкально-поэтический бренд, если хотите, способный поднять с дивана даже самого ленивого любителя поэзии и авторской песни. Тем более, если фестиваль юбилейный, тридцать пятый, например. Тогда к нему подтягиваются все старые друзья и новые почитатели, мэтры и начинающие таланты, любопытствующие зрители и преданные поклонники. А тот, кто случайно пропускает его или оказывается ленивей ленивого, потом весь год кусает локти, слушая рассказы участников, и нетерпеливо посматривает на обведённую красным карандашом дату в календаре наступающего года. Ждёт грядущего «Листопада».

Юбилей требует к себе особого, трепетного отношения. Юбиляр ждёт подарков и радуется им, словно ребёнок. В этом году у него появилось дерево – Дерево жизни «Витебского листопада». Идея возникла давно, но исполнить её удалось только сейчас. Дело в том, что историю фестиваля, корнями своими уходящего ещё в Советский Союз, конечно, хотелось бы зафиксировать документально, а лиц, внёсших особый вклад в его развитие по-особенному и отметить. Теперь их имена гравируются на листьях исторического дерева, а об их заслугах можно прочесть в прилагаемой к дереву книге. Литературно-художественный журнал «Южное Сияние», в течение пяти последних лет оказывающий информационную поддержку фестивалю, тоже занял своё почётное место на одном из листьев. С чем мы его и поздравляем.

Теперь о мероприятиях. И сосредоточимся на поэзии, так как нас она интересует в первую очередь. Фестиваль начался 15 октября «Турниром поэтов» на верхней площадке музея «Духовской круглик». Баталии развернулись нешуточные, продолжались почти два часа и выявили победителя. Им стал Павел Соловьёв из белорусского города Гродно. Вечером в Концертном зале «Витебск» состоялось официальное открытие XXXV Открытого фестиваля авторской песни, поэзии и визуальных искусств «Витебский листопад», которое вместило в себя начало работы импровизированного «Уличного кафе» со свободным микрофоном, открытие выставки живописи витебского художника Валентины Ляхович и вечерний концерт авторской песни и поэзии.

16 октября 2021 года прошли финалы во всех конкурсных номинациях: «Поэзия», «Авторская песня», «Визуальное искусство», «Исполнительское мастерство». Поэты читали конкурсные подборки в конференц-зале Центра культуры «Витебск». Те, кто не смог приехать, участвовали в конкурсе дистанционно – в zoom-конференции или, если не было возможности подключиться, подборку финалиста зачитывал представитель организатора фестиваля. То есть, каждая финальная подборка обязательно была представлена на заключительном этапе конкурса. В результате работы компетентного международного жюри (11 человек из 5 стран мира) места распределились следующим образом:

Номинация «Поэзия. Свободная тематика» (из 27-ми финалистов):
1 место – **Павел Соловьёв** (Гродно, Беларусь)
2 место – **Елена Лещинская** (Магнитогорск, Россия)
3 место – **Виктория Соколовская** (Полоцк, Беларусь)

Номинация «Поэзия. Стихи для детей» (из 17 финалистов):
1 место – **Клавдия Петрушенко** (Лошницы, Беларусь)
2 место – **Наталья Партолина** (Витебск, Беларусь)
3 место – **Елена Пальванова** (Москва, Россия)

По окончании финалов в «Уличном кафе» прошёл концерт памяти бессменного ведущего «Свободного микрофона» последних лет Виктора Пахомчика, безвременно ушедшего от нас в прошлом году. Было грустно и тепло.

Призы и дипломы лауреатам вручали на гала-концерте. Здесь же развернулась интрига по определению обладателя гран-при фестиваля – специальной награды «Признание». Им стал московский автор-исполнитель, поэт Дмитрий Курилов. Финалистов поэтических номинаций ждал сюрприз – призы от литературных изданий, оказывающих информационную поддержку фестивалю. Литературно-художественный журнал «Южное Сияние» (Одесса) наградил публикацией конкурсных подборок пятерых счастливчиков: Екатерину Кузнецову (Брянск, Россия), Дмитрия Курилова (Москва, Россия), Олега Селютова (Белокуриха, Россия), Леонида Шура (Витебск, Беларусь) и Андрея Шуханкова (Новополоцк, Беларусь).

Завершился фестиваль 17 октября, в воскресенье, в круглом зале Концертного зала «Витебск» большим поэтическим концертом «Ключ от седьмого неба». Это уже традиция – заканчивать программу поэтическим концертом, где выступают организаторы, лауреаты и члены жюри номинации «Поэзия», известные витебские авторы-исполнители и почётные гости. Расставались со слезами на глазах.

Но «Витебский листопад» обязательно соберёт всех снова, в следующем году, в золотое время витебской осени, когда город невероятно красив и притягателен. Обведите весь октябрь 2022 года красным карандашом, чтобы точно не пропустить. Ждём.

Член организационного комитета
Открытого фестиваля авторской
песни, поэзии и визуальных искусств
«Витебский листопад»
Олег Сешко

ЕКАТЕРИНА КУЗНЕЦОВА

Брянск

БЕССМЫСЛЕННЫЕ СТИХИ

Я с детства не любил овал!
Я с детства угол рисовал!
Павел Коган

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Безоблачен июньский штиль:
Квадрат окна вмещает небо,
А глупый мотылёк нелепо
Танцует по стеклу кадриль.

Лишь штора нервная дрожит
На сквозняке, как в непогоду,
Сквозь арок пластиковых своды.
И, кажется, застыла жизнь,

И не причалить к берегам –
Ты пустотой насущной полон.
И плед, как ласковые волны,
Качает на обломках драм.

Чем упокоится душа?
Итог, по сути, неизбежен.
Не разобрать – что жил, что не жил.
Ты там не стоил ни гроша.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Ты там не стоил ни гроша.
Не разобрать – что жил, что не жил,
И летний рай манит всё реже,
Воспоминанья вороша.

Затишье зимних холодов
Сменилось детским перезвоном.
Под звук оконных патефонов
Плывёшь по рекам чьих-то слов.

Со временем оценишь куб –
Незыблемость всех мер и правил.
А там, на круглой переправе,
Не уловить – кто хитр, кто глуп.

Но люстры трепетный маяк
Зовёт за каменные стены,
И ты цепляешься за верность
И неизменность бытия.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

И ты цепляешься за верность
И неизменность бытия.
Благословенные края
Вдруг потеряли соразмерность.

Оборотив дороги вспять,
Застыло лето в диораме:
Вот пара мух на пыльной раме
В квадрат окна глядят опять,

Паук лениво сучит нить,
Тенётой сглаживая угол.
А где-то мир летит по кругу,
Себя пытаясь изменить.

Но в кольцах душной суеты,
В узде сферического рабства
Есть многогранное пространство:
Дом, комната, окно и ты.

ДМИТРИЙ КУРИЛОВ

Москва

КОСТРОМА

В ручейках утонули кораблики.
Небеса, покачнувшись, уплыли.
Мою маму три раза ограбили.
Мою родину – похоронили.

Мы поставили дверку железную.
Мы укрыли окошко решёткою.
Помянули её бесполезную
И залили, как водится, водкою.

И ушли переулками шаткими,
Растекаясь долинами низкими,
Где сороки трещат демократками
И дворняжки глядят коммунистками.

***

Верность этой земле – для меня не пустые слова.
Я приплыл бы сюда без руля, без ветрил и без карты.
Чётко врезалась в память опавшая эта листва,
горечь этой полыни, берёз чёрно-белые кадры.

Этот северный сон никогда не закончится. Быт
здесь наглядней и проще, чем в центрах помпезного рая.
Здесь недавно угас домострой, да и палеолит
был не так уж давно, а тем паче – изгнанье Мамая.

В голосах моих предков слышны и болезнь, и печаль.
В ожиданьи последнего вздоха, последнего чуда
здесь немало нарублено дров сгоряча. Сгоряча
и стаканы летят, и хорошая бьётся посуда.

По сравненью с варягами мы – как огонь пред водой,
но огонь остывает, и горько томиться похмелью.
Наши рыхлые пашни питались кровавой войной,
отмывались слезами, баюкались долгой метелью.

А на белом снегу так отчётливы наши следы!
Наши тени скользят вдоль заборов – их не перегнать нам.
За заборами гаснут вишнёвые наши сады,
и глаза привыкают к зияющим дырам и пятнам.

ВОРОБЬЁВ

«Зачем же вы уснули, дурачьё?» –
кричал Филиппов посреди спектакля,
напудренный парик в партер кидая.
Парик летел, как бабочка седая.
Партер безмолвствовал, и лишь один Орлов
метнулся прочь в панической атаке.
Филиппов снял запачканный камзол
и тоже кинул. Бледный Соколов
схватил его, надел и стал артистом.
Парик меж тем неспешно долетел
до Аллы Кузнецовой и возглавил
её главу. Она преобразилась
в старуху и достала свой лорнет,
упершись взором в действие на сцене.
А там Филиппов уж снимал порты,
сорочку с кружевными рукавами,
кальсоны, майку с надписью «Fuck you!»,
остановившись на линялых плавках,
он стал похож на горе-культуриста,
чем вызвал одиночные хлопки
стоявшего за сценой Тишинкова.

Тот вынул бутафорский пистолет,
как фокусник, из декольте Смирновой,
решительно к Филиппову прошёл
и выстрелил, чем напустил туману
в и без того запутанный сюжет.
Филиппов замер… задрожал… завыл
какую-то таинственную песню.
Его зачем-то поддержал оркестр,
доселе спавший в оркестровой яме.
В партере стали тихо танцевать,
сломав по ходу несколько сидений.
Петров решил, что это чересчур,
и вырубил на сцене освещенье.
Вся сцена погрузилась в полумрак.
Филиппов, Тишинков, да и Смирнова,
с поклоном удалились наконец,
оркестр затих, и Алла Кузнецова
сняла парик и убрала лорнет.
И режиссёр, валокордин глотая,
пошёл готовить нитротолуол.
Уж занавес пополз, и Полупанов
в суфлёрской будке крикнул: мол, конец,
но зрители всё ждали продолженья.

…Вот тут-то и явился Воробьёв.

———

ОЛЕГ СЕЛЮТОВ

Белокуриха, Россия

ЛЕС

Я в лес ходил, как в храм.
Шершавые колонны
Тянули к облакам
Разлапистые кроны,

Сходились надо мной
Ячейками в кроссворде,
Но был мне как родной
Их голосеменной
Сквозной суровый ордер.

На переломе дня
Ловили в перекрестье,
И пели для меня
Травинки и созвездья.

Резьбу сосновых крон
Читал я, будто книгу,
И бил земной поклон
В любую из сторон,
Увидев землянику.

Когда пришла пора
Мне сделаться печальным,
Я запер этот храм
Почтительным молчаньем,

Покуда первый лист
Не посулит мне таинств,
И комариный писк
Не сложится в акафист.

КОРШУН

Искупавшись, ляжем
У степной реки –
Над песчаным пляжем
Ровные круги

Чёрный коршун чертит
Сдвоенным серпом
В небе предвечернем
Мутно-голубом,

Будто охраняет
До снотворной тьмы
Все подходы к раю
От таких, как мы.

***

Я спросил у свободного ветра…
К. Бальмонт

Я спросил у свободного ветра –
Для чего все духовные недра,
Отчего так тоскует душа
И ответил мне ветер электро-
Механическим звоном в ушах,

Что душа-де тоскует о горнем
Мире – там её тонкие корни,
Солнце вечное светит над ним.
Там играет на мятой валторне
Сизокрылый седой серафим,

Под деревьями райского сада
Тонким кружевом тени дрожат,
И ложится меж ними душа –
Ничего-то ей больше не надо.

АНДРЕЙ ШУХАНКОВ

Новополоцк, Беларусь

НЕ ЗАВТРА…

Я опять не сказал, что приеду не завтра с утра:
что поделать, я, видимо, падок на эти сюрпризы.
Вечер медленно гасит закатные блики костра –
небосводное зарево вновь пеленается в ризы,
потемневшие для недоверчивых слабых людей,
коим без году день до заветного белого света.
Закрываю глаза на пороге железных путей,
что фрахтуют мой сон неспокойный посредством билета.
Я привык к поездам, и они не враждуют со мной:
расстояние мерится временем мерного стука.
– О, колёсный шансон, я храню у себя за спиной
бессердечное слово, которому имя – разлука,
та, что ты сокращаешь в прокуренном тамбуре; та,
что грызёт моё сердце, как мышь очерствелые корки;
та, что невосполнима ничем, как в груди пустота,
как безумье Дали и отчаянье Гарсиа Лорки…

В ИЛЛЮЗИЯХ НЕБЕСНОГО КОСТРА…

Я образностью странной потревожен.
Она клинком калёным прочь из ножен
души летит, пронзая полумрак…
Так пишет друг, когда у дома враг,
и некому помочь, и обратиться
возможно в тело неспокойной птицы,
чтоб улететь за тридевять земель,
где пьёт природа потаённый эль
и произносит древние заклятья.
Там, малахитом загоревшись, платье
спадает с белизны красивых плеч,
чтобы, возвысив, непременно сжечь
мой взгляд, мерило сущности лукавой,
но он же первый камень переправы
на сторону, где выцвели луга,
где киселя не знали берега
и лишь цветёт, зашёптанный на воду,
Иванов чай, спасающий по броду
идущего, как будто не к тебе,
растрёпанного странника.
В окне
твоих зрачков неотразимо время…
Мы слишком растворившееся племя
в иллюзиях небесного костра,
в агонии низложенного счастья,
в забвении грядущего ненастья,
непостижимо прошлое любя…
и я читаю наизусть себя,
как назиданье шедшему по следу,
по медленной галактике соседу:

– Мол, так и так, успеешь повернуть
ветрила смерти – переправишь путь
на сторону, где каждому дано,
своим делам определяя дно,
построить дом, в нём заселить чердак
собой и наслаждаться кое-как
судьбой…

ВИВАЛЬДИ…

Звала его – Осень,
пока за окном шёл дождь,
на хмурых деревьях с утра проступала дрожь,
и тихо кидала листвы обречённой медь.
Звала его – Осень,
а осень – немного смерть…
Безжизненно прожит,
прошёл невозможный день.
Что миг перемножит? –
лишь свет на свою же тень.
Но смутно, сквозь пальцы,
вчерашним осколком сна,
звала его – Лето,
меняя лишь имена…
И снилось – не снилось,
и верилось, не сбылось.
И рюмка разбилась,
сместилась земная ось.
Недозамечая
затянутых луж сама,
ребёнком играя,
его назвала – Зима…

А дальше не вспомнить –
сорвался, как с крыши снег.
Не смея исполнить
мечты, начинался бег
под радостным ливнем,
по ветреным небесам,
влюблённым, наивным
себя называя сам…

И лишь за спиною
следы обращались в прах…

Ты станешь Весною,
сквозило в её глазах.

Я стану не нужен,
стекал по щекам ответ…

И, словно простужен,
закутавшись в ветхий плед,
всё дальше и дальше
в себя уходя, как в сон
без примеси фальши,
собой становился он…

ЛЕОНИД ШУР

Витебск

ЭТАПЫ ЖИЗНИ

1

Ты состоишь из благ,
Не знаешь, что нельзя.
Никто тебе не враг,
А все вокруг друзья.

2

Поскольку все вокруг
Стучат в твои мозги,
Никто тебе не друг,
А все вокруг враги.

3

Вокруг то блеск, то мрак,
Зато ты у руля.
Никто не друг, не враг,
А все учителя.

4

Ни то, ни сё, никто
Вокруг тебя опять.
Ты у руля зато,
Ты можешь всех обнять.

ЗОЛОТАЯ БАБКА

Дед выпил водки ничего –
Лишь полстакана,
И уместилось всё его
В два чемодана.

С утра нещадно дождь лупил
Сквозь неба дыры,
Но дед порог переступил
Своей квартиры.

Дед уходил, неколебим,
К соседней бабке.
Жена бежала вслед за ним,
Теряя тапки:

Не кобелись! Что там обрёл?
Не молодуха!
Судьбу испортишь ей, козёл!
Ведь мало духа!

Вопила баба, что коза,
Не понимая!
Дед усмехнулся и сказал:
Зато немая!

ПРОДОЛЖЕНИЕ

Когда отчалил мой отец
Тропой небесно-голубою,
То между облачных овец
Он засиял самим собою.

Там разместился лучший мир
Без напряжения и боли.
Тут воздвигаю монастырь
В моей обыденной юдоли.

Высоким ангелом храним,
Продляю странствие земное.
Нет, я не умер вместе с ним,
А он всегда живёт со мною.

Здесь тела нет, остался дух.
Но чтобы был отец доволен,
Живу и радуюсь за двух,
Слезами горести посолен.

ВАЛЕРИЯ ГОРНОВИЧ

ДВЕРИ В ПРОШЛОЕ
рассказ

Есть на земле такие места, которые затягивают людей в прошлое. Вы наверняка слышали о них, смотрели передачи, в которых очень убедительно и занимательно нам рассказывают о таких вещах, что, если задуматься, страшно становится. Вы можете верить или не верить, дело ваше, но одно я могу сказать точно: места, где грань между временами истончается, действительно существуют. Каждый из нас непременно с ними сталкивался. Может мимоходом, даже не повернув головы на зов давно минувших дней, а может, напротив, ринувшись навстречу тёплому ветру, прилетевшему откуда-то из давно.

Эти места не всегда раскрывают свою сущность. Вы можете и не догадываться, что в старой корзине, что вы когда-то запрятали подальше в чулан, хранится комочек прошлого. Но вот, стоит вам случайно дотронуться до неё, и реальный мир блекнет, превращаясь в невидимую дымку.

Многие считают, что путешествия в прошлое опасны. Это зависит от самого человека. Но, мне кажется, стоит рискнуть. Кто знает, что ждёт вас там, позади. Стоит лишь открыть ту самую, единственную в своём роде дверь, которая существует только для вас, и отдаться на волю времени.

***

К калитке я подошла «совсем взрослой и самостоятельной» девушкой с единственным намерением как следует отдохнуть на семейной даче перед тяжёлыми трудовыми буднями, за порог шагнула маленькая девочка в джинсовой юбочке, с покрытыми новыми и старыми болячками, измазанными травяным соком коленками и дурацкой улыбкой до ушей. Как произошло это изменение, я и сама не успела заметить. Просто внезапно пахнуло ароматом мокрой, подгнивающей древесины – вечным спутником деревянного сруба, вот уже больше столетия выдерживающего и дожди, и такие снегопады, что можно было построить целый снежный город.

Чуть ли не вприпрыжку я преодолела тропинку перед домом, когда-то заботливо выложенную папой и дедушкой. Наверное, задумывалось сделать настоящую дорожку, как в городских парках – красивую, ровно выложенную резными плитками. Но что-то пошло не так, и предательская плитка закончилась, даже не успев начаться. Пришлось заливать оставшееся пространство бетоном, выравнивать его, стараясь придать облагороженный вид. И вот, когда работа уже закончена и сердце восхищенно бьётся от одного вида идеально ровной, но ещё зыбкой поверхности, две маленькие девочки выбегают из дома и, весело смеясь, бросаются навстречу любимому папе, навстречу его тёплым сильным рукам и крепким плечам, всегда готовым послужить непоседам лошадкой. Лицо мужчины искривляется в напряжённом вздохе, а на ровной дорожке расцветают следы маленьких ножек. Так хочется отругать разрушителей, в мгновение ока испортивших плоды долгого напряжённого труда, но отчего-то губы никак не желают растягиваться в гневную гримасу, а, глядя в эти озорные глаза, и самому хочется весело рассмеяться. Эти следы до сих пор здесь. Каждый раз проходя мимо них, папа весело напоминает мне эту забавную историю. По привычке я сердито ворчу, на ходу примеривая, сможет ли моя нога накрыть этот след два раза, и разочарованно вздыхаю: может. Поднимаю глаза, и вот он: большой дом, в котором прожило свои жизни не одно поколение людей.

Передо мной большая застеклённая веранда небесно-голубого цвета. Слегка волнуясь, открываю обитую куском металла дверь, как всегда оплетённую паутиной, и замираю. Сколько себя помню, она выглядела именно так. По стенам развешаны затянутые скотчем пазлы, которые мы с сестрой собирали дождливыми днями. Именно здесь, на деревянном полу, я провела много времени, слушая перестук капель дождя по железному карнизу над дверью, слышу сквозь него приглушённый, мягкий голос мамы, читающей нам сказку про кроликов.

Эти воспоминания блёклые, призрачные. Они раскроются, когда местность накроет грозовая туча, и прорежет воздух первая молния. А сейчас, под лучами солнца, они тают, и сквозь рваные клубы пара,

оставшегося от них, навстречу мне вылетает хоровод бабочек. Каких здесь только нет: и большие яркие шоколадницы, и маленькие незаметные лимонницы, и белые, на первый взгляд простенькие, но невероятно милые малышки, чьё название я так и не смогла запомнить. А там, в углу, сидит моя любимица – небольшие, прозрачно голубые крылья словно блестят в лучах света. Хочется закружиться вместе с ними, посадить на палец и разглядеть поближе, совсем как старшая сестра, с малых лет бегающая по полю с красным сачком и приносящая свою немалую добычу на веранду. Но в сердце что-то замирает, и протянутая навстречу лёгкому крылатому созданию рука отдёргивается. За прекрасными крыльями скрывается настоящее чудовище, под стать ненавистным паукам. Мохнатое длинное тельце, тонкие лапки, цепляющиеся за руку так цепко, словно это и не лапы вовсе, а настоящие когти, и длинные лихо закрученные усы, совсем как у мужчин на старых портретах. Я отступаю назад, как в детстве. Нужно пройти дальше, но путь преграждает рой враждебных существ. Придётся искать другую дорогу.

Я скорее выбегаю за дверь и, не жалея коленок, не один раз познакомившихся с бетонной тропинкой, несусь в огород. «Осторожно, – предупреждаю сама себя, – эта плита очень скользкая». Рядом лежит шланг – длинная склизкая змея, сосущая воду из колодца. Она вечно роняет на этот участок тропинки ледяные брызги, и, если зазеваться, здесь легко можно сломать ногу, ну или, как минимум, содрать только что зажившую болячку. Сейчас дорожка сухая – ещё не пришло время поливать огород, а для детских забав дует слишком сильный ветер. Как бы ни хотелось, а мама ни за что не разрешит набрать немного воды в ярко-жёлтый пистолет и, подкараулив папу, метко выпустить кристальную струю в его широкую спину. Ну да не беда. Я ещё вернусь сюда немного позже, а сейчас мой путь лежит в избу, туда, где наверняка пьют чай с песочным печеньем с маленькой капелькой варенья посередине.

Но на пути возникает ещё одно испытание – длинный тёмный гараж. Я не боюсь темноты, что-то другое не даёт сделать первый шаг. Здесь – мрачное царство заклятых врагов. На первый взгляд они не опаснее бабочек: сидят себе на одном месте и лишь провожают тебя злобным взглядом нескольких пар глаз. Но не стоит поддаваться на их видимое равнодушие. Они куда коварнее беззаботных и, по сути, глупеньких бабочек. Они расставляют свои сети, сотканные из невидимых нитей, на твоём пути. И лишь свет может выдать их укрытие. Но света нет, и мне остаётся надеяться на лучшее. Почти закрыв глаза, я влетаю в сотканный тьмой проём и проношусь мимо велосипедов, накрытого грубым полотном прицепа, склада дров для русской печки, что стоит в избе. Вдогонку мне несётся смех и улюлюканье, со всех сторон вытягиваются сухие паучьи лапки, стремящиеся ухватиться за меня, накинуть свою паутину и навсегда утащить меня в подвал. На этот раз мне удаётся проскочить мимо их ловушек, и я слышу разочарованный вздох. В спину мне упирается сотня взглядов, мурашки бегут по шее, и волосы почти встают дыбом. С лёгкостью открываю я тяжеленую дверь и, не дожидаясь, пока согнутая металлическая рука сверху сама закроет её, захлопываю с такой силой, что в серванте подпрыгивают гранёные стаканы.

Меня обступает приятный полумрак. Даже в самые жаркие дни тут царит покой и прохлада. Бревенчатые стены изъедены дорожками, проложенными усердными короедами, с потолка льётся изредка мигающий свет длинных ламп. Мухи очень любят его, он так и манит их. Они вечно вьются роем вокруг холодного безразличного к жизни стекла. Их стремление прикоснуться к нему так сильно, что они каким-то неведомым образом забираются внутрь лампочки и умирают. Должно быть, они умирают счастливыми.

По стенам развешаны полки со старыми книгами. Их неповторимый запах окутывает меня, стоит снять с полки хоть одну книгу. У некоторых переплёт крошится, у некоторых отваливаются страницы. Когда вырасту, я непременно починю их.

***

На миг меня выдёргивает из прошлого, и я с сожалением оглядываю прихожую. Место полок заняло трюмо с длинным зеркалом и тумбочка с телевизором, когда-то населявшие старую квартиру в городе. Книги никуда не исчезли. Они переехали на противоположную стену и всё так же глядят на меня с полки именами знаменитых писателей. Горький и Твардовский, Чехов и Толстой, Фадеев и Мамин-Сибиряк укоризненно покачивают головой. Это оторванные корешки колышутся на лёгком сквозняке, но мне кажется, будто сами писатели разочарованно глядят на меня. Я так и не нашла времени, чтобы пришить на место оторванные страницы, приклеить переплёты. Планы плавно перекочевали в далёкое будущее, крепко привязав меня к детству.

***

Книги – это, конечно, очень интересно. Я уже не раз заглядывалась на толстые тома, испещрённые мелкими буковками текста. Но мама говорит, мне ещё рано – это книги для взрослых. Не понимаю, как можно делить книги на детские и взрослые. Да, в детских больше картинок, но что мешает и взрослым сделать свои книги чуть более красочными. Что-то есть в их книгах, что я не пойму. Но пусть пока подождут.

Я ещё успею поближе с ними познакомиться, а пока меня ждут куда более важные дела. Вперёд, в избушку! Обитая кожей дверь встаёт на моём пути. Если её захлопнуть, придётся как следует постараться, чтобы потом приоткрыть хотя бы на сантиметр. Намного проще попросить папу, но я упрямая. Дёргаю ручку, пока не начинают болеть руки. И вот, когда я уже готова сдаться, дверь открывается, и я почти улетаю назад. Бабушка удивлённо смотрит на меня, а я радостно пролезаю у неё под рукой внутрь, пока дверь снова не захлопнулась.

После электрического света лучи солнца кажутся ослепительными. Их не так уж много: раньше не делали большие окна. Здесь живёт вся наша большая семья. Избушка хоть и маленькая, но очень уютная. Дедушка построил перегородки, чтобы хоть как-то разделить нас. Поэтому я сплю рядом с мамой и папой, а сестра вместе с бабушкой за фанерной стенкой. Мебели совсем немного, но даже этого кажется предостаточно, когда мы приезжаем или собираемся уезжать: тогда вся одежда разложена по пакетам и пустые полки глядят из-за приоткрытых дверец грустно и одиноко. Всё остальное время мама ломает голову, как уместить наши с сестрой платьица, сарафанчики, юбочки, штаны и кофточки в небольшой шкаф. Я иногда помогаю ей, но стоит взглянуть на огромные пакеты, рядом с которыми наш шкафчик выглядит ещё меньше, и голова идёт кругом. Мама – просто волшебница. Каждый раз ей удаётся этот фокус, но, когда я спрашиваю, как она это сделала, она смеётся и говорит, что скоро я всё узнаю сама.

Комната была бы куда больше, если бы не русская печка. Она такая огромная и высокая, что я могу забраться туда только со стула. Сестра забирается сама: ставит ноги в небольшие отверстия на белом печном боку, куда дедушка складывает дровишки. Я так не могу: мне страшно: кто знает, что прячется там, внутри. Рядом с печкой стоит умывальник: железное ведро, подвешенное к стене, с торчащим снизу маленьким краником. Каждое утро, протирая никак не желающие раскрываться глаза, я иду сюда чистить зубы и каждый раз заглядываю в пасть печке. Большое дугообразное отверстие скрывает в себе какую-ту тайну. Не могу представить, как можно было здесь разжигать огонь. Он должен был получиться таким огромным, что непременно бы выбрался наружу. А как засунуть к нему на съедение горшки и буханки хлеба? Мы ни разу не пробовали разжечь здесь огонь. Когда лето выдаётся холодным, дедушка растапливает дровишки в другом отверстии, на боку белой громадины, и прикрывает резвое пламя чугунной дверкой: пусть себе веселится подальше от деревянных стен и полов.

Как-то мы приезжали на дачу зимой, и дедушка с папой растопили печь. Мы с сестрой как раз гуляли на улице: строили те самые города из огромных сугробов снега. А когда вернулись домой, нас ждала белёная спина печки и горячий ароматный чай. Стоит представить, и я сразу чувствую голыми ногами колючие прикосновения шерстяного зелёного одеяла с белым дракончиком, которое мама стелила нам всегда, когда мы играли. «Мам, может, не надо это одеяло, – недовольно кричим мы с сестрой в соседнюю комнату, – здесь же и так тепло». «Печка грязная. Если хотите на ней поиграть, придётся потерпеть», – терпеливо объясняет она, приносит ещё одно одеяло и уходит к остальным взрослым, обсуждать какие-то невероятно важные дела. Мы горестно вздыхаем, но молчим: печь стоит любых жертв.

Печка тоже отделена от комнаты перегородками, поэтому родители не видели, чем мы занимаемся. Они сидели в комнате, о чём-то беседовали и готовили для нас рождественские подарки. И не знали, что за каждым их действием пристально наблюдают голубые и карие глаза. Под самым потолком со стороны комнаты обои немного отходили, открывая нам замечательный обзор на всё, что происходит в комнате. Это было настоящее приключение, как в фильмах про шпионов, которые дедушка смотрит каждый вечер после работы. Увы, больше оно не повторилось, а спустя несколько лет место печки заступил суперсовременный котёл ядрёно-синего цвета. Тоже симпатичный, но забывающийся: стоит мне закрыть глаза, и его уже нет.

Едва я проскочила в комнату, меня тут же поймала за руку мама. Она вот уже второй день слушает мои обещания помыть пол в комнатах. Я лишь отмахиваюсь: помою, но потом. Сейчас у меня полно более важных дел. Каких? Вам, взрослым, не понять.

Чутьё меня не подвело. На столе и правда стоит большой белый чайник с нарисованными неведомыми растениями на боку, испуская из лакированного носика струйку ароматного пара. Пахнет мятой, листьями малины и ещё чем-то очень знакомым. Но мне лень вспоминать, и я беззаботно плюхаюсь на стул и, подпрыгивая, пододвигаю его к столу. Папа недовольно морщится: «Пол поцарапаешь, сколько раз говорил – не делай так». Была бы я котом, я бы виновато прижала уши к голове. Но я же человек, приходится в который раз виновато опускать взгляд и, поглядывая из-под опущенных ресниц на папу, еле слышно просить прощения и обещать никогда больше так не делать. Папа отлично знает, что обещание это действует ровно до следующего чаепития, но делает вид, что поверил мне. Он и сам был ребёнком, наверняка делал так же. Только взрослые могут устоять перед соблазном и чинно и степенно, подняв стул в руках, пододвигать его к столу. Это совсем не весело.

Мама уже ставит передо мной восхитительную тарелку. Чего в ней только нет: и песочные печенья с абрикосовым вареньем, и слойки, наполненные прозрачным сиропом расплавленного сахара, и огромные воздушные пирожные (стоит от них откусить, на руки тут же выливается ванильный невероятно вкусный

крем), и даже кусок домашнего медовика. В городе такого не делают. Но как бы ни были заманчивы разложенные на столе сласти, в глубине души я жду другого. Вечером, когда станет так темно, что нельзя будет гулять, мама нальёт мне полную кружку парного молока и даст обычную булочку с изюмом, посыпанную сверху маком. «Ромашка» – так она называется из-за своей необычной формы. На самом деле это не одна, а целых семь булочек, соединённых между собой. Больше всего я люблю серединку, по бокам она белая и очень воздушная. Вкуснее нет ничего на свете. А если ещё и добавку дадут – день прошёл не зря.

В комнату заходят дедушка с бабушкой – пришло время освобождать место за столом. Он так мал, что за ним с трудом помещается три человека. Когда мы устраиваем семейные праздники, выносим другой, большой стол в огород и ставим под берёзой. Она появилась на этом свете почти что вместе с моей сестрой. Мама говорит, что, когда мы только купили эту дачу, берёзка была совсем маленькая, и мама очень любила гулять вокруг неё. Она клала руку на белый ствол и разговаривала с ней. Говорят, берёза может забрать у человека все болезни и печали. Я тоже иногда так делаю, когда сильно ссорюсь с мамой. И мы всегда-всегда миримся – спасибо берёзе.

Когда береза подросла, дедушка построил под ней скамеечку. Теперь мы постоянно проводим здесь время. Бабушка радуется, что ей есть где посидеть. Мы с сестрой тоже рады: со скамейки ужасно удобно влезать на дерево. Дедушка специально отпилил нижние ветки, чтобы мы не лазали и не разбились, но мы отлично и без них обходимся. Мне трудно было поначалу залезать. Сестра выше меня и старше: она с лёгкостью подтягивается на сучке и карабкается на самый верх. Мне приходится постараться, чтобы добраться до первой длинной ветки. Но вот мои старания вознаграждены, и я наконец-то сижу на ветке и восхищённо болтаю ногами. До земли так далеко, словно я сижу на крыше дома. Слезать будет очень страшно, но об этом ещё рано думать. Я карабкаюсь выше. Ветки расположены в виде круговой лестницы. Не нужно никакой ловкости, чтобы перешагивать с одной на другую – словно идёшь по ступенькам. Но здесь кроется другая опасность: пауки плетут свои сети прямо на моём пути и, если зазеваться, можно вляпаться в них лицом. Сестра прошла первая, так что можно не беспокоиться: если тут и были скрытые ловушки, она в них уже попала.

Когда мама спрашивает, зачем мы залезаем на дерево, мы говорим, что оттуда очень красивый вид. Это не совсем правда. За густыми ветками почти ничего не видно, какой уж тут вид. Но разве взрослые поймут, что я лезу на дерево только ради того, чтобы залезть. Я готова влезать и спускаться много раз, потому что это так интересно, потому что я могу это сделать, хотя и мала ростом. И всё же спускаться я стараюсь, когда никто не видит. Отчего-то у меня не получается сделать это так же ловко, как у сестры. Я никак не могу нашарить ногой опору и иногда срываюсь. Приходится обхватывать ствол ногами и соскальзывать как по канату. Неплохой способ, если только я не в шортах: тогда на ногах остаются огромные ссадины.

Вокруг берёзы у нас огород. Когда лето очень жаркое, папа ставит огромный бассейн, который мы наполняем колодезной водой. Она такая чистая, что видно дно в мелкий квадратик, но ужасно холодная. Приходится ждать целый день, а то и два, прежде чем нам разрешат купаться. Вода мне по горло, не то что в детском бассейне. Мы с сестрой давно из него выросли, но всё равно купались: когда жарко, готов в лужу залезть, лишь бы охладиться. Папа приезжает к нам только на выходные, поэтому, если жара началась, когда его нет, мы освежаемся по-другому. Дедушка подсоединяет к колодцу длинный-длинный шланг, и мы обливаем друг друга ледяной водой. Холодно, просто ужас. Но чем холоднее, тем веселее. Даже мама иногда так играет с нами. Иногда мы играем в мяч. Нужно быть очень осторожной, чтобы не закинуть его на грядки. Тогда придётся спасаться от сердитого дедушки, который души не чает в своём огороде.

Я не очень люблю этот огород. Одно дело сорвать прямо с грядки сочащуюся от одного прикосновения сладким соком землянику и сразу отправить её в рот, и совсем другое сидеть, сгорбившись над грядкой, и часами пропалывать сорняки. На первый взгляд, это совсем не сложно. Но давайте-ка вспомним о всяких жуках и червяках, живущих в земле, о сороконожках, так и норовящих забраться тебе на руку. А как сложно пропалывать морковку! Когда ростки совсем маленькие, их почти невозможно отличить от укропа. Укроп – не сорняк, но только в пределах своей грядки. Здесь он – настоящий вредитель. Ох, сколько несчастной морковки пострадало из-за его умелой маскировки.

Вместо прополки я всегда вызываюсь собрать ягоды. Чёрная или красная смородина, крыжовник, малина, земляника, вишня, немного клубники и ещё какие-то тёмно-синие ягодки, по форме напоминающие банан – вот мои угодья.

***

Воспоминаний так много, что я невольно возвращаюсь в настоящее. И вот я снова студентка, с трудом нашедшая время, чтобы приехать в свой уголок детства. На часах уже почти девять, а это значит, что время отъезда неумолимо приближается и пора делать целый вагон важных и не очень дел. Но что-то не пускает меня отсюда, со знакомого до каждого кустика огорода. Здесь витает так много приятных, дорогих сердцу

воспоминаний, что хочется убежать от них подальше. Но ноги не идут. И пускай. Посижу ещё немного, пока не пройдёт мелкий дождик и не выглянет ласковое летнее солнце, совсем такое как в моём детстве.

Прошлое неумолимо уходит.

Я понимаю, что вряд ли когда возьмусь за ремонт книг или переберу наполненные старыми тетрадками полки своего письменного стола. Я не хочу, чтобы сносили старую берёзу в конце огорода. Она так удобно растёт сквозь забор, что нельзя было не воспользоваться ею, чтобы перелезать через него за улетевшим в кустарник мячом. И пусть сгнившие корни уже едва её держат, она часть моего прошлого. Я боюсь потревожить остатки воспоминаний, спрятавшихся среди порванных страниц и поблёкших берёзовых листьев. Их осталось так мало, что не хочется так просто отказываться от последних дверей в прошлое.

Когда-нибудь мой старый дом станет совсем другим. Наше с сестрой место займут её дети, а потом и мои. Бревенчатые стены скроются за новейшим стенным покрытием, а старые ковры отправятся на помойку. И вот тогда я наконец займусь книгами. Но это будет совсем другая жизнь.

Другая, но не менее прекрасная.

Когда я думаю об этом, сердце не замирает горестно, но и не становится теплее на душе. Изменения я принимаю спокойно: так и должно быть, зачем беспокоиться о том, чего невозможно избежать. Но одно не даёт мне покоя. В моей жизни и в жизни моей сестры появляются новые люди, которые становятся нам родными. И если я трепетно оберегаю уголок своего детства от любопытных глаз, сестра готова с радостью поделиться им с каждым. Она имеет на это полное право, я даже не пытаюсь возразить против этого. Но каждый раз, когда я узнаю, что ещё один человек переступил порог нашей дачи, мне становится обидно и тошно. В этом мире заключено моё прошлое. Каждый пересекающий его черту вторгается в него, вторгается в мою часть, в меня.

Но это только полбеды. Для меня дача – место отдыха. Для моих родителей, бабушки и дедушки – это настоящее рабочее место. За домом постоянно нужно ухаживать, поддерживать «культурную» жизнь в огороде, менять забор, косить траву, сажать цветы – всего и не перечислить. Почти все заботы брал на себя дедушка, но с каждым годом это даётся ему всё труднее. И вот, папа, уставший от прикрытой маской отдыха работы, предложил продать дом и участок. Вот-вот я лишусь этого места. То же самое было с нашей старой квартиркой. Мне горько было с ней расставаться, страшно переезжать в новое место, но со временем эти чувства прошли. А с ними и воспоминания. Мне всё труднее было вспоминать детские года, проведённые в стенах сталинской пятиэтажки, а сейчас в моей памяти не осталось даже половины их. Я не готова расстаться и с этими воспоминаниями. Лишь здесь они имеют свою силу и, оказавшись под их воздействием, только здесь я могу расслабиться и забыть обо всём на свете. Не могу передать то, что чувствую, приезжая сюда. Наверное, что-то такое витает в воздухе, может, это клочки моей прошлой жизни. Кому они достанутся, если мы навсегда уедем отсюда? Разве можно так разбрасываться своей жизнью? И пусть умом я понимаю, что дача становится для моей семьи бременем, я готова до конца бороться за право называть её *моей* дачей.

«СЕТЧАТКА»

ЯНИНА СВИЦЕ

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПОЭТОВ
материалы к Антологии русской поэзии Башкортостана: 1840-1920-е годы

Уже во второй половине XVIII века, в Уфе, важном административном центре и обширной Оренбургско-Уфимской губернии, были люди, посвящавшие часы досуга литературному творчеству, ведущие дневниковые записи. У наиболее просвещённых дворян имелись книжные собрания. Большая и разнообразная библиотека была у «книжного благодетеля» Серёжи Аксакова – богатого уфимского дворянина и у близкого знакомого его родителей Сергея Ивановича Аничкова, который подарил будущему писателю много детских книг.

В начале 1780-х годов в Уфе поселился ссыльный малороссийский дворянин Григорий Степанович Винский (1753-1818). На жизнь он зарабатывал уроками для детей уфимских дворян. В своих воспоминаниях Винский писал: «…дабы не сидеть праздно-скучно в классе, пока дети учили уроки, я начал читать книги. По счастию, у господина губернатора имелась богатая библиотека, и он благоволил дать мне позволение ею пользоваться… Четырёхлетнее моё в губернском городе пребывание сделало великую перемену не только в моём житье, но и в образе мыслей. Чтение, переводы и беседование со знающими людьми, которых на сей раз в Уфе находилось довольно». Можно предположить, что в таких небольших кружках любителей литературы знакомились не только с последними литературными новинками, но читали свои переводы, небольшие рассказы и стихи и собственного сочинения.

В 1838 году в крае произошло очень важное общественное и культурное событие – началось издание первой газеты. Называлась она «Оренбургские губернские ведомости», но готовилась и печаталась в Уфе, где находился гражданский губернатор и всё гражданское управление (военный губернатор и все военные силы размещались в Оренбурге). Первые несколько лет в газете печаталась только различная официальная информация и объявления, но в 1845 году появился и неофициальный отдел, редактором которого в 1845-1853 гг. был смотритель Уездного училища Иван Прокофьевич Сосфенов. Именно благодаря И.П. Сосфенову впервые началась публикация литературных произведений местных авторов. И они были почти в каждом номере. Сначала краеведческие зарисовки, путевые впечатления и воспоминания, затем и небольшие рассказы. Стихи не очень часто, но всё же печатались. На интересную газету обратили внимание даже в столицах, упоминали о ней в периодике.

Литературное творчество, а особенно поэзия, имеет непосредственное отношение к самосознанию общества. Однако писателям необходима возможность публиковать свои произведения, необходима, если так можно сказать, точка фиксации и последующий отклик читателей. В XIX – начале XX ст. в провинциальных городах, а особенно таких удалённых как Уральские и Сибирские, такими точками становятся местные газеты, вокруг которых объединяются литераторы-любители. При редакторе И.П. Сосфенове и его приемниках – Василии Васильевиче Завьялове и Петре Николаевиче Чоглокове – в «Оренбургских губернских ведомостях» начал складываться круг постоянных авторов-прозаиков. Постепенно к ним могли бы присоединиться и поэты, но с 1860-х для развития уфимской литературы начался неблагоприятный период, продлившийся более 30-ти лет.

Вторая половина XIX-ого и первые годы XX столетия являются своеобразным «белым пятном» в истории уфимской литературы. В 1865 году громадная Оренбургская губерния разделилась на две: Оренбургскую и Уфимскую. С 1865 года единственная газета Уфимской губернии стала выходить

под названием «Уфимские губернские ведомости», а редактором её неофициальной части с 1865 по 1897 гг. был врач, известный уфимский общественный деятель, статистик, публицист и краевед – Николай Александрович Гурвич (1828-1914). Он был талантливым, выдающимся журналистом, при нём в газете начался расцвет краеведения, историко-статистических исследований, в этот период было опубликовано просто гигантское количество материалов по истории нашего края. Гурвич любил статистику и историю, но консервативный редактор явно не любил литературу, и при нём литературные произведения, а тем более демократического или критического направления, принципиально не печатались. Хотя в эти годы в Уфе жили известные литераторы, такие как писатель и публицист Пётр Добротворский, поэт Яков Старостин, публиковавшие свои произведения в столичных изданиях. Уфимские любители изящной словесности были вынуждены размещать свои скромные опыты в газетах соседних губерний.

Возможность печататься, получать отклик читателей и критики, является не только правом каждого поэта и прозаика, но и основной двигательной силой развития творческого процесса. Издание только одной газеты, а тем более с ограничением литературных разделов в ней, в целом отрицательно сказалось на развитии уфимской литературы. По сравнению, например, с Екатеринбургом, Самарой и другими городами Урало-Поволжья, в предреволюционный период в Уфе так и не появился отдельный журнал или хотя бы литературное приложение к газете. Более благоприятная ситуация начала складываться в начале XX века, когда появились сразу три новые газеты, в которых наконец стали публиковать местных авторов.

В представленной статье читатели могут познакомиться с творчеством и судьбами трёх известных поэтов, в 1850-1870-х годах живших Уфе, имевших российскую известность, но впоследствии практически забытых.

ЛЮБОВЬ И СВОБОДА АЛЕКСЕЯ ТИМОФЕЕВА

В 1982 году на экраны вышел фильм «Нас венчали не в церкви», ставший первой крупной режиссёрской работой известного актёра Бориса Васильевича Токарева. В главных ролях снялись Александр Галибин и Наталья Вавилова. Сценарий, написанный Натаном Эйдельманом, был основан на подлинной истории – воспоминаниях и письмах революционера-народника, поэта Сергея Силыча Синегуба (1851-1907). В 1872 году Синегуб фиктивно женился на дочери сельского священника из Вятской губернии Ларисе Чемодановой. Таким способом девушка хотела покинуть родительский дом, чтобы в Петербурге присоединится к народническому движению. Но революционный брак не стал фиктивным, молодые люди полюбили друг друга, и Лариса, разделив судьбу мужа, в 1873 году отправилась вслед за ним в Сибирь.

В полюбившейся зрителям кинокартине звучат романсы, написанные Исааком Шварцем на стихи Булата Окуджавы. Время от времени в интернете можно прочитать о том, что романс «Нас венчали не в церкви», давший название фильму и ставший его лейтмотивом, написан ими же. На самом деле его создал русский композитор Александр Сергеевич Даргомыжский (1813-1869), и романс был чрезвычайно популярен в 1870-1880-х годах в студенческой и революционной среде. А кто же был автором текста? Некогда очень известный петербургский поэт-романтик Алексей Васильевич Тимофеев (1812-1883).

Алексей Тимофеев родился 15 марта 1812 года в городе Курмыше Симбирской губернии в семье помещика. Как в своё время и Серёжу Аксакова, в 12 лет его отвезли в тогда единственное в крае среднее учебное заведение – Казанскую гимназию. В 1830 году, окончив Казанский университет, Тимофеев отправился в Петербург и поступил на службу в департамент уделов.

Одарённый юноша, вероятно, ещё в Казани пробовавший свои силы в литературном творчестве, с 1832 года начинает активно, в «неистово-романтическом вкусе» печатать стихи, прозу, драматургию. В 1835-1839 годах почти в каждом номере самого популярного литературного журнала «Библиотека для чтения» публиковали его произведения, они выходили отдельными книгами, а в 1837 г. даже было издано собрание сочинений в 3-х томах «Опыты, сочинения Тимофеева». Профессор русской словесности Петербургского университета, историк литературы и цензор А.В. Никитенко писал об Алексее Тимофееве в своём дневнике, что это был человек, одарённый «пламенным воображением, энергией и талантом писателя… Он совершенно углублён в самого себя, дышит и живёт в своём внутреннем мире страстями, которые служат для него источником мук и наслаждений… Всегда задумчив, с привлекательной физиономией». Произведения Алексей Тимофеева имели большой успех, их читали, обсуждали, критики благосклонно отзывались о его творчестве. В поэзии Алексея Тимофеева большую роль играла ставшая очень популярной в 1840-е годы народная тематика, использование в стихах элементов народных песен, сказок, былин.

Около года поэт путешествовал по Европе, затем переехал на службу в Одессу, потом опять вернулся в Петербург. Но после необыкновенно бурной литературной деятельности, в начале 1840-х имя Тимофеева постепенно исчезает со станиц литературных журналов, а с 1843 г. он совсем замолчал, и, как потом оказалось, больше чем на 30 лет. В 1849 году от Министерства юстиции он получил назначение в Уфу, где в должности губернского прокурора прослужил до 1853 года.

В Уфе Алексей Тимофеев женился на богатой вдове Софье Платоновне Базилевской, ушёл в отставку и вместе с супругой поселился в купленном ей имении недалеко от Уфы (у Софьи Платоновны имелись так же поместья в Пензенской и Тамбовской губернии). До Тимофеевых это уфимское имение называлось «Отрада» и было родовой вотчиной известных уфимских дворян Пекарских. Во второй половине XVIII века в Отраде был большой помещичий дом и разные барские затеи, в конце концов, разорившие последнего хозяина – домашний оркестр, псовые охоты, оранжереи и теплицы и парк.

Усадьба располагалась в очень живописной местности около старицы реки Уфы. У новых хозяев был довольно большой штат дворовых, по своему вкусу они несколько перестроили старый дом Пекарских, украсив его «разными пристрочками и башенками», но в 1856 году, оставив своё владение, переехали в Москву. До 1861 года имение приносило неплохой доход, даже при отсутствии хозяев в доме проживало 65 человек дворовых. До 1880-х годов Софье Тимофеевой здесь принадлежало более 2500 десятин земли, которая затем была продана. Ныне здесь, недалеко от одного из уфимских микрорайонов, находится небольшая деревня Базилевка. Ни от усадебного дома, ни от парка ничего не сохранилось, и о бывшем дворянском поместье напоминают только зарастающие пруды.

Некоторые исследователи склонны представлять Софью Платоновну богатой зрелой вдовушкой, женившей на себе романтика-поэта. В Национальном архиве Республики Башкортостан мне удалось обнаружить метрическую запись об их бракосочетании. Оказалось, что Софья Базилевская овдовела совсем молодой и была на 15 лет моложе своего нового избранника. Они венчались 30 апреля 1850 года в уфимской Александровской церкви, которая считалась «дворянской». Жених – исправляющий должность оренбургского губернского прокурора, коллежский советник Алексей Васильевич Тимофеев, 38-ми лет первым браком. Невеста – вдова коллежская асессорша София Платоновна, по 1-му мужу Базилевская, 23-х лет. Поручителями стали. По жениху: коллежский асессор, граф Дмитрий Николаевич Татищев, надворный советник и кавалер Иван Жуковский, коллежский советник Григорий Естифеев, надворный советник Алексей Константинович Харкевич. По невесте: действительный статский советник Николай Балкашин, действительный статский советник Алексей Андреевич Македонский, надворный советник Дмитрий Иванович Березовский и губернский секретарь Яков Григорьевич Карташевский. Свидетелями на этой вероятно пышной свадьбе были первые должностные лица города и губернии: Балкашин – оренбургский гражданский губернатор, Македонский – вице губернатор. Естифеев, Харкевич, Карташевский (племянник С.Т. Аксакова) – занимали высшие должности в палатах уголовного и гражданского суда.

Через год, 30 апреля 1851 года, у Тимофеевых родилась дочь, 10 мая в Александровской церкви её крестили с именем София. Восприемниками стали оренбургский гражданский губернатор, действительный статский советник Николай Васильевич Балкашин и дочь умершего прапорщика гвардии, князя Николая Еникеева, княжна Евдокия Николаевна.

В 1856 году супруги переехали в Москву, где Софья Платоновна купила дом, а А.В. Тимофеев начал служить чиновником особых поручений при московских генерал-губернаторах, и в 1870 г. в чине действительного статского советника вышел в отставку.

Через двадцать с лишним лет после знакомства с Тимофеевым, А.В. Никитенко сделал в дневнике следующую запись (28 марта 1856 г.): «Встретил недавно Т., бывшего некогда литератором, но уже давно не появлявшегося в печати… Насилу мог узнать. Лицо его, некогда довольно приятное, теперь точно опухло и заплыло жиром. Он женился, разбогател, взяв за женою огромное имение, не служит, отъедается и отпивается, то в своих деревнях, то в Москве. Это был большой писака! … Журналы наполнены были его стихами. Он издал три тома своих сочинений … и вдруг замолчал и скрылся куда-то». Тем не менее, все эти годы Тимофеев не переставал писать. По свидетельству А.В. Никитенко, но «писал, и прятал всё написанное, у него полны ящики исписанной бумаги, которые он мне показывал. „Что же вы не печатаете?“ – спросил я. „Да так“, – отвечал он: „Ведь я пишу, потому что пишется“». Неожиданно для всех в 1875-1876 гг. Тимофеев опубликовал в двух томах обширную поэму «Микула Селянинович»), но затем поэт опять замолчал. Умер Алексей Васильевич Тимофеев 1 июля 1883 года.

В 1910 г. в сентябрьском номере журнала «Исторический вестник» вышла статья Н.А. Державина «Забытые поэты. Тургенев, Ознобишин и Тимофеев (из симбирской хроники)». В ней он не только приводит сведения о биографии А.В. Тимофеева, но и даёт оценку его поэтического творчества.

Своё детство Алексей Тимофеев провёл в живописной местности на берегу реки Суры. «Окружающая обстановка как нельзя лучше способствовала развитию в нём вкуса к народной поэзии и развивала в нём поэтический талант вообще. Широкая лента многоводной реки, зелёные поля и луга, знаменитые дремучие сурские леса, близость Волги, этой упрямой хранительницы памятников народного изустного творчества, и, наконец, весь обвеянный поэзией мир народных песен, легенд и преданий – вот что окружало будущего поэта в детстве». Перечисляя всё написанное в своё время Тимофеевым, Н.А. Державин замечает, что «в настоящее время произведения Тимофеева, когда-то имевшие своих поклонников, всеми давно забыты, и самое имя его знакомо только записным библиофилам. Одни только песни его, действительно дышащие чем-то русским и носящие на себе печать несомненного таланта, сохранились в памяти люби-

телей русской песни… Тимофеев писал и в других родах поэзии, но все остальные его стихотворения не могут идти в сравнение с его песнями. Правильный стих не был его достоянием, и как бы Тимофеев ни вырабатывал его, он всё так никогда и не сравнялся в нём с нашими более или менее известными поэтами, даже средней руки. Зато песни его, отличающиеся неподдельной простотой, задушевностью и, кроме того, проникнутые истинно-народным духом, не заключая в себе ничего искусственного, ясно свидетельствуют о несомненном и выдающимся даровании автора».

В заключение своего очерка Н.А. Державин пишет «о всех вообще забытых русских писателях и поэтах», и его суждения остаются актуальными до сих пор. Стоит ли вообще изучать их творчество и биографии?

«…В истории развития русского художественного слова важны не только первостепенные писатели, но и такие, которые написали всего каких-нибудь два-три стихотворения, как одинаково способствовавшие развитию художественного языка. В истории русской (да и вообще всякой) литературы нет скачков, и не может быть. В ней всё идёт путём постепенного развития, при чём известные формы литературы, постепенно развиваясь в произведениях „мелких“ писателей и достигнув наивысшего развития у первостепенных писателей, сменяются другими, опять-таки в своём развитии подчиняющимся тем же правилам… С такой точки зрения всякий поэт, хотя бы написавший всего два-три стихотворения, имеет долю значения в истории русской литературы и заслуживает изучения».

К счастью, лучшие стихотворения Алексея Васильевича Тимофеева, не оказались совсем забытыми даже в XXI веке, и произошло это благодаря русским композиторам XIX века – Алябьеву, Варламову, Даргомыжскому, написавшим на его стихи песни и романсы. И они составляют неотъемлемую часть музыкально-концертного репертуара, а многие слушатели часто и не подозревают, что написаны эти произведения на слова Алексея Тимофеева. Поэзия Алексея Тимофеева, несомненно, обладала притягательной силой для этих композиторов, и через их произведения она обрела долгую жизнь.

Первым из музыкантов обратился к стихам А.В. Тимофеева Даргомыжский. В 1834 году состоялось их знакомство, и уже через год композитор создал песню «Признание» («Каюсь, дядя, чёрт попутал») и фантазию «Свадьба», которая признана одним из лучших вокальных сочинений А.С. Даргомыжского, в 1839-1840 гг. он написал песню «Баба старая» («Оседлаю коня»). В вокальном сборнике «Петербургские серенады» (сочинялась 1840-1850 гг. на стихи Пушкина, Лермонтова Кольцова, Дельвига, Языкова) есть и часть на стихотворение А. Тимофеева «Простодушный».

Яркие творческие находки отличают произведения А.Е. Варламова на стихи Тимофеева, созданные в конце 1830-х – начале 1840-х гг. Это баркарола «Пловцы» (на стихотворение «По реке вниз по широкой»), болеро «Река шумит» («Разлука») и романсы «Предчувствие» («Не судите, люди добрые»), «Челнок» («Лети челнок») и «Черны очи, ясны очи». В 1838 году Алябьев написал шуточную песню на стихотворение Тимофеева «Выбор жены». Самым известным романсом Варламова на стихотворение Тимофеева является «Оседлаю коня» (на стихотворение «Тоска»).

АЛЕКСЕЙ ТИМОФЕЕВ

СВАДЬБА

Нас венчали не в церкви,
Не в венцах, не с свечами;
Нам не пели ни гимнов,
Ни обрядов венчальных!

Венчала нас полночь
Средь мрачного бора;
Свидетели были
Туманное небо
Да тусклые звезды;
Венчальные песни
Пропел буйный ветер
Да ворон зловещий;
На страже стояли
Утёсы да бездны,
Постель постилали
Любовь да свобода!..

Мы не звали на праздник
Ни друзей, ни знакомых;
Посетили нас гости
По своей доброй воле!

Всю ночь бушевали
Гроза и ненастье;
Всю ночь пировали
Земля с небесами;
Гостей угощали
Багровые тучи.
Леса и дубравы
Напились до пьяна,
Столетние дубы
С похмелья свалились;
Гроза веселилась
До позднего утра.

Разбудил нас не свёкор,
Не свекровь, не невестка,
Не неволюшка злая –
Разбудило нас утро!

Восток заалелся
Стыдливым румянцем;
Земля отдыхала
От буйного пира;
Весёлое солнце
Играло с росою;
Поля разрядились
В воскресное платье;
Леса зашумели
Заздравною речью;
Природа в восторге,
Вздохнув, улыбнулась…

21 февраля 1834

ТОСКА ПО ОТЧИЗНЕ

Ах вы, ветры, ветры буйные,
Ветры буйные, залётные,
Принесите вы мне весточку
От родной моей сторонушки!
Там так ярко солнце красное,
Там свежи луга зелёные,
Там родная Волга-матушка,
Там звучна так песнь разгульная!..

Скучно, душно, ветры буйные,
Жить в темнице разукрашенной,
Видеть небо всё туманное,
Слышать песни все зловещие.
Всюду светит солнце красное,
Есть повсюду люди добрые,
Но нигде нет другой родины,
Нет нигде её радушия.

Разнесите, ветры буйные,
Грусть-тоску мою, кручинушку,
Успокойте сердце бедное, –
Всё изныло в злой неволюшке.
Так и рвётся горемышное!
Скучно, горько на чужбине жить!
Посмотрел бы хоть на родину,
Хоть взглянул бы на родимый кров.

Между 1830 и 1833

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

Туманно солнышко взошло,
Из леса путник показался,
В глазах родимое село…
Чу! Звон к заутрене раздался.

«Конец тяжёлому пути!
Привет тебе, село родное!
О, ярче, ярче ты свети
На небе, солнце золотое!

Не ждут иль ждут меня друзья?
Свиданье сладостно для друга.
Не изменился, тот же я;
Всё та же ль ты, моя подруга?

Одних давно, быть может, нет,
Другие, может быть, далёко;
Кого умчал весёлый свет,
Кого закон тяжёлый рока!».

И грустно, грустно посмотрел
Он на родимую дорогу;
Вздохнул, суму свою одел
И тихо помолился Богу!

27 июля 1835

ВЫБОР ЖЕНЫ
Русская песня

Не женись на умнице,
На лихой беде!
Не женись на вдовушке,
На чужой жене!

Женишься на вдовушке, –
Старый муж придёт;
Женишься на умнице, –
Голову свернёт.

Не женись на золоте,
Тестевом добре!
Не женись на почестях,
Жениной родне!

Женишься на золоте, –
Сам продашь себя;
Женишься на почестях, –
Пропадай жена!

Много певчих пташечек
В Божиих лесах:
Много красных девушек
В царских городах.

Загоняй соловушку
В клеточку твою:
Выбирай из девушек
Пташечку жену.

1837

ТОСКА

– «Оседлаю коня, коня быстрого;
Полечу, понесусь лёгким соколом
от тоски, от змеи, в поле чистое;
Размечу по плечам кудри чёрные,
Разожгу, распалю очи ясныя –
Ворочусь, пронесусь вихрем, вьюгою:
Не узнает меня баба старая!

Заломлю набекрень шапку бархатну;
Загужу, забренчу в гусли звонкия;
Побегу, полечу к красным девушкам, –
Прогуляю с утра до ночной звезды,
Попирую с зари до полуночи,
Прибегу, прилечу с песней с посвистом:
Не узнает меня баба старая»!

– «Поло, полно тебе похвалятся, князь!
Мудрена я, тоска: не схоронишься!
В тёмный лес оберну красных девушек,
В гробову доску – гусли звонкия;
Изорву, иссушу сердце буйное,
Прежде смерти сгоню со света Божьяго:
Изведу я тебя, баба старая»!

Не постель постлана в светлом тереме, –
Чёрный гроб там стоит с добрым молодцем;
В изголовье сидит красна-девица:
Горько плачет она, что ручей шумит,
Горько плачет она, приговаривает:
Погубила, тоска, друга милова!
Извела ты его, баба старая!».

1838

ПОЛЬСКИЙ ПОЭТ ЭДВАРД ЖЕЛИГОВСКИЙ В УФИМСКОЙ ССЫЛКЕ

Ещё с XVIII века Уфимско-Оренбургский край стал одним из мест ссылки для участников польского революционно-освободительного движения. В 1850-х годах в Уфе в ссылке оказался известный польский поэт, писатель и общественный деятель Эдвард-Витольд Желиговский (1816-1864), писавший под литературным псевдонимом Антоний Сова.

Эдвард Желиговский родился в местечке Корековцы недалеко от Минска в семье мелкого польского помещика. В 1836 году окончил дипломатическое отделение Дерптского университета, с 1843 служил в Вильно в канцелярии губернатора и ещё со студенческой скамьи состоял активным членом нелегальных революционных кружков. В 1846 году вышло первое крупное произведение Желиговского – поэма «Йордан», ставшая очень популярной, и которую польская молодежь восприняла как манифест. Поэта стали называть приемником Адама Мицкевича. В декабре 1850 г. виленский генерал-губернатор доносил, что «сочинение это, написанное звучными и хорошими стихами, – исполнено разных тёмных намёков и рассуждений, доказывающих неблагонадёжный образ мыслей автора, давно уже возбудившего на себя подозрение и состоящего под надзором полиции». В январе 1851 года «за создание сочинения „Йордан“, в котором обнаружена неблагонадёжность автора», Желиговский был выслан в Петрозаводск, а в 1853-м, после нескольких прошений, его перевели в Оренбургскую губернию.

В Оренбурге в это время сложился кружок ссыльных, в который входили: Тарас Шевченко, известные польские политические деятели Зыгмунд Сераковский и Бронислав Залеский (друг Желиговского по Дерптскому университету), поэт и переводчик, петрашевец А.Н. Плещеев и другие. Но долго пробыть в Оренбурге Желиговскому не пришлось. Заболев ещё в дороге, он тяжело переболел холерой, потом тифом и едва остался жив. По распоряжению военного губернатора В.А. Перовского, местом ссылки ему была назначена Уфа, куда поэт прибыл в январе 1854 года. В отличие от Петрозаводска, где Жели-

говский жил только на скудные средства, присылаемые матерью, в Уфе ему разрешили служить. Здесь были сосредоточено всё гражданское управление громадной губернии, и постоянно требовались образованные чиновники. Желиговского приняли в канцелярию гражданского губернатора Е.И. Барановского, а жалование позволило жить довольно безбедно. По Адрес-календарю Оренбургского края за 1858 год Эдуард Юлианович Желиговский (так его называли в Уфе) служил младшим чиновником по особым поручениям при уфимском гражданском губернаторе И.М. Потулове.

В Уфе Желиговский продолжил литературную работу. Подготовил сборник переводов на польский язык стихотворений Н.А. Некрасова, вышедший в Москве в 1856 году; закончил собственный прозаический сборник «Сегодня и вчера», подготовил книгу стихов «Стихотворения Антония Совы», которые были изданы в Петербурге в 1858 году. Также он перевёл отдельные стихотворения из «Кобзаря» и «Катерины» Т.Г. Шевченко. Тарас Шевченко, находившийся тогда в числе солдат Оренбургского корпуса, очень высоко ценил эти переводы, а чувство искренней симпатии к Желиговскому он сохранил до конца жизни. В одном из писем Б. Залесскому Шевченко писал «…пришла почта и привезла твоё второе письмо с драгоценным для меня подарком, с портретом Совы. Я не знаю, как тебя и благодарить, друже мой, за этот подарок. Что-то близкое, родное я вижу в этом добром, задумчивом лице; мне так любо, так отрадно смотреть на это изображение, что я нахожу в нем самого искреннего, самого задушевного собеседника! О, с каким бы наслаждением я прочитал его „Йордана“! Но это желание несбыточное. Благодарю тебя, тысячу раз благодарю за этот сердечный подарок. Ты пишешь, что желал бы сблизить меня с ним покороче. Дай Бог, что бы все люди были так коротко близки между собою, как мы с ним; тогда на земле было бы счастье! Пиши ему и целуй за меня, как моего родного брата». Между Желиговским и Шевченко завязалась переписка, но она, к сожалению, не сохранилась. Упоминание о ней есть в письмах Шевченко Залесскому, например, в апреле 1856 года он писал «Со следующей почтой, если буду в силах, напишу Сове».

Бронислав Залесский, покидая Оренбург в июле 1856 года, заехал в Уфу и передал Желиговскому подготовленную к печати рукопись поэмы Шевченко «Варнак». В свою очередь Желиговский должен был передать её известному поэту, уроженцу Уфы, Михаилу Ларионовичу Михайлову, который как участник этнографической экспедиции в это время находился в Оренбургской губернии. И в дальнейшем Желиговский помогал Шевченко чем мог – находил издателей, покупателей для гравюр и рисунков. Залесский так писал о деятельности Желиговского в Уфе: «Во время своего пребывания в приуральском крае он был настоящим украшением кружка изгнанников, и не один почерпнул от него моральную силу и существенную поддержку… В обществе русских он тоже сумел снискать к себе общее уважение; у него учились польскому языку и часто прибегали к его советам».

В Уфе Эдвард Желиговский и Михаил Михайлов не только познакомились, но и подружились. В архиве Михайлова сохранились три уфимских записки к нему от Желиговского на французском языке. В первой обговариваются совместная поездка по губернии в мае-июне 1856 года. Во второй говорится: «Будьте любезны, добрый и дорогой Михаил Ларионович, передать от моего имени г-же Потуловой прилагаемые при сем 6 томов Жорж Санд. Жду Вас завтра у себя. Не забудьте, пожалуйста, принести обещанные стихи Некрасова. Всецело Вам преданный Э.В. Желиговский». В последней: «Г-н Барановский и я намереваемся провести вечер у Вас. Будьте любезны известить нас, не противится ли этому Ваша муза и Ваши занятия. „Гость не вовремя хуже татарина“. Весь Ваш В.Э. Желиговский». Эти записки говорят о том, что ссыльный Желиговский был вхож в дома уфимской знати – гражданских губернаторов Барановского и Потулова. В поэтическом сборнике Э. Желиговского «Стихотворения Антония Совы» («Poezye Antoniego Sowy»), который он издал в Петербурге в 1858 году, есть стихи, посвящённые уфимцам: жене полковника – Софье Буткевич, урождённой Аничковой, Петру Самарину, дочери полковника Екатерине Карловне Тимлер, в июне 1854 года вышедшей замуж за вице-губернатора Егора Ивановича Барановского; цикл из шести лирических стихотворений был посвящён, по-видимому, сестре Екатерины – Ольге Тимлер. Кроме того, в сборнике есть указания, где написаны некоторые из стихотворений: «Ufa. 1856 r.», «1856 r. Nad Biala» (над Белой). Уфа расположена в месте слияния двух рек – Белой и Уфы на вершине горного плато. Можно предположить, что поэтическое вдохновение пришло ссыльному польскому поэту, когда он, стоя над Белой, любовался прекрасными заречными далями, открывавшимися со склонов уфимских гор.

В Уфе Эдуард Юлианович Желиговский прожил в ссылке три года, с января 1854 г. по январь 1857-го. В отличие от многих Уральских и Поволжских городов вплоть до конца XIX в. Уфа не была значимым торговым и промышленным городом. Старейший город Урала в первую очередь был важным административным центром, элиту которого составляло дворянство и чиновники. До 1865 года в Уфе находилось всё гражданское управление огромной Оренбургской губернии, и из 15 тысяч её жителей около 1200 составляли чиновники, служившие в различных губернских, уездных и городских учреждениях. Обширные городские усадьбы напоминали поместья, в которых были сады и небольшие парки, беседки, места для прогулок и увеселений. Светская жизнь в городе в это время была очень оживлённой, и, по описаниям современников, зимой проводились многочисленные балы, домашние вечера, концерты и спектакли; летом выезды на пикники, катания на лодках и дальние загородные прогулки.

Привлекательный, окружённый романтическим революционным ореолом польский поэт, безусловно, пользовался вниманием уфимских дам. И романтико-драматическая любовная история не преминула случиться.

Остановиться на ней подробнее стоит потому, что возлюбленная Желиговского, Софья Михайловна Буткевич, стала первой уфимской женщиной-писательницей. К сожалению, сведений о ней сохранилось очень немного. Софья Михайловна Аничкова родилась в начале 1830-х годов и происходила из одной из самых старинных уфимских дворянских семей, бывших основателями ещё уфимской крепости в конце XVI – начале XVII вв. Софья вышла замуж за поляка, военного инженера Буткевича. По адрес-календарю Оренбургской губернии за 1851 год – майор, Люциан Станиславович Буткевич, служил инженером губернской строительной комиссии.

С Желиговским Софью Буткевич сблизило литературное творчество и общность политических взглядов. Софья Михайловна мечтала стать писательницей и посылала свои публицистические статьи в герценовский «Колокол». В январе 1857 года Эдвард Желиговский получил разрешение покинуть место ссылки, и в Петербург влюблённые уехали вместе.

Можно предположить, что отъезд из Уфы не был побегом от мужа и расставание супругов Буткевич произошло с обоюдного согласия. Как уже было сказано выше, в 1858 году Эдвард Желиговский под псевдонимом Антоний Сова издал написанную в Уфе книгу прозы «Сегодня и вчера. Зарисовки биографо-этнографические и байки» (Antoni Sowa. Dzis i wczoraj. Rysy biograficno-obyczjowe i bajki). А посвятил её автор подполковнику Люциану Буткевичу, в котором писал: «Встретил тебя, дорогой Люциан, среди башкирских степей и был я тогда грустен, болен и нищ. Ты мне отдал всё своё сердце, весёлое и полное здоровья, полное благородства. Прими от меня сегодня этот скромный подарок, и позволь мне громко заявить миру, что я тебя глубоко уважаю и люблю». В Адрес-календаре Оренбургской губернии за 1858 год Люциана Буткевича уже нет среди лиц, служивших в нашем крае. Софья Михайловна Буткевич, оказавшись в Петербурге с Эдвардом Желиговским, познакомилась с кругом известных писателей: Н.Г. Чернышевским, Марко Вовчок, И.С. Тургеневым. Под влиянием Желиговского и своего нового литературного окружения она написала и в 1862 году под псевдонимом С. Буташевская издала в Санкт-Петербурге книгу «Дневник девочки». По крайней мере один экземпляр этой небольшой книги сохранился в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге. Примечательно, что предисловие к книге написал Иван Сергеевич Тургенев, в котором говорится, что: «Недостаток у нас хороших книг для детей чувствуется давно и, так сказать, вошёл в пословицу. Ещё покойный Белинский глубоко скорбел об этом недостатке и не раз высказывал свою скорбь. Со времени его кончины прошло двенадцать лет с лишком – и, не смотря на множество статей, появившихся по вопросу воспитания, не смотря на возникшие новые учреждения, предприятия, специальные издания, – наша детская литература едва ли стала богаче. Всякий родитель по-прежнему находится в большом затруднении, когда ему вздумается приобрести умно составленную и полезную книгу для своих детей. Дело в том, что хорошо писать для детей – очень трудно. Тут требуется не одно добросовестное изучение предмета, не одно терпение, на которое мы, впрочем, тоже не большие мастера, не одно знание человеческого сердца вообще и детского в особенности, не одно умение, наконец, рассказать просто и ясно, без приторности и пошлости, – тут сверх всего этого, требуется высокая степень нравственного и общественного развития, до которой мы едва ли доросли… Нам кажется, что книжка г-жи Буташевской может быть причислена к разряду подобных попыток – и соединяет в себе значительную часть достоинств, которые мы вправе требовать от сочинения, назначенного для детей. Мы позволяем себе рекомендовать „Дневник девочки“ родителям и наставникам».

Тургенев упоминает о С.М. Буткевич в своих письмах, о ней есть упоминания в дневнике жены Ф.М. Достоевского – Анны Григорьевны.

Книга, вышедшая под псевдонимом писательницы «С. Буташевская», была посвящена её племянницам Саше А-вой (Аничковой?) и Верочке О-ской и написана в форме дневника девочки-подростка. В нём она описывает не только ежедневные события, но и те уроки доброты, нравственности, помощи бедным, с которыми знакомила её мать. В ткань повествования вплетены познавательные новеллы в форме сказок и рассказов взрослых – о путешествии пшеничного зёрнышка, о птицах, рыбах, животных, или история обеденного стола (который когда-то был большим деревом). Кроме того, в книгу включена небольшая пьеса «Петя», действующими лицами которой являются дети, и сказка, напоминающая современное фэнтези, о планете, жителями которой были такие персонажи как господин Разум и его четыре любимые сестры: Мысль, Воля, Чувство, Совесть.

Приехав в феврале 1857 года в Петербург, Эдвард Желиговский поступает на службу в канцелярию гражданского губернатора, занимается изданием своих произведений, а также становится редактором и издателем польской газеты «Слово». В отличие от польских радикалов, Желиговский призывал к объединению поляков и русских в революционной борьбе, сближению культур двух народов. Среди близких петербургских знакомых Желиговского были И.С. Тургенев, братья Жемчужниковы, А.К. Толстой, Н.Г. Чернышеский, Н.И. Костомаров. Здесь в марте 1858 года состоялась долгожданная встреча

с приехавшим из ссылки Тарасом Шевченко. Они часто встречались, читали друг другу свои произведения. В мае 1858 года Желиговский записал в дневник Шевченко своё стихотворение «Брату Тарасу Шевченко». В 1859 году Т.Г. Шевченко пишет стихотворение, посвящённое другу.

ТАРАС ШЕВЧЕНКО

ПОДРАЖАНИЕ АНТОНИЮ СОВЕ

Посажу я возле дома
Для подруги милой
И яблоньку и грушеньку,
Чтобы не забыла!

Бог даст, вырастут. Подруга
Под густые ветки
Отдохнуть в прохладе сядет,
С нею вместе – детки.

А я стану груши с веток
Рвать для милых деток…
С подругою – любимою
Перемолвлюсь этак:

«Помнишь, друг, я перед свадьбой
Их сажал весною…
Счастлив я!» –
«И я, мой милый,
Счастлива с тобою!..».

1859, С.-Петербург
Перевод М. Фромана

В январе 1860 года Эдуард Желиговский уезжает за границу, где предполагал возобновить издание польской газеты наподобие «Слова», запрещённой после выхода первых 15 номеров, работает над поэмой о декабристах. В Лондоне состоялось его личное знакомство с А.И. Герценом. Софья Буткевич отправилась за Эдвардом Желиговским в эмиграцию и оставалась с поэтом до самой его смерти. Умер Эдвард Желиговский в Женеве 29 декабря 1864 года.

Желиговский писал свои произведения на польском языке. Переводов их на русский существует немного. В Оренбурге Желиговский познакомился с поэтом А.Н. Плещеевым, сосланным за участие в кружке Петрашевского. Плещеев перевёл его стихотворение «Два слова». В одном из писем к Брониславу Залесскому Т.Г. Шевченко писал о том, что перевод Плещеева не совсем удачен: «„Два слова“ – эта идея так возвышенно прекрасна и так просто высказана у Совы, что Плещеева перевод, хотя и передаёт идею верно, но хотелось бы изящнее стиха, хотелось бы, что бы стих легче и глубже ложился в сердце, как это делается у Совы». Стихотворение «Друзьям-славянам» в переводе учёного-слависта, профессора Казанского университета М.П. Петровского было напечатано в сборнике «Поэзия славян», вышедшем в Петербурге в 1871 году. И в 1963 г. в сборнике «Польская поэзия XVI – XIX вв.» опубликованы два стихотворения «Я превратил свои тяжкие муки» и «Брату Тарасу Шевченко» в переводе Семёна Кирсанова.

ЭДВАРД ЖЕЛИГОВСКИЙ

ДВА СЛОВА

Над кладбищем, над могильными плитами
Солнышко весною всходит каждый год,
Каждый год пестреет мягкий луг цветами,
Птичка божия так весело поёт.

Голос бога с каждою весною
Говорит природе: «Радуйся, живи;
Громы в небесах глубоко я сокрою;
По любовь и знай, источник я любви».
Над кладбищем, над могильными плитами
В тучи солнышко заходит каждый год,
И, с поблекшими от холода цветами
Расставаясь, птичка жалобно поёт…

Слышит голос бога каждый год природа:
«Плачь и сокрушайся... Смерть есть твой закон».
И гремит гроза, и воет непогода,
В мире тленья все, а вечность – только он.

Перевод Алексея Плещеева

ДРУЗЬЯМ-СЛАВЯНАМ

О, братья! Хоть у нас от самого рожденья
И вера, и язык – отдельные, свои,
Мы составляем все единой цепи звенья,
Все – дети мы одной разрозненной семьи.

Зачем же, за кого ж на крестное страданье
Его к нам вызвала небесная любовь,
Когда народный вопль, тревожное роптанье
И дело Каина творится в мире вновь?

Да! Раздражённый брат шёл в гневе против брата,
Свершая на пути кровавые дела;
И не за истину под остриём булата
Лилась родная кровь, свершалось столько зла.

Иудин сребренник, Канафы осужденье
Над кровию людской имеют перевес.
В борьбе с насилием, в борьбе с предубежденьем
Как счастия искать? Иль ждать во всём чудес?

А племя наше так раскинулось, созрело!
Лишь хартии его деяний перечесть –
Повсюду встретим в них величье слова, дела,
Везде гражданскую возвышенную честь.

Не изречём суда и мрачным в них страницам;
Припомним, что грешит порою весь народ,
Народы целые, подобно частным лицам:
То вспышка, произвол, преданий старых гнёт!

Humanum est! Простим! Но то для сердца больно,
Что помрачаются деяния людей.
Какой-то злобный дух над ними своевольно
Распространяет мрак темнее и темней.

Так, знамя грубой лжи считается народным,
И вызывает в нас бессмысленный восторг,
Святое всё слывёт отверженным, бесплодным,
И честь дешёвая выносится на торг.

И дерзко демоны в добро рядиться стали,
Во знаменьи креста предвидя свой успех;
Но святотатство их мы поняли, сознали,
И кровью и слезой мы свой омыли грех.

Теперь сознали мы к какой стремимся требе:
Теперь не надо нам чужих земель, знамён;
Мы все нуждаемся в одном насущном хлебе,
И тот насущный хлеб – есть счастие племён!

Насущный хлеб для нас в той истине священной,
Что мы должны пролить за правду пот и кровь;
Что, по ученью Спасителя вселенной,
Наш лозунг – братская к собратиям любовь.

Вы, пережившие чистилище страданий,
Чья грудь огнём любви и истины горит,
Уверуйте – пройдёт эпоха испытаний:
Согласие средь нас то чудо довершит.

И благо братий – нам заветная награда
За трудный подвиг наш: оно наш клич к своим.
Долой сомнения – и вырвем мы у ада
Божественную мысль, украденную им!

И демоны тогда глумиться перестанут
Над вечной правдою, устроившею мир;
И братья, братьями поверженные, встанут
И дружно потекут на всеславянский пир.

Перевод М.П. Петровского

БРАТУ ТАРАСУ ШЕВЧЕНКО

Сын народа – вождь народный,
Мученик, твой путь прекрасен,
Лавр славы благородный,
Как и песни, скорбен, ясен.

Два венца обрёл сплетённых,
Оба дивны, но кровавы, –
Ты трудился не для славы,
А для братьев угнетённых.

Им сдавили стоны муки –
Ах! И стоны – преступленье,
Громким эхом во мгновенье
Повторил ты эти звуки.

Каждый стих – предел страданья,
Жгучей болью наносимый,
Ты оплакал до созданья,
Духом свыше осенённый.

Скорбный! Видишь чудо слова?
Как никто не спрячет снова
Солнца днём, – так не посмеет
Слово смять рука тиранов;
Слово – Божье и имеет
Бардов вместо капелланов;

Мрак и холод зимней ночи
Гонит солнечный восход,
И к свободе путь короче,
Если дал вождя народ!

Перевод Г.Д. Вержбицкого

БРАТУ ТАРАСУ ШЕВЧЕНКО

Тот пророк – кто сын народа!
Этим горд певец суровый
С песней схож твоей свободной
На челе венец лавровый.
Два венца надеты на лоб,
И прекрасны, хоть кровавы,
Труд твой был не ради славы,
Пел ты боль народных жалоб.
Даже речь была в запрете,
Даже стон – тягчайший грех он!
Стоны сдавленные эти
Повторил ты громким эхом.
Плакал ты над каждым стоном,
Боль терпел при каждой песне,
Горним духом осенённый,
Пел свободней, пел чудесней
Что пророчишь чудом слова?
Так же как в рассвете новом
Солнце скрыть никто не может, –
Никакой тиран на свете
От людей не спрячет слова,
Потому что слово – Божье
И его пророк – в поэте.
И как луч на поднебесье
Мрак и холод разметёт –
Вспыхнет день свободы, если
Дать пророка мог народ!

Перевод Семёна Кирсанова

***

Я превратил свои тяжкие муки
В скромные песенки, слышу их звуки,
Так же как мать лепетанье младенца.

Песню не раз орошу я слезою,
Чувством укутаю, мыслью укрою,
Болью и кровью горячего сердца.

Эти одежды не ахти какие,
Вы ж, мои песенки, точно такие,
Вас не веселье, не пир ожидает.

Там же, где плачут сердца под одеждой,
Там, где отчаянье вместе с надеждой,
Пусть в свой венок вас страданье вплетает.

Перевод Семёна Кирсанова

СУДЬБА ПОЭТА ЯКОВА СТАРОСТИНА

Известный Уфимский историк Михаил Игоревич Роднов, работая в 2018 году в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге, обнаружил рукопись трёх стихотворений поэта Старостина, написанных в Уфимской губернии в уездном городе Белебее. Оказалось, что это не опубликованные стихи поэта 1870-х годов Якова Артемьевича Старостина (1846-1879), который с 1873 года служил судебным следователем в Белебее, а затем в Уфе.

КНАГА 1.
ОДА IV.

Куда плывёшь, корабль, вновь по волнам бурливым.
Займи скорее порт. Не видишь, ослеплён,

Что злого Африка порывом
Твой бок от вёсел обнажён?

Чуть держится мачта, ревут и стонут снасти,
Канаты лопнули; твоя больная грудь

Валов могучих ярой власти
Уже противится чуть-чуть.

Нет новых парусов; угнетена бедою,
Понтийская сосна, дочь гордая лесов;

Взывает с тщетною мольбою,
Прося о помощи богов.

Ни славным именем пучин не обморочишь,
Не испугаешь их расписанной кормой;

О, берегись, коль быть не хочешь
Ветров игрушкою пустой.

Холодный прежде, я тревожною измучен
Заботою теперь и ужасом объят:

Пройдёшь ли ты благополучен
Меж скал блистающих Киклад?

Перевод стихотворения древнеримского поэта Горация (65-8 гг. до н.э.). В разные годы её переводили многие известные русские поэты, в том числе П.А. Вяземский, А.А. Фет, В.Я. Брюсов.

РАССКАЗЫ ДЕДУШКИ

Сядьте, детушки, – довольно
Бегать да скакать,
Мне хотелось бы немного
С вами поболтать.
Но на этот раз не сказкой
Я потешу вас,
Я на этот раз правдивый
Поведу рассказ.
Хоть рассказывать я стану
Об вещах простых –
Каждый день и зачастую
Вы видали их,
Но услышите вы много,
Много кой о чём,
Что быть может пригодится,
Детки, вам потом.

Не хитёр рассказ мой будет,
Ну, а всё ж порой
Вас, родимые, быть может
Прошибёт слезой.
Так старайтесь хорошенько
Вникнуть в эту речь,
Это чувство, эти слёзы
Надолго сберечь.
Поутру надев рубашку,
Как-нибудь порой
Вы задумались ли, детки,
Над рубашкой той?
Сколько пролито тут поту,
Сколько горьких слёз,
Может быть, над каждой ниткой,
Детки, тут лилось!
Глубоко под лён крестьянин
Вешнею порой,
Обливаясь потом, землю
Взбороздил сохой;
И мужицкий труд обильно
Был вознаграждён:
Трудовым политый потом,
Уродился лён,
Уродился тонок, долог,
Волокнист и бел…
(Ведь недаром же трудиться
В поте Бог велел)
Но ещё трудиться много
Мужичку пришлось,
Прежде чем свой лён он в город
На базар привёз.

ПТАШКА

Перезябнула малая пташка,
И ко мне она бьётся в окошко.
Без боязни влетай, моя крошка,
У меня отогрейся, бедняжка.

До весны я тебя здесь укрою,
Обижать никому не позволю;
Крупных зёрен я дам тебе в волю,
Напою тебя чистой водою.

А как вешнее солнышко глянет
Так светло и тепло и радушно,
Будет здесь тебе тесно и душно
И тянуть на поля тебя станет, –

Ты томиться в неволе не будешь,
Сам тебе отворю я окошко…
Улетай, моя малая крошка…
Улетишь… и меня позабудешь.

Полетишь, запоешь и засвищешь…
А наступит плохая минута, –
Не ищи ты иного приюта:
Здесь всегда ты охрану отыщешь.

Яков Артемьевич Старостин родился 22 апреля 1846 года деревне Бараново Ковровского уезда Владимирской губернии в семье крепостного крестьянина. Многие факты биографии Старостина были собраны владимирскими и псковскими краеведами, ими же была составлена его библиография. Отец будущего поэта был офеней – странствующим мелким торговцем. После его смерти в 1854 году мать Старостина переехала в Псков, где открыла небольшую галантерейную лавку. Здесь Яков поступил учиться в уездное училище, которое окончил в 1858 году с отличием. На талантливого мальчика обратили внимание. Для того чтобы он продолжил образование, директор Псковской гимназии поэт и переводчик А.Н. Яхонтов (1820-1890) просил помещика отпустить Старостина на волю, даже предлагал выкуп, но получил отказ. Так как это происходило уже накануне отмены крепостного права, вмешательство псковского губернатора графа К.И. Палена всё же позволило поступить мальчику в гимназию на казённый счет. Из всех предметов он особенно любил литературу, начал писать стихи. Сохранились сведения, что Яков Старостин решился показать их приехавшему в Россию И.С. Тургеневу, который ободрил юношу и посоветовал ему продолжить литературные занятия.

В 1866 году Я.А. Старостин окончил гимназию с серебряной медалью и поступил на юридический факультет Петербургского университета. Материальную поддержку во время учёбы ему оказывал бывший псковский губернатор Пален, ставший в 1867 году министром юстиции. После окончания университета Яков Старостин служил в Пскове помощником адвоката. В 1873 году его назначают судебным следователем в город Белебей Уфимской губернии.

С 1874 года в ссылке в Белебее оказался участник студенческих волнений, так называемого «Нечаевского дела», студент Петербургского технического университета Георгий Петрович Енишерлов (1850-1913). Он оставил воспоминания, рукопись которых находится в фонде Енишерлова в Москве в Российской государственной библиотеке.

Вот так ссыльный описывает уездный Белебей 1870-х годов: «На другой день приехали к каким-то горам, огибающим правильным полукругом большую котловину. В котловине показался острог, церковь и мечеть, а кругом на большом расстоянии какие-то подслеповатые, подгулявшие и покачнувшиеся в разные стороны деревянные домики плясали канкан: город состоял из одной только площади, но зато на этой площади могло быть разводу двум кавалерийским дивизиям; улиц не было, не только садов, но даже деревьев при домах я не заметил».

Описывая жителей Белебея Енишерлов упомянул и о Старостине: «Из местного чиновничества, кроме судебного следователя Старостина Якова Артемьевича не было выдающихся тогда никого. Старостин пил без просыпу ежедневно. Пьяный он ездил по уезду, пьяный допрашивал подсудимых. И если бы не его жена, составлявшая протоколы и ведшая всю переписку, он давно бы подпал под суд. Его впрочем, терпели только до введения гласного судопроизводства». Жизнь в глухом уездном городке для талантливого поэта, вероятно, была невыносимой, печатать же свои стихи в Петербургских журналах он мог только изредка.

После Белебея Яков Старостин какое то время служил в Уфе. В Национальном архиве Республики Башкортостан сохранились метрические записи из которых следует, что 6 ноября 1877 г. в градо-уфимском Сергиевском храме отставной секретарь гражданского отделения Уфимской палаты уголовного и гражданского суда, кандидат прав, 30-ти летний Яков Артемьев Старостин первым браком венчался с дочерью коллежского асессора Федора Илларионова Папкова – Людмилой, невесте так же вступавшей в первый брак было 24 года. Поручителями жениха стали: коллежский секретарь Михаил Васильевич Лопатин и студент университета Владимир Иванович Шульц. Поручителями невесты – белебеевский купеческий сын Николай Павлович Белов, писец 3-го разряда Александр Васильевич Лопатин и уфимский купец Мартемьян Васильев. 2 июля 1878 года в этом же уфимском храме была крещена Ольга – дочь кандидата прав Якова Артемьевича Старостина и его жены Людмилы Фёдоровны. Восприемниками стали уфимский купец Мартимиан Стефанович Васильев и вдова надворная советница Елена Стефановна Вавилова. Прожив только три недели, девочка умерла. Яков Артемьевич Старостин скончался от чахотки 13 марта 1879 года в возрасте 30 лет, 15 марта был погребён на Сергиевском кладбище.

Венчал Якова Артемьева, крестил его дочь и отпевал поэта настоятель Сергиевской церкви протоиерей Фёдор Михайлович Троицкий. О нём в своей книге «Давние дни» очень тепло вспоминал художник, уроженец Уфы Михаил Васильевич Нестеров: «…отец Фёдор был натура богатая и в те времена среди духовенства редкая. Он всем интересовался, но больше всего любил, после своей маленькой деревянной Сергиевской церкви, искусство во всех его проявлениях. И он со всей простотой своей ясной неомрачённой души умел служить ему. Он был и живописец, и поэт, он прекрасно, задушевно пел мягким музыкальным тенором. Он играл на скрипке… Вот на стене, на деревянной стене Сергиевского кладбища, написано стихотворение – грустное, трогательное, о тщете жизни, о мытарствах души человеческой. Чьё это стихотворение, кто так разволновал вас? Да всё тот же отец Фёдор, так часто провожающий по этим тенистым берёзовым дорожкам своих прихожан туда, куда и сам через несколько лет он ушёл». Возможно, о. Фёдор Троицкий был одним из немногих уфимских друзей талантливого поэта Якова Артемьевича Старостина.

С 1869 года Яков Старостин начал печататься в петербургских журналах. В «Будильнике» (1869, № 9) вышла его первая публикация – перевод стихотворения «Весельчак» французского поэта Густава Надо. В 1870 и 1871 гг., и с 1873 г., когда он уже служил в Уфимской губернии, несколько его стихотворений и переводов были напечатаны в журнале революционно-демократического направления «Дело», в конце своей недолгой жизни он опубликовал четыре стихотворения в журнале «Живописное обозрение». В 1884 году, уже после кончины поэта, в одном из самых известных литературных журналов «Вестник Европы» была напечатана подборка его стихов и биографическая справка об авторе, в ней кроме прочего было сказано, что вскоре после окончания курса в университете и поступления в адвокатуру Старостина «…перевели судебным следователем в Уфимскую губернию, где и обнаружилась в нём тяжкая болезнь – последствие той бедности и нужды, какую он испытал в эпоху своей юности, и которая свела его в могилу… При жизни покойный помещал свои опыты в различных журналах; мы печатаем теперь найденное в его бумагах, и это может, по нашему мнению, увеличить сожаление о столь ранней смерти таланта». Возможно, архив поэта был сохранён его женой или уфимскими друзьями.

После смерти поэта только в «Псковских губернских ведомостях» появился некролог, в «Уфимских губернских ведомостях» это печальное событие отмечено не было. В 1879 году журнале «Живописное обозрение» было опубликовано стихотворение писателя, журналиста и издателя Александра Васильевича Круглова (1852-1915) «Памяти Я.А. Старостина». В нём он упоминает о встрече с друзьями поэта. С конца 1870-х годов Круглов много путешествовал по России, возможно, побывал он и в Уфимской губернии.

АЛЕКСАНДР КРУГЛОВ

ПАМЯТИ Я.А. СТАРОСТИНА

Ты не был гением, твой стих
Не прозвучал у нас набатом,
Но в песнях искренних своих
Скорбел ты сердцем за больных,
Страдал с терпящим муки братом!
Тебя не знал я, но любил
Твой стих унылый, ты мне был
Безвестным, но ближайшим другом,
С которым я, ночным досугом,
Беседу вел и понимал,
Что тот, чей стих тоской звучал, –
Тоскою, фальшью не грешащей, –
Был сам душой больной, скорбящей!

Прошло немного лет и мне
Пришлось на чуждой стороне
С твоими встретится друзьями,
С кем ты заветными мечтами
Делился, душу открывал,
Кому все тайны поверял!
Они мне многое открыли,
И их рассказы подтвердили,
Что я умел тебя понять
И муку сердца разгадать.
Но если прежде горячо
Тебя любил я, – то ещё
Ты стал дороже и милее,
Твой образ чище и светлее, –
И тяжелей произнести:
Погибнул он на полпути,
Встречая горе да несчастье
Имея все права на счастье!

Погиб! Невыразимо больно
Звучат слова… В уме ж невольно
Сознанье горькое встаёт:
Погибло много и вперёд
Погибель многих ожидает
В борьбе с нуждою роковой, –
И кто же, кто же всё виной,
Кто за погибших отвечает?
Когда пловец пред нами тонет,
Зовёт на помощь нас и стонет,
Но мы, нейдя на зов и плач,
Спокойно путь свой продолжаем,
На гибель холодно взираем, –
Скажите, кто его палач?
О, если бы честнее были
И брата горячей любили,
Смогли б, сумели б мы спасти
Погибнувших на полпути!

Журнал «Живописное обозрение» (Санкт-Петербург), 1879 год, № 33.

Старинное уфимское Сергиевское кладбище, где был похоронен поэт Яков Артемьевич Старостин, существует, но многие годы находилось в запустении, и только в последнее время стало приводиться в порядок. Надгробие Старостина на нём не сохранилось.

ЯКОВ СТАРОСТИН

ПЕЧАЛЬ ПОЭТА

С участьем тайного привета
Вы задаете мне вопрос:
«Зачем всегда душа поэта
Полна печали, жгучих слёз?
А эти сладостные звуки,
Поэта грудью рождены,
Зачем страданьем жгучей муки,
Тоской и стонами полны?».

– Зачем? В глубокой бездне моря
Не мало жемчугу лежит,
И сколько слёз и мук, и горя
Зерно жемчужное таит.
Сбирая жемчуг, тихо ходит
Пловец отважный в глубине,
И вместо жемчуга находит
Следы крушения на дне.

Не без невольного испуга
Глядит – и видит, и дрожит:
Вот труп исчезнувшего друга
Обезображенный лежит.
И разразиться сердце просит
Слезами в глубине морской,
Но он на берег нам выносит
Не слёзы – жемчуг дорогой.

Есть бездна глубже бездны моря;
Что в глубинах она своих
Таит и мук, и слёз, и горя,
И перлов лучше перл морских!

То – грудь людская, где сбирает
Поэт свой жемчуг дорогой,
Но в той же бездне почерпает
Он слёзы с жгучею тоской.

Журнал «Дело» (Санкт-Петербург), 1874 год, № 9.

ДОБРЫЙ ГЕНИЙ

Был век стихов и рифм; – наш век иной:
Поэзия у нас теперь не в моде,
И на стихи спрос очень небольшой;
В поэзии мы видим что-то вроде
Ребячества и шалости пустой.
В наш век сухой, холодной, дельной прозы
Осмеяны несбыточные грёзы
Об образах нездешней красоты.
Пустые, но роскошные мечты!
За ними мы не мало погонялись.
Но их убил рассудочный анализ.

Я сознаюсь: а всё-таки порой
Разделаться с поэзией нет мочи;
И я несусь восторженно душой
Куда-то в даль, в мир грёз… и часто очи
Туманятся непрошенной слезой.
Фантазия шалит и прихотливо
Рисует мне настойчиво так живо,
Так ярко ряд причудливых картин,
Рой образов… особенно один,
Таинственный, прекрасный и унылый;
Рисуется с особенною силой.

Не знаю, где душа его нашла;
И в душу мне навеян он откуда,
Один Бог весть; быть может, создала
Его моей фантазии причуда.
Но помню: я девчонкою была,
В дому отца в тяжёлые мгновенья
Душа рвалась, – и в тишь уединенья,
Незримый гость, он прилетал ко мне,
Беседовал со мной наедине,
И к моему склоняясь изголовью,
Грудь согревал приветом и любовью.

Печаль сбегала с моего лица,
И погрузясь в задумчивые грёзы,
Я забывала муку без конца,
Мою неволю, вечные угрозы;
И образом сурового отца
Я не пугалась. Весело, привольно
Мне становилось; высоко и вольно
Дышала грудь, и всё в моих глазах
Преображалось чудно, на губах
Невольная являлася улыбка,
И сердце билось шибко, шибко, шибко.

Тот образ: чудное высокое чело,
На нём печать какой-то важной думы,
И грустное раздумье налегло;
Печальные, но вовсе не угрюмы,
Глаза глядят приветливо, тепло.
Взяв за руку меня одной рукою,
Куда то вдаль указывал другою.
И говорил таинственно: «Иди!».
И предо мной, как будто впереди
Какая-то завеса поднималась.

Хоть уловить я точно не могла
Картины той туманные контуры:
Я видела, в тумане без числа
Там двигались неясные фигуры;
Но эта даль, таинственно-светла,
Меня к себе влекла неотразимо;
Моя душа рвалась неудержимо
В тот край, куда указывал мой друг.
Я поднималась… Пропадало вдруг
Создание моей досужей грёзы,
И горькие опять лила я слёзы.

Темна, печальна женщины судьба;
Она чуть-чуть не с самой колыбели
До часа вплоть последнего, – раба
Житейских дрязг и самой мелкой цели.
Я выросла, – и началась борьба.
Мне не хотелось общей женской доли –
Переходить в неволю из неволи;
Но долго мой противился отец, –
Что вынесла тогда я! Наконец,
Он уступил, и в сферы жизни
Вступила я с боязнию невольной.

И вот теперь, когда мне душу вдруг
Невольное сомнение встревожит,
В тяжёлую минуту жгучих мук,
Когда мой дух в бореньи изнеможет,
Является таинственный мой друг,
И снова дух мой падший восстает,
И вновь веленью тайному послушна,
Ярмо невзгод несу я равнодушно.

Журнал «Живописное обозрение» (Санкт-Петербург), 1878 год, № 7.

ЛЮБКА БЕСШАБАШНАЯ
(рассказ судебного следователя)

Привели. Девчонка скромна,
Только, знаете, в глазах
Что-то есть такое тёмное,
Что внушает даже страх.
Видно, если разгуляется,
Так не трогай, берегись:
Тут натура разыграется,
А не взбалмошный каприз.
Я взглянул в лицо ей бледное
И подумал про себя:
«Эх, головушка победная!
Жизнь помаяла тебя».

Стал допрашивать – насупилась,
Нервно бровью повела,
Как-то сумрачно потупилась,
А потом и начала:

«Мне рассказывать не для чего,
С кем спозналась: мало ль к нам
Люду разного, бродячего
Позаходит по ночам.
Стала я перед Успением
Замечать, что тяжела,
С той поры мне жизнь мучением
Пуще каторги была.

Прежде Любка Безшабашная,
Удалая голова,
Руки в боки, речь пустяшная,
Всё бывало трынь-трава;
Тут весёлость забубённая
Приутихнула моя,
Стала грызть неугомонная
Сердце мне тоска-змея.

Сердце мне изгрызла лютая!
Опостылели пиры,
И весёлой ни минуты я
Не видала с той поры.
Словно туча бесрассветная
Надо мною налегла,
Дума, дума неприветная
Крепко в душу залегла;
Заслонила непроглядная
Красно-солнце от меня,
Иссушила безотрадная
Пуще полымя-огня.
Я носилась с ней угрюмою,
Как с излюбленным дитёй;
Я ложилась с этой думою,
Я вставала с думой той.
Всё то, всё припоминалося
Пережитое житье,
Как живое представлялося
Всё бывалое моё.
Как жива была родимая,
Словно цветик я цвела,
А она меня, любимая,
Пуще глазу берегла;
Да закралася истомная
В грудь моя любовь-тоска,
Стала горенка укромная
И тесна мне и низка.
Ох, та речь да поступь милая!
Было мне невмоготу,
И на веки загубила я
Честь свою и красоту.
Ой, любовная зазнобушка!
Что девичьей красоты,
Пуще чем людская злобушка,
Загубом сгубила ты.

Так не долго миловалася,
Со дружком рассталась я:
Соразлучница сыскалася,
Подколодная змея.
Сколько слёз тут было пролито!
Сам он плакал заодно,
Сам жалел, да видно воли-то
Над ретивым не дано;
И сказал он мне: «Голубушка
Крепко я тебя любил,
А теперь прости мне, Любушка,
Если в чём я согрешил».

Как сказал он, обомлела я,
Ноги словно отнялись,
Слово замолвить хотела я,
Только губы запеклись,
Ну, и только трудно охнула
Я в ответ на речь его,
Да на месте тут и грохнула,
Не сказавши ничего.
Что потом со мною сталося, –
И сама не знаю я;
Со стыдом я распрощалася,
И бесчестья не тая,
Стала девкою пустяшною,
И меня народ частной
Прозвал Любкой Бесшабашною,
Удалою головой.

Жизнь разгульную, весёлую
С той поры я повела,
Зеленым вином тяжёлую
Грусть-тоску я залила.
Что творила безобразила!
Эх, всего не рассказать,
Да случилася оказия
Я опомнилась опять,
Стала думать: «Если детищем
Бог меня благословит,
Что-то дам ему? – со вретищем
Напридачу вечный стыд:
Станут все его, безвинного,
Попрекать моим стыдом,
И ни в чём-то непричинного
Назовут все байстрюком».

И бывало на кусочушки
Так и рвётся грудь моя,
Просто не было мне мочушки,
Я была как не своя;
Как не думать, я ни нудилась
Дума лезла, не хотя,
И везде-то мне всё чудилось
Это мёртвое дитя.
Народилось несчастливое,
Я с ума чуть не сошла,
Надрывалося ретивое,
А сдержаться не могла.

Видно, Божье наказание…
И замолкла, задрожав.
Слово в слово показание
В протоколе записав,

Хоть рождалось сожаление,
Верный долгу своему,
Я вписал постановление;
Посадить её в тюрьму.

Журнал «Живописное обозрение» (Санкт-Петербург), 1878 год, № 7.

***

Уж полночь. Город погружён
В глубокий безмятежный сон;
Умолкнул дня тревожный шум;
Лишь я, задумчив и угрюм,
Воспоминаньями томим,
Брожу по улицам пустым
И раздаётся в тишине
Один лишь звук моих шагов.
Недолго ждать осталось мне,
И я скажу тебе, мой Псков:
«Прости! Быть может навсегда!
И пережитые года
В воображении моём
Встают, и ярко чередом
Картины жизни прожитой
Рисует память… Боже мой!
Я и не думал, что в былом
Так много пережито мной!
Как много вспомнилось мне вдруг
Прожитых радостей и мук,
Былых надежд, бывалых грёз,
Восторгов прежних, прежних слёз,
Былой любви, вражды былой,
Ошибок и удач былых
И лиц, теперь забытых мной,
Но прежде сердцу дорогих!
И шевельнулася в груди
Моей не ясная печаль,
И стало мне не то, чтоб жаль
Мне грустно стало… оттого,
Что из прожитого всего
Не нахожу я ничего,
О чём бы стоило жалеть.

РОДНОЙ ЯЗЫК

Родной язык, родные звуки!
Отца и матери язык,
Которым с детства радость, муки
И мысль я выражать привык!
Он прозвучал мне в первой ласке,
Мой первый лепет был на нём,
Меня он тешил в старой сказке
Старушки няни вечерком.

Далёко от родного края
Я долго жил в чужой стране,
И долго-долго речь чужая
Терзала слух и сердце мне.
О, как я ждал нетерпеливо
Тех встреч, где слышалась мне вдруг
Родная речь, в которой живо
Проникнут лаской каждый звук!

Родной язык! В душе унылой,
В душе измученной моей
Ты воскресил волшебной силой
Воспоминанья прежних дней:
Отец с приветливой улыбкой,
Мать с грустной думою в очах,
И наш язык, богатый, гибкий.
Я слышу снова в их речах.

Журнал «Вестник Европы» (Санкт-Петербург), 1884 год, № 1.

«ЛИТМУЗЕЙ»

ЕВГЕНИЙ ДЕМЕНОК

ВАЛЕНТИНА МАРКАДЕ. НЕСКОЛЬКО РАССКАЗОВ

Она родилась в Одессе, окончила гимназию в Чехословакии, а большую часть жизни прожила во Франции. Валентина Дмитриевна Маркаде (в девичестве Васютинская) не только стала одним из первых во Франции исследователей русского и украинского авангарда, но и была автором целого ряда рассказов, и поощряла её в творчестве её близкая приятельница, хорошо всем известная Тэффи. Но на родине сегодня её имя забыто, а рассказы, за исключением нескольких (небольшая повесть «Каменный ангел» (журнал «Возрождение», № 207, 1969) и рассказ «Блаженная» («Новое русское слово», Нью-Йорк, 1952)), так и не были опубликованы – после смерти Тэффи она полностью изменила сферу своих интересов, переключившись на историю искусства. Поэтому данная публикация двух её рассказов является первой.

Для начала – немного биографии. Валя Васютинская родилась 22 сентября (5 октября) 1910 года в зажиточной дворянской семье. Её отец, Дмитрий Степанович Васютинский (1875-1934), родился 20 сентября 1875 года в селе Карловка Ананьевского уезда Херсонской губернии. В Одесском областном архиве, в фондах Новороссийского университета, есть запись о поступлении его в августе 1894 года на Физико-математический факультет, отделение математических наук. Указано, что он был дворянином, православного вероисповедания, окончил Ришельевскую гимназию.

Удивительно, но Дмитрий Степанович обожал петь, поэтому со временем практически всё своё время посвящал этому занятию. Он стал оперным тенором и выступал под псевдонимом Курагин.

Не менее известным был род матери, Евгении Антоновны Корбе (1875-1953). Ещё в начале XIX века Василий Корбе выкупил село Грушевка – сейчас оно находится в Первомайском районе Николаевской области. Живший в Херсонской губернии род Корбе достаточно хорошо описан и прослеживается с начала XVIII века.

Удалось установить адрес, по которому жила в Одессе до эмиграции семья Васютинских – улица Елисаветинская, дом номер 21.

Да-да, до эмиграции. Разумеется, люди такого происхождения симпатий к власти большевиков не испытывали. И в 1920 году (по некоторым сведениям, в 1918-м) Васютинские (родители, Валентина и её старший брат Степан) покинули Одессу и оказались поначалу в Софии. Несколько лет Валентина училась здесь в католической начальной школе. Вскоре семья перебирается в центр русской эмиграции – Париж. Но девушке нужно было продолжать образование, и родители отправляют её в Чехословакию, в знаменитую Русскую гимназию в городке Моравска-Тршебова. Валя Васютинская окончила гимназию в 1930 году, получив аттестат о среднем образовании. Скорее всего, выбор Чехословакии был обусловлен несколькими причинами. Во-первых, родители хотели, чтобы дочь получила образование на русском языке. Во-вторых, благодаря «Русской акции помощи» чехословацкого правительства и учёба, и проживание были совершенно бесплатными. А главное – компания преподавателей и учеников была совершенно блестящей. Валентина не успела пересечься с Ариадной Эфрон, но на всю жизнь сдружилась с детьми барона Сергея Эуардовича Штейгера – Аллой, Лизой и Анатолием. Алла, вышедшая замуж за ещё одного одессита, скульптора Александра Головина, стала выдающимся поэтом, стихами которой восхищались Бунин, Цветаева и Адамович. Поэтом стал и Анатолий, чью обширную переписку с Мариной Цветаевой сохранила сестра.

Одним из близких друзей Валентины того периода был и поэт Герман Хохлов, о котором писал Варлам Шаламов.

Там же, в гимназии, Валентина Васютинская познакомилась ещё с одним человеком, который оказал влияние на всю её жизнь. Этим человеком был её преподаватель, учитель русского языка и литературы Владимир Владимирович Перемиловский (1880-1966). Педагог, литературовед и переводчик, до приезда в 1925 году в Чехословакию он преподавал русскую литературу в Риге и Харбине. Перемиловский был близким другом Алексея Ремизова – тот даже посвятил ему легенду «О безумии Иродиадином, или Как на земле зародился вихорь». Он был членом Союза русских педагогов в Чехословакии, автором целого ряда статей о литературе и педагогике, опубликованных в Харбине и Праге. Они с Валентиной будут переписываться десятки лет, до самой смерти Перемиловского.

Окончив гимназию, Валентина Васютинская собиралась поступать в Карлов университет, но отец потребовал срочно ехать в Париж – у мамы был перитонит. Васютинские жили невероятно бедно, и Валентина, не имевшая французского паспорта, была вынуждена заниматься любой возможной работой. Она помогала посетителям кинозалов находить свои места, вышивала, паяла радиоприёмники, была домработницей. И тем не менее 1930-е и 40-е были годами плодотворных встреч. Близкими её друзьями были в то время перебравшиеся в Париж Алла и Сергей Головины, Анатолий Штейгер. Она сближается с Тэффи (мама, Евгения Антоновна, была у Тэффи *dame de compagnie*). Тэффи всячески поощряла литературное творчество Валентины Дмитриевны. В 1952 году Валентина написала рассказ «Блаженная», посвятив его «светлой памяти моего нежного друга, строгого судьи – единственной Надежды Александровны Тэффи». Тогда же написала она это стихотворение:

ЭПИТАФИЯ

Н.А. Тэффи

Ты не могла не знать,
Мой чуткий друг! –
Что связаны с тобой мы
Узами навеки;
Что дружбы вехи –
Сильней страстей и горячей огня!

В 131 номере парижского журнала «Возрождение» за 1962 год опубликована статья Валентины Дмитриевны «Надежда Александровна Тэффи. Из личных воспоминаний», которую сейчас цитируют все исследователи творчества Тэффи.

Именно на конец 1940-х и начало 1950-х приходится основной всплеск литературного, беллетристического творчества Валентины Васютинской. Он сохранился в рукописях, которые передал мне её муж, выдающийся французский историк искусства Жан-Клод Маркаде.

История их романа вполне достойна собственного романа – простите за тавтологию.

После войны Валентина разводится с первым мужем, Борисом Павловичем Алимовым, бывшим белогвардейским офицером, и переезжает обратно к матери. Начинается новый этап в её жизни.

В 1947-50 годах она учится в Школе восточных языков у доктора Пьера Паскаля, с успехом сдаёт выпускные экзамены и получает место ассистента преподавателя русского языка в Бордо. Она не оставляет мыслей о высшем образовании и в 1955-м оканчивает университет в Бордо, после чего переезжает обратно в Париж, где также преподаёт русский язык в различных гимназиях, а затем и в Школе восточных языков.

В Бордо, где у Валентины Васютинской было множество учеников, она встретила главного человека своей жизни – Жана-Клода Маркаде. Разница в возрасте составляла у них двадцать семь лет.

«В Бордо у неё был свой круг друзей, и я тоже с ней дружил, поэтому, бывало, ездил на море с ней и её подругой Свет (Люсьет Видаль), преподавателем французского языка, латыни и греческого. А когда Валентина Дмитриевна поехала в Париж, мы списались и решили на лето устроить такое „общежитие“ в селе – нанять на троих маленькую ферму где-то в центральной Франции и там отдыхать. Почему-то Свет не приехала, ферму ещё ремонтировали – это была настоящая сельская конюшня, так что мы с Лялей жили в отеле. Я был страшно в неё влюблён. И она, как славянская женщина, невзирая на молву и сплетни, которые могли о нас распускать, пошла мне навстречу, уступила мне… <…> Она ничего не делала, чтобы меня соблазнить, не играла шармом. Мы с ней очень много говорили на разные темы, и, думаю, она совсем не ожидала такого поворота событий. У нас это называется *coup de foudre* – удар молнии», – вспоминает Жан-Клод Маркаде.

В 1958 году они начинают жить вместе, а в 1966-м Жан-Клод принимает православие, и они венчаются в Свято-Духовском ските в Ле-Мениль-Сен-Дени. Гостями на венчании были в числе прочих художники

Рафаэль Херумян и Михаил Андреенко-Нечитайло. Это было неспроста. Валентина и Жан-Клод круто изменяют предмет своих исследований (несмотря на это, в 1987 году Жан-Клод защищает в Сорбонне диссертацию, посвящённую Лескову). Русское и украинское искусство, в первую очередь искусство авангардное, становится их страстью (Жан-Клод рассказывал, что забросила беллетристику окончательно Валентина после критического письма от Перемиловского, который и посоветовал ей заниматься исследовательской работой).

Её карьера историка искусства складывается более чем успешно. Валентина Дмитриевна публикует в журнале «Возрождение» целый ряд статей по русской истории, литературе и искусству. Совместно с Жаном-Клодом они публикуют ряд статей о Малевиче, который стал для них одним из главных художников, в частности, статью «Значение Малевича в современной живописи». Совместно они перевели на французский его теоретические работы – они были изданы в четырёх томах.

В 1969 году Валентина Дмитриевна защищает кандидатскую диссертацию по истории русского искусства, которая в дальнейшем была издана в виде монографии под названием «Le Renouveau de L'Art Pictural Russe, 1863–1914» в издательстве «L'Age d'Homme» в Лозанне. Руководителем диссертации выступает Пьер Франкастель, в жюри – легендарный Жан Кассу, первый директор Государственного музея современного искусства в Центре Помпиду. Она становится пионером по изучению русского искусства во Франции и первой декларирует то, что в истории русского искусства XX века нельзя разделять художников, живших в России и СССР, и художников-эмигрантов. Вскоре её назначают приват-доцентом в Школе восточных языков, где она преподаёт историю русского искусства.

И начинает работать над «большой», докторской диссертацией, становясь пионером в изучении и украинского искусства.

В 1979 году они с Жаном-Клодом составляют опубликованный в Кёльне каталог «Художницы русского авангарда 1910-1930», к которому пишут вступительную статью, за год до этого – их совместная монография о Михаиле Андреенко. А в 1981-м Валентина Дмитриевна защищает докторскую диссертацию на тему «Вклад в изучение украинского изобразительного искусства». В 1990-м в Лозанне она выходит отдельной монографией («*L'Art d'Ukraine*», *Éditions L'Âge d'Homme*).

Обе монографии Валентины Дмитриевны поставили её в ряд первых в истории исследователей русского и украинского авангарда – наряду с Камиллой Грей, Ларисой Алексеевной Жадовой, Шарлоттой Дуглас.

На фоне этих успехов её беллетристика оказалась незаслуженно забытой. Собственно, причину – совет Перемиловского – я уже указал выше. Основные тексты так и остались в рукописях. В папках, переданных мне Жаном-Клодом Маркаде, есть наброски сборника стихотворений «Сокровенное», отпечатанные на машинке сборники рассказов «Неизгладимые встречи» и «У чужих очагов», рассказ «Блаженная» и ещё целый ряд черновиков.

Мне кажется, будет символичным и правильным опубликовать несколько рассказов Валентины Маркаде именно в Одессе.

ВАЛЕНТИНА МАРКАДЕ

МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ
рассказ

В дни германской оккупации Парижа я как-то спустилась в метро, на станцию *Duroc*; одновременно со мной к платформе подошёл поезд, и контролёрша перед самым носом захлопнула дверцу.

Вышедшие из вагонов, не глядя друг на друга, гурьбой спешили к выходу. Так на вокзалах всего мира бегут тысячи людей – быстро пробегают один мимо другого, не оборачиваясь, боясь заглянуть в лицо идущего рядом. Разойдясь, их пути никогда не перекрестятся больше, и они навсегда теряют друг друга…

А если остановиться и взглянуть?..

Поезд отошёл, дверца открылась; путь на перрон свободен.

Я шла на противоположный конец платформы; навстречу попалась небольшая кучка людей, медленно двигающаяся по опустевшей площадке. Сразу бросалась в глаза необычайная бледность одного из них.

– Должно быть, ему стало дурно в вагоне, – подумала я, – и его ведут отдышаться на скамейку.

Взглянула пристальнее ещё раз и отшатнулась: на измождённом лице господина, в широко раскрытых глазах застыл нечеловеческий ужас…

Ни мысли, ни сознания в них уже не было. Казалось, он весь одеревенел и только еле-еле передвигал негнувшимися ногами. Его волокли за обе руки, а наручниках: с одной стороны немецкий офицер, с другой француз, агент гестапо. Немец сжимал в свободной руке револьвер наготове. Со стороны агента-француза бежала очень приличная дама, по-видимому, жена взятого господина.

– Умоляю, умоляю вас, клянусь вам, полковник, это моя вина, – молила она беззвучным, надорванным голосом, вся согнувшись под тяжестью внезапно свалившегося горя. – *Je vous en supplie*, – снова залепетала дама засохшими губами.

Агент-француз растерянно заулыбался, немец раздражённо требовал расправы. У будки начальника станции все остановились.

Ещё мгновение, и дама упала бы на колени. Чувствовалось, что она готова так всю жизнь простоять на коленях, моля о пощаде, лишь бы вырвать из рук палачей своего мужа.

– *Je vous en supplie*…

Этого нельзя было вынести.

Наконец немец решительно дернул за наручник; несчастный господин покачнулся, как кукла, и, не произнеся ни звука, двинулся дальше.

Безоружного, в наручниках, его потащили под дулом заряженного револьвера к наружному выходу метро.

Кто же посмел сказать, кто дерзнул солгать, что человек создан по образу и подобию Божию?..

Я стояла в полной растерянности; мимо, один за другим, неслись встречные поезда.

Что сделал этот господин? Какую вину перед угрозой смерти так самоотверженно брала на себя его жена?..

Ответ умчал с собой отъехавший поезд.

Удалось ли бедной женщине спасти своего мужа, или его тут же, на её глазах, расстреляли в яркий солнечный воскресный день?

Этого, вероятно, я тоже уже никогда не узнаю.

27/8 – 1950

МАРКИЗА

«Я только теперь понял, что можно умереть
на глазах у всех, и никто даже не обернётся».
Осип Мандельштам

Уже с раннего утра у форточки дешёвых билетов *Grand Opera* толпятся желающие попасть на «Фауста» Гуно.

«Фауст» всегда идёт при переполненном зале, и получить на него места трудно. Вот почему я решила выстоять хотя бы несколько часов кряду, но раздобыть себе билеты.

Обыкновенно, очередь собирается ещё задолго до открытия кассы и неподвижно стоит на улице, огибая слева фасад здания, пока ровно в десять часов не раздвинут чугунной решётки ограды; тогда толпа с разбега бросается вперёд под каменные своды и снова застывает на месте.

В уличной давке, не рассчитав движения, я сильно задела стоявшую рядом со мной пожилую женщину; от моего толчка старуха покачнулась на тонких, как у цапли, ногах и выронила прямо на мостовую ветхую, как и она сама, книжонку… Досадуя на себя за свою неловкость, я поспешила подобрать выпавшую из её рук книгу и принялась извиняться.

– Пожалуйста, не печальтесь обо мне, поверьте, я ничуть не была побеспокоена вами, – ответила мне старуха на таком прекрасном французском языке, что я невольно поразилась. Впрочем, моё удивление возросло ещё больше, когда, взглянув на поднятую книгу, я увидела потрёпанный томик Шекспира на английском языке.

Моё недоумение не ускользнуло от проницательных глаз нищенки, и по её сморщенному лицу пробежала горькая усмешка.

– Если не ошибаюсь, вы говорите по-французски со славянским акцентом, правда?

Разговор завязался.

– Да, вы правы, – заверила я её и назвала себя.

– Чрезвычайно польщена, сударыня, вашим знакомством, – со светской любезностью ответила тряпичница, и, в свою очередь, отрекомендовала себя полным именем: *Sophie-Rose, Marquise de Folignay.*

Что за небылица? Я не верила своим ушам. Между тем, стоять пришлось очень долго; примостясь на ступеньках, слово за слово, мы разговорились, и я неожиданно узнала всю печальную судьбу этой необыкновенной женщины.

– Мой отец был самым беспечным и ветреным человеком, какие только бывают на свете, – задумчиво начала она.

– Когда ему понадобилось спасти своё родовое имение от описи и продажи с публичных торгов, он, не долго думая, женился на моей матери, единственной дочери и наследнице богатых фабрикантов соседнего департамента. В то время одна из его дальних родственниц была начальницей института благородных девиц. Почти с пелёнок меня отдали ей на попечение, и это было самое беззаботное время всей моей злополучной жизни… Когда, по окончании пансиона, я вернулась в родительский дом, не только мать, но и отец встретили меня с распростёртыми объятиями. Он с жаром принялся вывозить меня на скачки, балы, костюмированные вечера.

Мы старались не пропустить ни одного *soiree,* ни одного *presentation remarquable.* Время закружилось весёлым карнавалом – всюду желанная, всюду окружённая роем поклонников, я невольно очутилась той зимой в центре всеобщего внимания.

Но ничего не любила я так, как наши утренние прогулки верхом по Булонскому лесу. Отъехав, бывало, на несколько шагов от дома, мы останавливались с отцом на углу *Avenue Friedland*, и, прежде чем повернуть к Триумфальной арке, издали посылали маме прощальные приветствия.

Стоя у открытого окна, она неизменно провожала нас глазами, полными любви и скорби.

– *En avant*! – приказывал отец, и, быстро пришпорив коня, исчезал за поворотом.

На мои настойчивые расспросы о причине постоянной маминой грусти он либо не отвечал ничего, либо менял разговор; мне же самой и в голову не могло прийти, в какие страшные тиски была зажата моя семья. Весь уклад нашей жизни требовал, конечно, огромных средств, а взять их уже было неоткуда – источник иссяк.

Увы, для меня лишь одной продолжало оставаться тайным то, что почти всему Парижу служило притчей во языцех: особняк, в котором мы жили на *rue Chateubriand*, давно был заложен, имение продано; скрепя сердце, отцу пришлось уступить лондонскому антиквару и нашу родовую гордость – старинную коллекцию картин и гобеленов.

С отчаянием погибающего он тратил теперь эти деньги на меня, в надежде, что при моей молодости, прекрасном воспитании и громком имени мне удастся составить хорошую партию, способную ещё спасти нас от полного разорения.

Хотя самые чопорные круги Парижа всё же продолжали принимать нас, поражаясь достоинству, с каким отец переносил своё злосчастье, но выйти завидно замуж я, конечно, уже не могла; несмотря на очевидный успех и, прямо скажу, незаурядную наружность, серьёзного претендента у меня не оказалось.

Правда, всю зиму за мной упорно ухаживал сын нашего домашнего врача, Жорж Мегришо, но его предложение приняли как личное оскорбление, и резко отказали не только в моей руке, но и от дома.

И кто бы мог предположить тогда, что это единственный счастливый жребий, суженый моей безотрадной доле?..

В день моего семнадцатилетия отец, презирая всякое благоразумие, устроил великолепный приём.

После пышного ужина начались танцы. Мы с ним в первой паре открыли вальсом бал. Искусно лавируя среди кружившихся пар, он уверенно вёл меня к малой гостиной, из которой мама пристально следила за нами беспокойным взглядом…

Последний «*tour*», и он бережно опустил меня в свободное кресло, изящно откланялся и подошёл к ней.

– *Je vous demande la grâce, mon Ange, de ne me point quitter ce soir*…

Подошедший сзади лакей прервал разговор, подавая на подносе письмо.

– Уже?.. Ну что ж, я готов… – неопределённо ответил отец, и, присев возле мамы на диван, неожиданно взял обе её руки в свою ладонь:

– Друг мой, простите меня, – сказал он только, припадая губами к её рукам, и спустил курок.

Гремевшая в зале музыка заглушила сухой треск выстрела; подбежавший лакей едва успел поддержать уже медленно сползавшее тело.

– Притворите скорее двери! – страшным шёпотом вымолвила мама, не проронив ни стона, ни слезинки.

– *Sophie-Rose*, проводите приглашённых, и, главное, не забудьте – это внезапный удар.

Но правду замять не удалось; картёжный проигрыш, просроченные векселя, частные долги требовали немедленного покрытия. К довершению бед, врач, быть может, в отместку за своего сына, наотрез отказался, несмотря на все наши мольбы, удостоверить смерть от разрыва сердца, что лишило отца отпевания и церковного погребения.

В холодный, ветрено-дождливый день мы с мамой вдвоём, окоченев от стужи, хоронили отца, как последнего бродягу; ни одной души не нашлось тогда, которая пожелала бы отдать ему последний долг…

Мама, не перенеся такого горя, вскоре последовала за ним. И я, семнадцати лет от роду, осталась круглой сиротой, без средств, поддержки и родных; друзья же поспешили поплотней закрыть передо мною свои двери.

Если в своё время для женитьбы на мне желающих не оказалось, то для моей погибели охотников нашлось сколько угодно!

Не сумев постоять за себя, я потеряла голову, закружилась и покатилась… Дни безумств, кутежей и разгула сменялись промежутками щемящей тоски. Но последним ударом, доконавшим меня, послужило известие об устроенной в Париже выставке частной коллекции картин маркиза *de Folignay*. Успех превзошёл все ожидания. Бездушное стадо светской мрази, подогретое шумихой, вызванной кончиной отца, с утра до вечера толпилось теперь в просторных залах снятого помещения.

Где было достать средств, чтобы выкупить картины обратно?

Я попробовала счастье в азартной игре.

И что же?

К двадцати годам проиграв всё, до последней нитки, дошла до такого состояния полного обнищания, в каком вы видите меня теперь, пятьдесят лет спустя…

Было бы легче, если бы всего этого не было никогда, уверяю вас; но жизнь в насмешку ещё раз поставила меня лицом к лицу с забытым прошлым: недавно, проходя в ночные сумерки возле *Opera-Comique*, я, по старой привычке, остановилась полюбоваться театральным разъездом… Среди других проходил и господин с двумя дамами. В пожилом, роскошно одетом мужчине я сразу узнала Жоржа Мегришо.

По-своему истолковав мой пристальный взгляд, он быстро, окинув меня с головы до ног, пошарил в кармане и застенчиво ткнул в руку пятифранковую бумажку.

Подумать только: мне, *Sophie-Rose de Folignay*, Жорж Мегришо, как уличной попрошайке, швырнул, проходя, милостыню!..

Оцепенев от обиды, я залилась беззвучным смехом.

– *Oh! Quelle malheureuse créature, Papa!* – ужаснулась его дочь, в недоумении глядя на меня.

– *Mais ma pauvre Sophie-Rose, c'est la vie. Il n'y a rien à faire*, – равнодушно ответил он своей дочери и поспешно прошёл мимо меня, скрывшись за углом.

А я, как дождевой червь, раздавленная жестокостью его слов, одиноко осталась на пустынной улице, окружённая холодной мглой осенней ночи…

Погружённая в глубокое раздумье, моя собеседница грустно умолкла: на её губах застыла кривая усмешка, а из старческих подслеповатых глаз заструились горючие слёзы; они градом катились по лицу, рукам, ветхим лохмотьям, падая и разбиваясь, одна за другой, о ледяной булыжник мостовой, грязный и жёсткий, как и весь пасмурный закат этой прожитой исковерканной жизни.

29/8 1950

Продолжение следует.

«КНИЖНАЯ ПОЛКА» ЕЛЕНЫ СЕВРЮГИНОЙ

ПОД НЕВИДИМЫМ ДОЖДЁМ

(Баранова Евгения Джен. Хвойная музыка: Стихотворения. – М.: Водолей, 2019. – 108 с.)

О современном литературном процессе, поскольку он происходит буквально на наших глазах, говорить и судить трудно. Тем более нельзя точно прогнозировать, какова будет расстановка сил внутри него – кто уйдёт из памяти читателя, а кто останется в ней на долгие годы, а может и на века. Но всё же есть вещи, очевидные уже сейчас. Например, никто не станет отрицать, что уроженка Херсона Евгения Баранова – большой современный поэт. Её поэтическая интонация свежа и неповторима, голос узнаваем среди тысяч голосов – с первой строки, даже с заголовка книги.

«Хвойная музыка» – бегство от обыденности в мир вечно звучащий, единственно возможный и единственно подлинный. По крайней мере, для автора книги. Такую поэзию нельзя полностью объяснить – только принять и подчиниться непривычному для повседневной жизни ритму, плыть по волнам авторской мысли. Первое чувство, рождаемое при чтении стихов Евгении – полная отстранённость, даже потусторонность всего происходящего. Как если бы внезапно открылась неведомая ранее потаённая дверь в давно знакомом доме. «По эту сторону» автору скучно – его сознание стремится выйти за границы объяснимого и постичь нечто, выходящее за рамки общепринятого. Впрочем, подобное состояние типично для поэта. Но мир поэтического зазеркалья выстроен здесь по особым законам – это экзистенциальное путешествие лирической героини, рисующей «на рукавице вымышленной руки» вселенную, которая перерастает «маленького Данте околоплодных вод» и становится свободной, ничем не сдерживаемой стихией. Беспредельной и неисчерпаемой:

На рукавице вымышленной руки
вышит кентавр, зяблики, мотыльки,
вышито всё, что словом нельзя сберечь:
воздух, земля, дыхание, речка-речь.

Я так любуюсь вышивкой, так боюсь
сердце добавить к призрачному шитью,
что отпускаю – рыбкой пускай плывёт,
маленький Данте околоплодных вод.

Три раздела книги («Какие все мёртвые», «Цветные семена» и «Когда был маленьким») тесно взаимосвязаны между собой, рисуя в обратном порядке онтологическую модель художественного пространства, в центре которого – человек мыслящий, человек вопрошающий, не довольствующийся только поверхностным знанием о мире, но стремящийся постичь его законы и первопричины.

И главными героями у Евгении становятся категории столь же абстрактные, сколь и универсальные: это смерть, творчество и, как ни странно, детство. Хотя почему странно? Интерес автора к смерти больше сродни детскому любопытству и гораздо меньше связан с роковой предопределённостью и старческим смирением перед неотвратимым. Только ребёнку присущ тот неисчерпаемый энтузиазм, который заставляет регулярно заглядывать за грань, бежать в запретное вопреки увещеваниям взрослых. Именно поэтому в книге столько вопросов, пытливо задаваемых всем и всему вокруг: читателю, жизни, поэзии, матушке хвое. Часто ответом становится безмолвие – чтобы не сильно напугать маленького человечка, которого рано или поздно «сотрёт тяжёлая река». Но иногда посреди этой тишины случайно обнажается правда, о которой не можешь умолчать и вместе с которой становишься старше на одну внезапно открывшуюся истину: *«какие все мёртвые, милый Верлен»*.

Экзистенциальное прозрение неизбежного в процессе игры – вот что можно назвать главным предметом авторского изображения. Нередко в игровом, шутливо-ироничном, на первый взгляд, стихотворении, таится мина замедленного действия и ещё нечто такое, что условно может быть названо роком или фатумом. И становится страшно и увлекательно одновременно:

Поезд дальше не поедет.
Просьба выйти из вагона.
Чай, не маленькая. Чаю!
с медом, с мятой, с молоком.
Черепна моя коробка.
Тяжела моя попона.
Кто там щёлкает грозою?
Кто хрустит дождевиком?

Кто мелькает в сиплых тучах,
притворившись гражданином
с нижней лестничной площадки?
I Или, скажешь, не похож?
Поезд дальше не поедет.
Забирай своё, рванина.
I I вот этого I Ивана,
I I Степановну – под дождь.

Предельная концентрация внутренней энергии, невероятная экспрессивность, контрастность образов, столь характерные для постмодерна, делают поэтику Евгении Барановой яркой и очень современно звучащей. Но в то же время в ней слышатся отголоски великих предшественников и современников: тут и кабановская «угловатость», нарочитая заострённость и гротесковость его художественного мира, и хармсовская абсурдинка, и хлебниковская экзистенциальная отрешённость. Но звуковое тело стиха, многоголосо звучащая поэтическая вселенная неотделимы от наследия Пастернака и Мандельштама, буквально вырастают из него. А ещё вспоминается мини-пьеса Мориса Метерлинка, где в аллегорической форме представлен путь слепого и беззащитного перед лицом неизвестности человечества, обречённого на вечные темноту и одиночество.

Смерть и творчество в поэзии Евгении Барановой – это две равновеликие силы, поскольку их главная черта – непостижимость и неизбывность, и наличие той зоны тайны, войдя в которую, человек становится чем-то иным, нетождественным самому себе и своей земной ипостаси:

Поэзия есть Босх. Не смей в неё линять.
А если и сбежишь, не притворяйся зрячим.
Я маленькая мышь, в кармане у меня
собачий поводок, растерянность и мячик.

Поверх пальто – горит (я слабый, слабый, слаб…)
Всей пятерней держу – вдруг лёгкое задето –
Поэзия есть хруст, и храбрость, и нахрап,
а я ни полстроки не понимаю в этом.

Парадокс авторской мысли в том, что творчество, роднящееся со смертью, является и единственным средством избавления от неё, от ощущения конечности существования. Только так можно осознать себя, как «маленькую тень от профиля большого», или «крошечную мглу», обречённую до поры носить «тела свод». Лирическая героиня Евгении Барановой постоянно пребывает в поисках этой неподвластной тлению бессмертной субстанции – отсюда постоянная вовлечённость в диалог «по вертикали» – с высшей, благой или неблагой, силой, в том числе и с великими мертвецами, голосами которых в минуты мистических озарений говорит с нами лирическая героиня. На уровне поэтики это выражается обилием интертекста, включаемого в поэтическую материю различными способами: это может быть отдельно взятая строка, получающая новую жизнь *(«дано мне тело, что мне делать с, когда вокруг поэты собрались»),* или даже оригинальная проработка хорошего известного сюжета-мотива, становящегося одновременно приёмом композиционной и концептуальной организации текста:

Смерть да смерть кругом.
Замерзаешь в ней,
как в дыму жилом,
как внутри камней…
[…]
Заживёт кольчец
в домике лица.
Вот идёт мертвец.
Улы-ба-ет-ся.

В тексте первоисточника речь тоже идёт о смерти, но здесь она перестаёт быть процессом или состоянием – она персонифицируется, становится самодостаточной и зримой, заполняет собой всё ассоциативно-смысловое пространство стиха. Ещё одна черта, сближающая поэзию Евгении Барановой с художественным мировосприятием Александра Кабанова – стремление «приручить» смерть, подчинить её своей воле и своим желаниям (достаточно вспомнить кабановский стих «говорят, что смерть боится щекотки…»). А в заключительном стихотворении «Хвойной музыки» мы видим образ «заботливой» смерти, несущей «домашнее печенье на тарелке». В этой развёрнутой метафоре призрачного человеческого существования, когда «в ногах мешается мускатное и страх», есть и значительная доля эпатажа, и нарочитой бравады, за которыми прячутся всё тот же страх неизвестности и желание что-то ей противопоставить.

Думается, что автор этой книги никогда не устанет подглядывать в дверную щёлочку бытия, за которой – не беспросветная темень, а «крохотная мгла». Из неё рано или поздно прорастут «под невидимым дождём» в виде побегов «цветные семена» – лучшее, что есть в человеке. И тогда останется только слушать бесконечную хвойную музыку, понимая, что в этом и заключается ответ на главный вопрос: что мы можем предъявить вечности, кроме бренной плоти?

Я вот всё думаю: сосны ли солнце казнят?
Кровь или краска дрожит на зелёных заборах?
Матушка-хвоя, возьми моё тело назад,
плечи укутай в коричневый шелест и шорох.

Эллином дивным воспрянь над моей пустотой,
слизывай глину с ногтей одичавших пожарищ…
Кем бы ты ни был, деревья придут за тобой.
Что, кроме плоти, ты нежному лесу подаришь?

Бронза и укус, художники и корабли…
Все исчезают, хотя заслужили иное.
Я вот всё думаю – долго ли, коротко ли.
Не отвечает медовая матушка-хвоя.

ЧЁРТОЧКИ АВТОПОРТРЕТА

(Фамицкий А.О. minimorum / Андрей Фамицкий. – М.: Грин Принт, 2020. – 80 с.)

Андрей Фамицкий – один из тех поэтов, которые не стремятся быть многословными, информативно избыточными. Его стиль и даже поэтическое кредо – минимализм. Он по-хемингуэевски избирателен и строг по отношению к языку, и в этом следует традиции таких авторов, как Сергей Гандлевский, Олег Чухонцев, Феликс Чечик.

Игорь Дуардович, отождествляющий поэтику Фамицкого с традициями журнала «Арион», отмечает в «Вопросах литературы», что *«в поэзии это был так называемый „лаконизм“ или лирическая миниатюра, некий архиживописный жанр, продолжающий модернистскую традицию поэзии и прозы XX века»*. Можно, конечно, говорить о влиянии журнальных канонов на стиль конкретного автора – однако, когда «Арион» закрылся, Фамицкий остался верен своему основному принципу – краткость изложения при ёмкости содержания. Как представляется, это не просто дань традиции, а часть художественного мировоззрения. Взять хотя бы книгу «minimorum» (в переводе с латинского означает «минимум») – на чёрном фоне обложки только имя автора и название. Остальное – внутри. Таким подходом к оформлению поэт сразу заявляет о себе и своей позиции. Он не собирается прятаться от своего читателя за красивыми масками и изощрёнными образами. Его слово – родниковая вода, абсолютная чистая и прозрачная, ничем не замутнённая.

Всё, о чём Фамицкий пишет – чёрточки автопортрета. Изящные, хотя при этом и нередко шитые суровой ниткой, штрихи судьбы человека, выросшего без родителей и научившегося с ранних лет самостоятельности поступков и суждений. Здесь тот самый случай, когда лирический герой и автор практически полностью совпадают. Поэтому всё, о чём написано в этой книге (включая переводы и коротенькие прозаические эссе), является правдой и предельным откровением. При этом совсем не обязательно рассчитывать на сочувствие читателя, да и цели такой нет. Зато есть цель совершенно другая – быть во всём честным, ни капли не лгать, то есть быть истинным поэтом. Достаточно восьми строк, скупых и ничем не приукрашенных – и автопортрет готов, и жизнь, в её самые узловые моменты, описана точно и достоверно:

фамилия отца
и матери могила
всё что осталось от
оставшегося от
не он меня растил
и не она молила
простить и тишина
бесшовный саван шьёт

И всё же одними фактами личной биографии Фамицкий не довольствуется – он мыслит в контексте эпохи или даже межэпохально. Он – носитель масштаба, для которого нет площади. Ему недостаточно самоопределиться в мире современной литературы, поскольку есть иной опыт, заставляющий оценивать и себя и других по гамбургскому счёту. Это опыт великих предшественников – Иванова, Мандельштама, Пастернака, Гумилёва, Ходасевича и т.д. Поэтому стихи, представленные в книге «minimorum», объединяют в себе как минимум две традиции – постакмеизм и постмодерн. С одной стороны – чистота и незамутнённость речи, с другой – обилие интертекста, позволяющего вступить в диалог с предшествующей культурой и осмыслить её по-новому. Поэту необходимо постоянно ощущать себя в духовной связке времён, чтобы мерить собственные творческие усилия вневременной меркой. Вырастающий из лаконичных строк образ Гамлета-Живаго очень ярко характеризует его мировоззрение:

все прожекторы на меня
или прожектора не важно
потому что прошу огня
потому что живу бумажно

потому что ищу века
а на подступах скользко склизко
потому что ты далека
потому что я очень близко

Так свежо и так искренне звучат эти строки, а вот оговорочка в начале, сделанная как бы между прочим, бессознательно, лишний раз выдаёт в авторе человека, скрупулёзно работающего со словом. *«Каждому слову в тексте должно быть строго отведено своё место»*, – такую мысль как будто бы хочет донести до нас Фамицкий своим творчеством. И это та грань его поэтического «я», которая добавляет важные штрихи к общему портрету: безусловно, перед нами человек в высшей степени интеллигентный, эрудированный, скромный (об этом можно судить хотя бы потому, что значительная доля книги состоит из переводов текстов других авторов).

Но в тщательном, чуть ли не дотошном, выборе имён современников, которых автор книги считает своими учителями, ещё больше раскрывается его собственная творческая натура, не приемлющая ни малейшей доли фальши, неискренности.

«Поэт должен быть беспощаден к самому себе», – заявляет Фамицкий в одном из своих интервью. И всей своей дальнейшей деятельностью доказывает, что это не просто красивые слова. И его книга – тому подтверждение. С первых страниц явственно ощущается настроение автора – оно тревожное, даже язвительное, на грани с ожесточённостью. И в какой-то момент становится понятно, что ожесточённость эта лишь отчасти связана с какими-то внешними факторами, либо с культурной ситуацией в целом. Автору плохо от неудовлетворённости собственной деятельностью – он непрерывно пребывает в поиске какого-то идеала – «клео, акме и пары строк», которые оправдали бы его присутствие на этой земле. Но нередко всё заканчивается пустыми усилиями, и странствующий Одиссей превращается в беспомощного маленького мальчика, потрясающего игрушечным картонным мечом в борьбе за истину. Отсюда злоба бессилия и бесконечная досада на самого себя, не способного соответствовать масштабам вечности:

поэзия шептала: «к бою»,
и я хватал картонный меч.
я думал, что чего-то стою,
ну, надо ж было в землю лечь.

и вот лежу и в ус не дую –
как есть поэт, ни дать ни взять.
и знаю истину святую,
но не успел её сказать.

Но это самоуничижение и самоирония граничат с перфекционизмом истинного творца, которого не устроит относительно хороший результат – здесь нужно либо всё, либо ничего. Поэтому в числе избранных – Гандлевский, «лучший поэт современности», и поэтому – нелюбовь к любому конкурсному (даже лицейскому) формату: «единственный лонг- и шорт-лист, который стоит принимать в расчёт – список на выбывание». Всё остальное для Фамицкого – игра в песочнице, отношение к жизни и творчеству не имеющая.

Всё ли чёрточки автопортрета мы перечислили? Думается, что не все – по крайней мере, следует назвать ещё одну, существенно важную, о которой также пишет в своей рецензии на «minimorum» Ярослав Пичугин. Говоря о разноплановости книги, в которой только два раздела посвящены стихам Фамицкого, а остальные представлены переводами и эссе, Пичугин отмечает, что это *«своеобразная визитная карточка Андрея, заявляющая, что он не просто поэт, но и переводчик, и культуртрегер»*.

Это исключительно ценное наблюдение, поскольку настоящий, большой поэт обречён на вырастание из границ собственного творчества. Он становится более внимательным и чутким к другим голосам, в том числе, к голосам своих талантливых современников. Подвижничество и культуртрегерство в нынешний век являются бесспорным доказательством того факта, что автор состоялся. Причём настолько, что готов оказать помощь другим, не менее талантливым, но менее известным собратьям по перу.

Заключительная часть книги, в которой содержатся четыре небольших эссе Фамицкого, даёт читателю очень ценную информацию о нём. В частности, мы узнаём о близких друзьях и соратниках поэта, о том, почему он уехал в Москву из родного Минска и почему не хотел изначально участвовать ни в каких премиях, включая «Лицей». А в эссе, посвящённом Петербургу, есть указание на редакторскую деятельность Андрея и на его сотрудничество с выдающимися современными поэтами: «По делам Текстуры встречались с Валерием Черешней и Владимиром Гандельсманом».

Каков же итог знакомства с новой книгой двуязычного, русского и белорусского, поэта? Он очевиден: все штрихи к портрету собраны, и дают более чем исчерпывающее представление о его обладателе. Это личность значительного масштаба, которой мало границ собственной эпохи и мало поэзии как рода деятельности: важно попутно ещё решать насущные вопросы литературы, культуры и в целом нации. Возможно, сам Андрей, в силу своей скромности, и не согласится с подобным утверждением, но, как говорится, со стороны всегда виднее. Нет сомнений в том, что на «стёклах вечности» останется и его тёплое дыхание, ритм которого уловит вновь прибывший поэт:

подбирается время к твоим часам
хищно смотрит на циферблат
мы вот так же собраны по частям
просыпаешься ночью и сам не рад

запотевшёе стёклышко протереть
а замёрзшее продышать
потому что всё что случится впредь
нужно видеть не хочется продолжать

НА ПРОТИВОПОЛОЖНЫХ ПОЛЮСАХ

(Бубнов А.В. Полное собранЬе сочинений: Стихотворения. –
СПб.: Издательство «Академия исследований культуры», 2015 – 238 с.)

В начале любой классической пьесы мы видим «висящее на стене ружьё», которое должно выстрелить – ожиданием этого «выстрела» подогревается интерес публики. В книге Александра В. Бубнова всё наоборот: начало не особенно интригует и кажется вполне тривиальным, зато ближе к концу читателю открывается новая, неожиданная грань таланта автора. Скорее всего, это продуманный ход, да и вся композиция

книги чётко продумана. Само её название – Полное собранЬе сочинений – подготавливает нас к чему-то фундаментальному. В какой-то мере так и есть: и авторское предисловие, и предваряющие каждый раздел выдержки из трудов выдающихся учёных и деятелей культуры выдают в Бубнове человека разносторонне развитого, не способного довольствоваться только знанием о классической системе стихосложения. В его манере общения со своим читателем можно усмотреть задатки учёного, философа, психолога.

Приведённые цитаты напрямую связаны с поэтическим материалом – автор как бы вводит нас в курс дела, подготавливает к определённому уровню восприятия прочитанного. Другой вопрос заключается в том, насколько это необходимо. Но у каждого своё видение творчества, и в каком-то смысле это интересно и познавательно.

Однако вовремя распознать заложенную в книге «бомбу», которая оглушительно взорвётся в конце, практически невозможно, если изначально не быть знакомым с особенностями поэтического метода Александра. Только когда дочитываешь всё до последней страницы, начинаешь понимать, что автор хотел продемонстрировать две абсолютно разные, находящиеся на противоположных полюсах грани своего таланта. Композиционный замысел таков, что книга распадается на две логические части: в одной представлена традиционная ипостась Бубнова-поэта, в другой – предельно экспериментаторская, инновационная и очень современная. Остаётся только гадать, какое из начал одержит верх, хотя в контексте авторской идеи они гармонично дополняют друг друга.

Начнём с традиционных разделов. Здесь автор предстаёт перед нами в роли теоретика, много размышляющего о творческом процессе и своём месте в нём. Стихов из разряда «о поэте и поэзии» здесь довольно много, и в какой-то момент начинаешь досадовать на то, что автор слишком много теоретизирует вместо того, чтобы плыть по волнам вдохновения:

Кому нужны мои стихи в такой лавине строк?!.
Найти зерно среди трухи,
среди завалов шелухи
и я бы вряд ли смог…

Кому близка моя строка?
Да разве что друзьям.
II то – любовь невелика:
особенно не ждут, пока
не покажу им сам.

Эффект заключается в том, что личность поэта открывается постепенно, поражая читателя «новыми гранями». Так, в разделах «Открою таинственный остров», «Над календарями пролетая», «Там, где порожек пересекает струна…» появляются новые темы и новые интонации. Вместе с любовной лирикой и появлением образа возлюбленной поэзия и музыка, о которых так много говорится уже в самом начале, постепенно переходят из разряда внешних атрибутов в область живой материи стиха, становятся его неотъемлемым внутренним свойством. Как будто автор пребывал в активном поиске мелодии и гармонии и наконец-то стал обретать звуковое тело стиха, выстраивать поэтическую речь уже совсем по иным законам:

Бессовестная бессонница,
бескрылая, но небесная,
беснуется, беспокоится.
Беседуем бессловесно…

Бесполая и бесстыдная.
Бескровная и бесплотная.
Бесспорно – небеспричинная,
небестолочь и небесплодная.

Тяга к соположению звуков, созданию их особой симметрии и организации выдают в авторе «игрока», внезапно, как чёртик из шкатулки, выпрыгивающего перед читателем в разделе *«и черви, и лилии в речи»*. Понятно, что здесь всё посвящено палиндрому, который для автора отнюдь не является «бесполезным жонглёрством» и «бессмысленным штукарством». Нет, скорее это та фундаментальная игра бесконечно «формообразующего слова», которая «старше и первозданнее всей культурной жизни» и которая заложена в основу искусства как такового. Для Александра В. Бубнова палиндром, наряду с прочими видами словесной игры, становится и ключевым механизмом словообразования, и ведущим методом семантической метаморфозы внутри языка. Очевидно, что автор уже достиг в этой сфере определённого уровня

совершенства: он смело экспериментирует со словом, «вскрывает» в нём неожиданные и новые смыслы, пишет не только стихи, но и поэмы-палиндромы.

Так, поражает своим объёмом и тщательнейшей проработкой поэма «Рим лепил и пел мир»: здесь всё, от заглавия и до последней фразы, подчинено закону строгой симметрии. И, несмотря на некоторую искусственность построения фразы, что неизбежно в данном случае, она всё же не лишена изящества и внутренней логики. Кажется, что автор, продираясь сквозь непролазные дебри смыслов и форм, хочет выстроить свою поэтическую вселенную, за пределами традиционных представлений о грамматическом и звуковом строе языка:

в охре веков ищи у вен
истин архив.
ор копился вихра –
мят единого рима рим.
мира миро гони детям –
архив ясли по крови хранит.
синеву ищи в оке верхов

Разумеется, вопрос о жизнеспособности подобного направления возникает сам собой, но в какой-то мере автор отвечает на него в конце своей книги. К последним разделам, уже совершенно кубофутуристическим, его голос приобретает особую смелость и мощь, хлебниковскую свободу и отрешённость. Видимо так, преодолевая сопротивление языковой материи, лирический герой Александра В. Бубнова становится творцом-демиургом, переплавляющим знакомые формы в нечто иное, вскрывая абсурдный и по-своему притягательный мир языковой изнанки. И если принять как данность, что в контексте палиндрома и языковой игры принципиально по-иному работают механизмы художественного мышления, можно смело назвать автора этой книги новатором:

Рождействуйте!
Рождействуйте рождейно!
Идею действия найдите
на свету!
А там,
где только призрачные тени,
найдёте плен и тлен…
и всевражду…

Рождействуйте
и вдаль поэзияйте!..
Поэзияет небо на лету…
Там, где проэсияет,
любознайте
полётную любовь
и красоту…

Как всегда, идея и цель любого языкового эксперимента сводится к поиску любви и красоты. И всё же хочется пожелать автору, назвавшему первый раздел своей книги «Переходный возраст», той самой переходности, которая позволит, путём соединения формы и содержания, добиться абсолютной гармонии в творчестве.

А пока с интересом будем наблюдать за его новыми поэтическими достижениями.

СОЛНЦЕ В ПАУТИНЕ ВЕТВЕЙ

(Есипов В.М. Не вечер. – М.: СПб.: Нестор-История,2021. – 88 с.)

Излишне придирчивым критикам поэзия Виктора Есипова может показаться незамысловатой, слишком очевидной и лишённой многоуровневого смыслового подтекста. Сейчас в моде сложность и предельная размытость лирического героя, почти не видимого за частоколом аллюзий и метафор. Но лирический разговор «от сердца к сердцу» никто пока не отменял, потому что отсутствие прямого диалога с читателем означает и отсутствие чего-то важного в работе автора – душа останется пустой, если не дать ей духовной пищи. А стихи Есипова подкупают искренней, тёплой интонацией, которая сейчас сродни музейной редкости.

Как отмечает А. Климов-Южин, автор предисловия к новой книге московского поэта «Не вечер», *«Виктор сумел сохранить в себе естественность и непосредственность, пройти мимо пафосности, виньеток и завитков, быть ясным»*. Действительно, ясность делает стихи Есипова прозрачными и светлыми, похожими на раннюю осень – время сезонного перехода, когда тепло потихоньку уходит, а природа ещё полна очарования нежной и мягкой зрелости. Каждое стихотворение сборника – своего рода опыт, лично пережитый автором. Здесь нет ни тени морализаторства, ни полунамёка на какое-либо навязывание мыслей читателю – есть только взгляд стороннего наблюдателя, любящего жизнь, неравнодушного ко всему, что в ней происходит, способного запоминать и впитывать мельчайшие детали. В такой позиции есть нечто от философии китайского мудреца-хайдзина. Даже в рутинном, повседневном он находит нечто, определяемое в японской эстетике понятием югэн – *«скрытая красота», «таинственная красота»*.

Так и автор книги, уверенный в том, что, несмотря на свои преклонные годы, ещё далеко «не вечер», не утруждает себя и читателя излишней рефлексией, а просто непрерывно и по-детски удивляется тому, что видит вокруг. Стоит ему только выйти на улицу – и тут же начинается непрерывный, увлекательнейший диалог с миром, полным открытий и тайных знаков:

Выходишь с собакой в заснеженный город,
повсюду мигают огни светофоров,
огни светофоров, зелёный и красный,
как звуки сменяются – гласный, согласный,
как будто какие-то пишутся фразы,
а может, не фразы, а прямо приказы,
да нет, не приказы – тревожные знаки,
как вспыхнут порою в глазах у собаки,
как огненный всполох в окне у соседа…
И длится, и длится ночная беседа.

Такова парадоксальная особенность стихов Есипова – по форме они традиционны, но по сути это хокку, моменты выуженных из повседневности «мистических прозрений». О чём бы мы ни читали в книге, мы всегда представляем себе автора – человека деятельного, активного, пребывающего в движении. Вот он идёт по улице с собакой на поводке, вот заглядывает мимоходом в окно чужого дома, вот «стоит у перехода» в ожидании возлюбленной, а вот забегает в пекарню, чтобы «украдкой взглянуть на Марию и взять капучино с собой». И есть в такой насыщенной, но неторопливой жизни горожанина какое-то особое очарование – как если бы кто-то открыл тебе секрет простого счастья посреди бесконечной суеты. *«Жизнь – это большая загадка, и дурак тот, кто тратит время на её разбор, потому что, пока он вникнет в суть, жизнь пройдёт у него между пальцами»* – невольно вспоминаются слова Гарина-Михайловского. Так же думает и Виктор Есипов. А ещё он понимает, что жизнь не вечна, и значит надо любить её ещё сильнее, превращать в праздник даже самый обычный, будничный эпизод:

Когда дожди пойдут на даче,
когда случится эта грусть,
я не в расстройстве и тем паче
бежать в Москву не тороплюсь,
сижу уютно под навесом
с айфоном, с чашечкой глясе
и слышу шум машин за лесом,
спешащих к Минскому шоссе.

Такая «уютная» лирика дарит ощущение надежды и умиротворения – несмотря на то, что она «возрастная». Автор, будучи неисправимым оптимистом, всё же ощущает груз своих лет, поэтому его художественный мир наполнен не только образами настоящего (природа, собаки, городские пейзажи), но и прошлого – чаще всего, воспоминаниями детства и юности. Воспоминания не просто вспыхивают в памяти – они как будто проступают сквозь реалии современности, когда автор с методичностью экскурсовода начинает заново «изучать» архитектуру и географию родного города – и знакомого, и незнакомого:

А этот с башенкою дом
у Маяковской на Садовой,
он был когда-то мне знаком,
я в нём встречал однажды новый

какой-то год: бокалов звон,
благожелательные тосты
звучали в такт, я был влюблён,
и отношенья с ней не просты…

Воспоминания для Есипова – не тяжкий груз и не какое-то непосильное бремя, а источник вдохновения и сил. Особенно если они приходят во сне и хотя бы ненадолго возвращают автора в самые счастливые дни его жизни. Так образ приснившейся возлюбленной способен дать поэту ощущение редкого и подлинного счастья, превращающего зиму в весну и лето:

Иду, себя не узнаю
и сам себя не понимаю,
ведь время по календарю
ещё далёкое от мая,
откуда – ирисов букет
и лад в душе, скажи на милость,
и талый снег, и яркий свет?
Да это ты опять приснилась…

И ещё об одной особенности поэзии Виктора никак нельзя умолчать – удивительная внимательность лирического героя ко всему вокруг, к тому, что для многих может показаться незначительным и мелочным, незаметным в потоке городской суеты. Автор, почти всегда пребывающий в движении, способен в то же время остановиться возле куста акации и, подобно сказочнику Андерсену, «прочесть» его историю, а потом передать её читателю в поэтической форме:

Куст акации у магазина,
жёлтым цветом усеянный весь –
за машиной мелькает машина,
и снующих прохожих не счесть.
О посланник далёкого юга,
жарких полдней, раскатистых гроз –
не страшны тебе больше ни вьюга,
ни прессующий ветви мороз…

«В поле зрения» автора всегда непременно что-то возникает, будь то объект природного мира, часть городского пейзажа или же предмет домашнего застеколья. Абажур под потолком, старинный шкаф, вышедшая с хозяином на прогулку такса, шум дождя за окном, прилетевшие после зимы грачи – всё это доказательства того, что жизнь продолжается, всё идёт своим чередом, а значит, имеет смысл. И лишь одно слегка омрачает сердце неисправимого оптимиста Виктора Есипова – осознание того факта, что однажды «безжизненно белый пикап», забравший навсегда его соседку-ровесницу, приедет и за ним. В моменты подобных раздумий автор как будто изменяет своему оптимизму, становится настороженным и угрюмым:

Утро, дверь открыта в сад,
яркий свет, внезапный взгляд
в зеркало передо мной –
я совсем, совсем седой.
Сколько мне осталось лет
видеть дней кордебалет,
лет и зим круговорот –
пять, а может быть, лишь год?..

Однако поэт не даёт воли унынию – он продолжает жить, дышать, ходить по земле, радоваться каждому дню, смотреть на небо. В итоге от ощущения трагической неизбежности конца остаётся только лёгкая грустинка. Так солнце, запутавшееся в паутине ветвей, даёт не ощущение нестерпимой жары, а приятное тепло, которым создатель книги «Не вечер» щедро согревает душу читателя:

Когда идёшь, любуясь небом,
забот земных спадает груз –
пусть это выглядит нелепым,
всё ж намотай себе на ус.

ИСПУГ, ОБЕЩАННЫЙ ВОДОЙ

Разговор о двух книгах Бориса Фабриканта:
Фабрикант Б.А. Крылья напрокат / Б.А.Фабрикант. – Спб.: Алетейя, 2020. – 136с.
Борис Фабрикант. Еврейская книга – М.: Стеклограф, 2021. – с. 68

Поэзия Бориса Фабриканта отличается чёткой организацией художественного пространства и времени. Здесь нет случайных деталей – всё предельно выверено, ощутимо на физическом уровне. Две книги автора, «Крылья напрокат» (2020) и «Еврейская книга» (2021), изданные с разницей в один год, связаны не только общностью поэтического материала (многие стихи повторяются), но и центральным образом воды, несущим основную смысловую нагрузку и выполняющим роль композиционно организующего элемента повествования.

Цельность мировосприятия и преданность теме памяти – ключевые характеристики творчества Фабриканта. Каждый отдельно взятый текст – своего рода микрокосм, модель мироздания, состоящего из двух берегов (прошлого и настоящего) и протекающей между ними реки, состав которой неоднороден. Это река жизни, в которой нет непроходимой границы между тем, что было, и тем, что есть и будет. Всё оседает на дне, рано или поздно уходит, становится размытым рисунком на песке, но при этом остаются воспоминания. По словам Владимира Гандельсмана, автора предисловия к книге «Крылья напрокат», в художественном мире поэта «прошлое время то и дело настигает настоящее, а настоящее видит прошлое… и жизнь переплетена со смертью».

Сам же Фабрикант ощущает себя вечным паромщиком, дрейфующим между двумя берегами, каждый из которых – часть его личной истории, неотделимой от истории целого народа:

Теченью жизни счёт ведут в годах,
А я пересекал их на пароме.
Какой-то незнакомый посторонний
Рассказывал, что там, на берегах.

Начало взлёта – вдох и взмах крыла.
Меж временем и Богом, жизнью, мною
Дрожала тонко связка, но жила.
Не знаю до поры, какой ценою.

Этим стихотворением открывается книга «Крылья напрокат», и далее водная стихия становится определяющей в общей структуре повествования. Вода присутствует везде и всегда, и этот образ попутно сопровождают логически связанные с ним сквозные образы-мотивы: детства, памяти, парохода, на котором странствуют «местные и чужие», «знакомые и незнакомые».

Каждый возвращается в прошлое своими заветными путями – для Бориса Фабриканта это путь вплавь, по реке времени, и жестокой, и милосердной. Потому что река смывает всё, уничтожая созданные осёдлым человеческим сознанием земные привязки, но при этом она сама есть вечный поток, непрерывное движение, где всё неделимо, а значит, детство и юность останутся с человеком и в старости. «Границы прошлого и настоящего проходимы» – утверждает автор – и смерть с жизнью идут рука об руку, встречаясь в общем коридоре памяти:

В тесных уточках памяти
Все давно познакомились
Ходят в гости заранее
Через годы и смерть
Мамы с папой танцующих
Чтоб надолго запомнились
Делал снимок «Любителем»
Проявить бы суметь…

Но река Бориса Фабриканта имеет и конкретные привязки, связанные с реалиями и фактами его личной биографии. Автор откровенничает с читателем, его вода многослойна – в ней пласт за пластом проступают и личная история повествователя, и ветви его родословной, и наконец многоголосым хором звучит история целого народа – тема, достигающая предельной точки развития в «Еврейской книге».

Так острое ощущение одиночества, духовной разобщённости с миром и оторванности от своих корней у Бориса возникает не случайно – он обречён «дрейфовать» между берегами, поскольку, в силу жизненных обстоятельств, имеет сразу три географические родины – родную Украину, Россию и Англию

(с 2014 года). И, несмотря на то, что «железный занавес» давно отменён, лирический герой обеих книг страдает острым чувством ностальгии – по тем местам, которые хранят самые дорогие воспоминания. Ему хочется *«размотать всё, что было, обратно до того берега и последнего лета»*.

Как же противостоять неумолимой реке, если однажды она заберёт и того, кто оставался единственным посредником между прошлым и будущим? Ответ на этот вопрос человеку Борису Фабриканту даёт поэт Борис Фабрикант: когда уже ничего не остаётся, слова, «словно камушки, несомые прибоем», сшивают «листы прозрачной и счастливой книги». Противостоять времени может только бессмертное творчество:

Хоть с небес, а хоть динамики настроив,
Голоса поэтов слушай настоящих.
По краям сидят и говорят, их трое,
И кладут письмо ко мне в почтовый ящик.

Как за светом, не успеть за их стихами.
Не в слова они играют, Бог с тобою,
Но слова потом ложатся плавно сами,
Словно камушки, несомые прибоем.

Хорошо уметь прилива видеть сдвиги,
Отражаться в рассыпной волне протяжной.
И сшивать листы прозрачной толстой книги,
Как храбрец своей большой иглой портняжной.

Кто эти трое, упомянутые в первом четверостишии? Отец, Сын и Святой Дух, единые в трёх лицах? Возможно и так, особенно если учесть, что именно с них начинается акт творения. Тема творчества в поэзии Бориса Фабриканта тесно переплетается с религиозной темой – особенно в «Еврейской книге», где история многострадального народа, неотделимая от личной, семейной истории автора, становится подлинным откровением и актом мужества. Потому что во всеуслышание говорить о том, что вызывает боль даже при малейшем воспоминании, может далеко не каждый.

В сущности, «Еврейская книга» – это поэтическая автобиография автора, истории его рода и нации в целом. Здесь, в отличие от предыдущего сборника с многочисленными разделами, никакого тематического деления вообще нет, поскольку во главу угла поставлена одна проблема. И предельного драматизма звучания она достигает в стихах «Три голоса», «Дорога к Богу. Прадед», «Дорога к Богу. Баба Лиза», «Еврейское кладбище». В них речь идёт о страшных событиях военных лет и о прародителях Бориса Фабриканта, о тех невзгодах и лишениях, которые им пришлось испытать в годы репрессий. Но нигде более так отчётливо и ярко не звучит голос самого автора, ощущающего свою сопричастность общей трагедии:

Под землёю уже никого не найти,
Ни убитых: ни выживших, крытых кладбищем.
Эти камни, как парус, плывут, по пути
Задевая бараки расколотым днищем.

А под ними тропинки бывалых червей,
Там подземная жизнь с неживыми костями.
И окончивший дело усталый еврей
Остаётся лежать, потолкавшись локтями.

Пепел въелся в культурные наши слои,
Рвами порвано нежное тело земное.
Все колена израилевы и мои
Преклоняем у зева печного зноя

И вновь всё заканчивается рекой. Она – отправная точка пути и пункт назначения. Она шумит в человеке околоплодными водами и становится началом конца. И что бы мы ни делали, к чему бы ни стремились в желании обессмертить себя и всё самое дорогое в нашей жизни – всё равно нельзя избежать «испуга, обещанного водой». Собственно, об этом и хотел сказать нам в своих книгах Борис Фабрикант:

Находясь меж небом и землёй,
Дышим мы привычно, неприметно.
Но испуг, обещанный водой,
О себе напомнит непременно.
Потому, плывя между волнами,
Называем небо небесами.
Между небесами и водой
По-другому дышим мы с тобой.
Бездна, мы одной воды и соли!
Между нами тонкая плева.
Мир иной волной изрыт, как поле,
Где никак не вырастет трава.
Тёплые объятья океана –
Руки акушерки у плода.
Словно мы, кто поздно, а кто рано,
Уходя, рождаемся туда.

«Книжная полка» Александра Карпенко

МАЭСТРО ДЛИННОГО ДЫХАНИЯ

(Юрий Левитанский, Стихотворения. Новая библиотека поэта. – СПб, Вита Нова, 2021, 640 с.)

Основу толстого тома стихов Юрия Левитанского, изданного к его столетнему юбилею, составляют семь книг, выходивших в разные годы: «Листья летят», «Стороны света», «Земное небо», «Кинематограф», «День такой-то», «Письма Катерине или Прогулка с Фаустом», «Белые стихи». Также в издание включены две ранние поэтические книги «Солдатская дорога» и «Встреча с Москвой», которые автор по каким-то причинам никогда не перепечатывал. Поэтому новое издание Левитанского ценно тем, что открывает нам его «спрятанные» книги. Ранние свои книги поэт не любил не только потому, что в них он не обрёл ещё узнаваемый голос. Он вообще, как выяснилось, не любил вспоминать о войне.

Известен такой случай. Школьница, вдохновлённая празднованием в школе Дня Победы, спросила у мамы, есть ли у неё знакомые фронтовики, которых она могла бы поздравить в этот памятный для всех день. Мама, врач, ответила: «Да, есть такие ветераны. Позвони дяде Юре Левитанскому». И когда девочка позвонила другу семьи дяде Юре, тот огорошил её тем, что никогда не празднует День Победы». Вот такой странный фронтовик был поэт Юрий Левитанский. Возможно, таких людей среди участников той войны было немало. Мы забываем о том, что этот праздник 20 лет, вплоть до 1965 года, вообще не отмечался. Однако мы должны понимать, что отрицательное отношение к войне и празднованию победы было для поэта своего рода духовным переворотом, случившимся, вероятно, в более поздние годы. Вот что он писал в своей ранней лирике – новое издание стихов даёт нам уникальную возможность сравнивать и сопоставлять.

Открой окно!
Сегодня на рассвете
Неслыханные песни входят в сны.
От Ангары донёсся тёплый ветер,
Наполненный дыханием весны.
Проходит май
прозрачной синевою,
Безудержным цветением земли
По тем полям,
где первою травою
Размытые окопы поросли.
Звенит весна, плывёт над головою,
Как музыка,
захлёстывая нас,
Счастливая,
как победивший воин,
И ясная,
как сталинский приказ.
В ней шум турбин,
садов цветущих пена,
Зарёй насквозь пронизана она.
Входи же в дом
и будь благословенна,
Отечества счастливая весна!

В этом стихотворении Юрий Левитанский ещё вполне лоялен к майскому празднику. А своё личное и самое важное слово в военной теме он скажет в позднем стихотворении «Ну что с того, что я там был…». И это стихотворение произвело фурор в лирике послевоенного периода. Это была ни много ни мало революция в трафаретном советском мышлении.

Ну что с того, что я там был.
Я был давно. Я всё забыл.
Не помню дней. Не помню дат.
Ни тех форсированных рек.

(Я неопознанный солдат.
Я рядовой. Я имярек.
Я меткой пули недолёт.
Я лёд кровавый в январе.
Я прочно впаян в этот лед –
я в нём, как мушка в янтаре.)

Но что с того, что я там был.
Я всё избыл. Я всё забыл.
Не помню дат. Не помню дней.
Названий вспомнить не могу.

(Я топот загнанных коней.
Я хриплый окрик на бегу.
Я миг непрожитого дня.
Я бой на дальнем рубеже.
Я пламя Вечного огня
и пламя гильзы в блиндаже.)

Но что с того, что я там был,
в том грозном быть или не быть.
Я это всё почти забыл.
Я это всё хочу забыть.
Я не участвую в войне –
она участвует во мне.
И отблеск Вечного огня
дрожит на скулах у меня.

(Уже меня не исключить
из этих лет, из той войны.
Уже меня не излечить
от той зимы, от тех снегов.
И с той землёй, и с той зимой
уже меня не разлучить,
до тех снегов, где вам уже
моих следов не различить.)

Но что с того, что я там был!..

Левитанский впервые в военной лирике выступил с позиций паритета памяти и забвения, и это было сделано столь искусно, что никто не посмел заикнуться о несоответствии такой платформы канонам советского военного патриотизма. «Никто не забыт, ничто не забыто!» – разве не эти слова серпом и молотом вбивались в сознание советских людей? Однако лет через двадцать-тридцать после участия в военных событиях остаётся больше **традиция вспоминать** павших, нежели собственно **память о войне**. Скажу больше, словами великого философа Мераба Мамардашвили: «Забыть – естественно. Помнить – искусственно». То есть стихи Левитанского возвращают нас к естественному состоянию, из которого нас (возможно, с благими целями) всё время пытались вытолкнуть ради общественного блага.

В какой-то момент память и забвение в человеке почти равновелики, и это особенно заметно, когда речь заходит о такой важной вехе в жизни любого человека, как война. И вот что странно. Несмотря

на спасительно-разрушительное воздействие силы забвения, память не даёт ничего забыть, мгновенно перевоплощаясь в сознание других людей и даже предметов. Стихотворение Левитанского очень необычно для советской поэзии. Но важно понимать, что оно написано спустя четыре десятилетия после начала той войны. Когда, наверное, уже можно было говорить вслух и такие вещи. В сущности, поэт в этом стихотворении выступает с пацифистских позиций. Свою приверженность решению спорных вопросов мирным путём он подтвердил десятилетием позже, выступив в Кремле против войны в Чечне.

Чем дальше отстоит человек от своей войны, тем меньше в нём остаётся личной памяти и тем больше – общественной, обезличенной. Важная стилистическая особенность стихотворения Юрия Левитанского – оно написано скупым, «телеграфным» стилем. Пожалуй, единственная бросающаяся в глаза метафора – про «мушку в янтаре». Но война вообще избегает метафорического языка. Из дат и названий память убегает у поэта в ощущения («я – топот загнанных коней», вообще всё, что взято в скобки и идёт от имени «я»). Даже пустота – «я миг непрожитого дня». В результате получается панорамное видение войны, со всеми оговорками и противоречиями, исключениями, которые подтверждают правило.

Юрий Левитанский – человек совсем иного склада, нежели, скажем, другие поэты военного поколения Арсений Тарковский или Давид Самойлов. Он – иронический аналитик. И, конечно, правда о войне у него – своя. Герой Левитанского уже «всё избыл и всё забыл», но тем не менее он сознаёт: «я не участвую в войне – она участвует во мне». Когда ругают какую-нибудь «локальную» войну, понятно, исходят из её «несправедливости». Но когда и Отечественная война вызывает отчаянное желание её забыть, впору как минимум задуматься. Какова цена массового героизма? Можно ли оправдать впоследствии убийство людей защитой собственной территории? Всё вроде бы правильно, только остаётся некий гуманистический осадок после всего пути, пройденного героями. Осадок, на мой взгляд, ничуть не противоречащий величию Победы. Поэт монументально-личностно подходит к теме войны. И видимо, был в этом не одинок. Мой папа, участник той далёкой войны, тоже не любил о ней вспоминать.

Стихотворение «Ну что с того, что я там был» продемонстрировало всем, что такое глагольные рифмы в руках Мастера. «Перед русской поэзией XX-го века у Левитанского есть две бесспорные заслуги, – пишет о нём Ефим Бершин, – во-первых, он реанимировал глагол, а во-вторых, доказал, что строка может длиться целую вечность, не теряя при этом своей естественности, органичности».

Я бы не осмелился назвать стихи Левитанского экспериментальными, однако он подчас демонстрирует удивительную независимость от рифмы, вплоть до отказа от неё. Левитанский виртуозно владеет рифмой – но – парадокс! – рифма не играет в его произведениях главенствующей роли. Он словно бы всё время что-то проговаривает, внимательно вслушиваясь в то, что нашёптывает ему опалённая войной муза. Левитанский часто уходит от рифмы ради свободы выражения. Вот и в заключительной строфе стихотворения «Ну что с того…» рифмуются уже только глаголы. Остальное – постепенно уходит в белую вечность.

Наверное, для более подробного анализа новой книги, объемлющей всё творчество поэта, нужно писать диссертацию. Левитанский – маэстро длинного дыхания. Просто удивительно, как ему удаётся сохранять на протяжении многих строф лирическое напряжение. Новое издание стихов Юрия Левитанского помогло мне освежить в памяти любимые произведения. Очень люблю его поэтические «сны» – «Сон о рояле», «Сон об уходящем поезде», «Сон о забытой роли». Люблю «Ялтинский домик», стихотворение о Чехове. Стихи Юрия Давидовича могут быть спутниками в разные периоды жизни. Когда я расставался много лет тому назад с любимой женщиной, во мне звучало стихотворение Левитанского «Замирая, следил, как огонь подступает к дровам…».

Замирая, следил, как огонь подступает к дровам.
Подбирал тебя так, как мотив подбирают к словам.

Было жарко поленьям, и пламя гудело в печи.
Было жарко рукам и коленям сплетаться в ночи…

Ветка вереска, чёрная трубочка, синий дымок.
Было жаркое пламя, хотел удержать, да не мог.

Ах, мотивчик, шарманка, воробышек, жёлтый скворец –
упорхнул за окошко, и песенке нашей конец.

Доиграла шарманка, в печи догорели дрова.
Как трава на пожаре, остались от песни слова.

Ни огня, ни пожара, молчит колокольная медь.
А словам ещё больно, словам ещё хочется петь.

Но у Рижского взморья всё тише стучат поезда.
В заметённом окне полуночная стынет звезда.

Возле Рижского взморья, у кромки его берегов,
опускается занавес белых январских снегов.

Опускается занавес белый над сценой пустой.
И уходят волхвы за неверной своею звездой.

Остывает залив, засыпает в заливе вода.
И стоят холода, и стоят над землёй холода.

Значительное место в творческом наследии Левитанского занимает тема времени. Человек проходит сквозь своё время, и время, так или иначе, проходит сквозь человека. «Как бьют часы!..», «Песенка о часах», «Песочные часы», «Остановилось время. Шли часы…» – вот только некоторые стихи Левитанского о часах и об уходящем времени. Причём количество стихов о часах нарастает к последним годам жизни поэта, что вполне естественно и объяснимо.

И я спросил у Фауста: «Зачем,
на целый мир воскликнув громогласно
«Остановись, мгновенье, ты прекрасно!»,
забыли вы часы остановить!»

И я спросил у Фауста: «К чему,
легко остановив движенье суток,
как некий сумасбродный предрассудок,
вы этот звук оставили часам!

И Фауст мне ответил: «O mein Herr,
живущие во времени стоящем
не смеют знать о миге предстоящем
и этих звуков слышать не должны.

К тому же все влюблённые, mein Freund,
каким-то высшим зреньем обладая,
умеют жить, часов не наблюдая.
А вы, mein Herz, видать, не влюблены?!»

И что-то в этот миг произошло.
Тот старый плут, он знал, куда он метил.
И год прошёл – а я и не заметил.
И пробил час – а я не услыхал.

Как всегда бывает у Левитанского, он не только глубоко копает. Он умудряется ещё и «новаторствовать». Обратите внимание: во всём стихотворении рифмуется только вторая строка с третьей. Первая с четвёртой никак не согласуются по рифме. И это создаёт особую акустику – загадочную и таинственную, присущую нашим представлениям о времени.

Юрий Левитанский – прекрасный звуковик. Вслушайтесь только в его акустику:

Музыка моя, слова…
Музыка моя, слова,
их склоненье, их спряженье,
их внезапное сближенье,
тайный код, обнаруженье
их единства и родства –

музыка моя, слова,
осень, ясень, синь, синица,
сень ли, синь ли, сон ли снится,
сон ли синью осенится,
сень ли, синь ли, синева –

музыка моя, слова,
то ли поле, те ли ели,
то ли лебеди летели,
то ли выпали метели,
кровля, кров ли, покрова –

музыка моя, слова,
ах, как музыка играет,
только сердце замирает
и кружится голова –

синь, синица, синева

Конечно, поэт с таким изысканным инструментарием мог позволить себе не самоутверждаться исключительно в военной поэзии. Возможно, ярлык «поэта-фронтовика» был ему даже в какой-то степени тягостен и обиден, поскольку предательски сужал масштаб его дарования. «Планов писать в стихах о той войне у меня нет», – говорил в статье «Война и литература» сам Левитанский. И он держал слово. Теперь мы можем насладиться его поэзией в полном объёме. Спасибо издательству «Вита Нова» за роскошный подарок любителям поэзии.

ЖИВАЯ О ЖИВОМ

(Елена Черникова, Олег Ефремов. Человек-театр. Роман-диалог. Серия ЖЗЛ. – М., АО «Молодая гвардия», 2020. – 491 с., ил.)

Для любого писателя первый опыт биографического романа – terra incognita. Но, одновременно, ещё и вызов, который интересно принять. Елена Черникова применила необычный для серии ЖЗЛ формат романа-диалога. Диалог уводит нас к Древней Греции времён Платона и Сократа, когда истина выявлялась в разговоре путём дискуссии. Диалоги главенствовали в литературе того времени. В результате у Елены Черниковой получилась в высшей степени нестандартная биография, в которой писательницы как личности ничуть не меньше, чем её героя, знаменитого актёра и режиссёра Олега Ефремова. Автор ничуть не растворился в своём персонаже, что ничуть не удивительно, поскольку всё время идёт диалог между писательницей и её героем. Из книги можно многое узнать об интересах Елены – например, о её пристрастии к творчеству Чехова. Появление «Человека-театра» связано ещё и с особой формой инициации. Елена Черникова решила прямо спросить у своего героя, стоит ли ей браться за это хлопотное дело, написание биографической книги, и пошла на Новодевичье кладбище, чтобы взять у Олега Ефремова благословение. И такое благословение она получила.

Очень помогло Елене отважиться на эту объёмную работу и то, что она «выросла внутри» фильма «Война и мир», музыку к которому написал её дядя, композитор Вячеслав Овчинников. Так вот, роль гусара Долохова в этом фильме сыграл Олег Ефремов. Получается, Черникова с детства была приобщена к киноролям героя своей будущей книги. Артист с детства был для неё «своим». В «Человеке-театре» Елена, будто бы применив систему Станиславского, настолько вживается в образ Олега Ефремова, что получает моральное право говорить от его имени. Интертекстуальный диалог с Ефремовым не прекращается до конца романа, хотя и перебивается монологами автора и цитированием документов.

Елена хорошо подготовилась к своей миссии. Тщательно изучила архивы, просмотрела спектакли и фильмы с участием Ефремова. Вот что она говорит о своей подготовительной работе: «Читала архивные документы со слезами на глазах. Невидимые миру слёзы любого актёра будто проступали сквозь бумагу. Порой проступала кровь».

Материалов о «Современнике» и МХАТе действительно было очень много. Они задокументировали целую эпоху в театральной жизни страны. Елена Черникова фактически занимается в новом романе исторической реконструкцией ушедшего времени. Роль театра в советское время трудно переоценить, как раз потому, что вера долго находилась под запретом. И Черникова говорит о том, что в советское время театр, в сущности, заменял людям церковь.

Работа над книгой помогла Елене прозондировать прошедшие эпохи на предмет духовности. «Человек-театр» – зеркало большого промежутка времени, от хрущёвской оттепели до начала миллениума. Черникова, работавшая и на радио, и на телевидении, и в газете, на протяжении всего романа рассказывает нам ещё и об отражениях ефремовских ролей и спектаклей в СМИ. Человек в книге выступает на фоне своего времени.

Я слежу за новыми работами Елены Черниковой с неослабевающим интересом. Делаю выписки – высокая афористичность её фраз такова, что хочется не упустить их из вида и законспектировать. Вот некоторые цитаты из нового романа:

«Люди обожают справедливость, поэтому в мире разлита смертельная жестокость».

«Та же история с любовью. Слияния жаждешь – и никогда не получаешь, пока не перестанешь его жаждать».

«У каждого художника есть такой период, когда из трубы идёт ржавая вода, и надо дать ей просто стечь, чтобы пошла свежая».

«Артист – профессиональный насельник второй реальности. Режиссёру ещё веселее: живёт в своих ста и в чужих тысячах измерений, а планируя спектакль – что из классики, что из современности, – неизбежно сдвигает циферблатное время на час или пятьсот лет, и не догнать его простой мыслью наблюдателя».

«Эйзенштейн замузычил свой шедевр „Октябрь" классикой».

Мы видим, что писательница активно использует в романе придуманные ею неологизмы. А ещё Елена смело вводит в прозаический обиход метафору. Её авторская речь высоко поэтична. Дескать, мы, прозаики, тоже не лыком шиты. Вот, например, попалась такая фраза: *«Бывают глупые, неказистые легенды-оборванки. Бомжуют по углам, теряя последние лохмотья смысла»* (о театральной вешалке Корша). Язык у автора щедрый, творческий. Читать такую яркую, образную книгу, насыщенную тропами, доставляет истинное эстетическое удовольствие.

«Человек-театр» – книга одной большой личности о другой большой личности. Перефразируя Цветаеву: живая о живом. А ещё писательница погружает нас поочерёдно в атмосферу пятидесятых, шестидесятых, семидесятых, восьмидесятых и девяностых годов прошлого века. Елена не просто проштудировала архивы – она беседовала со старожилами театра «Современник», которые служили в нём под руководством Ефремова. Вот что мы узнаём об Олеге из рассказа актрисы Елены Миллиоти:

«Вождь! Предводитель. Человек, который… как сказать… предощущал, предвидел будущее. У него был какой-то… свет, куда нас вести, как Данко, понимаете? Данко! Который сердцем освещал дорогу! Он был и романтической фигурой, и в то же время создал семью! Дом… как его не любить было! Если он любил каждого! Он как отец о каждом заботится. Понимаете, он был и великий педагог, и режиссёр. Я думаю, он как Станиславский…».

Время не властно над впечатлениями от совместной работы, и высокая эмоциональность высказываний Елены Миллиоти подтверждает это. Ефремов в начале своего творческого пути был новатором в области организации театрального дела, идейным вождём театра «Современник», «фюрером», как за глаза называли его коллеги. Человеком поступка. Он выступал за соборность на сцене, за единение не только коллектива актёров, но и рабочих сцены, костюмеров, гримёров. Это было для того времени, да и сейчас тоже, невиданно-новым. И судьба Олега Ефремова – лейтмотив того времени, которое позже, по меткому выражению Ильи Эренбурга, окрестили «оттепелью».

Елене удалось создать тёплый, зримый, осязаемый образ своего героя. Разговор, затеянный писательницей, охватывает проблематику не только второй половины XX-го века, но и сегодняшнего дня. Казалось бы, Олег Ефремов – «образцовый», канонический человек эпохи социализма. Но Черникова показывает нам человека сложного – живого, мятущегося, ошибающегося. Неоднозначного. «Его лицо – кардиограмма времени», – так сказал о нём один из гостей на его юбилее. Сама жизнь была для Олега Ефремова вызовом – самому себе, времени, судьбе. Как явствует из его дневников, он воспитал в себе недюжинную волю. Благодаря Елене Черниковой я открыл для себя много нового в, казалось бы, хорошо знакомом человеке.

Олег Николаевич Ефремов родился под счастливой звездой. Желанный ребёнок в семье, он рос пытливым и способным мальчиком. Легко поступил после войны в школу-студию МХАТ. Ему благоволила Ольга Леонардовна Книппер-Чехова. Обращает на себя внимание обилие писем и дневников нашего героя. Это было время, когда люди много писали – и не в соцсетях, а на самой обыкновенной бумаге. Маленький Олег Ефремов, как только научился писать, присылал письма своим родственникам, уезжая летом из Москвы. Многие из этих писем сохранились в архивах. А ещё в молодые годы он постоянно вёл дневник, которому доверял свои самые сокровенные переживания.

Биография Ефремова, вышедшая из-под пера Елены Черниковой, откровенно полемична. Не проходит и страницы, чтобы писательница с кем-то не спорила, кого-то не опровергала. Вначале не поймёшь даже, хорошо это или плохо. Казалось бы, пусть говорят – невозможно контролировать чужую свободу слова. «Пёс с ними», – как говаривал Иван Грозный. Однако ложные, непрофессиональные суждения могут, в конечном итоге, выиграть битву за правду. Это соображение заставляет Елену

Черникову делать мушкетёрские выпады клинком в сторону своих информационных противников. У неё в этой невидимой схватке есть тайное оружие. Она «докопалась» до документов, которые ещё никто и в глаза не видел. До первоисточников, которыми, без сомнения, являются дневники главного героя книги. Поэтому, критикуя досужие домыслы мемуаристов, Елена только восстанавливает справедливость. И я горячо поддерживаю её в этом вопросе. Ведь сам Ефремов стремился в творчестве «восстановить чувство правды». И здесь Черникова – на одной с ним волне.

Книга внутренне полемична и в своей идейной насыщенности. Что в нашей истории было не так? Почему и МХАТ, и Советский Союз распались? Читатели призваны попытаться ответить, вместе с автором, и на эти непростые вопросы. Название биографического романа Елены Черниковой – очень точное. Человек-театр – это всё тот же человек-оркестр, только оркестр у Олега Ефремова – это его театр. Как человек, так и театр проходит разные стадии своего развития. И все эти стадии познавательны и интересны.

Через всю книгу «Человек-театр» проходит параллель судьбы Олега Ефремова с судьбой героя Эдмона Ростана Сирано де Бержерака. Почему Ефремов всё время ставит «Сирано»? Что общего у симпатичного Ефремова с некрасивым и желчным Сирано? Часто оба они действуют по принципу «чем хуже, тем лучше». Бессознательная героическая стезя выбрана обоими не нарочно. Это такой тип поэзии, ярко выраженный в автоэпитафии Сирано: «Он был поэтом, но поэм не создал. Но жизнь зато он прожил как поэт» («Сирано де Бержерак», перевод В. Соловьёва).

Во вступительной части «Человека-театра» Елена Черникова подробно размышляет, почему Олег Ефремов в финале жизни ставит именно «Сирано». И призывает читателя к соразмышлению. На мой взгляд, здесь следует вспомнить заключительную сцену пьесы, в которой Сирано де Бержерак вызывает смерть на дуэль. Постановкой этого спектакля умирающий Ефремов тоже словно бы вызывал на дуэль свою смерть. Писательница на основании дневников героя приходит к неожиданным выводам по поводу его личности: она считает, что Ефремов был романтик и трагик. Вот что мы читаем в его дневнике: «Жаль, что я по фактуре не герой. Внутри я герой. Хочу играть Сирано де Бержерака». Ефремов внутренне ощущал себя как Сирано. Наверное, именно поэтому он и поставил эту пьесу два раза – в начале и в конце своей театральной жизни.

На мой взгляд, Ефремов-актёр талантом превосходил Ефремова-режиссёра. Это видно хотя бы по тому, что Олегу пришлось доказывать свою режиссёрскую состоятельность во МХАТе… исполнением роли Пушкина. Не режиссурой, прошу заметить. Его режиссёрский талант не был конгениален актёрскому и организаторскому. Я видел многие его спектакли. Добротно, но ничего выдающегося, в отличие от постановок Эфроса, Любимова, Захарова, Гончарова. Самый запомнившийся ефремовский спектакль из тех, что я видел – «Так победим!». Но спектакль имел ошеломительный успех благодаря гениальной игре Калягина. Режиссура Ефремова отошла в нём на второй план. А вот что касается обаяния и воли – в этом Олег Ефремов не знал себе равных. Воля и обаяние помогали ему строить театры, препятствовать запрещению спектаклей, наводить мосты с сильными сего мира. А готовность вступить, как Сирано де Бержерак, в неравный бой с любым противником делала Ефремова личностью героической, о чём и повествует талантливый роман Елены Черниковой.

На страницах романа идёт дискуссия по поводу театра и кино в жизни актёров: не мешает ли одно другому? Пожалуй, на этот счёт сколько людей, столько и мнений. Например, Марина Неёлова говорила, что не любит кино, поскольку оно разрывает цельную роль на маленькие разрозненные фрагменты. А вот для Олега Ефремова съёмки в кино были своего рода «санаторием», где он отдыхал после тяжёлой, изнурительной работы в театре. А ещё – в кино меньше условностей и больше возможностей сказать правду, считал Ефремов.

Безусловно, «Человек-театр» – это женский взгляд на личность Олега Ефремова. Даже если бы Елена захотела написать «гендерно амбивалентную» книгу, сделать это было бы очень сложно, поскольку существует естественный отбор интересов, присущих «своему» полу. Но в таком положении вещей есть и свои плюсы. Например, автор-мужчина вряд ли смог бы так же точно поведать читателям об интимной жизни Олега Ефремова, об одиночестве последних лет. Личная жизнь человека – «вотчина» женщины, здесь она властительница, здесь она обладает интуицией, глубиной и убедительностью.

Книга написана блестяще. Олег Ефремов за несколько дней чтения книги стал для меня родным человеком. В этом – большая заслуга писательницы, въедливо и дотошно изучавшей архивы. Любой выдающийся человек загадочен по своей сути, и Черникова на протяжении романа всячески поддерживает эту таинственность и загадочность. За «обыкновенным» лицом известного актёра она обнаружила недооценённого современниками романтика и трагика. Ефремов строил в своих театрах «социализм с человеческим лицом». Поэтому развал СССР стал для него настоящей трагедией. Затем важно было в это апокалиптическое время остаться человеком, и Олег Ефремов с честью выдержал свой последний в жизни экзамен. Что касается книги Елены Черниковой, она, на мой взгляд, своевременна ещё и потому, что скандальные деяния Ефремова-сына заслонили от нас образ его великого отца, основателя театра «Современник» и просто выдающегося артиста.

«Я ЖИЗНЬ СВОЮ СТИХАМИ ЗАПИШУ»

(Александр Лазарев, Найти себя. Избранные стихотворения. – М., Стеклограф, 2019, 100 с., ил.)

Стихи Александра Лазарева, как и его проза, носят исповедальный характер – это в значительной степени своеобразный лирический дневник. Он поверяет стихам даже те свои мысли, которые вроде бы не имеют эстетической ценности – о внутреннем противодействии души миру денег, стяжательства, обмана. Лазарев словно бы развёл по разным углам ринга добро и персонифицированное зло и всеми силами сопротивляется «бездушному цинизму мира» и «мусоризации пространства». В стихах Лазарева много страдания, жизни, голой правды. И вместе с тем поэт лиричен, хорошо владеет словом. Если в прозе Александр много места уделяет основной своей профессии, врачебным практикам, в стихах этого нет. Зато в них много, как говорил Ницше, «человеческого, слишком человеческого». Некая константа в творчестве Лазарева – тема покаяния, но не оставляет лирического героя и надежда на лучшее.

Отпусти меня, тоска,
отпусти,
И не бей, судьба, с носка,
а прости.
Все долги мои спиши,
поспеши
снять заклятие с души –
душно жить!
Милосердие верша,
пожури;
непомерному мне шанс
подари.
Я воспряну и верну
всё с лихвой.
Соберу себя – клянусь
головой!

В книге Александра Лазарева много философии. Не случайно она называется «Найти себя». «Безысходное», «успокоительное», «неотвратимое», «смятённое», «изнурённое», «сострадательное» – вот некоторые названия стихотворений. Глубокая философия требует внутреннего спокойствия, а с этим у главного героя как раз проблема. И вот почему. От идеализма у Лазарева – прямая дорога к критике современной жизни. А осуждение других людей бывает разрушительным и бумерангом бьёт по самому критикующему. От осуждения до ненависти – один шаг. И получаются ножницы, контраст между прекрасным идеалом в душе и отрицанием, переходящим в жажду разрушать – пусть даже плохое, враждебное идеальному. И эти полярные тенденции – вот беда – гнездятся рядом, соприкасаются в душе. Сложно переделать себя. А вычленить лучшее и отбросить худшее тоже сложно, поскольку они цепляются друг за друга. Боль от осознания несовершенства мира вызывает отрицательные эмоции, отрицательные эмоции разрушают человека, и он ищет прибежища в гармонии строк: *«Я жизнь свою стихами запишу / какая есть, я ничего не скрою»*. Человек может попытаться изменить себя – «но только в рамках коридора». Лазарев высоко поднимает градус исповеди, включая в свою лирику евангельские аллюзии:

Немела Вечность на кресте,
густело время, замер анкер.
Мне бес шептал о доброте,
Крылом хлестал, как плетью, ангел.
Явилась истина на миг,
тьму отворила вспышкой света,
но я ослеп, и не постиг,
и не сумел найти ответа.

Книга «Найти себя» имеет ярко выраженную структуру – поэт уподобляет свой жизненный путь течению реки, у которой есть исток, русло и устье. В свою очередь, русло делится на притоки, омут, плёс, пороги, стрежень и рукава. В каждом подразделе – по несколько стихотворений. А ещё в книге есть «увертюра» – преамбула всей книги. Написанная, естественно, прозой. И это даёт нам возможность сравнить Лазарева-поэта и Лазарева-прозаика. На мой взгляд, прозаик более мастеровит. Но душа прозы – всё равно поэзия. Александр, помимо того, что он врач, долгое время работавший в футбольных командах,

ещё и музыкант, автор многих песен, выступавший вместе со своей группой «Право на будущее» на таких огромных площадках, как стадионы «Лужники» и «Олимпийский».

Думаю, именно увлечённость песнями «спровоцировала» его писать стихи. Ведь музыке нужны тексты! «Стихи стучали в сердце пеплом Клааса» – так говорит о своём творчестве в «увертюре» автор книги, «увлечённый, искренний человек, генератор множества идей, малую толику которых удалось-таки реализовать». Авторская проза помогает Александру в предисловии представить себя как поэта. Мы узнаём о том, что Лазарев обратился к поэтическому творчеству, прочтя стихи блестящего и, наверное, недооценённого у нас поэта Василия Фёдорова.

В книге много рассуждений о поэтах и поэзии. В одном из стихотворений Александр Лазарев даёт такой образ поэта: *«Не умещающийся в быт… поэт не бодрствует, не спит: поэт – витает».* Это, конечно, «романтический» образ поэта. На самом деле, сколько людей, пишущих стихи, столько и образов. Ещё один вопрос, который поднимает в своей книге Александр Лазарев – сострадание. Как помочь человеку, у которого беда?

человеку не поможешь
расстарайся а не сможешь
человек себе сусанин
человек зарос усами
затворился бородой
……
дорожит своей бедой

Как и почти всегда у Лазарева, его ответ полемичен. Он годится не для всех жизненных ситуаций. Вместе с тем, в каких-то ситуациях – это чистейшая правда. Идеализм мешает человеку принять фрагментарность текущей жизни. Человеческое «я» трагически не рифмуется с духом текущей эпохи. Порвалась цепь времён, как говорил Шекспир. А ещё мешает раздвоенность души, которую поэт остроумно называет метаниями «между мною и собою»:

Между Сциллой и Харибдой –
на разрыв с женой ли, с другом…
по-над бытом воспарил бы,
между севером и югом,

между дьяволом и богом,
молотом и наковальней –
я лавирую в тревоге,
холодно мне и печально.

Между делом и забавой,
между мною и собою,
я болтаюсь левым, правым –
между небом и землёю.

Между Летой и Евфратом,
между зримым и незримым…
Всем хотел прийтись я братом,
всеми быть хотел любимым!

Одна из стержневых тем книги Александра – эскапизм. Исчезнуть, потеряться, **не жить** в чуждом и страшном мире. Жить в прошлом герою Лазарева – сподручнее. Но прошлого, как и молодости, больше нет. Река жизни, к сожалению, вспять не течёт.

Нет безнадёжнее потери,
необратимее пути,
чем, ни во что уже не веря,
покорно в прошлое сойти.
Покорно, раньше срока, с грустью,
уйти, на всё махнув рукой,
в небытие забиться, струсив…
И там не обрести покой.

Александр портретирует множество своих состояний. Все они по-своему интересны. Возможно, именно поэзия делает эти состояния души интересными для стороннего наблюдателя и целебными для самого автора. Мне кажется, это всё лики одиночества:

Все, кто ждал меня,
ушли.
Кто любил меня –
остыли.
Вышли сроки, ни души,
Мне родной, в житейской стыни.

Герой Александра Лазарева ищет точку опоры внутри себя. Параллельно, подобно Диогену, ищет человека. Как говорил великий актёр Иннокентий Смоктуновский, «люди мелкие ищут комфорта, популярности, денег; люди крупные – самих себя». Книга «Найти себя» зеркально отображает эти поиски. А завершить свой рассказ о стихах Александра мне хотелось бы цитатой из «увертюры»: *«У поэзии есть прекрасное свойство: она сама говорит за себя».*

«ДЖАЗ НА ГРАНИ ФОЛКА»

(Алексей Остудин, Нищенка на торте. –
М., Русский Гулливер, Центр современной литературы, 2021. – 228 с. (Поэтическая серия))

Алексей Остудин на протяжении нескольких десятилетий является одним из самых оригинальных, ищущих, нестандартных поэтов. В его стихах – особые акустические вибрации, в них масса лингвистических находок. Искусство творческого использования центонов он доводит до совершенства, до степени культурологии. Кстати, напрасно думают, что активному использованию в поэзии центонов мы якобы обязаны постмодернистам. Вспомним: одним из виртуознейших мастеров обыгрывания устойчивых словосочетаний был Владимир Высоцкий, который трудился в литературе задолго до эпохи постмодерна.

Центонное царство Остудина весьма разнообразно. Иногда у него из длинной цитаты, например, пушкинской, берётся только одна строка, вторая же – кардинальным образом переосмысливается: *«Поныне сбирается вещий Олег – / поэтому всюду разбросаны вещи».* В других случаях центоны у Алексея строятся по принципу аберрации слуха – то, что нам слышится порой в речи других людей. Когда-то, например, я был абсолютно убеждён, что у Окуджавы в «Молитве» один из стихов звучит так: «Умному дай голого!». Так я услышал с голоса Булата эти строки. Вот и Алексей «слышит» порой что-то вроде «добро должно быть с Мураками» и активно использует такие находки в стихах. Кстати, если Остудин один раз обыграл уже известное изречение, это не значит, что он его не обыграет как-нибудь ещё раз. В другом месте читаю у него: *«Добро должно быть с рюкзаками, / чтоб прошлое перетряхнуть».*

«Нищенка на торте» – из того же «слухового» ряда. «Нищенка» – это то, что нам слышится, когда не очень отчётливо произносят слово «вишенка». В том же ряду – и детское «Куфайте Кафку». Я обратил внимание, что Алексей щедро использует в стихах заголовки, что не так часто встречается в современной поэзии – в основном там идут тексты без названий. Однако присутствие заголовков у казанского поэта ничуть не проясняет содержание идущего ниже стихотворения. Часто название у Алексея идёт вразрез с самим стихотворением. Или является по отношению к нему дополнительным измерением, вторым дном. Поэтому цитаты из его стихотворений лучше давать вместе с названиями.

Разве думал, играя в Чапая,
что с рекой пулемёт – два в одном.
Облака в белом небе читаю –
провожу по странице орлом,

понимаю, шурша, как и прежде,
на задворках богемной тусы,
что загробная жизнь неизбежна,
как последняя капля в усы,

пусть валькирий неистовый Вагнер
опылять заставляет хурму,
не идёт к Магомету «виагра» –
постараться пора самому,

дальше негде зачахнуть от скуки,
только горы, и лама далай
раздаёт ништяки на фейсбуке,
погрузившись в нирвану онлайн –

это время скосили на силос,
только чиркает спичкой примат –
и не вспомнит никак, что приснилось
три-четыре песчинки назад.

(«Я догоню вас в небесах»)

Такая манера письма оказалась удивительно универсальной. По-остудински можно говорить в стихах о чём угодно. Например, о спорте. Вот не так давно отняли у страны гимн за допинговые нарушения – пожалуйста, Остудин тут как тут: *«Проглотив аплодисменты, сошёл на шёпот гимн страны»*. Если тема стихотворения – драматическая, Алексей убирает подальше шутки и ёрничество, оставляя привычный образно-метафорический строй. Узнаваемый голос менять не нужно, а шутки пригодятся в другом месте. Например, в стихах про женщин.

Однажды промажешь, стрельнув сигаретку,
умерив привычную прыть,
заглянешь под утро к знакомой розетке
вселенную подзарядить,
и, выдернув шнур, без особого риска
по звёздам пройдёшь босиком,
где месяц десну зацепил зубочисткой
и ранку прижал языком.

(«Сказка»)

Вроде бы всё в его стихах просто, но как изысканно и изобретательно! В текст ненароком попала даже фамилия издателя «Нищенки на торте» – Вадима Месяца. Лирику Алексея характеризуют смелость, свежесть, остроумие. Он – мастер иносказания. Метафора у него может строиться и, например, по подобию предметов: «лифчики – все расстегаи». Остудин – не только великолепный лингвист. Он – личность разносторонняя: увлекается шахматами, музыкой. Про него можно сказать, что он ещё и классный мужик, что не так часто встречается в артистической тусовке. И, конечно, это отражается в стихах. Порой – с сюрпризами. Возьмём, например, стихотворение «Шахматы Фишера». Оно вообще не про Фишера и не про шахматы. То, что какие-то вещи у Алексея проговариваются не «в лоб», конечно, большой плюс его поэзии. «Шахматы Фишера», насколько я понимаю – про нашу власть. При чём здесь тогда Фишер и его шахматы – резонно спросите вы. Всё дело в том, что чемпион мира, известный нам ещё и как персонаж песен Высоцкого, был большим хитрецом. Он придумал «свои» шахматы, с другой расстановкой фигур. Вот и власть, похоже, тоже всегда играет в свои шахматы. И Алексей это тонко подметил.

Творчество поэта понятнее читателям, когда в стихах есть и новое, и хорошо знакомое. Привычное в текстах Остудина – квадратики силлабо-тоники. Новое – его образный строй и содержание стихотворений. Алексей часто использую слова по подобию звучания. Например, треснувшая губа – «губы треска»:

Обветренной губы болит треска,
«Аквариум», и джаз на грани фолка,
по лезвию бегущая строка,
висящая на ниточке двустволка,

и молодость, и боты в соцсетях,
больные, но живучие поэты,
зажавшие в загашнике пустяк –
по три-четыре сотки Интернета,

в надежде, что удастся, может быть,
дождавшись урожая терпеливо,
у Млечного пути перекурить,
насущный хлеб забулькивая пивом…

(«Второе дыхание»)

В другом стихотворении «насущный хлеб» преображается у Остудина в «полбуханки зрелищ». Я, наверное, не слышал столько пословиц и поговорок, сколько их обыграл в стихах казанский поэт. Возможно, вскоре устойчивые словосочетания в русском языке будут изучать по центонам Алексея.

«Нищенка на торте» – большая книга. В сущности, здесь четыре книги в одной – «Поезд на Чаттанунгу», «Привет Заболоцкому», «Бабочка на штанге» и «Дым из чемодана». Остудин хорошо умеет заменять в тексте обсценную и эротическую лексику речевыми оборотами, придуманными им самим. Эвфемизмы Алексея замечательны.

Что же, выпьем, милая подружка –
а иначе сразу не поймёшь,
где твоя подмышка, где наружка,
где твоя любовь, ядрёна вошь?

(«Девушка с планшетом»)

Поэт много рассказывает о себе, о «мальчишечьих проказах» разных лет. Но всё это тесно вплетено в жизнь страны и даже в международную обстановку. Однако везде у него мажор и моцартианство – доминируют. Порой пассажи Остудина чем-то напоминают мне стилистику Кабанова, но это не удивительно, поскольку Алексея и Александра связывают давние нити дружбы. Игровой стиль не мешает поэту быть подчёркнуто современным. То тут, то там в его лирике возникают, помимо имён героев древних мифов, классиков и персонажей их произведений, имена медийных личностей: Владимира Познера, Джен Псаки, Дениса Мацуева, Наоми Кэмпбелл, Памелы Андерсон, etc. Казалось бы, какое дело «поэту мирному» до этих «селебрити»? Но Алексею Остудину есть дело до всего в подлунном мире, и это как нельзя лучше характеризует его поэтическое творчество.

ОСТРОВКИ ЖИЗНИ, ИЛИ ЧЕМОДАН СЮЖЕТОВ КАТИ КАПОВИЧ

(Катя Капович, Суп гаспачо. Рассказы. – М., Издательский проект «А и Б», 2019. – 160 с.)

Катя Капович больше известна как поэт, однако её проза не менее талантлива и профессиональна. Когда талантливый стихотворец три раза за короткий промежуток времени меняет страну проживания, он накапливает «чемодан сюжетов» и ментально уже готов писать качественную прозу. Капович – автор очень современный. Катя легко путешествует в воображении между Молдавией своего детства, Израилем и Америкой. Многие её рассказы интерактивны, они воспринимаются как репортаж с места событий. Однако это тот самый случай, когда «журналистика» имеет черты настоящей литературы. Автор – не сторонний наблюдатель, а непосредственный участник описываемых событий. И практически отсутствует перегородка между «жизнью» и «литературой».

Катя словно бы транслирует собственную жизнь. Но делает это очень целомудренно, выдерживая «мхатовскую паузу» в несколько лет, а то и десятилетий по отношению к тому временному пространству, когда эти события происходили в её жизни. Существует временной зазор между сегодняшней жизнью автора и тем, о чём она пишет. Это своего рода ретроспектива, обратная перспектива по отношению к собственной жизни. Писать о том, что с тобой происходит прямо сейчас, не всегда удобно. Необходим взгляд со стороны. Хотя Катя в этом плане – человек без комплексов. Во многих её рассказах есть мотив отважного и успешного преодоления трудностей эмигрантской жизни. Преодолев жизненные невзгоды, ты становишься героем и в собственных глазах. Ты – молодец.

Помимо жизненного багажа, привезённого из трёх государств, у Кати – феноменальная память на детали, столь необходимая прозаику. Её рассказы могут служить читателям подробными путеводителями по местам, которые она описывает. Хорошая память – вещь необходимая для писателя. Например, Булгаков легко сжёг первый вариант «Мастера и Маргариты». Этот «гоголевский», как говорит Мариэтта Чудакова, акт был для него, благодаря хорошей памяти, во многом символическим, – он мог тут же восстановить огромный текст по памяти. Катя Капович так же легко преодолевает в своей прозе пространства времени силой памяти и воображения.

Реалистичные рассказы Кати необычны. В них нет завязки, кульминации и развязки в традиционном смысле. Всё – завязка и всё – развязка. В рассказах Кати много юмора, однако носит он не систематический, а ситуационный характер. Юмор не является конечной целью произведений. Лавры Жванецкого автора, по-видимому, не беспокоят. В прозе Капович всё как в жизни: немного юмора, немного философии, житейские перипетии. Дальше всё уже зависит от самих читателей, от их способности к сопереживанию и творческому домысливанию – никаких искусственных ухищрений для стимуляции читательского интереса Катя не предпринимает. Тем не менее, открыв книгу, ты уже не можешь оторваться от чтения.

Эти рассказы хороши и «с голоса», в авторском исполнении. Почти все сюжеты Кати – нестандартны, в них заложены увлекательные ситуационные и речевые возможности.

Когда в жизни героев Капович наслаиваются друг на друга разные, часто диаметрально противоположные эмоции, неожиданно появляется глубина. Память естественным образом «перескакивает» с одного эпизода на другой, повинуясь воле автора. Действие порой происходит в непривычных, закрытых для свободного посещения местах (лечебница или тюрьма).

Судьба героини рассказа «Суп гаспачо» вызывает чувство сострадания. Но даже в самых грустных эпизодах рассказа жизнеутверждающее начало доминирует. Смешны и забавны реплики судьи и адвоката. Казалось бы, это «рутинные» должности, где нет места улыбке и состраданию. Но нет – адвокаты и судьи тоже люди, которым ничто человеческое не чуждо, и от этого всем становится чуточку теплее. Выясняется, что судья тоже принимает антидепрессанты. Адвокат, спасший героиню рассказа «Суп гаспачо» от тюрьмы, заказывает ей в кафе по окончании судебного процесса… тот самый украденный суп, те самые украденные сосиски и… связку наручников. Чувство юмора помогает героям писательницы справляться со своими злоключениями. Многие из официальных лиц остаются людьми, невзирая на занимаемые должности и род деятельности. Люди не «топят» друг друга, а доброжелательно стремятся помочь.

Название рассказа и всей книги – «Суп гаспачо» – звучит для русского уха достаточно непривычно и экзотично, но такое название хорошо сообразуется с эмигрантской жизнью. Такое название ни у кого из писателей прежде не встречалось, можно даже не гуглить. В рассказах Капович много познавательного и поучительного, и это делает её прозу универсально востребованной. Катя – тонкий психолог. Она повествует о человеке как личности, о том общем, что присуще всем людям. Например, все мы, в той или иной степени, боимся провала и позора. Конечно, провал и позор имеют у разных людей неодинаковые очертания. Для меня, например, страшный позор был – забыть на сцене выученное стихотворение. А ещё я смертельно боялся опозориться на школьном выпускном балу, поскольку не умел танцевать вальс. Рассказы Кати Капович учат преодолевать собственные шоры и зажимы. Не так страшен чёрт, как ты сам его намалевал. Важно успокоиться и осознать, что маленькое неумение – ещё не конец света. Преодолел свои комплексы – пошёл дальше. Не смог посмотреть на себя с другого ракурса – топчешься на месте. В конце концов, есть вещи, которые ты делаешь не хуже других.

Катя Капович словно бы «портретирует» живую жизнь. Порой складывается впечатление «передозировки» жизни. Это её мир: жизнь как водоворот событий. В этом – главная особенность её прозы. Интригующие сюжеты и прекрасный язык помогают справиться с поставленной задачей. Жизнь в книге Кати переливается всеми красками радуги – и по-своему торжествует, даже над смертью. Любая маленькая жизнь у Капович – няни, официантки – интересна. Писательница достоверно передаёт тревоги маленького человека.

Катя пишет по-русски и по-английски. Проза по отношению к стихам – тоже своего рода «билингва», «второй» язык. Есть вещи, которые в прозе звучат сильнее. Рассказы, вошедшие в новую книгу Кати Капович, замечательно разнообразны. Здесь и проникновенный лирический рассказ о дедушке и бабушке («Памяти Шанхая»), и иронический рассказ о двух израильский поэтах, которым нравится за рюмкой водки оплёвывать собратьев по перу («Нас не спросили»), и многое, многое другое. Любовь женщины к мужчине (рассказ «Черешня») и мужчины к женщине («Сценарий») порой не поддаётся никакой мысленной логике, даже «женской». Запомнилась взрывная динамичность повествования в «Белых горах». Течёт обыкновенная жизнь, и вдруг что-то происходит, наступает крещендо, ситуация накаляется, Болезнь не щадит никого – ни саму больную женщину, ни её близких. Катя Капович не злоупотребляет в рассказах экзистенциальными ситуациями – так же, как она никогда не перебарщивает со смехом. Её рассказы внутренне гармоничны, в них много афористичных высказываний. Приведу несколько особо впечатливших:

«Если не дорожить жизненным опытом, то и не стоило рождаться в этот мир».

«Парадокс жизни, подумала я: все мы хотим знать будущее, но что может быть хуже будущего, которое знаешь?»

Герои Кати Капович не брезгуют общаться даже с преступниками: всё в мире относительно, и завтра любой из нас может сесть за решётку. Пусть даже – незаслуженно. Для творчества Кати важно, что жизнь – везде жизнь. В рассказе «Брегет» вор оказался честным человеком, а известный журналист оказался вором. Да ещё и подставил вора, решив спихнуть на него кражу часов. Катя Капович умеет удивлять. «Счастье – это освещение. Это когда мысли приходят в порядок», – говорит Катя, и мы, конечно, верим ей: так оно и есть на самом деле.

С ПОПРАВКОЙ НА ВЕЧНОСТЬ, ИЛИ 365 ОТТЕНКОВ ЛЮБВИ

(Борис Берлин, Placenta previa. Повесть и рассказы. – М., Издательские решения, Литературное бюро Натальи Рубановой, 2021. – 216 с.)

Мир героев Бориса Берлина – романтичен. Герои ищут и порой находят себе такую пару, что дальнейшие поиски любви становятся бессмысленными. Это колоссальное совпадение характеров, умений,

запахов, привычек, это – готовность отдать за любимого человека всё, даже жизнь. Но счастье бывает недолговечным. В своей новой книге писатель поднимает вопросы жизни и смерти, стойкости и верности, ценности любви перед неизбежностью разлуки. «Placenta previa», как и многие другие работы Бориса – настоящая энциклопедия любви. Это 365 (по количеству дней в году) её оттенков. Книга, оформленная «Данаей» Густава Климта, состоит из двух больших частей – повести и цикла сказок. «Placenta previa» – это антология обречённых друг на друга, – говорится в аннотации.

В центре новой повести Берлина – «запретные» отношения между отцом и дочерью. Майя, вырастая, вдруг понимает, что любит отца совсем не дочерней любовью. То же самое по отношению к дочери чувствует, хотя и боится себе в этом признаться, её отец. «Placenta previa» – психологичная повесть. Сознание вибрирует между «можно» и «нельзя». Нельзя, поскольку – дочь. Можно – поскольку неожиданно выясняется, что Питер – не родной отец. Удивительно, но друзья, соседи – все склоняются к тому, что «можно». ББ исследует в новой повести соотношение между скрижалями заповедей и здравым смыслом, прислушивается к Богу внутри человека. Что означает этот психологический барьер, мешающий героям плавно перейти из чисто родственных отношений в любовные? Препятствие, требующее преодоления, или указание свыше, что дальше идти не стоит? «Всё, так или иначе, разрешится. Нужно просто уметь ждать», – говорит писатель.

Радость бытия и поэтическое мировосприятие переполняют произведения ББ. Это редкое качество, видимо, берёт начало в душе самого писателя-стилиста. В жизни всегда хватает трагического. В повести «Placenta previa» у героя умирает жена, а затем он с дочерью вынужден бежать в чужую страну. Другого человека это бы напрягло, обозлило, а то и сломало. Но жизнеутверждающее мировоззрение, умение радоваться малому счастью, присущее героям, помогают им преодолеть мытарства и лишения. Питер и Майя скрываются от преследования на далёком острове и заново обустраивают свою жизнь.

Проза ББ по-настоящему афористична. Вот фразы, которые я выписал себе в блокнот: *«Если любишь по-настоящему, отпускать легче», «Небо, оно ведь такое чувствительное: чуть что, сразу плачет», «Год – не год, а 365 оттенков любви и наслаждение, от которого каждый раз, снова и снова, сносит крышу», «Только смерть делает жизнь вечной», «Время – это всего лишь смерть, делённая на ноль», «Вечность – это просто у времени за углом».*

Борис Берлин повествует о редких, эксклюзивных видах любви. Питер и его дочь Майя, Дюк и Наташа, Густав и его сестра Амалия, Феличе и Кончита – единственные, незаменимые люди друг для друга. Жизнь на уединённом острове способствует развитию чуткости и внимательности. Герой-мужчина у Берлина не ломается под натиском недружелюбных обстоятельств. Он стоек и нежен. Рядом с ним и представительницы прекрасного пола ощущают себя настоящими женщинами. Камерный мир обитателей острова можно наблюдать в повести ББ пристально, как под лупой. Все про всех всё знают. Остров не каждого принимает, но никого не отпускает обратно.

Казалось бы, скупая островная жизнь в «Placenta previa» бурлит событиями, как детектив. У одного из героев пропадает жена, отсутствует полгода, а затем так же внезапно возвращается, будто и не уходила. Всё заканчивается хорошо. Как ни странно, «открытый» финал – это одна из вариаций хэппи-энда. Дальше – догадываемся – «и стали они (Питер и Майя) жить-поживать, да добра наживать».

Романтизм и экзистенциализм причудливым образом соединяются у Берлина и в «Сказках для Сонечки» (привет Марине Цветаевой, автору «Повести о Сонечке»), которые также представлены в новой книге писателя. «Сказки» по жанру похожи на романтические стихотворения в прозе. Ещё в середине 19-го века было понятно, что романтизм, уступивший дорогу реализму, рано или поздно вернётся, с прививкой новых, молодых направлений в искусстве. Ведь всё на свете возвращается – но только в другом, несколько изменённом виде.

Произведения ББ всегда причудливы по сюжету и форме. «Сказки для Сонечки» – это 18 отдельных камерных и лиричных историй, каждая из которых имеет свой сюжет. Любимое место героев Берлина на земле – солнечная Италия. Ещё в «Сказках о Сонечке» автор использует «матрёшку» – новеллы вставлены в повествование о судьбе рассказчика. «Сказки» – это своего рода «стихи доктора Живаго», послесловие к жизни главного героя. Фирменным приёмом писателя стало также использование перекрёстного повествования: он-она. Будто всё это действительно написано вдвоём, мужчиной и женщиной. В этом заключается не только великая сила искусства, но и правда жизни. Мировосприятие «инь» и «ян» может не совпадать по самым разным пунктам, но когда два любящих человека соединяются в диалоге, это даёт в сумме бесконечность. В «Сказках для Сонечки» это проявляется наиболее ярко. Счастье, сколько им ни наслаждайся, трагично в отдалённой, невидимой перспективе. Любящих всё время кто-то норовит разлучить – если не жизнь, так смерть. Иллюзия незыблемости – вот всё, что нам остаётся. Всё это способствует формированию у героев ББ особой чуткости, нежности и прощения.

Михаил, автор и герой «Сказок для Сонечки», в тяжелейших условиях заточения не сдался. Сложно даже представить, что в аду тюрьмы можно писать такие светлые, жизнерадостные сказки. Осуждённый – возможно, несправедливо, он не ищет, тем не менее, справедливости, поскольку справедливость противоположна Богу и Любви. Михаил пишет сказки как своё поэтическое завещание, ещё не зная доподлинно,

что это завещание, но предчувствуя такое развитие событий. То, что рукопись, минуя все преграды, попадает из стен тюрьмы к адресату, любимой женщине – чудо. Рукопись оказывается долговечней человека, а искусство – хорошим способом «обмануть» смерть. Подробности ареста Михаила неизвестны. Но меня не покидает ощущение, что это – не главное. Его судьбу, может быть, не надо «домысливать». Важно, как много света, любви и добра в этом, казалось бы, поверженном, но не сломленном окончательно человеке. Попав в неприятную ситуацию, он постоянно возвращается мыслями в счастливое прошлое – оно помогает ему строить мостик из настоящего в будущее. Будущее, которого нет.

Яркие художники, а Борис Берлин, несомненно, из когорты блестящих, незаурядных писателей, умело применяют в искусстве принцип контраста. Любовь у Берлина – чувство всемогущее, но… беззащитное. Условия содержания в тюрьме так разительно контрастируют с рассказанными Михаилом сказками, что это попросту ошеломляет: как такое может быть? Как можно было **там** такое написать?! В трудную минуту человек тянется к свету и любви. Любовь – это ведь не только нюансы отношений, от «почти» до «слишком». Любовь так же экзистенциальна, как и смерть. Она – второе и, может быть, лучшее имя жизни.

«Сказки» ББ – это романтические истории, как у знаменитого драматурга Арбузова в «Сказках старого Арбата». Порой счастье двоих зависит от одного вовремя сказанного или не сказанного слова, от одного верного или, наоборот, неправильного шага. Это одновременно и культура, и везение, и любовь. Коктейль, из которого и состоит жизнь. ББ очень тонко чувствует эти переходы, эти флюиды взаимоотношений. В «Зимней сказке» возможный разрыв между любящими предугадан героем и явлен… на бумаге. И, таким образом, упреждён, слово не произнесено, а любовь спасена. Счастье у Берлина – это всегда диалог мужчины и женщины, эроса и танатоса.

Герои ББ умеют безоглядно пользоваться дарами любви. Мужчины в его рассказах не только не уступают женщинам в объёме культурного багажа, но и зачастую их превосходят. При этом они имеют бездну обаяния и настоящий мужской характер. Эти мужчины знают ключи к своим женщинам. Они внимательны, прозорливы, многое умеют замечать. А вот в женщинах писателя много детских черт.

«Сказки» Берлина, вошедшие в книгу «Placenta previa», невероятно разнообразны. Они волшебны, а их «фольклор» мудр и эзотеричен. Приведу примеры. «Умножая знания, ты неизбежно умножаешь скорбь. Уменьшая печаль, ты одновременно уменьшаешь и радость» («Сказка о Печальке»). «Упавшая тяжёлая сосулька помогает героям найти друг друга» («Неумолимая сказка»). «Смерть человека – трагедия, и она же – банальность: так заканчивается, в сущности, любая жизнь» («Трогательная сказка»). ББ – писатель-энциклопедист. Это чтение, которое расширяет кругозор. Я, например, не знал прежде, что такое фаюмская живопись, хотя жена у меня – художник.

«Сказка про кошку и мышку» словно бы пришла из анекдотов про любовников и любовниц. Героиня отправляется на психологическую консультацию… к сопернице. Неожиданная концовка делает эту сказку ещё более драматичной. Если у женщины одна соперница, это отравляет жизнь, если у обеих есть ещё одна, это… примиряет их между собой, а заодно и с текущим положением вещей. Как будто ничего и не было. Помните, однажды в цирке жена Александра Блока отхлестала зонтиком какую-то женщину. Тогда поэт сказал ей: «Люба, пойдём отсюда, ничего этого не было!» Борис Берлин, как и поэт Блок, тоже волшебник: он тоже способен сделать бывшее не бывшим.

Сказки ББ – это не просто любовная лирика. Это высоко духовная литература, которая ставит извечные философские вопросы бытия. Тут есть даже космизм («Сказка про Суламифь», «Сказка ни о чём»). И это не удивительно, поскольку автор книги, как и Сент-Экзюпери, автор «Маленького принца» и «Цитадели», имеет лицензию пилота и знает наизусть своё небо. Читая Берлина, больше ценишь каждое мгновение, стараешься быть внимательнее к близким людям рядом с собой. В «Сказках», как и в «Placenta previa», поражает человеческое достоинство героев. Если оно у человека есть, оно проявится везде, даже в местах лишения свободы, даже на необитаемом острове.

Глубокие, парадоксальные, корнями уходящие в тайную жизнь души произведения Бориса Берлина привлекают читателей тем, что здесь присутствуют и судьба, и психология, и философия, и, конечно, поэзия. В новой книге особой глубиной отличаются, на мой взгляд, «Неумолимая сказка», уже упомянутая «Трогательная сказка», трагическая и сентиментальная «Небывалая сказка», «Сказка о Печальке».

Философия сопровождает и формирует разные произведения писателя-стилиста. Герои «Трогательной сказки», подобно героям Достоевского, говорят о готовности убивать виновных в развязывании войн. И затем, когда у героя погибает его любимая, эта страшная мысль к нему возвращается, но уже в новом ракурсе – в виде мести за смерть возлюбленной. Только мстить ему некому, поскольку виновный не найден. Никто не виноват, что вновь пришла зима. Лишь люди вечно ищут виноватых. Пространство произведений ББ наэлектризовано сильными эмоциями. И мы, размышляя над его произведениями, понимаем: в жизни может случиться всё что угодно. Только душу отнять никто у нас не сможет. И, может быть, поэтому жизнь бесконечно нам дорога.

«ЛАДОНИ НАПОЛНЯЯ СИНЕВОЙ…»

(Ксения Август, Солнечный бумеранг. – М., Стеклограф, 2021. – 120 с.)

Название «Солнечный бумеранг» очень подходит к лирике Ксении Август. Вся она – солнечная, сияющая, лиричная. Профессиональная пианистка, Ксения музицирует не только чёрно-белыми клавишами фортепиано, но и цветными поэтическими строчками. «Давай разложим ветер по голосам», – говорит она. Музыкальность Ксении сквозит как в строфике стихотворений, так и в разнообразии рифм. Её стихи изобретательны и поэтичны. Большую роль в её творчестве играют метафоры и богатство словаря. И дар души – свет необыкновенный. И – абсолютный поэтический слух. Этому сопутствует «правильное» для творческого человека отношение к жизни – «живи как в первый раз и как в последний раз».

За кирпичным склепом – ежевика,
за молчанием шторы – шорох фраз,
посмотри на небо и живи как
в первый раз и как в последний раз.

Сам себе и воля, и темница,
Закрывай внутри себя ключи,
видишь, засыхает медуница
там, где птица больше не кричит,

и спешит тропа твоя из дома
в сизый плен тернового куста,
но строка, как в детстве, невесома,
а душа по-прежнему чиста,

нет в ней ни запрета, ни предела
чуда, есть полётная строка,
только бы душа не оскудела,
только бы не дрогнула рука.

Ксения Август – поэт молодой, но уже достаточно известный по публикациям в «толстых» журналах. Не так давно она была финалисткой крупного литературного проекта Влада Маленко «Филатов-фест». Что выделяет её стихи? Солнечное упоение жизнью, моцартовское начало в душе: день как соната, жизнь как симфония. День и вечер у поэта – живые, она словно берёт их в охапку и, священнодействуя, переставляет по своему желанию с места на место. Все времена года у Ксении – активные, быстрые, энергичные, даже осень и зима. Такого, как у классика («унылая пора, очей очарованье»), нет и в помине. Наоборот – *«быстрая, невозможная, золотая / осень, где шорох гаснет, а голос тает, / ветер пишет вилами по воде, / возвращая нас во вчерашний день»*. Пейзажи в «Солнечном бумеранге» диво как хороши – поэт ещё и прекрасный художник: *«Из лунного опала искра сбегает в подвенечный бриз рассвета»*. Пейзажи есть почти в каждом стихотворении, один другого лучше:

Бутон росы качнулся на стебле,
ладонь в ладонь, ладони трав – в тепле,
ладони листьев холодят мне спину
и грезят звездопадом наяву,
целуя в лоб примятую траву
и мотылька на краешке люпина.

Стихи, вошедшие в «Солнечный бумеранг», весьма разнообразны. Но я бы выделил два основных направления творчества поэта: любовная лирика и религиозные стихи. Порой даже возникает впечатление, что остальные темы стихов – только производные от этих двух основных векторов, настолько мощно звучат они у Ксении.

Искус мой, искоса поглядывай на меня,
искры высекай во мне камнем об камень,
сколько ветер мелочи наменял
лиственной – нам не обнять руками.

Искус мой, искореняй во мне, истребляй
искренность, пожинай меня, словно жито,
всё, что во мне проросло, из тебя
вылеплено, придумано, крепко сшито.

«Запретность» тайной любви, мимолётность сердечных увлечений, в сочетании с солнечностью самих чувств, создают особую атмосферу и доверительность исповеди молодого поэта. А вот замечательное стихотворение о церковных свечах:

В молении вечном,
в надеждах напрасных,
церковные свечи
заплакали красным,

закапали требник,
зажгли антифоны
их острые гребни
и жёлтые звоны,

крестом ото лба до
надлонной полоски,
дрожаньем лампады,
разлитием воска,

осклизли, ослепли,
опутали плотно
и лунные стебли,
и ветра полотна,

дробили, гранили
поклоны и жесты,
и в адском горниле,
и в райском блаженстве,

от света к печали,
от звука до слова,
тянулись, звучали
и плакали снова.

Мне очень нравится это стихотворение, состоящее из одного длинного предложения. Удивительное единство музыки, ритма и слова. Читая его, как будто на самом деле попадаешь в храм. Как и в других стихотворениях Ксении, в нём подкупает «цветаевская» степень свободы. Посмотрите, в церковном стихотворении у поэта появляется… фрагмент обнажённого женского тела, «надлонная полоска», но всё это не мыслится чужеродным в стихотворении о вере. Храм для Ксении Август – это не только здание церкви, но «и лунные стебли, и ветра полотна».

Свобода дыхания не мешает поэту быть изысканной в рифме: «Стынет – листы не», «млеко – мелко», «горестей – горстью я», «на меня – наменял», «призмы – призвук», «стёкла – свёклой», «на пол нить – наполнить», «Тартар – старта – стар тот»… Рифмы не только акустически качественные, интересные, но и новые, не затёртые. Временами в строчках Ксении появляется женская ласковость: «морюшко» – обращается к морю героиня. Или – в нежных стихотворениях про «Веру-Верочку-вербочку» и «Русь-матушку» («Расплескалась весна – сиренево…»). Из стихов всегда можно почерпнуть сведения о чертах характера и человеческих качествах лирика.

Ритмика у Ксении очень разнообразна. Я не припомню ни одного стихотворения, в котором ритм был бы выбран автором неправильно, шёл бы «не в ногу» со смыслом, с лирическим наполнением. Есть просто уникальные в плане ритма стихи, например, «Мол, молчи…». Анжамбеманы у Ксении искусны, они по-своему организуют поток стихотворной речи. Возникает эффект «захлёбывающегося» голоса. Поэту хочется сказать так много, что она волнуется и словно бы торопится говорить. Но в стилистике Август это, скорее, достоинство, чем недостаток. Многие стихи адресованы одному человеку, но мир двоих так велик, что это интересно тысячам читателей. А ещё у поэта мир – это его язык.

Внутренне богатый мир не опишешь, если словарный запас беден. Музыкальный строй стихов Ксении близок к раннему Пастернаку, когда Борис ещё «болел» музыкой Скрябина. В её лирике преобладает мажор. Поэтам с «длинным» дыханием, а Ксения, без сомнения, поэт с длинным дыханием, бывает сложно остановиться, когда волной идёт музыка слов. Но, может быть, останавливаться и не нужно: автору есть чем заполнить волновую энергию сердца.

На небосводе телесно-бежевом
солнце к надеждам земным прикручено,
крутятся стрелки мгновений бешено,
крутятся стрелки часов наручных.

Перетекая в брюшные полости
перистых туч, на витой излучине
пишутся новые наши повести,
пишутся повести наши лучшие.

Жёлтой лозы обрезая щупальца,
падают ягоды виноградные,
наши желанья на солнце щурятся,
щурятся подвиги наши ратные.

Тёплые лапы Большой Медведицы
ночь обнимают. Знакомым именем
высь отзывается. Видишь, светится
радость, светишься ты внутри меня,

светится небо, а если скоро тот
свет померкнет над звёздной папертью,
я для тебя стану просто городом,
ты для меня станешь просто памятью.

Поэзия Ксении Август в «Солнечном бумеранге» – высокого журнального уровня, без срывов, без «проходных» стихов. Можно взять навскидку любое стихотворение – и цитировать. Мастерство поэта видно невооружённым глазом: *«Тайно проносит за пазухой меч / тать, / рубит с плеча, запрещая меч- / тать. / Слышу я в этот таинственный час – / зов, / перемещающий стрелки ча- / сов. / Между часами моими одна / пядь, / время идёт подо мною и над / – вспять»*. Или вот птичье, «хлебниковское» стихотворение: *«Сверив с далью / сферы в теле / свиристали / свиристели»*. Звуки аукаются между собой, подражая пению птиц. Блеск! А напоследок – пожелание автору… из её собственных стихов:

И быть как воздух – лёгкой и живой,
И быть как ночь – святой и вечно юной,
Вбирать прохладу в лёгкие июня,
Ладони наполняя синевой…

ПАМЯТЬ – НЕ ВОДА

(Вера Зубарева, Между Омегой, Альфой и Одессой: Трамвайчик-2. Стихи разных лет. – Ирвилвилд, Калифорния, издательство Чарльза Шлакса, 2022. – 103 с., ил.)

Книга Веры Зубаревой – объяснение в любви к родному городу, городу-герою Одессе. С ним она «срифмована судьбой», и заглавная буква – «Город» – здесь очень уместна. С первых строк «Трамвайчика-2» мы входим в поле высокодуховного интеллектуального напряжения. Зубарева вскормлена Одессой и, невзирая на расстояния, неразрывно с ней связана. Так любят самых родных и близких. Глазу постороннего такая любовь может показаться избыточной. Но для человека любящего – это сердечная норма.

Любовь к родному городу – это ещё и память о своём детстве. Ведь Одесса хорошо рифмуется с детством. Первая глава новой книги Веры Зубаревой так и называется – «Невод памяти». Память для Веры – именно невод, потому что она выросла на море, пропитана морским духом, она – дочь капитана. «Бормочут волны свой гекзаметр», «к морским глубинам тянется душа». Невод памяти. Память невода. Память – не вода. Трудно переоценить значимость воды для человека. Но память – неизмеримо ценнее.

Помнишь, луна над трубою светила?
Помнишь, домой загоняли всех силой
В самый разгар болтовни, беготни?
Помнишь, куда улетели те дни?
Как же не помнить!
Помню, конечно, –
В тёмный скворечник
На ветке черешни,
Что пустовал по весне без скворца.
В нём только ветер гудел без конца.
Помню и лето, и все эти сказки,
Тёмное море в лунной окраске.
Кто-то кого-то звал из окна.
Все разошлись… Я осталась одна –
Где-то уже на другом побережье,
С новою жизнью, с памятью прежней.
Будто скворец, что тогда улетел.
Будто скворечник, что всё ещё цел.

Память, бабочка Мнемозина… Память бывает разная. Порой непосредственная – когда перед твоим мысленным взором всплывают яркие фрагменты из прошлого. Но память может быть и философской, насыщенной духовными поисками. *«Былое, хоть не повторится, но не умрёт, коль будущее – в нём»*, – говорит Вера Зубарева. Память – это амфисбена, которая способна двигаться как назад, так и вперёд.

Снится поезд. Снова снится поезд.
Колея ведёт в темноту.
Это поиск. Это вечный поиск.
Три дороги. Всегда выбираю не ту.
Снится поезд. Плутает впотьмах дорога.
Дом неизвестно, с какой стороны.
Поиск родины – как поиск Бога:
Если увидишь, то только со спины.
Мчится поезд.
Сон по забытому, брошенному.
Уж сколько лет…
Мчится поезд. Опять и опять по прошлому.
Настоящей прошлого ничего и нет.

Вера Зубарева играет здесь смыслами слова «настоящее». Там, в прошлом, живы наши родители, и это, конечно, самое важное для любого человека. Всё пространство «между Омегой, Альфой и Одессой» – магнитное поле Настоящего. Прустовские поиски утраченного времени превращается у Веры в поиски утраченной родины. Казалось бы, всё просто: где родился человек, где покоится прах его предков, там и его родина. А если он ещё не родился, в духовном смысле слова? Или если страны, где он родился, больше нет? Вроде бы есть у человека родина. А вроде бы её и нет. Или – вместо одной родины неожиданно появляются сразу несколько, причём такая множественность для человека естественна и органична.

Ведь мы потеряли родину после распада СССР, это факт. И где нам теперь её искать? Стихи Веры Зубаревой поднимают эти «шекспировские» вопросы. Для меня подобный поиск – «знак качества» и книги, и личности поэта: *«Вдоль полнолуний с полноводьями, / минуя город и вокзал, / все ехали навстречу родине, / но где она, никто не знал»*. В новой книге Зубаревой – всё в движении: поезда, трамвайчики, родины. Что есть родина? «Сумма одиночеств» или нечто большее? С чего начинается родина? Каждый читатель «Трамвайчика» по-своему ответит на этот вопрос.

У меня сложилось впечатление, что живая история Одессы, рассказанная поэтом в новой книге, идёт под аккомпанемент блоковских «Двенадцати». Послушайте:

Ветер в городе,
на море шквал,
по всем каналам
штормовое предупреждение,
всё перекраивается,
трещит по швам,
спутаны злые и добрые гении.

Разгул подворотен,
голодранцы ветра
выпускают мусор
на радость мухам,
теперь он свободен,
и грохочет «ура»,
и расстреливает улицу,
воспрянув духом.

Ветер, ветер…
Где Блок,
Где Бог…
Город уже не тянется к истине.
Город измучен,
Город продрог,
Город тулится к своей пристани.

Конкретный ураган вырастает у Веры Зубаревой в смерч времени, который грозит стереть с лица земли не только город, но и всё, что было дорого и близко человеку в этом городе. Общая тревога передаётся и поэту – *«перед стихами плохо спится»*. Или так: *«Прорвало дамбу – / Строчки, строчки, строчки»*. Удивительно, но общая «стихийность» объединяет бедствие и сотворение.

Какой там сон,
Когда стихи идут,
Спешат, торопят, не дают отсрочки!
Отрезанный ломоть –
Все там, я тут.
Прорвало дамбу –
Строчки, строчки, строчки.
Идут стихи, а, может, не стихи,
А, может, звёзды падают в копилку,
А, может, рыб роятся косяки –
Тех, что у Бога только на посылках.
Рождённые в созвездье рыбарей,
Они несутся из морей небесных,
А я ловлю их из своих морей –
Между Омегой, Альфой и Одессой.

У поэта и у Бога есть одна святая даль. В книге Веры существует своего рода тайнопись, более глубокие уровни и пласты понимания. Зададимся вопросом: почему лёгкий «Трамвайчик» дублируется и дополняется другим названием – «Между Омегой, Альфой и Одессой», строчкой из приведённого выше стихотворения? Альфа и Омега – первая и последняя буквы древнегреческого алфавита. Согласно Откровению Иоанна Богослова, Альфа и Омега – это имя Бога в христианстве. Вспоминаем афоризм Веры Зубаревой: *«Поиск родины – как поиск Бога»*. И, получается, «Трамвайчик» Веры ходит между Богом и Одессой, между родиной и Богом. Вспоминается в связи с неправильно выбираемыми героиней дорогами и «Другая дорога» Роберта Фроста. Новая книга автором хорошо продумана, её «ведёт» цепкая внутренняя драматургия. Одесские стихи продолжаются у Веры Зубаревой стихами о путешествиях. «Лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянии». Вена и Венеция словно бы въезжают в Одессу на трамвайчике Веры. Замечательные города, но сердце поэта остаётся с родным городом. Это какая-то мистическая, не до конца понимаемая связь:

Снится Город в дожде.
Снится город в ветрах.
Отраженье в воле
Разбивается в прах.
Снится город-туман,
Снится город-фантом,
Хлещет море из ран,
И рассыпался дом.

Мне его не спасти.
Мне ему не помочь.
Я иду к нему каждую чёртову ночь.
И врезаюсь во мглу,
И стою на ветру,
И зову.
И сама рассыпаюсь к утру.

У Веры Зубаревой Одесса, как и блоковский Питер – город-фантом. Почему наши родные города словно бы исчезают и превращаются в фата-моргану? Что-то неуловимо меняется в их наполнении, даже если архитектурное обрамление остаётся тем же, что и в годы юности. Меняемся мы – и не узнаём родной город. Тянемся к нему через десятилетия, через другие страны, пытаемся «дважды войти в одну реку». Если бы мы не уезжали из города, мы бы, возможно этого не почувствовали, меняясь синхронно с его духом и его очертаниями.

На родине человеку важен Дом. Дома у Зубаревой многообразны. Вот у неё «дома-дворяне», «рыцари без страха и упрёка». А вот «дом-шулер, дом-обманщик, дом-притворщик, дом-лицедей, дом-лицемер и проч.». Как и в случае с Городом, Дом у поэта – живое существо. Он – *«как будто бы сапёр, на минном поле жизни подорвался»*. Дом – малая ячейка Города. И он так же загадочен и мистичен в силуэте времён.

Новая книга Веры Зубаревой полистилистична. Но такая полистилистика органична для автора. Ей удаются как простые зарисовки, так и глубинные рассуждения, связанные с анализом и синтезом. Бликами Блока в тексты периодически врывается мистика. Сюжеты перетекают друг в друга, взаимно отражаясь, как зеркала. «Трамвайчик-2» – это именно книга, а не собрание подборок. Убеждён, именно в такой последовательности стихотворений творческий замысел автора просматривается наиболее чётко. Что подкупает в творчестве Зубаревой? Жизнь у неё правдива и в красоте, и в трагичности. Поэт находит в новой книге образы, которые надолго остаются в памяти читателей. *«Плавает ночь в бухте чернильницы». «Волны катятся, словно пустые бутылки». «Поиск родины – как поиск Бога».*

Одесса 1943 года трагически перекликается в книге с Одессой 2014-го. Город у Зубаревой выступает как живое существо, стонет, плачет. Гимн городу тонет порой в слезах. Это удивительное разнообразие регистров души поэта. Персонификация Города и Дома достигает высочайшей степени перевоплощения. Книга Веры выстроена необычно: она заканчивается не грёзами о светлом будущем, а трагедией 2 мая. Обычно книги строятся по-другому: вначале – о грустном, а потом, чтобы не заканчивать на минорной ноте – о чём-нибудь хорошем, жизнерадостном: жизнь, несмотря ни на что, продолжается! Но я понимаю и принимаю концовку Зубаревой. Мне видится в такой драматургии гражданская позиция автора: случившееся в Одессе 2 мая 2014 года не должно повториться! Это открытая рана на теле любимого города. Книга Веры по своему потенциалу достойна, на мой взгляд, не рецензии, а диссертации. А закончить я хочу цитатой из авторского предисловия к книге:

«Одесса – город, направленный на созидание, город радушный и открытый, но не лежащий на поверхности. Не всё в нём доступно стороннему взгляду, в особенности сейчас, когда колорит легендарной Одессы пожух, ушёл в подполье. Но он ещё воспрянет стараниями одесситов, выйдет из своих катакомб, расцветёт своим самобытным цветеньем и зазвучит в точности по Пушкину, адресовавшему Одессе эти строки:

«И скоро звонкой мостовой
Покроется спасённый город…»

ЗЕРКАЛО РАДОСТИ

(Сады и бабочки. Антология помнящих об утраченном рае. XIX, XX и начало XXI века / сост. Ю.А. Беликов. – СПб., Алетейя, 2022. – 514 с., ил.)

Есть прекрасная история, рассказанная музыковедом Михаилом Казиником. Она – о том, что в самые страшные времена человек не портретирует в своём искусстве ужасы, а тянется к свету, чтобы приободрить не только себя, но и других страждущих. Немецкий протестантский священник, композитор и поэт 16-го века Филипп Николаи во время разгула чумы, когда треть жителей города погибла, решил морально помочь своей пастве. Он читал людям свою книгу, которая называлась «Зеркало радости». Один из гимнов взывал: «Пробуждайтесь! Слушайте Голос!». Оставшиеся в живых люди пели этот гимн под звуки органа, и всё это имело колоссальный психологический эффект.

Я вспомнил эту историю не случайно. Замечательный пермский поэт Юрий Беликов, «дикоросс», прозванный «махатмой русских поэтов», тяжело заболел. Затем у него заболела ещё и старенькая мама, и, в довершение всех бед, мир охватила пандемия ковида. Что же делает Беликов? Он дарит людям в это апокалиптическое время глоток чистой радости – поэтическую антологию «Сады и бабочки». Вот как об этом в разделе книги, который называется «За оградой», пишет поэт Юрий Годованец: *«Поэт-*

дикоросс Юрий Беликов / послал нас на поиски сада. / Не поля, не леса, не клумб – / послал нас на поиски берега, / где выйдет из моря рассада, / и встанет на сушу Колумб!». Конечно, выходят у нас сейчас и «ковидные» антологии. Их авторы стремятся правдиво отобразить время, засеянное семенами вирусов. Но в таком отображении, на мой взгляд, нет главного – взгляда в будущее. Ибо, как говорил Соломон, всё пройдёт, в том числе и самое страшное.

Вспоминаются строки Высоцкого из «Белого безмолвия»: «Наше горло отпустит молчание, наша слабость растает, как тень, и наградой за ночи отчаянья будет вечный полярный день». Надо дать людям немного мажора! Минор повсеместен, и он уже не укрепляет, а угнетает человека. Это хорошо понимает Юрий Беликов, поэт-подвижник русского безрубежья. Он – «сторож сада». В течение нескольких лет Юрий был занят «вылавливанием мотыльков и бабочек в пространстве более чем двух веков русской поэзии». Антологию благословил в добрый путь, уходя в мир иной, Евгений Евтушенко. Огромную помощь в её формировании оказала Беликову Лидия Григорьева, «августейшая садовница». Она без устали фотографировала цветы в своём лондонском саду. Фотографировала бабочек, садящихся на цветы. Конечно, цветные иллюстрации не делают книгу дешевле. Но насколько богаче поэзия о садах и бабочках вместе с фотографиями! Скажу больше: радость читателя начинается с фотоснимков, и только затем уже доходит до стихов. Однако фотографии не уходят из памяти, покуда держишь в руках эту книгу.

Антология о садах и бабочках, изданная на шикарной бумаге, целомудренна в плане расположения стихотворений на отдельно взятой странице. Бумага не экономится, и даже самые короткие произведения не дополняются на странице другими стихотворениями. Книга составлена бережно, честно и принципиально. Если у самого прославленного нашего классика, например, у Пушкина или Лермонтова, нет стихов о садах или о бабочках, этого классика среди авторов тоже нет. Антология составлена только из тех видных поэтов, у кого такие стихи есть. Сады и бабочки помогают талантливому изыскателю Юрию Беликову объединить под одной обложкой авторов разных направлений и эстетических платформ. Классики естественным образом соседствуют в книге с ныне живущими поэтами. Словно бы между ними ведётся по поводу садов и бабочек «тайная перекличка».

Книга внушает доверие с первого взгляда. Мне сразу понравилась её обложка, но я долго не мог понять, почему. А потом до меня, наконец, дошло: это же Одилон Редон, мой любимый французский художник-символист. Я даже оформил его работой одну из своих ранних поэтических книг. «Поклон – из века в век перелетая – французскому живописцу Одилону Редону, чьи бабочки осуществили плавное и весёлое десантирование на обложку антологии», – говорит Юрий Беликов.

Сразу скажу: в книге есть сюрпризы. В антологии представлены, например, стихи известного романиста и общественного деятеля Александра Проханова («Меня считали странным чудаком…»). Для меня было откровением, что он вообще пишет стихи. Я уж подумал было, что я один такой несведущий, однако не знает об этом даже Википедия. А Юрий Беликов знает! Кому-то не по душе имперские взгляды писателя, однако, дело антологии – как раз не обращать на это внимание, быть «над» правыми, левыми и прочими «цветными». В книге, так или иначе, присутствуют представители всех сколько-нибудь значимых направлений, сообществ и поэтических групп 19-21 вв., и это её несомненное достоинство. Некоторые авторы выступили, скажем так, в нестандартной, несвойственной для себя роли. Например, авангардистка Света Литвак представлена здесь стихотворением, написанным классическим четырёхстопным анапестом («Это дивного сада живая картина…»).

Сады и бабочки – это живые существа, которые органично дополняют друг друга, формируя единое целое. Шиллер и Гёте, Лаура и Петрарка, Тристан и Изольда… Сады и бабочки – также в мысленном ряду «скованных одной цепью», в них тоже есть что-то родственное и взаимно обусловленное. Бабочка не может жить без сада, а цветущий сад будет грустным и пустым без ярких, карнавальных бабочек. Юрий Беликов и Лидия Григорьева хорошо это прочувствовали. Я испытал на себе тонкую заботу составителя книги. Он просил разрешение на публикацию в антологии моего стихотворения «Бабочка», и мы уточнили некоторые детали. А ведь авторов в книге очень много, и внимание нужно было оказать каждому. Титаническая работа! Но стихи выбирал именно Беликов, поэтому «Сады и бабочки» – бесконечно «авторская» антология. Горячая, пристрастная, живая. За это мы ему и признательны. Книга, изданная замечательным питерским издательством «Алетейя», была представлена на московской книжной выставке-ярмарке нон-фикшн.

Миллионами чёрных бабочек
не вычерпать ночи,
И поэтому мчит
виночерпий-поэт
В бесконечную страну
звёзд-многоточий,
Где миллионы белых бабочек
рождают
рассвет.

«КОНКРЕТИКА ОТ КРИТИКА»

СОЛНЦЕ ИЗ РУК В РУКИ
ЗАМЕТКИ О ВИДЕОКЛИПЕ ИГОРЯ ЕВАРДА

(Игорь Евард[1], Марбейя[2]. Видеоклип. – М., Evard Art, 2021)

Это романтичное видео хочется смотреть бесконечно. Слышен шум моря, мужчина и женщина танцуют на фоне солнечного морского пейзажа. Женщина будто соткана из мужских грёз – красивая, лёгкая, волнующая, желанная. Морские волны одна за другой набегают на песчаный берег. Солнце на кончиках пальцев соединяет судьбы, переплетает руки и сердца, и мы становимся свидетелями таинства.

Герои клипа Игоря Еварда – из когорты счастливых. «Улыбка глубже, чем слёзы, – говорит композитор, – плакать может каждый, а вот улыбнуться в тяжёлую для себя минуту могут немногие». Счастье, по Еварду, – это полнота бытия, красота человеческого духа. Его «Марбейя» – поэзия в широком смысле слова, вдохновение и священнодействие.

Музыка Игоря Еварда словно бы создана для сопровождения лучших моментов жизни, когда человек неизмеримо, несказанно, неслыханно счастлив. Композитор давно влюблён в Испанию. Эта любовь возникла не случайно. Побывав однажды в этой южной стране, Игорь напитался её музыкой, солнцем, праздничным настроением. Всё это мы ощущаем в «Марбейе». Клип длится всего четыре минуты, но за это короткое время мы проживаем, вместе с его героями, красивую историю любви. Под звуки волшебной музыки рядом с художником возникает мольберт, а рядом с мольбертом – четвероногий друг, который интуитивно чувствует настроение хозяина, его симпатию к женщине. Мы слышим, как сыплется песок, дует морской бриз, звучат шаги незнакомки. Возникает магия, волшебство, и мы заворожённо следим за танцем влюблённых.

Игорь Евард выступает в новом проекте не только как композитор, но и как продюсер, режиссёр-постановщик, актёр, сценарист и даже режиссёр монтажа. Поэтому всё полотно смотрится как единое целое. Работая над клипом, композитор пригласил для исполнения своей солнечной песни Сергея Писарева, солиста театра Новая Опера им. Е.В. Колобова. Голос певца звучит страстно, нежно, бархатно, призывно. Романтический голос заполняет собой всё пространство, перекрывая рокот волн. Выбор Сергея Писарева для исполнения вокальной партии был попаданием в десятку. Роль незнакомки убедительно сыграла питерская актриса Есения Раевская. Она воздушна, нежна, загадочна. Такая женщина – мечта поэта. И, конечно, мечта художника, которого сыграл сам композитор.

В фильме Еварда создаётся глубокое внутреннее пространство: театр в театре, сюжет в сюжете. Художник пишет картину. Оператор снимает фильм о том, как на чистом белоснежном холсте возникает изображение. На горизонте появляется женщина, сотканная из грёз художника. Они вдохновенно танцуют, и язык тела подчёркивает движения души, а лучи солнца соединяют влюблённых в одном фокусе. «Друг друга отражают зеркала», – говорил поэт Серебряного века Георгий Иванов. На какое-то мгновение герои расстаются, но мы верим, что у этой истории будет счастливое продолжение.

В «Марбейе» есть своя загадка. Где происходит действие – на холсте или наяву? Загадочность придаёт видеосюжету объёмность, создаёт предпосылки для зрительского домысливания. Герои танцуют танго – и картина оживает. А, может быть, всё происходит именно на холсте? Жизнь словно бы перетекает из одного сосуда в другой, из реальности – в фантазию, из фантазии – в реальность. Видеоряд гармонично соединяет живопись, поэзию и музыку.

Игорь Евард всё время ищет новые художественные формы. «Марбейя» – классический кроссовер, сочетающий в себе достоинства традиционной и популярной музыки. Страстная босанова с цыганскими подголосками лирична, напевна и возвышенна. Еварду удалось увлечь и объединить своей идеей съёмочную группу. Профессионалы из разных городов, привлечённые композитором-постановщиком,

работали креативно и с большим желанием. Их вдохновила совместная работа с ярким человеком Возрождения, сеющим «разумное, доброе, вечное».

Когда я писал эту статью, «Марбейя» была высоко оценена на конкурсе видеоклипов в Торонто, став победителем сразу в двух номинациях. А ещё были победы на кинофестивалях в Стамбуле, Токио, Берлине и других городах. Фестивали разных стран наградили Игоря Еварда в номинациях «лучшее музыкальное видео» и «лучший композитор». Мы видим на примере Еварда, что русский автор способен создавать музыкальные полотна, востребованные во всём мире. На мой взгляд, новая работа Игоря будет интересна не только музыкантам, но и людям других творческих профессий. Влюблённые и просто ценители красоты не останутся равнодушными, поскольку эта музыка экспортирует счастье и несёт в себе заряд красоты, над которой не властно время. Это тоника, куда хочется возвращаться из путешествий по ступеням своего музыкального лада.

---

[1] Игорь Аркадьевич Евард – композитор, автор многих симфонических и камерных произведений, вокальных циклов на стихи Лермонтова, Гарсия Лорки, Артюра Рембо, Анны Ахматовой и других поэтов. Член Союза композиторов России, кавалер ордена им. М. Балакирева «За беззаветное служение художественному образованию России», президент международного конкурса современной музыки «Композитор XXI века».

[2] Название города Марбельи дано в испанской транскрипции.

ББК 84 (4 Укр-4 Оде) 62я45
Ю 195
УДК 821.161.1'06 (477.74) – 94

Підписано до друку 22.02.2022 р.
Формат 60х70/8. Гарнітура Garamond Narrow.
Папір офсет. Друк офсет. Ум. друк. арк. 22,82
Зам. 1452. Тираж 500 прим.

Видавництво КП ОМД (свід. ДК № 774 від 17.01.2002 р.)
Надруковано в КП «Одеська міська друкарня»
65012, Одеса, вул. Пантелеймонівська, 17